Олдос Хаксли

Бесполезные листья

перевод

Лино Валландро

Видаль Серрано

СИНЯЯ БИБЛИОТЕКА

Ответственный редактор: Ана Лима Сесилио

Помощник редактора: Эрика Н огейра Виейра

Цифровой редактор: Эрик Сантос Кардосо

Подготовка: Тьяго Блюменталь

Обзор: Роджерио Трентини

Схема: Jussara Fino

Обложка: Тьяго Лаказ

Автор фото: Fred Stein Archive *Archive Photos* Getty Images

CIP-БРАЗИЛИЯ. КАТАЛОГИЗАЦИЯ В ПУБЛИКАЦИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ИЗДАТЕЛЕЙ КНИГ, RJ

Хаксли, Олдос, 1894-1963 Гг.

H989f 2. Эд. Бесполезные листья / Олдос Хаксли; перевод Вера Капуто. -

2. Эд. - Сан-Паулу: Biblioteca Azul, 2014.

432 с.: ил. ; 21 см.

Оригинальное название: Those Barren Leaves

ISBN 978-85-250-5811-9

1. Английский роман. И. Капуто, Вера. II.название.

CDD: 813

1444941 ХДС: 821.111 (73) -3

Издательство Globo S. A.

АВ. Ягуаре, 1485 г.

05346-902 Сан-Паулу-СП

www.globolivros.com.br

Конспект

Обложка

Титульный лист

Кредит

Бесполезные листья

Первая часть-ночь в доме миссис Олдвинкл

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Вторая часть-фрагменты автобиографии Фрэнсиса Челифера

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Третья часть-параллельная любовь

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Четвертая часть-путешествие

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Пятая часть-выводы

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Работы Олдоса Хаксли по голубой библиотеке

Записка

Бесполезные листья

Первая часть

Ночь в доме миссис Олдвинкл

Глава 1

Небольшой городок Везза находится в месте слияния двух потоков, которые с холмов Апуан спускаются через

две глубокие долины. Бурно-потому что они все еще несут в памяти свои источники на горе

- реки, Соединенные, пересекают город; в Веззе тишина-это непрерывный звук воды. Затем, в

мало, маленькая река меняет характер; долина расширяется, горы остаются позади, а воды,

спокойные, как у голландского канала, они плавно скользят по лугам прибрежной равнины и

смешиваются со спокойным Средиземноморьем.

Возвышаясь над Веззой, крутой мыс выступает как клин между двумя долинами.

Рядом с вершиной и установлен среди курганов и высоких кипарисов, которые мрачно выделяются

над оливковыми деревьями, окутанными туманом, находится большой дом. Торжественный и нерегулярный фасад с двадцатью

широкие окна, он смотрит на город сверху, через кипарисы и оливковые деревья. Назад и дальше, как будто

поднимаясь по задним склонам, можно увидеть ряд неправильных построек. Все это освоено

высокой узкой башней, которая, как итальянские башни, расширяется наверху, образуя балестиры

угрожающий. Это Летний дворец Cybo Malaspina, когда-то принцев массы и Каррары, герцогов

из Веззы и маркизов, графов и баронов из других соседних поселений.

Дорога, ведущая из Веззы во дворец Кибо Маласпина, крутая, расположена на горе

о городе. Солнце Италии способно сиять более ярко даже в сентябре, и мало

тень может обеспечить оливковые деревья. Молодой человек с остроконечной шляпой и подвесной кожаной сумкой

на плече медленно и утомительно толкает свой велосипед в гору. В любой момент останавливается, вытирает

лицо и вздыхает. Это был проклятый день, иди и подумай, очень, очень черный день для бедных.

почтальоны Vezza тот, в котором сумасшедшая старая англичанка с невозможным именем решила купить

дворец; еще хуже был день, когда она решила жить в нем. Раньше это место было почти пустым, нет

если бы несколько крестьянских семей жили во внешних домах; это было все. Ничего, кроме

одно письмо в месяц между всеми этими семьями, а что касается телеграмм… никогда не было ни одного

телеграмма во дворец, которую он помнит. Но это счастливое время закончилось, и это были письма,

это были пакеты газет и посылок, это была экспресс-переписка и телеграммы - не проходило ни одного

один день, даже не час за весь день, без того, чтобы кто-то из Курьера поднимался на

этот проклятый дом.

Это правда, продолжал думать молодой человек, что всегда есть хорошие чаевые за телеграмму или

экспресс-письмо. Но, будучи разумным молодым человеком, он предпочитал безделье, если у него был выбор, деньгам. А

затраченная энергия не стоила трех франков, которые она получит в конце восхождения. Деньги не приносят

удовлетворение, когда нужно работать на него; потому что, когда кто-то работает, чтобы заработать его, нет времени

чтобы потратить его.

Идеал, размышлял он, когда он снова надевает шляпу и снова возобновляет восхождение, идеалом было бы выиграть

большой приз в лотерее. Действительно большой приз.

Он достал из кармана лист бумаги, подаренный ему в то же утро нищим в

обмен на несколько копеек. На нем были напечатаны пророческие обряды удачи-и какая удача! О

нищий был довольно щедрым. Молодой человек женится на девушке, которую любит, будет иметь двоих детей, станет

один из самых зажиточных купцов города и доживет до восьмидесяти трех лет. В этом оракуле он

мало верил. Только последняя строфа казалась ему — хотя было трудно объяснить, почему — достойной

внимания. Она специально дала хороший совет:

Для тех, кто хочет fager

Хороший костюм в лото,

Сыграйте семерку и дегессей,

К пятидесяти восьмым силам

Молодой человек перечитывал его несколько раз, пока не украсил; затем он сложил бумагу и снова убрал ее. Семь, шестнадцать и

пятьдесят восемь — в этих цифрах было что-то действительно привлекательное.

Сыграйте семерку и шестнадцать,

Объединился в пятьдесят восемь.

Он был вполне готов сделать то, что советовал оракул. Это было заклинание, формула

магия, чтобы захватить удачу: с этими тремя числами нельзя было проиграть. Он думал о том, что

я бы сделал это, когда выиграю. Решался вопрос о том, какую машину он купит — одну из новых Lancias с двигателем

14/40 лошадей было бы более элегантным, чем Fiat, и менее дорогим (даже несмотря на его большое состояние

он сохранял рассудительность и сберегательные привычки), чем Isotta Fraschini или Nazzaro —

когда он добрался до лестниц дворца. Прислонил велосипед к стене, поднялся и, отпуская длинный

вздохнул, позвонил в звонок. На этот раз дворецкий дал ему только два франка вместо трех. Так и есть

жизнь, подумал юноша, спускаясь по склону через лес серебряных оливковых деревьев в сторону долины.

Телеграмма была для миссис Олдвинкл; но в отсутствие хозяйки дома, которая ехала на машине с

все остальные его гости в пристань для яхт Вецца, чтобы провести день на пляже, дворецкий передал его

Мисс. Триплоу.

Мисс. Триплоу находился в маленькой мрачной готической комнате в самой старой части дворца,

сочиняя четырнадцатую главу своего нового романа на пишущей машинке Cor ona. Она

на нем была хлопковая туника с принтом-из огромного синего пледа на белом фоне, в стиле

шотландский-длинный и довольно широкий; туника, которая была одновременно немодной и чрезвычайно

современная, юная и продвинутая, скромная и более раскрепощенная, чем у девушек из Челси. Лицо, которое

она вернулась к дворецкому, когда он вошел в комнату, она была очень мягкой, круглой и бледной, так

мягкий и круглый, что никто не приписал бы его ей, в ее тридцатилетнем возрасте. Черты лица были нежными

и регулярные, глаза, светло-коричневые; и изогнутые брови выглядели нарисованными в маске

из фарфора Восточной кистью. Волосы были почти черными, и она носила их вытянутыми назад

со лба и завязаны в большой пучок на затылке. Обнаруженные уши были альвами и маленькими. О

лицо было невозмутимым, как у куклы, но у необычайно умной куклы.

Она взяла телеграмму и открыла ее.

- Это от мистера Калами — - объяснил дворецкий. - Он говорит, что приедет в половине третьего и приедет сюда.

Думаю, хорошо подготовить его комнату.

Дворецкий ушел в отставку; но вместо того, чтобы продолжить свою работу, Мисс Дж. Thriplow откинулся на спинку кресла

стул и закурил сигарету.

Мисс. Триплоу спустился в четыре часа после сиесты, одетый не в сине-белую тунику, которая

он носил его утром, но со своей лучшей вечерней туникой — из

черного шелка, с белой окантовкой на

конец юбки и рукава. Их жемчужины на черном фоне выглядели особенно ярко.

Они были также в альвах и маленьких ушах, а руки были покрыты кольцами. После

из всего, что хозяйка дома рассказывала ей о Калами, она чувствовала потребность во всех этих

приготовился, и был рад, что его неожиданное прибытие произошло, когда его больше не было

никто в доме не будет иметь возможности лучше узнать друг друга. Ей было бы легче

делать то, что было правильно, потому что благоприятное первое впечатление всегда очень важно.

Судя по тому, что миссис Олдвинкл сказала о нем, Мисс Олдвинкл сказала о нем. Thriplow был уверен, что уже знает, какой тип

человек был. Богатый, красивый и очень галантный! Миссис Олдвинкл, конечно, простиралась и

превосходно в отношении последнего качества. Самые изысканные дамы преследовали его; это было

довольно хорошо известен в лучших и самых ярких социальных колесах. Но речь шла не только о

одна из этих мотыльков, настояла миссис Олдвинкл. Напротив, он был умным, в основном серьезным,

интересуется искусством и так далее. Более того, он покинул Лондон на пике своего успеха

и путешествовал по миру, чтобы обогатить свои знания. Да, Калами был действительно серьезным человеком. А

Мисс. Триплоу слушал все это с оговорками; он знал слабость миссис Олдвинкл, чтобы заставить себя выглядеть

и их привычка, когда они, по общему признанию, были в дефиците, поощрять

ваши обычные друзья в категории знаменитостей. Убивая обычные семьдесят пять процентов

комплименты, Мисс. Триплоу представлял себе Калами, который был одним из хранителей природы, одаренным, как

они, как правило, Хранители того уважения и простого почтения к тайнам искусства, которые они делают

эти аристократы-самоучки часто посещают салоны, в которых можно встретить интеллектуалов, приглашают

поэты для дорогих обедов, покупают кубистские картины и даже тайно пытаются писать

стихи или рисовать свои собственные холсты. Да, да, подумала Мисс. Триплоу, я очень хорошо знал этого парня. Быть

вот почему он приготовился таким образом-надев этот шедевр элегантности, эти жемчужины,

эти кольца. Поэтому он старался в то же время выглядеть экстравагантно, как блестящие женщины,

хорошо рожденные и двусмысленно выглядящие, за счет которых, по словам миссис Олдвинкл, он получил свои

величайшие любовные триумфы. Потому что мисс. Триплоу не хотел быть обязан ни одному из своих успехов с этим

молодой-и ей нравилось быть успешной со всеми — к тому факту, что она писательница

очень хорошая репутация. Хотел, так как он был хранителем природы со случайной слабостью к

художники, представляющие себя хранителем природы, чей писательский талант был столь же случайным

и поверхностно. Я хотел показать ему, что я соответствую всей этой среде высшего общества, несмотря на

когда-то она была бедной и даже домработницей (и, зная ее, Мисс Марвел). Триплоу был уверен

что миссис Олдвинкл не преминула сказать ему об этом). Она будет приветствовать его на равных условиях,

Хранитель для Хранителя. После этого, когда он оценил ее за эти качества, они могли

говорить об искусстве, и у него будет возможность восхищаться ею за ее стиль, а также яркой молодой женщиной из ее

собственный класс.

Первое видение, которое она получила от него, подтвердило ее уверенность в том, что она правильно надела все драгоценности и

эффектный костюм. Потому что дворецкий заставил войти в комнату решительно молодого человека из тех, кто на обложках

журналы, они касаются своими красными губами женщин, которых они выбрали. Нет, это было невежливо. Он

это не было ни невероятно красивым, ни глупым, как обычно. Это был только один из них

очень привлекательные, воспитанные и необразованные существа, которые иногда являются хладнокровием в группе

интеллигенция. Смуглый, голубоглазый, высокий и задорный. Опасно превосходящий и обладающий славой

безопасность тех, кто родился богатым, в сильном и привилегированном положении; немного наглый, возможно, в

уверен в своей красивой внешности, в воспоминаниях о своих любовных успехах. Но от наглости

ленивый; жареные перепела падали ей в рот; любые усилия были ненужными. Его длинные

ресницы слились в сонное высокомерие. С первого взгляда она знала все об этом человеке; ах,

слышала.

Он стоял перед ней, глядя ей в лицо, улыбаясь, с любознательно поднятыми бровями,

совершенно по желанию. Мисс. Thriplow настроил его почти так же дерзко. Она тоже

я умел быть наглым, когда хотел.

- Это мистер Калами — - наконец-то сообщила она ему.

Он склонил голову.

- Меня зовут Мэри Триплоу. Все вышли. Я сделаю все возможное, чтобы развлечь вас.

Он снова поклонился и пожал руку, которую она протянула ему.

- Лилиан Олдвинкл уже много говорила о себе — - сказал он.

Что она была гувернанткой?, вообразил Мисс. Триплоу.

- Многие другие люди тоже говорили о вас, - продолжил он. - Помимо своих

книги, конечно.

- О, не будем о них говорить, - сказала она, двигая рукой, как бы отодвигая дело в сторону. — Быть

не относящиеся к делу, это просто старые книги, которые кто-то

написал. Не имеет значения, потому что они были написаны

человек, который перестал существовать. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Единственная книга, которая имеет значение

тот, который пишется. И в тот момент, когда он публикуется, и люди его читают, этот тоже

делает это неуместным. Так что нет ни одной книги, написанной кем-либо, о которой стоит

поговорить. - Мисс. Триплоу говорил нагло, немного затягивая слова, улыбаясь

когда он произносил их и смотрел на Калами с прищурившимися глазами. - Давайте поговорим о вещах больше

интересно, - заключил он.

- Времени, - предложил он.

- Почему бы и нет?

- Ну, это тема, о которой я могу говорить прямо сейчас с большим интересом, я бы сказал

даже при определенной жаре. - Он достал из кармана цветной шелковый платок и провел им по лицу. —

Эти пыльные равнинные дороги как ад. Я никогда не видел ничего подобного. Признаюсь, что иногда,

под ослепительным итальянским солнцем я с нетерпением жду меланхоличного серого Лондона, дымчатого зонтика,

туман, скрывающий здание в нескольких метрах и заставляющий его исчезать из поля зрения любого

следы комаров.

- Я помню, как встречалась с сицилийским поэтом, - сказала мисс. Thriplow, изобретая

бездумно этот преемник Феокрита, который сказал то же самое. Только он предпочел Манчестер.

Беллиссима Манчестер! — Она закатила глаза, сложив ладони. - Он был образцом

великолепная коллекция странных животных, которые часто посещают дом леди Трунион. - Дом леди

Trunion был одним из тех залов, в которых Хранители и Хранители природы могли найти то, что

было более комично и странно; другими словами, художники. Используя слово" коллекция", Мисс Марвел использует слово "коллекция".

Триплоу поставил себя вместе с Калами на сторону стражей.

Но эффект, который талисманное имя оказало на Калами, оказался не таким, как ожидалось.

- Эта жуткая дама продолжает получать? - спросил он. - Вы должны помнить

что я отсутствовал больше года;я не очень в курсе.

Мисс. Триплоу быстро изменил выражение лица и тон голоса. Улыбаясь с знающим

презрение, сказал:

- Но она ничто перед леди Гиблет, не так ли? Если ты действительно хочешь ужаснуться, не

прекратите посещать ее. Его дом определенно mauvais lieu. - Она двигала рукой, полной колец

из стороны в сторону, жестикулируя, как эксперт по ужасам.

Калами не совсем согласился.

- Гиблет, пожалуй, самый вульгарный, но не самый худший — - сказал он тоном и с

откровенное выражение того, кто знал, что он сказал, и кто в глубине души не любил эти удовольствия

социальный. - После того, как я был в течение года или около того, вернуться к цивилизации и найти

одни и те же старые люди делают одни и те же глупости, это удивительно! Как минимум ожидается, что

все будет совсем по-другому. Я не знаю почему; может быть, потому что я сам сильно отличаюсь. Но все

он остается точно таким же. Giblet, Trunion или даже, Давайте будем откровенны, наша хозяйка, хотя

честно говоря, я чувствую глубокую привязанность к нашей бедной и дорогой Лилиан. Там нет ни малейшего изменения.

О, это гораздо больше, чем удивительно, это определенно ужасно!

Именно в этот момент в разговоре Мисс бьютиен сказала: “я не знаю, как это сделать”. Триплоу понял, что совершает огромный обман,

идя по неверному пути. Еще одна секунда, и она совершила бы ужасное заблуждение в

социальное суждение; совершила бы то, что она называла в самые веселые моменты “оплошностью”. Мисс.

Триплоу был очень чувствителен к своим оплошностям.

Воспоминание об этих провалах имело способ

крепко цепляясь за его дух, создавая раны, которые стоили ему закрыть. Шрамы, старые следы

время от времени они все еще болели. Внезапно, без всякой причины, посреди ночи или самой оживленной

праздник-таким образом, по предложению боттеса, - она помнила и была захвачена

авторское чувство ретроактивного упрека и стыда. И для этого не было никакого лекарства, никакого

духовная профилактика. Нужно было сделать все, чтобы изобрести триумфально правильные альтернативы и

дипломатические для оплошности-представьте себя, например, шепотом сестре Фанни на ухо предложение

сладкая вместо другой горькой и оскорбительной; видеть, как вы покидаете себя со всем достоинством студия

Бардольф и выходит в маленькую грязную улочку, проходя мимо дома с канарейкой, висящей в окне (один

изысканное прикосновение, канарейка) и двигаться дальше, далеко-когда на самом деле (о, Господи, что

глупо и как ты себя чувствовал несчастным после этого!), должен был остаться. Нужно было делать все, что угодно.

возможно; просто невозможно было убедить себя, что оплошности не произошло. Воображение боролось за

уничтожить ненавистное воспоминание, но у него не было сил добиться решающей победы.

И теперь, если бы она не была осторожна, она совершила бы еще одну оплошность, чтобы занять и нагноить ее

память. Как я могла быть такой глупой, подумала она,как это вообще могло быть? Потому что было очевидно, что

экстравагантное отношение, элегантная маскировка были совершенно непригодны для этого случая. Калами оставил хорошо

конечно, я не ценил такого рода вещи; возможно, я делал это раньше, но не сейчас. Если бы он продолжал действовать,

таким образом, это будет считаться просто легкомысленным, мирским и снобистским; и это займет много времени и

огромные усилия по уничтожению этого катастрофического первого впечатления.

Тайком Мисс. Thriplow заставил опаловое кольцо соскользнуть с мизинца правой руки,

он держал его на мгновение и спрятал его на левой стороне; затем, когда Калами не был

глядя, он толкнул его в зазор между подушкой сиденья и мягким подлокотником кресла.

- Ужасно, - повторила она. - Да, это именно то слово. Эти вещи ужасны. Размер

от миньонов! - Она подняла руку над головой. - Диаметр клубники! - Открыл обе руки

перед ней (все еще очень мерцающие, заметила раскаявшаяся, со всеми этими кольцами), в футах

друг друга. - Тщетность охотников на Львов! И рев львов! - Это было ненужно делать

что-нибудь с его руками сейчас; он снова уронил их на колени и воспользовался возможностью, чтобы

избавьтесь от кольца в форме скарабея и блестящих. Так же, как маг делает движения и

шумы, чтобы отвлечь внимание аудитории выполняя свои трюки, она наклонилась вперед и начала

говорить быстро и убедительно. - А теперь серьезно, - продолжил он, придавая голосу серьезность и

заставляя улыбку исчезнуть с лица, которое стало удивительно круглым, серьезным и наивным —,

как ревут эти львы! Я думаю, что это была огромная наивность с моей стороны, но всегда

я полагал, что известные люди были более интересными, чем другие. Это не так! - Он ушел.

упасть назад, почти резко, в кресло. В процессе одна из рук, казалось, застряла

случайно прикреплен к его спине. Она отцепила ее, но не раньше, чем Скарабей и сияющие

они проскользнули в укрытие. Теперь ничего не осталось, кроме изумруда, но

она могла остаться; она была довольно сдержанной и строгой. Однако она никогда не избавится от жемчуга без Калами

понимать. Никогда, несмотря на то, что люди были невероятно мало наблюдательны. Эй

кольца было легко снять, но ожерелье… И они даже не были настоящими жемчужинами.

Тем временем Калами смеялся.

- Я помню, как уже сделал такое же открытие, - сказал он. - Сначала это становится болезненным.

В некотором смысле это все равно, что позволить себе быть вовлеченным в фарс и участвовать в нем. Вы помните, что

сказал Бетховен, что он редко находил в исполнении самых выдающихся виртуозов качество

который предполагал, что имеет право ждать. Есть ли право ожидать, что известные люди будут жить

согласно их репутации, они должны быть интересными.

Мисс. Триплоу снова наклонился вперед, решительно кивнув, в анимации почти

детский. — Я знаю много незначительных и малоизвестных людей — - сказала она, - которые каким-то образом

гораздо интереснее и подлиннее, чем знаменитые. Это подлинность, которая имеет значение, не так ли?

Калами согласился.

- Мне трудно быть подлинным, - продолжила Мисс. Thriplow - когда человек является общественным деятелем или

очень хорошо известна. — В этот момент она стала действительно близкой. - Я чувствую страх, когда

я вижу свое имя в газетах, фотографы настаивают на том, чтобы фотографировать меня, или меня приглашают на званые обеды.

Я боюсь выйти из своей безвестности. Подлинность процветает только в тени. Как сельдерей. — Как

ничтожной и неясной она была! Как, так сказать, она была скромной и честной! Эти ревущие Львы

из дома леди Трунион и ее противных охотников… у них не было бы шансов пройти через дыру

игла.

- Я рад слышать, как она все это говорит,-сказала Калами. - Если все писатели

думайте, как вы…

Мисс. Триплоу покачал головой, скромно отказавшись от подразумеваемого исполнения.

- Я как Иегова, - сказала она. - Я такой, какой я есть. Вот и все. Зачем мне выдавать себя за другого

человек? Но я должен признаться, - добавил он с почти дерзкой искренностью, - я был так

запуганная его репутацией, я была склонна притворяться более мондейном, чем я есть на самом деле.

Я представлял его чрезвычайно изысканным и убежденным человеком. Это большое облегчение, чтобы узнать, что я

обмануть.

- Убежден? - повторил Калами с эсгаром.

- Судя по всему, что я слышал от Миссис Олдвинкл, ты казался мне невероятно обыденным. —

Когда она произносила эти слова, ей казалось, что она становится все более неясной и

незначительный.

Калами засмеялся.

- Может быть, однажды я был одним из этих придурков. Но теперь, ну, я надеюсь, что все

готовый.

- Я его представляла — - продолжала Мисс. Thriplow, стремясь, несмотря на свою ничтожность, быть

блестяще-я представлял его как одного из тех людей в пародии, ” прогуливаясь по парку с

друг”, вы знаете: друг, который оказывается, по крайней мере, герцогиней или известным писателем. Мочь

представьте, как я нервничал? — Она нырнула в глубины кресла. Бедняжка! Но

жемчуг, который не пришел из моря, все еще вызывал у него смущение.

Глава 2

После возобновления работы Миссис Олдвинкл встретила их на верхней террасе, наслаждаясь видом. У его ног город

де Вецца уже затмила тень большой скалистой горы, которая нависала над

равнина на западном конце двух долин. Дальше равнина все еще сияла. Он простирался под ними.

потерять из виду, как карту самого себя — дороги, нарисованные белым, реки в филе,

серебристые, сосны темно-зеленого цвета, луга и возделываемые земли образуют клетку

коричневый и изумрудный, железнодорожные пути на темно-коричневой линии, проходящей по всей длине. Е

перед последней полосой сосен и песка, темно-синего и тусклого, лежало море. В направлении этого

огромный пейзаж, обрамленный двумя горами — Восточная, все еще сияющая розовыми тонами, и Восточная

и без того глубоко темный Запад-еще одна лестница вела на террасу внизу и шла вниз,

через кипарисовые колонны, к воротам, украшенным резьбой, на полпути к предгорьям

гора.

Они стояли там в тишине, сгорбившись над балюстрадой. С тех пор, как он решил избавиться от

- Хранитель, - подумала Мисс. Thriplow, между ними все шло очень хорошо. Я мог видеть, что он

он ценил его сочетание моральной наивности с умственной изощренностью, блеска с

подлинность. Он не мог понять, почему ему пришло в голову притворяться кем-то другим, кроме

просто и естественно. В конце концов, это то, чем она была на самом деле — или, по крайней мере, решила, что она должна быть.

Из входного двора в западном крыле дворца до них дошли звуки рога и голосов.

- Вот они — - сказала мисс. Триплоу.

- Я бы предпочел, чтобы их не было, - запротестовал он со вздохом. Поднявшись, он повернулся спиной к

пейзаж и повернулся к дому. - Это как бросать камень в воду озера; я имею в виду все

этот шум.

Мисс. Триплоу мысленно включил себя в чары вечернего спокойствия и принял

комментарий как приветствие.

- Когда человек чувствителен, он всегда должен терпеть осколки кристаллов.

Из громадных эхом залов дворца можно было услышать звук приближающегося голоса.

- Калами, - звал кто-то, - Калами! - Каждый слог имени произносился в

модуляция, которая варьировалась от низких до высоких, без какой-либо музыкальности, но в последовательности тонов

неопределенные и не связанные. - Калами! - Это было такое же расплывчатое и атональное призвание, как дыхание

сочлененный. Раздались поспешные шаги и шелест тканей. Высоко на ступенях террасы, на

огромный и внушительный вход, появилась миссис Олдвинкл.

- Вот и ты, - сказала она в эйфории. Калами подошел, чтобы поприветствовать ее.

Миссис Олдвинкл была одной из тех величественных женщин, больших и красивых, которые, кажется, были

построенные из частей двух разных людей: какие у них широкие плечи, какие Ионические формы;

и, торчащая из плеч, такая тонкая шея, такая маленькая и компактная голова, почти

по-детски! Его лучшая фаза - между двадцатью восемью и, скажем, тридцатью пятью годами, когда тело находится в

полная зрелость и шея, маленькая голова, нетронутые черты лица, кажется, принадлежат другой молодой женщине.

Красота этих женщин становится гораздо более заметной, гораздо более привлекательной из-за несоответствия

его компоненты.

- В тридцать три года, — говорил Мистер кардан, - Лилиан Олдвинкл заманивала из одного

раз все двоеженцы. Как будто от талии ей было восемнадцать, а вниз она была вдовой

Дидона. Было впечатление, что он был с двумя женщинами одновременно. Это было чрезвычайно

стимулятор.

Он, к сожалению, говорил в прошедшем времени; потому что миссис Олдвинкл больше не было тридцати трех лет и не

двенадцать, ни пятнадцать, ни что-то в этом роде. Ионические формы все еще присутствовали, но не так

очевидный. Это правда, что, если смотреть сзади, маленькая голова выглядела так, как будто она принадлежала ребенку, опирающемуся на

широкие плечи. Но лицо, которое когда-то было самым молодым членом всего партнерства, превзошло

тело в гонке со временем и было более разрушенным и изношенным, чем следовало бы. Глаза были

самый веселый атрибут. Большие, синие и довольно выразительные, они выделялись на лице интенсивным сиянием.

Но вокруг них образовались мешочки и гусиные лапки. Широкий лоб был пересечен некоторыми

горизонтальные морщины. Две глубокие борозды спускались рядом с ноздрями, проходили через рот и были там

частично нарушается другой системой складок, которая сопровождала движение губ до тех пор, пока

нижний конец челюстной кости, образующий четкую демаркационную линию между отвисшими гранями и

сильный и выступающий подбородок. Рот был большой, губы, расплывчатые очертания, имели свою размытость

подчеркнутая красной помадой, которую Миссис Олдвинкл наносила без особой осторожности. Потому что миссис.

Олдвинкл была импрессионисткой; ее интересовали эффект расстояния, театральное великолепие. Она

у меня не было терпения, даже перед туалетным столиком, чтобы беспокоиться о прерафаэлитских деталях.

На мгновение она стояла высоко на лестнице, величественная и величественная фигура. Платье

длинный и широкий, из бледно-зеленого льна, он свисал широкими складками вокруг него. Зеленоватая вуаль,

обвязанный вокруг широкой соломенной шляпы, он плыл по плечам. Она принесла большую сумку

висит на руке, и на талии, раскачиваясь на конце тонких цепей, целая сокровищница

золотые и серебряные предметы.

- Вот и ты! - Она улыбалась, когда Калами подходил, улыбаясь, что когда-то уже не было

пронзительная сладость, соблазнительный Шарм. К сожалению, его интерес теперь был в основном

исторический. Театральным жестом, одновременно преувеличенным и невозмутимым, он протянул обе руки и

быстро спустился по ступенькам навстречу ему. Движения Миссис Олдвинкл были такими

дисгармоничны и неуверенны в своем голосе. Она двигалась жестко и неуклюже. Величество

от покоя рассеялся.

- Мой дорогой Калами! - крикнула она, обнимая его. - позволь мне поцеловать тебя. Прошло столетие с тех пор

в последний раз, когда я его видел. - а потом подозрительно посмотрел на Мисс. Триплоу. - Как долго это

он здесь? — спросить.

- Он пришел до чаепития, - сказала мисс. Триплоу.

- Перед чаем? - Миссис Олдвинкл пронзительно повторила, как будто ее оскорбили. —

Но почему он не предупредил меня вовремя, когда приедет? - продолжил, направляясь к Калами. Идея

что он прибыл, пока ее не было, и, прежде всего, что он провел все свое время, разговаривая

Мэри Триплоу расстроила ее. Миссис Олдвинкл постоянно преследовала страх быть

что-то упустил. Было много лет, когда Вселенная, казалось, сговорилась, чтобы держать ее подальше от

места, где происходили захватывающие вещи и произносились самые замечательные слова. Она была

в то утро я очень не хотел покидать Мисс Марвел. Триплоу одна во дворце; миссис Олдвинкл не

я хотел, чтобы у его гостей были независимые запасы, вдали от их взглядов. Но если бы она знала, если бы

у него было малейшее недоверие к тому, что Калами прибудет, пока его не будет, что он будет часами

в тет-а-тет с Мэри Триплоу, ора, я бы никогда не спустился на пляж. Я бы остался дома, для большего

заманчиво, что это был проект ванны.

- Из того, что я вижу, вы очень подготовились к этому случаю, - продолжала миссис Олдвинкл, глядя на

жемчужины Мисс. Thriplow и черная шелковая туника с белой окантовкой.

Мисс. Триплоу отвернулся от пейзажа и сделал вид, что не слышит. У меня не было желания

вступите в разговор на эту конкретную тему.

— А теперь, - обратилась миссис Олдвинкл к новому гостю, - мне нужно показать ей дом,

пейзаж и все такое.

- Мисс. Триплоу уже был достаточно любезен, чтобы показать мне, - сказал Калами.

Столкнувшись с этой информацией, Миссис Олдвинкл была еще более расстроена.

- Но она, должно быть, не показывала ему всего, — сказала она, — потому что не знает, что там показать.

Кроме того, Мэри не знает истории дворца, или Cybo Malaspina, или художников, которые

работали во дворце, или… — она жестикулировала рукой, указывая, что, короче говоря, Мэри Триплоу не

он абсолютно ничего не знал и был совершенно неспособен показать какой-либо уголок дома или его садов.

— Как бы то ни было, - Калами изо всех сил старался сказать правильные вещи — - я видел достаточно, чтобы найти

прекрасное место.

Но миссис Олдвинкл не была удовлетворена этим простым и спонтанным восхищением. Было абсолютное

уверен, что он на самом деле не видел красоту пейзажа, не понимал ее, не знал, как анализировать

глубокое очарование его компонентов. Затем он начал интерпретировать шоу.

- Кипарисы создают прекрасный контраст с оливковыми деревьями — - объяснил он, показывая

пейзаж с кончиком зонтика, как будто вы преподаете класс с цветной проекцией слайдов.

Конечно, она понимала это; она была полностью квалифицирована, чтобы ценить все до минимума

тонкости. Потому что вид теперь был его собственностью. И по этой причине самая красивая в мире;

время, только она имела право позволить кому-либо узнать об этом факте.

Мы все склонны чрезмерно ценить то, что нам принадлежит. Галерея

провинциальное искусство всегда изобилует Рафаэлями и Джорджионами. Самый яркий мегаполис в

христианство, по словам его жителей, Дублин. Мой граммофон и мой Форд лучше, чем

что ваши. И как скучны и жалки те бедные, но культурные туристы, которые показывают нам

гордимся своей коллекцией открыток, как будто они сами владеют произведениями искусства на них

представлять.

Вместе с дворцом Миссис Олдвинкл приобрела обширные владения, не упомянутые в контракте.

Для начала он купил Cybo Malaspina и всю их историю. Семья, чья единственная претензия на

слава заключалась в том, что незадолго до своего исчезновения он произвел на свет того принца Каррарской массы, которому старуха,

в Кандиде, когда она была еще молодой и очаровательной дочерью папы, она была обручена в

брак; теперь семья стала для миссис Олдвинкл такой же великолепной, как Гонзага, Эсте,

Медичи или Висконти. Даже малоизвестные герцоги Модены, арендаторы дворца (кроме как во время

краткая наполеоновская интерлюдия) между исчезновением Cybo Malaspina и похоронами Королевства Италии, до

они получили большую прибыль от того, что были привязаны к этому месту; для миссис Олдвинкл они стали покровителями

письма и отцы своего народа. И сестра Наполеона Элиза Бачокки, принцесса Лукки, которая потратила больше, чем

одно лето в этих горах, пришел к кредиту нынешнего владельца с

неограниченным энтузиазмом

для искусства и, что было самым великолепным в глазах Миссис Олдвинкл, безграничный энтузиазм по поводу любви.

В Элизе Бонапарт-Бачокки Миссис Олдвинкл встретила свою вторую половинку, которую только она

понять.

То же самое и с ландшафтом. Он принадлежал ему до самого отдаленного горизонта, и никто другой

я был в состоянии отдать ему должное. И как она ценила итальянцев! С тех пор, как вы купили свой

дом в Италии стал единственным иностранцем, который знал ее близко. Весь полуостров и все, что на нем

он содержался в его собственности и его тайне. Он купил искусство, музыку, мелодический язык,

литература, вина и еда, красота их женщин и мужественность их фашистов. Приобрел

итальянская страсть: cu or, amore и dolore были их. Он также не забыл купить климат — лучший

из Европы -; фауна - с какой гордостью он читал в газетах, что волк пожрал спортсмена

Пистойя в двадцати километрах от своего дома -; флора-особенно красные анемоны и тюльпаны

дикие-вулканы -; все еще чудесно активные; землетрясения…

- А теперь, - сказала миссис Олдвинкл после декантации ландшафта, - теперь нам нужно увидеть

комната.

Она отвернулась от вида.

— Эта часть дворца, — сказал он, продолжая свой урок, - датируется примерно 1630 годом. - Она указала

вверх с зонтиком; цветные слайды теперь были об архитектуре. - Очень пример

особенный в Древнем барокко. То, что осталось от старого дворца с башней, составляет восточное крыло нынешнего дома…

Мисс. Триплоу, который слышал все это раньше, сделал это снова, однако, с выражением

восхищенный интерес, который можно найти на лицах детей во время лекций Института

В глазах г-жи Олдвинкл, отчасти для того, чтобы восполнить преступление за то, что она была дома, когда

Калами прибыл, а также произвести впечатление на самого Калами своей способностью быть откровенным, тотальным

и некритически поглощен мелкими вопросами момента.

- Сейчас я покажу вам интерьер дворца — - сказала миссис Олдвинкл, поднимаясь по ступенькам

терраса для дома. Его сокровища звенели на кончике цепей. Послушные, Мисс. Thriplow и

Калами последовал за ней.

- Большинство картин, - провозгласила Миссис Олдвинкл, - из Паскуале да Монтекатини.

Великий художник, ужасно приниженный, - заключил он, покачивая головой.

Мисс. Триплоу был несколько смущен, когда, столкнувшись с этим комментарием, его

парень улыбнулся ему явно насмешливо. Если бы я вернул улыбку в форме,

конфиденциально и иронично, или если я проигнорирую его и сохраню его выражение Королевского института, это был вопрос.

В конце концов, он решил игнорировать молчаливое соучастие.

У входа в большой зал их встретила молодая женщина, одетая в льняную мантию

бледно-розовый, с круглым лицом и по-детски (наивность, отличная от изобретательности Мисс Марвел). Thriplow), который

он смотрел сквозь прямоугольную щель своих гладких медных волос, подстриженных в форме КУИ. Один

пара больших голубых глаз смотрелась из-за металлической челки. Нос был маленький и слегка

вздернутый. Верхняя губа, узкая, придавала ей одновременно жалкий и счастливый вид, как

ребенка. Это была Ирен, племянница Миссис Олдвинкл.

Калами и она пожали друг другу руки;

- Думаю, я должен сказать, - сказал он, - что вы сильно выросли с тех пор, как в последний раз

Ви. но правда в том, что я не думаю, что он вырос.

- Я ничего не могу с этим поделать, - ответила она. - Но внутренне… — Внутренне

Ирэн была старше камней, по которым она ступала. Не из-за того, что прошло пять лет.

самые впечатляющие из его жизни под опекой тети Лилиан.

Миссис Олдвинкл с нетерпением прервала диалог.

- Я хочу, чтобы ты увидел этот потолок, - сказал Калами. Как цыплята, пьющие воду, они подняли

голова к похищению Европы. Миссис Олдвинкл опустила взгляд. - И эта деревенская работа с

группа морских божеств. - В паре больших ниш, обрамленных ракушками и камнями

губчатые, две группы рыб яростно извиваются. - Как здорово seicento\, - сказала она.

Ирен, тем временем, чувствует себя уволенной из-за долгого сосуществования необходимости много платить

внимание к морским божествам, заметил, что крышки кресел cretone были

скомканный. Будучи естественно упорядоченной — и с тех пор, как она переехала к тете Лилиан, она стала

вдвойне упорядоченная - она ходила по комнате на цыпочках, чтобы сгладить накидки. Кланяясь над

самое близкое кресло, держало свободную ткань на передней части подушки и сильно тянуло ее

чтобы он полностью освободился, чтобы затем можно было сгладить его, как и должно быть. Ткань оторвалась

как парус корабля, внезапно задетый ветром, и вместе с ним

пришел-практически из

ничего, как будто Ирэн сделала волшебный проход-сверкающий дождь из драгоценных камней. Они получают

они разбросаны по полу, катятся по керамике. Шум вырвал Мисс. Триплов восхищения

почти по-детски он созерцал ниши из губчатых камней. Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть

кольцо в форме скарабея катится к вам с шатким движением эксцентричного обруча.

Рядом с ногами он потерял скорость, раскачивался и упал на бок. Мисс. Thriplow наклонился

немедленно, чтобы поймать его.

- О, это просто мои кольца — - воздушно сказал он, как будто это самая естественная вещь в мире

пусть ее кольца выпрыгнут из кресла, Когда Ирен пойдет растягивать накидки. - Только это — - добавил он,

чтобы успокоить Ирэн, которая лежала неподвижно, словно окаменевшая от удивления, глядя на драгоценности

разбросанный.

Миссис Олдвинкл, к счастью, была полностью поглощена своим объяснением Калами о Паскуале

Монтекатини.

Глава 3

Ужин подавали в зале предков. В восторженном воображении Миссис Олдвинкл, которая

чудесные банкеты проходили бы между этими стенами-даже за столетия до того, как они были

были воздвигнуты-какие интеллектуальные праздники! Там Акино доверил бы предку Маласпине свои сомнения

тайна о предсказуемости вращений и выговор маркиза воровала над чашей

вино, с деликатностью его синдереза. Данте настаивал на преимуществах наличия платонической любовницы, которая

он никогда не был известен, и его можно было бы при необходимости отождествить с теологией. Между тем,

путь Рима, Петр Пикардский декламировал из своей рифмованной версии физиолога стихи о

Гиена, зверь, который, помимо того, что был гермафродитом, нес в глазу камень, который, помещенный в рот

человек, он дал ему силы видеть будущее; камень символизировал прежде всего скупость и похотливость. О

доуто Боккаччо говорил о генеалогии богов. Пикко Делия Мирандола цитирует кабалу

над головой кабана, поддерживая учение о Троице. Микеланджело изложил свои планы

для фасада Сан-Лоренцо во Флоренции. Галилей спросил, почему природа отталкивает вакуум

только до девяти метров шестидесяти. Марини был бы поражен этими концепциями. Лука Джордано,

в пари он нарисовал между жарким и десертом портрет Ганнибала в натуральную величину

пересечение Альп… Кроме того, какие блестящие дамы возвеличили бы блеск этих праздников!

Очаровательные, вечно молодые, идеальные, как главные герои придворного Кастильоне, любящие

экстремальные, они вдохновили гениальных людей совершать еще более высокие полеты и короновали самых

резкие замечания со словом женской вежливости.

С тех пор, как она купила дворец, Миссис Олдвинкл стремилась возродить эту славу предков. Через вас

даже как неофициальная принцесса, окруженная двором поэтов, философов и художников. И большие

салоны и сады, которые поют красивые женщины, сверкающие любовью к гениальным мужчинам.

Периодически-потому что жилище гномов, которое Cybo Malaspina, подражая Гонзага, было

включенный во дворец, требовал, чтобы в нем жили соответствующие гости-периодически они выводили на свет,

без боли дети этих гениев: все с вьющимися волосами, уже два года в

родиться и все зубы во рту, все вундеркинды. Коллекции Моцартов в миниатюре. В

короче говоря, Дворец Веззы должен был вернуться к тому, чем он когда-либо был, кроме фантазии миссис Олдвинкл.

Что он на самом деле мог себе представить, только увидев лица предков, которые давали

назовите бальный зал.

Из круглых ниш, инкрустированных высоко в стенах огромной квадратной комнаты, ряды бюстов

каррарские массовые лорды заглядывали в промежуточные века. Они обошли салон,

начиная с левой стороны камина и заканчивая с правой стороны

предпоследним Cybo Malaspina,

который построил зал. И в то время как маркиз стал преемником маркиза, а принц-принцем,

выражение все более глубокой глупости появлялось на лицах предков. Нос Стервятника и

фантастическая челюсть первой воровской маркизы постепенно превращалась в неточную

тромбы муравьедов, в криминально прогнозируемых уродствах. Лоб становился ниже с каждым

поколение, сногсшибательный, мраморный взгляд становился глупее, а умышленное высокомерие-сильнее всех

физиономия. Кибо Маласпина хвастались, что никогда не выходили замуж за кого-то ниже их, и

что его наследники всегда были законными. Достаточно было увидеть лица трех последних князей, чтобы иметь

уверен, что базофия была в значительной степени оправдана. Были ли они друзьями Муз?

- Представьте себе великолепие сцен — - сказала г-жа Олдвинкл, входя в зал.

Предки Унесенные рукой Калами. - Бесчисленные свечи, шелк, украшения! И движение людей,

самые напыщенные манеры, всегда в соответствии с самыми строгими правилами этикета! — Как

последняя, хотя и приемная, представительница этих великолепных существ, Миссис Олдвинкл еще больше подняла

голову и, приобретя более предприимчивую осанку, поплыл по залу к маленькому столику,

где с уменьшающимся великолепием должны были пообедать преемники Cybo Malaspina. Хвост платья

коралловый бархат тянулся за ней.

- Все должно быть очень красиво, - согласился Калами. - Я уверен, что с точки зрения

живописно, мы многое потеряли из-за отказа от этикета. Удивительно, как неформализм победил

пространство. Мистер Гладстон, став старым, посетил Оксфорд и пришел в ужас перед лицом новых

причуды в одежде студентов. В юности любой уважаемый парень обладал хотя бы

пара брюк, в которых он никогда не сидел, чтобы предотвратить образование мешков на коленях и даже

костюм, в котором он обычно ходил по улицам, никогда не стоил меньше семидесяти или восьмидесяти фунтов. И посмотри

что по случаю визита мистера Гладстона студенты все еще носили жесткий воротник и котелок. О

что бы он сказал, Если бы увидел их сейчас? И что мы скажем через пятьдесят лет?

Гости устроились вокруг стола. Калами, как Новичок, занял место

честь, справа от Миссис Олдвинкл.

- Вы упомянули очень интересную тему — - сказал сидевший рядом Мистер кардан

напротив, слева от хозяйки. - Очень интересно, - повторил он, разворачивая салфетку. Мистер.

Кардан был человеком среднего роста и крепкого телосложения. Верхняя окружность ваших

брюки следовали широкому геодезическому; его плечи были широкими; шея короткая и мощная. Лицо было

округлая и жесткая выпуклость, как рукоять дубинки. Это было загадочное лицо и

заблуждение, нормальное выражение которого оказалось одновременно грубым и чутко утонченным, серьезным

и иронично. В маленьком рту тонкие губы плотно прилегали друг к другу, как будто они были

движущиеся части очень хорошо сделанного предмета мебели, и они закрывались почти по прямой линии, хотя

с одной стороны горизонтальная гравитация отклоняется как минимум вниз, так что г-н кардан

казалось, он был в вечном процессе подавления неуловимой улыбки, всегда приставал к своей

самообладание. Волосы были прямыми, серебристыми и безупречными; нос короткий и прямой, как у Льва —

но лев, который взял себя, со временем и хорошей жизнью, несколько ленивым. Фитинг из центра

из паутины мелких морщин глаза были маленькими, яркими и очень голубыми. В результате, возможно.

от болезни — или, может быть, это был просто вес шестидесяти шести лет-бровь

белый поселился постоянно ниже, чем другой. С правой стороны лица мистер кардан

я смотрел таинственно и конфиденциально, в щель, в своего рода хроническом подмигивании. Но

с левой стороны взгляд был высокомерным и аристократичным, как будто западная орбита была растянута

невидимый монокль, чуть больше ее. Выражение доброжелательности смешалось с

когда он говорил, и когда он смеялся над всеми гранями лица в форме дубинки,

от ярко-красного они мерцали от веселья, как будто они внезапно были освещены

внутри. Г-н кардан не был ни поэтом, ни философом, и он не принадлежал к семье, особенно

блестяще; но миссис Олдвинкл, которая знала его близко много лет, оправдывала его включение

среди его придворных за то, что он был одним из великих малоизвестных: потенциально это могло быть все, что

он хотел, но на самом деле был неопределенным из-за лени.

Мистер кардан выпил несколько ложек супа, прежде чем продолжить:

- Очень интересная тема, - повторил он. Его голос был мелодичным, зрелым, энергичным, сочным и

слегка хриплый; томная охриплость тех, кто хорошо пил, хорошо ел и занимался любовью

обильно. - Формализм, пышность, этикет: его почти исчезновение из moderna Life

действительно необычно, когда мы перестаем думать. Формализм и пышность были одними из черт

основы старых правительств. Тирания, приправленная сценами трансформации, была формулой каждого

правительства пятнадцатого века, особенно в Италии. Пока люди веселились, наблюдая за

ухаживание или любое подобное зрелищное мероприятие хотя бы раз в месяц можно было делать все

если бы захотелось. Это был папский метод par excellence. Но ему подражали все великие лорды, вплоть до

самый незначительный округ полуострова. Посмотрите, как выглядит вся архитектура того периода

обусловлено необходимостью отображения. Архитектор существовал для создания декораций непрерывных

дилетантские изображения своих хозяев. Огромные панорамы, замеченные при прогулке по залам

взаимосвязанные, аллеи для ухаживаний, широкие лестницы для великого монарха, чтобы спуститься с высот.

Никакого комфорта, поскольку комфорт был только частным, но слишком большим великолепием, чтобы произвести впечатление

зритель. Наполеон был последним правителем, который систематически и научно перенял эту практику

в большом масштабе. Эти инспекции, триумфальные входы и выходы, коронации, свадьбы и

церемонии миропомазания, все с тщательно подготовленными сценическими эффектами; в этом был его секрет.

Сегодня пышности больше нет. Будут ли наши правители настолько глупы, что не будут учиться у

история и пренебрежение этой помощью правительствам? Или вкусы изменились, что публика

вам больше не нужны зрелища, вы больше не впечатлены ими? Я задаю этот вопрос нашим друзьям

политический. - Мистер кардан наклонился вперед и, пройдя глазами мимо Мисс. Thriplow, сидя на

слева она улыбнулась молодому человеку за ней, а затем старшему мужчине, который занял это место

прямо с противоположной стороны стола, рядом с Ирен Олдвинкл.

Парень, который выглядел даже моложе, чем был на самом деле — и делал максимум два или три

месяцы, когда лорд Ховенден достиг совершеннолетия, - любезно улыбнулся мистеру кардану и посмотрел,

надеюсь, человеку, сидящему перед ним.

-Спроси у меня другую, - сказал он. Лорду Ховендену все еще было трудно произносить tr. — О

что вы скажете, мистер фалькс? - Выражение внимательного уважения возникло у него на детском и покрытом лице

веснушки в ожидании ответа. Что бы это ни было, было очевидно, что лорд Ховенден ждал ее

как оракул. Он восхищался, почитал Мистера фалькса.

Мистер фалькс действительно внушал восхищение и уважение. С его белой бородой, длинными волосами и

вьющиеся, большие острые глаза, гладкий и широкий лоб, орлиный нос-это воздух меньшего пророка.

Внешность не обманывала. В другом возрасте, в другой среде, мистер фалькс, вероятно, был бы

меньший пророк: оратор, оратор Господа, вопиющий о спасении, грозящий гневом, который

это падет на всех. Родился в середине xix века и провел лучшие годы своей жизни в

профессия, которую в возрасте от трех до семи лет хотели обнять все мальчики-машинист

— он стал не совсем пророком, а лидером лейбористов.

Лорд Ховенден, чьи претензии на принадлежность ко двору Миссис Олдвинкл основывались на том, что она

знать его с самого рождения, от того, что он произошел от Симона де Монфора и был чрезвычайно богат,

он заслужил еще одну заслугу: стал ярым активистом Социалистической Лиги. Старый учитель, все еще

молодой человек, он был первым, кто сообщил ему об этом факте — до сих пор несовершенно понимал лорд

Hovenden - о том, что было много несчастных людей, живущих крайне неприятно и тяжело

и что, если бы была справедливость, она могла бы быть в гораздо лучшей ситуации. Щедрые побуждения лорда

Ховенден были возбуждены. Радостно он хотел ускорить новое тысячелетие. Может быть, тоже

определенное эгоистичное стремление отличить себя от сверстников как-то связано с этим энтузиазмом. Среди

люди, рожденные в привилегированных положениях, окруженные богатством, снобизм часто берет на себя

форма отличается от обычной. Не всегда, это правда; потому что есть много богатых и титулованных людей

для кого богатство и титул заслуживают такого же жалкого уважения, как и те, чьи

знакомство с дворянством и плутократией существует только в художественной литературе и на страницах газет. Но другие, которые

они стремятся отойти от семейного окружения, чтобы достичь, почти всегда интеллектуально, более высоких сфер

высокие, в конечном итоге зараженные страстным снобизмом по отношению к художественному и политическому миру. Этот

снобизм-снобизм крови, которая течет в мозг — был смешанным, без лорда

Ховенден рассказал о своих чисто гуманитарных страстях и придал ему дополнительную форму.

Удовольствие, которое лорд Ховенден испытал от знакомства с мистером фальксом, было огромным, и мысль о

что только он, среди всех своих друзей и знакомых, пользовался

привилегией поддерживать отношения с

мистер фалькс, от которого только он был свободен от захватывающего политического мира, в котором жил мистер фалькс, все

это еще больше усилило его энтузиазм по поводу справедливости. Однако были случаи, и в последние

время становилось все более частым, когда лорд Ховенден обнаружил, что требования

его напряженная общественная жизнь оставляла ему мало времени для мистера фалькса или социалистической Лиги. Для

кому-то, кто танцевал так же сильно, как он обычно, было трудно уделять внимание чему-либо еще.

В промежутках между одним социальным обязательством и другим он смущенно вспоминал, что не

он выполнял обязанности, возложенные его принципами. Снаружи, чтобы компенсировать амортизацию вашего

энтузиазм, что он сократил сезон охоты на куропаток, чтобы сопровождать мистера фалькса в

Международная конференция труда в Риме. Встреча продлится до конца сентября, но

лорд Ховенден решил пожертвовать еще одним месяцем охоты в дополнение к необходимому, предполагая, что до

конференция, мистер фалькс и он собирались провести пару недель с миссис Олдвинкл. “Приходите, когда

хотите и приведите кого хотите”, - были слова приглашения, сделанного Лилиан. Он телеграфировал миссис.

Олдвинкл говорит, что мистеру Фальксу нужен перерыв и что он хотел бы взять его с собой; миссис Олдвинкл сказала, что мистеру Фальксу нужен перерыв.

он ответил, что хотел бы их принять. Таким образом, они были там.

Мистер фалькс задумался, прежде чем ответить на вопрос Мистера кардана. Глаза побежали

яркие за столом, чтобы привлечь внимание всех, а затем говорил с пронзительным звучанием, с которым уже

это привело так много зрителей к пику энтузиазма.

— Правители двадцатого века, — сказал он, - слишком уважают демократию, чтобы ее обмануть,

чтобы люди были довольны простыми зрелищами. Демократии требуют разума.

- Ну, давай, - возразил Мистер кардан. - Что вы скажете мне о волнении Мистера Брайана?

против эволюции?

— Более того, - продолжал г-н фалькс, игнорируя вопрос, - мы в xx веке уже преодолели

эти вещи.

- Возможно, мы преодолели это, - сказал мистер кардан, - но я даже не представляю, как нам это удалось-Ло. Мнения, конечно, меняются, но удовольствие от просмотра спектакля-это не вопрос мнения.

Он основан на чем-то более глубоком, не имеющем ничего общего с изменениями. - Мистер кардан качал

голова. — Это напоминает мне, - продолжил он после небольшой паузы, - о другом изменении, таком

глубоко укоренившаяся, о которой я никогда не осознаю: изменение нашей восприимчивости к лести. Быть

невозможно прочитать какую-либо моралистическую статью, не найдя многочисленных предостережений против льстецов.

“Льстивый рот порождает гибель”, - это в Библии. И награда льстец тоже

в нем указано: “те, кто льстит друзьям, глаза их детей будут ослеплены”” хотя можно

мысль о том, что опосредованность угрожаемого наказания делает его немного менее ужасным. Как бы то ни было, мы

древние времена великие и процветающие, казалось, положительно зависели от льстецов. И эти

они слишком преувеличивали, делали работу, в конечном счете, чрезвычайно грубую. Будет ли

образовательная плутократия того времени позволяла себе действительно обманываться такими вещами? Теперь это

различный. В наши дни лесть должна быть намного более тонкой, чтобы произвести тот же эффект. Сверх

об этом я никогда не встречал у Moderna моралистов никаких предостережений против льстецов. Быть

некоторые изменения, но как это произошло, я действительно не знаю.

- Возможно, произошел моральный прогресс, - предположил Мистер фалькс.

Лорд Ховенден отвернулся от лица мистера фалькса, на котором он благоговейно зациклился

когда он говорил, и торжествующе улыбнулся мистеру кардану, желая знать, есть ли у него какие-либо ответы

для этого.

- Может быть, - довольно сомнительно повторил мистер кардан.

Калами предложил другую причину:

- Возможно, это связано с изменением позиции Великих Могучих. В прошлом они видели себя

и были замечены другими как те, кем они были по Божественному праву. Следовательно,

более грубая лесть была не чем иным, как тем, что они заслуживали. Но сегодня право быть

принц или миллионер немного менее божествен, чем раньше. Лесть, когда-то выражение

заслуженное уважение, сегодня звучит преувеличенно; и то, что в прошлом считалось почти искренним, сегодня видно

как иронично.

- Думаю, вы правы, - сказал мистер кардан. - Как бы то ни было, результат падения

внезапная лесть была серьезным изменением, которое претерпела техника паразитизма.

- Эта техника когда-нибудь менялась? - спросил Мистер фалькс. Лорд Ховенден передал

спроси мистера кардана с любознательной улыбкой. - Паразит не всегда был таким же,

жить за счет работы общества, не внося свой вклад в общее благо?

— Речь идет о разных видах паразитов — - объяснил, подмигивая г-н кардан

гениально для малого пророка. - Ваши паразиты-праздные богатые; мои-бедные

бездельники, живущие на праздных богатых. Тля и тля; я имею в виду червя червей. Мочь

заверить вас, что это гораздо более интересный класс, и что на самом деле он никогда не был должным образом

признана естествоиспытателями человечества. Есть большая работа Люциана об искусстве

быть паразитом; работа, несомненно, отличная, но немного немодная, особенно в том, что

это касается лести. Лучше, чем Люциан, Дидро. Но племянник Камо имеет дело только с одним

единственный вид паразитов, и один из наименее успешных или достойных подражания. Мистер Скимпол, дома

опустошенный, [2j это не плохо. Но ему не хватает тонкости, это не идеальный пример цветущего червя. Дело в том, что

насколько мне известно, ни один писатель не углубился в проблему паразитизма. Я скучаю по этому

- добавил мистер кардан, подмигнув миссис Олдвинкл, а затем взглянув на

вокруг стола, для гостей-почти как личное оскорбление. Обниматься, как я, или кто

знаете, пытаясь обнять, если точнее, тайну паразитизма, я сталкиваюсь с этим заговорщическим молчанием

как оскорбление.

- Какая ерунда! - сказала миссис Олдвинкл. Уступчивые ссылки на собственные дефекты и

моральные слабости были частыми в речи мистера кардана.

Предвосхищать критику в целях разоружения-их, шокировать и смущать наиболее восприимчивых, заявлять о своей свободе перед лицом предрассудков

другие хотели бы скрыть, именно с этими целями г-н.

Кардан выставил себя с такой беспечностью. - Ерунда! - повторила Миссис Олдвинкл.

- Не так уж и много, - сказал мистер кардан, качая головой. - Я просто говорю правду.

Верно также и то, что успешный паразит никогда не пыхтит. Мог бы быть компетентным льстецом,

но, к сожалению, мне приходится жить в то время, когда лесть не работает. Может быть, я мог бы иметь

был достаточно хорошим шутом, если бы он был немного менее глупым и немного смешнее. Но

в этом случае, конечно, я бы дважды подумал, прежде чем принять этот ствол паразитизма. Опасно быть

шут, он слишком ненадежен. Можно какое-то время угодить, но в конце концов или ты станешь

скучно или оскорбляет вашего защитника. Племянник Камо Дидро - величайший литературный пример

пол; вы знаете, какую жалкую жизнь он вел. Нет, паразиты постоянно

успешные даже в настоящее время относятся к совершенно другому типу, к сожалению, к одному типу,

к которому я даже по наивности не мог приспособиться.

- Надеюсь, нет, - сказала миссис Олдвинкл, защищая лучшее эго мистера кардана.

Он кивнул в знак благодарности и продолжил:

- Все успешные паразиты, с которыми я встречался в последнее время, принадлежат к одному виду. Быть

тихие, добрые, почти жалкие. Они пробуждают материнские инстинкты защиты. В целом имеют некоторые

прекрасный талант, никогда не ценимый вульгарным миром, но признанный своим защитником, потому что он подходит

к нему, конечно, (это восхитительная лесть). Эти паразиты не оскорбительны, как шуты;

никогда не вмешивайтесь, а выглядывайте собачьими глазами; когда их присутствие утомляет, они знают, как стать

практически не существует. Его защита удовлетворяет стремление к обладанию и отцовский альтруистический инстинкт, который

это побуждает нас поддерживать слабых. Вы могли бы написать об этом, - продолжил Г-Н кардан, обращаясь к себе

Мисс. Триплоу. - Это была бы очень глубокая книга. Я бы сделал это сам, если бы был писателем; только не

я пошел, потому что Бог не хотел. Я даю вам предложение.

Мисс. Триплоу поблагодарил его односложными словами. На протяжении всего ужина она держалась

молчать. После всех рисков, на которые он пошел в тот день, оплошностей, которые он собирался совершить,

она подумала, что лучше быть тихой и выглядеть как можно более простой и искренней. Некоторые незначительные изменения в

туалет, перед ужином, все изменилось. Он начал с того, что снял жемчужное ожерелье, а также, несмотря на

от простоты модели изумрудное кольцо. Лучше так она сказала

себе, глядя в зеркало

его неясная фигура в черной мантии, без единого драгоценного камня, белые и хрупкие руки, спокойное лицо и

мягкий. “Какое у нее откровенное и невинное выражение лица с большими карими глазами!“она представляла

Калами говорит мистеру кардану; но не знал, что мистер кардан может ответить; он был циником.

Открыл ящик и достал из него черную шелковую шаль-не Венецианскую с длинной бахромой, а совсем другую

менее романтично. Он положил его на плечи и обеими руками закрепил на уровне груди. А

изображение в зеркале напоминало изображение монахини; еще лучше, подумал он, школьница монахинь а

ходить парами в очень длинном ряду в черной форме, а под юбкой-пышные шорты

оборки, спускающиеся к пяткам. Но если бы он покрыл голову шалью, как капюшон, он все равно был бы

более мрачная, бедная и честная-Фабричная Сабо, идущая по пути на фабрику

текстиль. Может быть, это зашло слишком далеко. В конце концов, она не была Ланкаширской работницей. Это была женщина

очень культурный, но не убежденный; умный, но простой и искренний. Вот кем она была. В конце концов он спустился

на ужин с черной шалью, плотно завязанной на плечах. Очень маленький и убранный. А

студентка колледжа монахинь обладала всеми талантами; но пока она говорила только тогда, когда к ней обращались

слово. А потом, скромно и скромно, она поблагодарила мистера кардана.

- Самым печальным из всего этого, - продолжил он — - является тот факт, что мне так и не удалось убедить

кто-то становится полностью ответственным за меня. Это правда, что я съел килограммы и килограммы еды

другие люди пили литры и литры их ликеров — - поднял бокал и посмотрел над ним на хозяйку,

опустошение его для ее здоровья — за что я безмерно благодарен. Но я никогда не планировал жить.

постоянно за счет этих людей. И даже они, со своей стороны, не подали ни малейшего намека на желание меня

навсегда на вашей стороне. К сожалению, у меня нет такого характера. Я не жалок. Я никогда не просыпался.

у женщин необходимость осуществлять материнскую заботу. На самом деле, если бы у меня был какой-то успех

с ними я уверен, что могу сказать это без тщеславия, это было связано с моей силой больше, чем с моей

хрупкость. Однако в шестьдесят шесть лет… - грустно покачал головой. - Тем не менее, для

компенсация, если это не что иное, как более жалкое.

Мистер фалькс, чьи моральные принципы были простыми и ортодоксальными, покачал головой; ему это не нравилось

этого. Мистер кардан, в довершение всего, сбил его с толку.

- Ну, - произнес он, - все, что я могу сказать, это то, что пока мы временно

во власти не будет паразитов вида мистера кардана, по той простой причине, что не будет

паразиты каких-либо видов. Каждый будет делать свое дело.

- К счастью, - сказал г-н кардан, снова стреляя другим в суматоху, — я буду мертв

когда это произойдет. Я не смогу смотреть в лицо миру после того, как друзья мистера фалькса получат его

лечится глистами. Ах, вы, молодые люди! - продолжил он, обращаясь к мисс. Триплоу. — Что

они совершили ужасную ошибку, потому что родились в это время!

— Я не жалею — - сказала мисс. Триплоу.

- Я тоже — - согласился Калами.

- И я тоже — - повторила Миссис Олдвинкл, горячо включившись в молодежное крыло. Она получает

он чувствовал себя таким же молодым, как и другие. Даже намного больше. За то, что был одним из них, когда мир был более

молодой человек, у него были мысли и чувства поколения, которое спокойно росло в

безопасные условия-может, он даже не вырос. Обстоятельства, которые сделали поколение ниже

от ее зрелости, столь жестокой и денатурированной, они оставили ее нетронутой в ее форме.

окончательная, напряженная, как и в то время. Духовно они были старше ее.

- Я не думаю, что можно жить в более захватывающее время, - сказал Калами. — Ощущение

что все совершенно временно, все, включая социальные

институты, которые до сих пор

мы рассматривали как священные научные истины, и ничего от Версальского договора до

рационально объясненная Вселенная, это даже безопасно; я убежденно верю, что все может

случаться, быть обнаруженным-еще одна война, искусственное создание жизни, доказательство непрерывности

существование после смерти. Это бесконечно стимулирует.

- Даже вероятность того, что все будет уничтожено? - спросил Мистер кардан.

— Это тоже возбуждает, - ответил Калами, улыбаясь.

Мистер кардан покачал головой.

— Я могу показаться довольно скучным, - сказал он, - но я признаюсь, что предпочитаю больше жизни

спокойствие. Я настаиваю на том, что вы совершили ошибку, изменив свой вход в мир таким образом, чтобы

период молодости совпал с войной, а начало зрелого возраста-с этим миром

ужасно небезопасно и не очень благополучно. Как лучше всего управлять моим существованием! Я сделал свой

вступление в мир в начале 1850-х годов; я был почти братом-близнецом А. видовое происхождение… Я воспитал себя

в подлинной материалистической вере девятнадцатого века; вера, не нарушенная сомнениями и до сих пор не

испорченный этим беспокойным научным модернизмом, который

сегодня трансформирует самые твердые физические тела-математики в мистиках. Мы были удивительно оптимистичны; мы верили в прогресс и

окончательное объяснение всех вещей с точки зрения физики и химии; мы доверяли мистеру Гладстону

и в нашем собственном интеллектуальном и моральном превосходстве перед всеми остальными эпохами. И это не из

удивляюсь, потому что мы становились богаче с каждым днем. Низшие классы, которые в то время еще

они позволяли называть себя этим очаровательным именем, обладали большей респектабельностью и шансами быть

революция была крайне далека. Это правда, что в то же время мы tornando становимся

застенчивый, но неловко осознающий, что эти низшие классы вели хорошую жизнь

неприятно, и что, возможно, законы экономики не были так неизменны при посредничестве человека, как

я бы лучше подумал о мистере Бакле. И когда наши дивиденды приходили в количестве… я все еще

в это время он получал дивиденды, - вздохнул Мистер кардан, вводя эту скобку, - так регулярно

что касается солнцестояний… это правда, что мы чувствовали почти укол общественного сознания. Но мы

мы триумфально избавились от этой угрозы, сделав пожертвования благотворительным организациям или построив

минимальная часть нашей обильной прибыли, довольно лишнее количество кафельных туалетов

для наших работников. Эти туалеты были для нас тем, чем были папские индульгенции для

менее просвещенные современники Чосера. Со счетом за эти туалеты в кармане пиджака

мы могли бы получить наши следующие дивиденды с совершенно безмятежной совестью. Это тоже

это оправдывало наши невинные развлечения. И как нам было весело! Незаметно, конечно. Потому что что

мы не могли делать что-то так открыто, как вы делаете это сегодня. Любым способом,

это было очень весело. Я помню феноменальное количество обедов одиноких мужчин, на которых

очаровательные существа поднимались из гигантских пирогов и танцевали па Сеул среди фарфора

со стола. - Вспомнив об этом, мистер кардан медленно покачал головой и впал в экстаз

тихие воспоминания.

— Мне это кажется довольно i-dí-li — co, - сказала мисс. Thriplow, перетаскивая слоги. У нее был

прекрасный способ задержаться на любом слове, которое показалось вам редким или аппетитным и которое может

находите в ходе своих предложений.

- Так и было, - заявил мистер кардан. - Тем более, что это так полностью противоречит правилам

из тех хороших времен и нужно использовать столько осмотрительности. Может быть, я просто стар

слишком много и что мои умственные способности ослабевают вместе с моими артериями; но нет

я думаю, что любовь сегодня более захватывающая, чем в юности. Когда юбки касаются пола,

выпуклость артели в обуви-искушение. В то время юбки покрывали абсолютно

все. Ничего не было раскрыто, не было никакой очевидной реальности, только воображение. Мы были настоящими

пороховые бочки репрессии, и самый легкий намек превращался в Искру. Сегодня, когда молодые девушки

они ходят в коротких юбках и с открытой спиной, как у дикого жеребенка,

стимулов больше нет. Карты все на столе, блефовать нельзя. Все ясно и

это чрезвычайно неинтересно. Лицемерие, помимо того, что это дань, которую порок платит добродетели, есть

также уловка, благодаря которой зависимость становится более интересной. Здесь между нами —

мистер кардан доверился всем за столом-ничего не делается без этих уловок. Есть проход

очень интересно об этом вопросе emd prima Bete Бальзака. Помните историю?

- Чудесно!… - воскликнула Миссис Олдвинкл с таким же широким и невнятным энтузиазмом, как

его всегда вызывали шедевры.

- Именно тогда барон Юло сдался перед речью миссис марнеффе: прекрасное из Империи

с молодой женщиной, воспитанной в романтическом возрождении и старых викторианских добродетелях. Я посмотрю, смогу ли я

я помню: “Cet homme de 1’ empire, habitué au genre empire, devait ignorer absolument les façons de l’amour moderne, les

nouveaux scrupuks, les différentes conversations inventées depuis 1830, et OÜ la ‘pauvre faible femme’ finitpar se faire

considérer comme la victime des désirs de son amant, comme tine strnr de charité qui panse des blessures, comme un ange

qui se dévoue. Ce nouvel art d'aimer consomme énormément de paroles évangéliques à l'ceuvre du diable. Ca passion est

un martyre. Ha aspire à l'idéal, à dinfini de part et d'autre; l'on veut devenir meilleurpar l'amour. Coutes ces belles

phrases sont un prétexte à mettre facare plus ddrdeur dans la pratique, plus de rage dans les chutes-o mr. Gimbal

он произнес эти слова с особым звучанием-что за пара Ле пассе. Cette hypocrisie, le character de notre

temps agangrenée la galanteri e".[3j как это пронзительно! - сказал мистер кардан. - Как это широко и глубоко!

Я просто не могу согласиться с мнением, выраженным в последнем предложении. Потому что, если, как говорит автор,

лицемерие раздувает пыл к практике любви и больше "в потоке", поэтому нельзя сказать, что

галантность гангренозировать. На самом деле она была улучшена, обновлена, сделана более интересной. А

лицемерие девятнадцатого века было одновременно с литературным романтизмом того же века: реакция

неизбежный, как тот, который был против чрезмерного классицизма XVIII века. классицизм невыносим

в литературе за то, что слишком много ограничительных правил и невыносимо в любви за то, что их так мало. О

что общего, несмотря на кажущуюся разницу, так это то, что и то, и другое прозаично, а не

эмоциональный. Только изобретая себя для любви правила, которые можно нарушить, вкладывая в них

почти сверхъестественное значение, что он становится более интересным. Ангелы, философы и демоны должны

бродить по нишам, иначе они не будут интересны умным мужчинам и женщинам. Такие персонажи, как

они не были бы найдены в них в классические времена, тем более в неоклассические. Весь процесс

это было настолько прямолинейно, прозаично, тривиально и terre à terre, насколько это возможно. Должно быть, действительно стало мало

более интересно, чем приготовление еды, а не то, что я принижаю еду, особенно

в наши дни; но когда я был молод…

Мистер кардан вздохнул:

— В то время я меньше ценил хорошую еду. Даже сегодня, я должен признать, не так много

волнение или поэзия в акте еды. Я полагаю, что только в тех странах, где преобладают мощные табу

о еде заключается в том, что удовлетворение голода приобретает романтический аспект. Я могу представить, что

подлинный еврей времен Самуила Дева иногда был охвачен искушениями почти

непреодолимо есть лобстера или подобное животное, у которого лапа расколота, но не жует жвачку.

Я вижу, как он обманывает свою жену, говоря, что он идет в синагогу, и на самом деле крадется под-таинственно в зловещий переулок, чтобы незаконно наедаться в какой-то дом

плохая слава со свининой и майонезом из лобстера. Как драматично! Вот идея, бесплатная, для темы

история.

- Я очень благодарна, - сказала мисс. Триплоу.

- А потом, вспомните, на следующее утро, после самых зловещих снов на протяжении всей

ночью он встанет в строжайшем порядке, фарисей фарисеев, и пошлет свое членство в общество

Защита общественной морали и Антилагостской Лиги. Он напишет в газетах, как неприлично, что

молодым романистам разрешено публиковать книги с отвратительными описаниями ветчины

наслаждались в компании друзей, устричных оргий и других кулинарных глупостей, ужасные

слишком много, чтобы упоминать. Он сделает все это, не так ли, мисс. Мэри?

— Конечно. Вы забыли сказать — - добавила Мисс. Thriplow, не помня, что

это была школьница монахинь — которую он будет настаивать с максимальной страстью, чтобы его дочь была

воспитанный в самом полном незнании простого существования колбас.

- Точно — - сказал мистер кардан. - Все это было просто, чтобы показать, что до акта

еда может стать захватывающей, когда религия попадает в нее, когда еда становится

загадка, когда воображение возбуждается до максимума каждый раз, когда раздается звонок. В

с другой стороны, любовь становится абсолютной скукой, когда ее воспринимают тривиально, как простую

трапеза. Было важно, чтобы мужчины и женщины 1830-х годов, если они не хотели умирать от чистой скуки,

придумайте “бедную и хрупкую женщину”, мученицу, Ангела,

сестру милосердия, чтобы они цитировали Библию

в то время как служба дьявола была завершена. Вид любви, который его предшественники xviii века и

Империя сделала это было слишком прозаично. Они цеплялись за лицемерие из самосохранения. Но

нынешнее поколение, уставшее представлять мадам Марнефф, обращается к имперским привычкам барона

Юло… По-своему эмансипация, несомненно, превосходна. Но в конце концов она побеждает свой собственный объект.

Люди хотят свободы, но то, что они получают, в конечном итоге превращается в скуку. Для тех, кто

кто любовь стала такой же очевидной, как еда, тайна перестала существовать так же, как

многоточие и стимулирующие скрытности, остались только откровенные разговоры и факты природы;

все станет таким утомительным и рутинным! Потребуется много юбок, чтобы возбудить воображение, и

сварливые гувернантки, чтобы раздуть желание страсти. Вся эта болтовня об Эдиповом комплексе и

анальный эротизм разрушает любовь. Через несколько лет я не против пророчествовать, вы будете

шепча друг другу возвышенные слова об ангелах, сестрах милосердия и бесконечности. Они будут защищены

за доспехи и заключенных за решеткой. И любви в результате будет несравненно больше

романтично, более заманчиво, чем было в те дни эмансипации. - Мистер кардан вынул из рта

и отодвинул тарелку перед собой, а затем откинулся назад в своем кресле и

посмотрел на всех триумфально.

- Как мало ты понимаешь женщин! - сказала миссис Олдвинкл, покачивая головой. — Не

ты думаешь, Мэри?

- По крайней мере, некоторые из них, - согласилась Мисс. Триплоу. Похоже, мистер кардан забыл.

что Диана такой же настоящий парень, как Венера.

- Точно — - сказала миссис Олдвинкл. - Ты не мог быть более точным.

Восемь лет назад они с мистером карданом были любовниками. Эльзевир, пианист, был его преемником -

короткое правление-с последующим лордом Трунионом-или это был бы доктор Лекойн? Или оба? В этом

миссис Олдвинкл больше не помнила. И когда он это сделал, это было не совсем так, как

другие люди-например, мистер кардан-помнили. Для нее теперь это было все

удивительно романтично; это была Диана все время.

- Но я полностью с вами согласен, - сказал мистер кардан. - Я без сомнения признаю

существование креветок. Это можно даже доказать эмпирически.

- Как хорошо для вас! - сказала миссис Олдвинкл, пытаясь быть саркастичной.

- Единственная фигура Олимпа, которую я всегда считал чисто мистической, - продолжил г-н.

GIMBAL—, без каких-либо оснований в фактах жизни, это Афины. Богиня мудрости; богиня!

- повторил, выразительно. - Разве это не кажется им немного грубым?

Величественно миссис Олдвинкл встала из-за стола.

- Пойдем в сад — - сказал он.

Глава 4

Миссис Олдвинкл купила даже звезды.

- Посмотрите, как они сияют! - воскликнула она, выходя на террасу, возглавляя небольшую группу

приглашать. - И как мерцают, как пульсируют! Как будто у них есть жизнь. Я никогда не видел ничего подобного в

Англия, не так ли, Калами?

Он согласился. Он обнаружил, что согласие было уловкой, которая спасла его от работы —

определенно необходимость в этом идеальном доме. Он всегда стремился договориться с г-жой.

Олдвинкл.

- Посмотри, как отчетливо видна Большая Медведица — - продолжила она, заговорив лицом

обращен почти перпендикулярно к высотам неба. Большая Медведица и Орион были единственными

созвездия, которые она могла распознать. - Какие красивые и странные формы, не так ли? Могли бы быть

по проекту архитектора дворца Маласпина.

- Очень странно, - сказал Калами.

Миссис Олдвинкл отвернулась от Зенита и улыбнулась ему пронзительным взглядом, забыв-если это в темноте ночи без лунного света ваше очарование будет полностью потрачено впустую.

Мягкий голос мисс. Thriplow звучал почти по-детски в темноте.

— Это, должно быть, итальянские теноры, — сказал он, - страстно мерцая в небе. Не

удивительно, что с этими звездами на голове жизнь в этой стране в то или иное время склоняется к тому, чтобы напоминать

опера.

Миссис Олдвинкл была возмущена.

- Как ты можешь так хулить против звезд? Помните, что

он также купил итальянскую музыку, помимо привычек и обычаев всего народа Италии, она

продолжил: - кроме того, это дешевая шутка о тенорах. В конце концов, это единственная страна, в которой ЕИБ

пение выживает… - Она пошевелила рукой. И вы знаете, как сильно Вагнер восхищался, как это даже имя

его?

- Беллини, - старалась молодая племянница максимально безопасно. Она слушала тетю

говорить о восхищении Вагнера раньше.

- Беллини — - повторила Миссис Олдвинкл. - Жизнь в Италии-это не опера. Это действительно

страстный.

На мгновение Мисс. Триплоу не знал, что ответить. Она обладала даром делать

маленькие шутки, но в то же время боялись, что другие будут рассматривать ее как просто молодую женщину

проницательный и бесчувственный, блестящий, но непреклонный. Конечно, было бы возможно полдюжины реплик

но тогда она не могла забыть, что она была принципиально простой и ivordsworthiana,

фиалка на мшистом камне-особенно в ту ночь, с ее шалью.

Как бы нам ни нравилось это делать, как бы удивительно это ни было в глубине души, мы считаем своим

способности, мы обычно понимаем, что не вежливо хвастаться своим интеллектом. Но

мы не испытываем такого стыда за качества сердца; мы свободно говорим о доброте, которая

граничит со слабостью, щедростью почти всегда на грани экстравагантности (немного смягчая

тщеславие, когда мы заставляем такие чрезмерные качества превращаться в недостатки). Мисс.

Однако триплоу был одним из тех редких людей, которые были настолько ясны и, по общему признанию, блестящими, что не

не было бы никаких возражений против того, чтобы она упоминала этот факт столько раз, сколько хотела; люди увидят это

только оправданная самооценка. Но Мисс. Триплоу, порочно, не хотел, чтобы его хвалили или

хвалить себя за свой разум. Прежде всего, она стремилась сделать мир

цените его сердце. В таких случаях, когда мы позволяем себе руководствоваться естественной тенденцией к

блеск, или когда, перевозимый желанием выглядеть приятным для сияющих компаний,

было обнаружено, что он говорит что-то, чей блеск дисгармоничен с обладанием простыми эмоциями и

совершенно естественно, он собрался и быстро попытался исправить недомогание, которое он создавал среди своих

слушатель. Однако, к ее гордости, после минуты легкой медитации она смогла придумать

замечание, которое превосходно сочетало в себе самое искреннее чувство природы с намеком

элегантно непонятно-последнее особенно адресовано мистеру кардану, который, как джентльмен, хорошо-получив образование в старой школе, он был большим поклонником эрудиции.

- Да, Беллини — - с восхищением сказала она, опираясь на

ссылку, сделанную миссис Олдвинкл.

в середине вашего последнего предложения. - Какая чудесная мелодия! Целомудренная дива, помнишь? - И пел с

высокий голос первые музыкальные фразы. - Какой прекрасный мелодичный рисунок! Как тот, что нарисован в небе,

через горы, - указал он.

В самой дальней части долины, к западу от мыса, над которым стоял дворец, он выступал

большая и высокая полоса земли. С террасы была видна эта огромная подвешенная масса… Это было там, где

Мисс. Триплоу указывал, следя кончиком пальца за зубчатым волнистым силуэтом.

- В Италии даже природа-это произведение искусства, - добавил он.

Миссис Олдвинкл успокоилась.

- Это чистейшая правда — - сказал он и, сделав первый шаг, начал вечернюю прогулку по

длинная терраса. Хвост бархатного платья волочился по пыльным плитам. Это был эффект

общее, что имело значение; пятна, пыль, рога и маленькие насекомые, которые цеплялись друг за друга, были просто деталями.

Она относилась к своей одежде, следовательно, с аристократической небрежностью. Небольшая группа следовала за ней.

Луны не было; только звезды на темно-синем небосводе. Черные и вырезанные на фоне неба,

Геракл и сгорбленные атласы, Дианы в коротких юбках и Венера, скрывающие его чары

жесты соблазнительной скромности изображали из себя окаменевших танцоров на столбах балюстрады. В

среди них подглядывали звезды. Внизу, в темноте равнины, растекались созвездия света.

желтоватый. Непрерывное кваканье, удаленное, слабое, но очень ясное, исходило из невидимых вод.

- Такие ночи, - сказала миссис Олдвинкл, внезапно останавливаясь и интенсивно двигаясь

для Калами-они заставляют меня понять страсть юга. - У нее была тревожная привычка, когда она говорила

серьезно или близко, слишком близко приблизить лицо к собеседнику, чрезмерно открыть глаза и

установите его проницательно, как оптик при осмотре пациента. Как вагоны, запряженные в

Локомотив, который внезапно останавливается, гости миссис Олдвинкл столкнулись друг с другом

когда она остановилась.

Калами кивнул головой.

- Без сомнения, без сомнения. — Даже в свете тусклом звезд, он заметил, что глаза sra.

Олдвинкл жутко светился, когда приближался к своим.

- В эту ужасную буржуазную эпоху - в словаре миссис Олдвинкл (как у мистера фалькса, хотя

по разным причинам) не было другого слова более Горького презрения, чем “буржуазный”, - только

люди юга могут понять, что это такое, или даже, я считаю, почувствовать страсть. - Миссис Олдвинкл

я страстно верил в страсть.

Из-за тлеющей сигареты г-н кардан заговорил. В темноте его голос звучал еще сильнее.

спелые и сочные.

- Вы правы, — заверила она Миссис Олдвинкл, - очень правы. Это погода, конечно. Тепло имеет

двойное воздействие на жителей, прямое и косвенное. Прямой эффект не нуждается в объяснении; тепло привлекает

жар. Ясно. Но косвенное так же важно, как и первое. В жаркой стране никто не

важно много работать. Работает достаточно, чтобы остаться в живых (и это совершенно легко сделать

под этими звездами), культивируя долгие часы безделья. Теперь мне кажется очевидным, что особенно единственный

то, что кто-то, кроме философа, может делать все это доступное время, - это любовь. Ленивый,

у работника есть время, необходимая энергия и склонность отказаться от страсти. Это может только

процветают среди сытых безработных. Следовательно, за исключением мужчин и

женщины из незанятого класса, едва ли есть страсть во всей ее

похотливой сложности среди

рабочий север. Это было только среди тех, чьи желания и чья естественная лень наполнены

ласковое южное тепло, что страсть расцвела и продолжает процветать, как вы хорошо указали, моя

дорогая Лилиан, даже в эту буржуазную эпоху.

Мистер кардан едва заговорил, и миссис Олдвинкл, возмущенная, вернулась на прогулку. Он возмутился

все ваши чувства.

Без того, чтобы мистер кардан перестал говорить, группа прошла мимо силуэтов сдержанной Венеры Дианы

и его внимательный пес, от Геракла, склонившегося над дубинкой, от атласа, склонившегося под тяжестью земного шара, от Вакха

поднимая к небу пень сломанной руки, в руке которой он когда-то держал бокал вина.

Достигнув конца террасы, они вернулись, снова пройдя по ряду символов.

- Так легко говорить — - сказала миссис Олдвинкл, когда он закончил. - Но не изменяет

ни в чем не величие страсти, ее чистота, ее красота и… - голос исчез на вздохе.

- Это был не Босуэ, - застенчиво спросила Ирэн, но решительно, потому что чувствовала, что

тетя Лилиан обязана вмешаться; кроме того, тетя Лилиан любила, чтобы она участвовала в разговоре — нет

это Босуэ сказал, что в страсти есть что-то бесконечное?

- Великолепно, Ирэн — - крикнул мистер кардан, чтобы подбодрить ее.

Ирэн покраснела в темноте.

- Думаю, Босуэ прав, - заявила она. Она могла превратиться в львицу, несмотря на

застенчивость, когда дело дошло до поддержки тети Лилиан. - Думаю, он абсолютно прав — - подтвердил он,

после краткого воспоминания о собственном опыте. Она сама чувствовала это бесконечно, более одного

раз, потому что Ирэн уже влюбилась удивительное количество раз. “Я не могу понять”,

раньше тетя Лилиан говорила, Когда Ирэн собиралась расчесать ей волосы перед тем, как лечь: “я не могу понять

как получилось, что ты не очень любишь Питера, Жака или Марио.”(Название изменилось

по мере того, как Миссис Олдвинкл и ее племянница перемещались по сезонным поездкам туда и обратно в

карта Европы; но в конце концов, что такое имя?) “Если бы я был в твоем возрасте, я был бы очень взволнован

ради него.“Теперь, думая более серьезно о Питере, Жаке или Марио, Ирен обнаружила, что тетя Лилиан

я была права, мальчик был замечательным. И вспомнить свое пребывание в Континентале, Бристоле или

в Савойе она влюбилась-глубоко. То, что он чувствовал в этих случаях, было определенно

бесконечный. Босуэ, она не сомневалась, она знала, о чем говорит.

- Ну, если ты думаешь, что он прав, Ирен, - сказал мистер кардан, - у меня нет выбора

если я не выйду из спора. Я преклоняюсь перед высшим авторитетом. - Он достал сигарету из

рот и поклонился.

Ирэн снова почувствовала покраснение.

- Теперь Господь издевается надо мной, - сказала она.

Миссис Олдвинкл защитно провела руками по плечам молодой женщины.

— Я не позволю тебе подшутить над ней, кардан, - сказал он. - Эта девушка единственная из нас, кто

он обладает истинным чувством благородного, прекрасного и великого. - Она притянула Ирэн к себе и

давил на нее боковыми перипатетическими объятиями. Счастливая, преданная, Ирэн сдалась. Тетя Лилиан была

чудесно!

- О, я знаю — - извинился Мистер кардан, - что я не более чем старый каприпед.

Тем временем лорд Ховенден громко ворчит и идет немного отдельно от остальной части

он надеялся, что группа, очевидно, занималась своими мыслями и ничего не слышала от

это было сказано за последние пять минут. Все сказанное его нисколько не беспокоило. Как

Ирэн так много знала о страсти, задавалась вопросом? Они бы существовали, они бы существовали еще… другие люди?

Вопрос повторялся настойчиво и болезненно. Думая о дальнейшей диссоциации

полностью из всего, что он слышал, он обратился к мистеру Фальксу.

- Скажите, мистер фалькс — - задумчиво сказал он, словно размышляя над этим вопросом какое-то время

прежде чем спросить — что вы думаете о фашистских профсоюзах?

Мистер фалькс ответил. Страсть, думал Калами, страсть… Как можно было ее не чувствовать, сэр!

Вздыхать. Если бы можно было сказать “никогда больше” и убедиться, что это действительно так, это было бы большим утешением.

Тем не менее, он подумал, что в этой женщине есть что-то ужасно привлекательное, Мисс Марвел. Триплоу.

Мисс. Thriplow, тем временем, хотел бы сказать что-нибудь, чтобы показать, что тоже

я верил в страсть, но в страсть другого качества, чем у миссис Олдвинкл; тип

более естественной, более спонтанной, почти детской страсти; не искусственная страсть, которая обычно процветает в

гостиные. Кардан преуспел, чтобы не думать об этом слишком серьезно. Но нельзя было ожидать, что

он много знал о простой, освежающей любви, которую она имела в виду. Также ничего не происходит

я мог бы подождать от миссис Олдвинкл. Мисс. Триплоу прекрасно понимал и то, и другое. Думать лучше,

однако она пришла к выводу, что они были слишком слабыми и нежными — эти ее страсти

ясно-чтобы быть упомянутым там, для такой не понимающей аудитории.

Случайно, проходя мимо, Мисс бьюти-бьюти-бьюти-бьюти. Триплоу взял лист с нависающей ветки. Отвлекать,

он раздавил ее между пальцами. Из мацерированного листа аромат поднялся до его ноздрей. Она подняла руку, пока

лицо, пахло один раз, пахло снова и снова. И вдруг я вернулся в парикмахерскую

Мистер уэлтрингем, ожидая, что его двоюродный брат Джим постригется. Мистер чигвелл, парикмахер, оказался в этом

мгновенное отключение механической щетки. Вал машины все еще вращался, эластичный ремень все еще бегал

вокруг колеса, извиваясь с одной стороны и с другой, как смертельный змей, подвешенный

опасно над бритой головой Джима.

- Хотите блеска, мистер Триплоу? Волосы сухие, знаете ли, довольно сухие. Или предпочитает лосьон

обычный лавровый лист?

- Лосьон, - сказал Джим самым густым, самым низким голосом, который он мог снять с груди.

И Мистер Чигвелл брал испаритель и заворачивал голову Джима в облака жидкости.

светло-коричневый. И воздух наполнялся ароматом, тем самым, который теперь вырвался из этого листа,

опорный лист дерева, который она держала в руке. Это случилось много лет назад, и Джим был

мертвый. В детстве они любили друг друга той глубокой и нежной страстью, от которой она не могла

говорить-не там, не в то время.

Остальные продолжали говорить. Мисс. Thriplow пахло измельченным лавровым листом и

он вспомнил свое детство, умершего двоюродного брата. Дорогой, дорогой Джим, сказал себе; дорогой Джим!

Снова и снова. Как Амара, как он чувствовал себя ужасно несчастным из-за своей смерти! И все еще страдал;

тем не менее, после стольких лет. Мисс. Триплоу вздохнул. Она гордилась тем, что может так сильно страдать;

он поощрял собственные страдания. Это внезапное воспоминание о Джиме, еще мальчике в парикмахерской, воспоминание

яркий, возникший, как по очарованию, запах смятого листа, был признаком изысканной чувствительности.

Вместе с горем она испытывала определенное удовлетворение. В конце концов, все это произошло почти само по себе,

самопроизвольно. Она всегда говорила людям, что она чувствительна, что у нее огромное сердце. Тогда

это было доказательство. Никто не знал, насколько сильно она страдала. Как можно догадаться, что

была ли за его радостью? Чем более чувствительна она, как она говорила себе, тем более застенчивой

и духовно добродетельно, больше становится необходимым носить маску. Смех, шутки были

маски, которые скрывали от мира то, что было в его душе; они были доспехами против любопытства, которое

он развратился и поранился. Как они могли знать, например, что Джим значил для нее, что еще

это означало после стольких лет? Как они могли себе

представить, что в их

сердце, где вы оба еще общались? Дорогой Джим, она говорила себе, дорогой Джим! Слеза

они обнажили его глаза. Пальцем, все еще пахнущим лавровым листом, она высушила их.

Именно тогда ему пришло в голову сделать из этого великолепную сказку. Молодая женщина и мальчик гуляли,

как сейчас, под звездами-фантастические итальянские звезды, которые мерцают, как теноры (помните-если бы вы ввели это в описание) высоко в бархатном небе. Их диалоги приближаются каждый раз

больше о теме любви. Он довольно застенчив. (Его имя, решила Мисс. Триплоу, это будет Белами.) Один

этих очаровательных парней, которые обожают на расстоянии, которые любят думать, что девушка слишком хороша

для них, и они никогда не осмеливаются ожидать, что она сойдет с их божественности и тому подобного. Боится сказать

ясно, что он любит ее из-за страха быть позорным отвергнутым. Она, конечно, слишком любит его и его имя

это Эдна. Чувствительное и нежное существо; мягкость и застенчивость-это его качества, которые больше всего

привлекать.

Разговор между ними все ближе и ближе к любви; звезды пульсируют так

в восторге. Эдна ловит ароматный лавровый лист, проходя мимо.

“Самое замечательное в любви”, - говорил мальчик в этот момент (это была речь

готов, и он набрался смелости, чтобы сказать это полчаса назад), “настоящая любовь, я имею в виду, это

полное понимание, слияние духов, перестань быть тем, кем ты являешься, чтобы стать другим человеком…”

Но, нюхая смятый лист, она внезапно, бесконтрольно кричит (импульсивность - одна из

прелести Эдны).

“Парикмахерская Weltringham! Забавный мистер Чигвелл косоглазый! Резиновый ремень все еще вращается

нон-стоп в томе колеса, извиваясь, как змея!”

Несчастный парень, бедный Белами, ужасно разочарован. Если она так ответит

когда он говорит о любви, лучше молчать.

Делается длительная пауза; он начинает говорить о Карле Марксе. И, конечно, она не может объяснить

— из-за психологической невозможности-что парикмахер из Велтрингема является символом его детства и

то, что аромат смятого листа вернул память о его мертвом брате — в истории это было бы

брат. Просто она не может объяснить, что, казалось бы, невежливое прерывание

вызванная мучением внезапного воспоминания. Хочу горячо, но почему-то нет

ты можешь начать. Это слишком сложно и слишком деликатно, чтобы сказать это словами; и когда сердце так

чувствительный, как раскрыть, что внутри него, как очистить рану? С другой стороны, он должен иметь

я догадался, что должен был любить ее достаточно, чтобы понять; у нее тоже есть гордость. Чем больше

отложено, более невозможно, если принять объяснение. Скучным и раздражающим голосом он продолжает говорить о

Карл Маркс. Внезапно, бесконтрольно, она начинает рыдать и смеяться одновременно.

Глава 5

Черный силуэт, который на террасе лишь поверхностно символизировал мистера кардана, преобразился-если, когда он вошел в освещенный зал, в человека полного и гениального. Красное лицо, теперь под

свет, он сиял в улыбке.

- Я знаю Лилиан, - сказал он. - Она будет сидеть снаружи, под звездами, чувствуя себя романтично,

несмотря на то, что он закручен, часами подряд. Ничего не поделаешь, уверяю вас. Завтра она будет с

ревматизм. Нам остается только принять и постараться терпеливо переносить ее страдания. - Он сам

он сидел в кресле перед огромным потухшим камином. - Вот лучше, - вздохнул он. Калами

и Мисс. Thriplow последовали его примеру.

- Вы не думаете, что лучше взять с собой шаль? - предложила Мисс. Thriplow после некоторого

время.

- Это только разозлит ее, - ответил мистер кардан. - Если Лилиан сказала, что она довольно

жарко, чтобы оставаться на улице, так что жарко. Мы уже оказались довольно глупыми из-за того, что предпочли войти;

если мы возьмем шаль, мы рискуем стать еще хуже, чем это; мы будем грубыми, непослушными

и мы хотим ее опровергнуть. “Дорогая Лилиан”, представьте себе, говоря, ” это не жарко, и, если вы

говоря иначе, вы будете говорить чушь собачью. Поэтому я принесла ему шаль.“Нет, нет, Мисс. Мэри!

Конечно, вы также знаете, что это не сработает.

Мисс. Триплоу согласился.

- Очень дипломатично! — сказать. - Вы абсолютно правы. Перед Господом мы

все невинные дети… только немного повзрослела, - добавила она неактуально, всегда

с его детской стороны, протягивая руку в нескольких дюймах от Земли. И так же по-детски

улыбнулся ему.

- Немного… - повторил Мистер кардан, иронизируя. Поднятие правой руки на уровне глаз,

он измерил расстояние между большим и указательным пальцами примерно в полдюйма. Правым глазом он

он заглядывал сквозь пальцы. - Я знаю некоторых детей, которые, по сравнению с Мисс. Мэри Триплоу,

быть… - Он поднял руки, а затем ударил их по бедрам, позволяя приговору закончиться самому

в плодотворной тишине.

Мисс. Триплоу возмущался этим отрицанием своей детской простоты. Таково Царство Небесное. Но

обстоятельства не позволяли ему очень категорически настаивать на этом аспекте в присутствии

мистер кардан. История дружбы между ними была не самой счастливой. В первый раз, когда

они обнаружили, что мистер кардан уменьшил ее одним взглядом (ошибочно настаивала Мисс кардан). Thriplow), один

как циничный и дьявольский доверенный человек, и относился к ней, как к совершенно “moderna ” девушка и

без предубеждений, один из тех, кто не только faˆв то, что им нравится (что ничего, потому что самые

скромные и “старомодные” могут и делают), но они также открыто и воздушно говорят о своих

развлечение. Вдохновленный желанием угодить и позволяя себе увлечься легкостью адаптации к атмосфере

господствующая Мисс. Триплоу беззаботно взял на себя роль, предназначенную для него. Как снаружи

яркий, очаровательный и озорно дерзкий, пока, наконец, доброжелательно не мигает время

все, мистер кардан вел разговор по таким извилистым и возмутительным путям, что мисс Дж. Thriplow

он начал бояться, что она поставила себя в ложное положение. С таким человеком, как он, только Бог

вы знаете, что может произойти дальше. Почти незаметно Мисс Марвел. Thriplow повернул-если саламандра играет среди

вспышек в цветущей примуле на берегу реки. Отсюда в

когда я разговаривал с мистером карданом, молодой и серьезный писатель-культурный и умный, но

совсем не убеждена — выходила на сцену. Что касается него, он принял романиста с тем же тактом, что и

он отличал его во всех социальных переговорах, не проявляя ни малейшего изумления перед лицом перемен. Узел

Максим, позволял себе время от времени фиксировать ее мигающим глазом и осмысленно улыбаться.

В таких случаях Мисс. Триплоу делал вид, что не замечает. Это было лучшее, что я мог сделать в таких

условия.

- Люди, кажется, воображают, - сказала мисс. Thriplow, с мученическим вздохом-что быть

культурный означает быть изощренным. Кроме того, они не могут отдать должное кому-то за доброе сердце,

столько, сколько за хорошую голову.

И у нее было такое доброе сердце! Любой может быть блестящим, говорил он; но какое это имеет значение

это не просто быть добрым и щедрым, а иметь чистые чувства. Она была довольна инцидентом с

лавровый лист. Это были хорошие чувства.

- Кажется, что люди абсолютно ничего не понимают из того, что я пишу, - продолжила Мисс Марвел.

Триплоу. - Им нравятся мои книги, потому что они умные и необычные, несколько циничные и

парадоксально, элегантно жестоко. Они не понимают, насколько все это серьезно. Они не видят трагедии и

нежность, которая есть позади. Видите ли, - объяснила она, - я пытаюсь сделать что-то новое: композицию

химия всех категорий. Я стараюсь сочетать легкость с трагедией, добротой, грацией, фантазией,

реализм, ирония и чувство. Для людей это просто развлечение, не более того. - Она подняла

руки, уныло.

- Ничего другого ожидать нельзя,-сказал мистер кардан, утешая ее. - Любой, кто

есть что сказать всегда будет неправильно. Общественность понимает только то, с чем

вы прекрасно знакомы. Все новое дезориентирует вас. А потом думать о плохих

понимается даже среди умных людей, которые уже знают друг друга. Вы когда-нибудь переписывались с любовью

далеко? - Мисс. Триплоу согласился, вздыхая; профессионально она была знакома с

все мучительные переживания. - Тогда вы должны знать, как легко вашему корреспонденту принять

выражение одного из его мимолетных состояний, забытых задолго до того, как письмо достигло пункта назначения, например

его постоянное духовное состояние. И вы никогда не были шокированы, когда получили в ответ письмо

поздравляя ее с ликованием, когда она действительно погружена в меланхолию? Или не удивился,

спуститесь на утреннюю трапезу, чтобы найти рядом с вашей тарелкой шестнадцать страниц сочувствия и

утешение? И вам когда-нибудь не везло быть любимым кем-то, кого вы не любите? Тогда он должен очень хорошо знать, как

выражения любви, написанные со слезами на глазах и от всего сердца, кажутся не только

глупые и раздражающие, но, что еще хуже, очень безвкусные. Явно вульгарные, как те

плачевные письма, прочитанные на слушаниях по бракоразводным процессам. И все же это точно такие же выражения

который вы использовали, когда писали любимому человеку. Точно так же читатель, который не

настроенный на преобладающее настроение автора становится смертельно раздраженным перед лицом вещей, которые были

написаны с величайшим энтузиазмом. Или же, как дальний корреспондент, он может что-то цепляться

что для вас не так важно, и интерпретировать его как центр и суть всей книги. А ты, как

вы только что признались, это делает вещи еще сложнее для ваших читателей. Пишет сентиментальные трагедии

в тоне сатиры, и они видят только сатиру. Разве не следует ожидать, что произойдет недоразумение?

— Конечно, есть кое — что из этого, - сказала мисс. Триплоу. Но не все, добавила она для себя.

- Тогда вы должны помнить, - продолжил Г-Н кардан, - что большинство читателей не читают

действительно. Когда вы думаете, что страницы, которые стоили вам мучительной рабочей недели, и

непрерывные читаются случайно, только шпонированные, если

быть точным, в течение нескольких минут, не должны

удивляться, что время от времени между читателем и автором возникают недопонимания. В настоящее время,

мы все слишком много читаем, чтобы хорошо читать. Мы читаем только глазами, а не воображением;

мы не удосужились преобразовать напечатанное слово в живое изображение. И мы делаем это, я могу сказать,

за чистую самооборону. Хотя мы прочитали огромное количество слов, девятьсот девяносто в каждом

тысяча даже не достойна того, чтобы ее читали, кроме как поверхностно, одним взглядом. Чтение

поверхностный из бессмысленных вещей создает привычку быть небрежным и небрежным со всем, что

мы читаем, даже если это хорошие книги. Ты можешь ужасно страдать, чтобы написать их, моя дорогая

Мисс. Мэри; но из каждой сотни ее читателей, по ее мнению, многие испытывали те же страдания, когда читали

что вы написали? И когда я говорю “читать”, - добавил г-н кардан, - я имею в виду “действительно читать”; сколько,

я повторяю?

- Кто мог знать? - сказала мисс. Триплоу. И даже если бы они прочитали это должным образом,

она думала, действительно ли они смогут выкопать это сердце? Это был жизненно важный вопрос.

- Именно эта мания оставаться в курсе, - продолжил мистер кардан, - убивает искусство чтения.

Большинство людей, которых я знаю, читают три-четыре газеты в день, пролистывают полдюжины

еженедельники с субботы по понедельник и десятки журналов в месяц. В остальное время, как

Библия поставила бы с оправданной энергией, они занимаются проституцией в поисках большего количества художественной литературы, большего количества пьес, стихов и

биография. Нет времени ни на что, кроме поверхностного чтения, без понимания. Если вы все еще

усложнять, писать трагедии фарсовым тоном, можно только надеяться на путаницу. И грех читателей,

консолидированная многими поколениями, она сильно отличается от судьбы, которую видели ее авторы. Поездка

Гулливера; с минимальной отладкой он стал книгой для детей; каждое Рождество выходит

новое иллюстрированное издание. Это результат того, что говорят глубокие вещи о человечестве в форме

сказка. Публикации Лиги чистоты неизменно фигурируют под заголовком

“Мелочи” в каталогах книжных магазинов. Теологическая часть потерянного рая, которая для самого себя

Милтон был ее фундаментальным и существенным аспектом, сегодня это так смешно, что мы в конечном итоге игнорируем ее

вполне. Когда речь идет о Милтоне, что приходит нам в голову? Великий религиозный поэт? Не,

Милтон означает для нас сборник изолированных отрывков, наполненных светом, цветом и

оглушительная гармония, которая парит, как музыкальные звезды, погруженные в ничто. Иногда

взрослые шедевры одного поколения становятся школьными чтениями следующего поколения. Кто - то с большим

шестнадцатилетний человек сейчас читает стихи сэра Вальтера Скотта? Или его романы? Сколько книг

благочестивые и моралисты выживают только благодаря хорошему написанию! И как наш интерес просто

эстетическое качество этих книг шокировало бы их авторов! Нет, в конце концов, это

читатели, которые делают книгу такой, какая она есть по сути. Автор предлагает, читатели располагают. Быть

неизбежно, Мисс. Мэри. Вы должны примириться со своей судьбой.

- Полагаю, стоит, - сказала мисс. Триплоу.

Калами нарушил свое молчание впервые с тех пор, как они вошли в комнату.

- Я не знаю, почему ты жалуешься на то, что тебя неправильно поняли, — сказала она, улыбаясь. - Я всегда думал, что

было бы гораздо неприятнее быть понятым. Вам может быть скучно с придурками, которые не

они могут понять то, что кажется им очевидным; их тщеславие ранено тем, как они его интерпретируют, они его

они делают ее такой же вульгарной, как и они сами; или заставляют ее чувствовать, что она потерпела неудачу как художник, из-за того, что она не

умудрились быть прозрачными и понятными. Но что это все по сравнению с ужасами бытия

понял? Вы выставляете себя напоказ, даете о себе знать, находитесь во власти созданий, на опеку которых вы доверили свою

душа. Это ужасно! На вашем месте, — продолжил он, - я бы поздравил себя. Есть один

аудитория, которая любит ваши книги, но по неправильным

причинам. В то же время вы в безопасности, вы вне

достигни, владелица сама и неповрежденная.

- Может быть, вы правы, - сказала мисс. Триплоу. Калами понимал ее, размышлял, или, по крайней мере,

отчасти понимал; правда, его часть нереальная, искусственная, но все же пришлось признать, что

это была часть. И это, конечно, не было приятно.

Глава 6

Разрыв между двумя разными предпочтениями-болезненная судьба почти каждого человека. Дьявол

тянет с одной стороны, пекарь с другой; тянет плоть, тянет дух; то любовь, то долг; разум или

благословенное предубеждение. Конфликт в его разнообразных формах является предметом любой драмы. Даже если

научились ли мы сожалеть о зрелище корриды, казни или гладиаторского боя,

тем не менее, мы с удовольствием ощущаем искажения тех, кто страдает от духовных страданий. Когда-то

в будущем, когда общество рационально организовано таким образом, чтобы каждый человек

занимайте должность и работайте над тем, на что вы действительно способны, когда образование прекратилось.

подстрекать умы молодых людей фантастическими предрассудками, а не истинами, когда железа

эндокринная научится функционировать в полной гармонии и болезни будут подавлены, все наши

литература о конфликтах и несчастьях покажется нам странно непонятной; и наш вкус к

зрелище душевных пыток будет воспринято как непристойное извращение, от которого порядочные люди получают

стыдить. Радость займет место страдания как центральной темы искусства; возможно, искусство перестанет

существовать во время процесса. Сегодня говорят, что у счастливого народа нет истории; мы можем добавить, что

у счастливых людей нет литературы. Автор презирает в одном абзаце двадцать лет счастья

герой и охватывает двадцать глав за одну неделю страданий и духовных конфликтов. Если

страдания прекращаются, писать больше нечего. Может быть, все это улучшится.

Конфликт, который в последние недели поселился в духе Ирэн, хотя и не был таким серьезным

что касается внутренних сражений, которые сводили с ума храбрых, стремящихся спасти свою целостность, это было

для нее очень больно. Говоря более конкретно, вопрос сводился к следующему: живопись и письмо

или сделать свое собственное нижнее белье.

Но для тети Лилиан этот конфликт никогда не мог быть серьезным: на самом деле вполне вероятно, что это не так

он должен вообще существовать. Потому что, если бы не тетя Лилиан, естественная женщина, существовавшая в Ирен, имела бы

неоспоримая крестьянка осталась, и ее дни прошли бы в самом спокойном удовлетворении, в

середина сложного ажурного ее нижнего белья. Тем временем

тетя Лилиан была на стороне жены

Неестественно, и именно она практически дала жизнь писателю и художнику, который изобрел великих

таланты Ирен и противодействовали их домашнему приданому.

Энтузиазм Миссис Олдвинкл к искусству был таков, что для нее каждый должен заниматься чем-то

модальность. Его великое сожаление заключалось в том, что он не хотел ни одной из них. Природа лишила его

сила самовыражения; даже в обычной беседе ей было трудно продолжать то, что она хотела

сказать. Его письма были составлены из кусочков предложений, как будто мысли, бомбили и

разбитые на антиграматические фрагменты, они распространились по бумаге. Любопытное отсутствие

умение с руками, объединенное с естественным нетерпением, мешало ей правильно рисовать или

даже делать прямой шов. И хотя я слушал музыку с выражением экстаза, у меня был

слух, который не отличал мажорную треть от другой минорной. “Я один из тех несчастных людей”,

обычно он говорил: “у них темперамент художника, но не его приданое.“Она была довольна

развивать собственный темперамент и развивать способности других. Я никогда не встречал молодого человека.,

мужчина или женщина, не побуждая его стать художником, писателем, поэтом или музыкантом. Вне ее

кто убедил Ирен, что ее легкое мастерство с кистями было талантом, и что благодаря ее

веселые письма, я должен был начать писать стихи. “Как можно скоротать время

так легкомысленно и глупо?“я часто спрашивал, когда встречал Ирэн со своими

нижнее белье. И Ирен, которая поклонялась своей тете с преданностью домашней собаки, что возможно только

когда ей было восемнадцать, она откладывала шитье в сторону и посвятила всю свою энергию рисованию

акварели и описать в rimas пейзаж и цветы сада. Но нижнее белье продолжалось

это, тем не менее, постоянное искушение. Она обнаружила, что спрашивает, почему текущая точка

это не могло быть лучше, чем его рисунки, или петля не могла бы превзойти его стихи. И

разве свитера не будут более полезными, чем акварели? Более полезные и, кроме того, интересовали его гораздо больше

то, что она носила на своей коже; Ирэн любила красивые вещи. Так же, как тетя Лилиан, которая раньше

смеяться, когда я видел, как она носит что-то уродливое или неуклюжее. В то же время тетя Лилиан не дала ему большой

пособие. За тридцать шиллингов можно было бы сделать в магазине платье стоимостью пять или шесть гиней…

Нижнее белье стало для Ирины самой плотью, незаконной любовью и мятежным разумом;

поэзия и акварели, наделенные священным качеством обожанием, которое она испытывала к тете Лилиан,

они стали духом, долгом и религией. Конфликт между ее призванием и тем, что тетя Лилиан считала хорошим, если

это продолжалось исчерпывающе.

Однако в такие ночи естественная женщина полностью исчезала. Под звездами, в

торжественная тьма, кто мог подумать о нижнем белье? И тетя Лилиан была такой заботливой!

Несмотря на это, на самом деле было довольно холодно.

- Искусство-это самое главное — - со всей искренностью говорила миссис Олдвинкл. — Быть

что действительно делает жизнь стоящей и оправдывает существование. - Когда Мистера кардана не было

присутствуя, она позволяла себе более безопасно разрабатывать свои любимые темы.

Ирэн, сидевшая у ног тети и откинувшаяся на колени, могла только согласиться. Миссис Олдвинкл

осторожно проводила рукой по их волосам или расчесывала их кончиками пальцев, растрепывая их

провода на поверхности. Ирэн закрыла глаза; счастливая, сонная, просто слушала. Слова миссис Олдвинкл

они приходили к ней в глотках, одна фраза здесь, другая там.

- Бескорыстно, — говорила она, - бескорыстно… У миссис Олдвинкл был способ

сам, когда хотел остановиться на идее, повторять одно и то же слово несколько раз. —

Незаинтересованный… - Это книжный магазин того, чтобы искать фразы, которые он никогда не найдет, давать объяснения

которые в конечном итоге стали в лучшем случае довольно бессвязными. - Удовольствие от работы

собственная работа… Флобер проводил дни над одним

предложением. Чудесный…

- Замечательно, - повторила Ирен.

Легкий ветерок закрадывался сквозь лавры. Крепкие листья потрескивали при прикосновении друг к другу, как

металлические весы. Ирэн немного дрожала; было решительно холодно.

- Это действительно деятельность… миссис Олдвинкл не могла вспомнить слово “творческий””

и пришлось довольствоваться жестом свободной рукой. - Через искусство человек ближе

стать богом… Бог…

Ночной ветер усиливал шум лавровых листьев. Ирэн скрестила руки на груди,

пытаюсь немного согреться. К сожалению, эта змея из плоти и крови тоже была чувствительной. А

туника, которую она носила, не имела рукавов. Тепло его обнаженных рук постепенно уносилось

ветер; температура окружающей среды поднялась на сто миллиардных долей градуса.

- Это самое высокое в жизни, - говорила миссис Олдвинкл. - Это сама жизнь.

Она нежно любила волосы Ирен. В этот самый момент мистер фалькс медитировал

о трамваях Аргентины, между месторождениями гуано в Перу, о гудении гидроэлектростанций aos

ноги африканского водопада, австралийские кулеры, наполненные бараниной, горячие и

темные угольные шахты Йоркшира, чайные плантации на склонах Гималаев, банки

японцы, стоящие перед устьями мексиканских нефтяных скважин, пары, выбитые водой в море,

из Китая-в этот самый момент мужчины и женщины всех рас и цветов внесли свой вклад в

обеспечить доход миссис Олдвинкл. В его столице в двести семьдесят тысяч фунтов никогда не садилось солнце.

Люди работали; миссис Олдвинкл вела светскую жизнь. Жил только искусством; другие,

несмотря на то, что они не знали о привилегиях, о существовавшем в них искусстве.

Молодой лорд Ховенден вздохнул. Если бы только его пальцы играли на гладких прядях

и блестящие волосы Ирен! Ей казалось огромной тратой, что она так гордится своей тетей

Лилиан. Я не знал почему, но чем больше мне нравилась Ирэн, тем меньше мне нравилась тетя Лилиан.

- Ты когда-нибудь думал о том, чтобы стать художником, Ховенден? - вдруг спросила ее миссис.

Олдвинкл. Она наклонилась вперед с блеском во взгляде, который отражал свет двух-трех тысяч

солнце. Я хотел бы предложить ему попытаться создать поэтические рапсоды о политической несправедливости и

состоянии

низшие классы. Что-то между Шелли и Уолтом Уитменом.

- Я? - изумленно сказал Ховенден; потом громко рассмеялся: - ха, ха, ха! - на диссонирующей ноте.

Оштрафованная Миссис Олдвинкл вернулась на исходную позицию.

- Я не знаю, почему ты находишь эту идею такой комичной, - сказал он.

- Может быть, потому, что у него есть другие дела, — сказал мистер фалькс из тьмы. - Больше задач

важный. И, услышав этот глубокий, пророческий и волнующий голос, лорд Ховенден почувствовал, что

это действительно было.

- Важнее? - вы спросили миссис Олдвинкл. — Что может быть важнее? Подумайте о

Флобер… - Подумайте о Флобере, работающем пятьдесят четыре часа в неделю над относительной молитвой.

Но миссис Олдвинкл была слишком взволнована, чтобы сказать все остальное, подумав о Флобере.

- Подумайте о шахтерах, для разнообразия, - ответил мистер фалькс. - Это мое предложение.

— Да, - согласился лорд Ховенден, резко кивнув. Большая часть его состояния

это было из угля. Он чувствовал себя особенно ответственным за шахтеров, когда у него было время

думать о них.

— Думать… - сказал мистер фалькс своим глубоким голосом и погрузился в еще большую тишину.

красноречиво пророческий, чем любая речь.

Долгое время никто ничего не говорил. Ветер начал дуть сильнее, порывами каждый

еще холоднее. Ирэн сжала руки вокруг груди; она дрожала и зевала от холода. Миссис.

Олдвинкл почувствовал, как молодое тело дрожит на коленях. Ей тоже было холодно, но после чего

сказал кардану и остальным было невозможно войти, по крайней мере, на данный момент. Следовательно,

дрожь Ирэн беспокоила ее.

- Прекрати, — смело сказала она. - Какая глупая привычка! Похоже на один из них

щенки, которые дрожат даже перед огнем.

— Я тоже думаю, - сказал лорд Ховенден, защищая Ирен, - что становится холодно.

- Ну, если вы так думаете — - с подавляющим сарказмом возразила миссис Олдвинкл — - это так

нам лучше зайти и попросить их зажечь огонь.

Было почти полночь, когда она наконец дала им разрешение войти в дом.

Глава 7

Пожелать спокойной ночи окончательно и в последний раз было ужасно сложно для миссис Олдвинкл.

Этими роковыми словами она объявляла смертный приговор еще одному дню (и еще одному, и дням

сейчас их было так мало, так мучительно коротко!); и она тоже, по крайней мере, временно,

для себя. Потому что, как только формула была произнесена, ей ничего не оставалось, кроме как тащиться в

вдали от света и похоронить себя в черном бессознательном состоянии сна. Шесть, восемь часов будут украдены, и никогда

восстанавливать. И сколько очаровательных вещей не происходило бы, пока она была там, растерянная

между простынями! Необыкновенное счастье могло представиться и, найдя ее спящей и глухой

по призыву они будут следовать. Может быть, кто-то мог бы сказать что-то первостепенное значение, что-то

откровенный и апокалиптический, которого она ждала всю свою жизнь. “Эй!”, я мог бы представить кого-нибудь

в заключение: “это секрет вселенной! Как жаль, что бедная Лилиан легла спать! Она бы хотела услышать

это.“Спокойной ночи — это было все равно, что расстаться с

застенчивой любовью, которая еще не набралась смелости

заявить о себе. Еще одна минута, и он бы сказал, что оказался бы редкой родственной душой. Спокойной ночи, и он

он навсегда останется скромным и ничтожным мистером Джонсом. Должна ли миссис Олдвинкл расстаться с

еще в этот день, прежде чем он преобразился?

Спокойной ночи. Каждый день она откладывала этот приговор до максимума. В общем, было полтора или

два часа ночи, когда она позволила себе уйти в спальню. Даже тогда слова не

они были четко выражены. Потому что на пороге двери спальни она останавливалась и обновлялась.

отчаянно беседа с любым гостем, который сопровождал ее на верхний этаж.

Кто мог поручиться? Может быть, в эти последние минуты, в интимной близости ночной тишины, что-то из

максимальное величие будет сказано. Последние пять минут в целом превратились в сорок, и г-жа Дж.

Олдвинкл оставался там, отчаянно откладывая момент вынесения смертного приговора.

Когда не с кем было поговорить, ей приходилось соглашаться на компанию Ирен,

которая всегда, переодевшись, возвращалась в ночной рубашке и помогала своей тете — так как было бы несправедливо держать ее

горничная бодрствует до рассвета-готовится ко сну. Не то чтобы маленькая Ирен была способна

произнести наиболее значимое слово или иметь апокалиптические мысли. Хотя нельзя

с уверенностью сказать, потому что из уст детей и невинных… В любом случае, поговорить с

Ирэн, такой дорогой и преданный ребенок, была лучше, чем окончательно приговаривать себя к постели.

В ту ночь прошло около часа, когда миссис Олдвинкл начала двигаться к

дверь. Мисс. Триплоу и Мистер фалькс, заявив, что они тоже спали, сопровождали ее. Как

тень, Ирэн тоже встала и молча последовала за движениями тети. На полпути к

дверь, миссис Олдвинкл остановилась. Потрясающий, как трагическая королева, завернутая в Красный бархат-коралловый. Его маленькая тень в Белом Муслине также прекратилась. Меньше пациентов, мистер фалькс и Мисс Фэлкс.

Thriplow пошли дальше.

- Вы тоже должны ложиться спать, - сказала миссис Олдвинкл трем мужчинам, которые

они оставались в самой дальней точке зала одновременно властным и игривым тоном. —

Я не позволю тебе, кардан,держать этих молодых людей всю ночь. Бедный Калами

путешествовал весь день. И Ховенден, в его возрасте, должен наслаждаться каждым часом сна, который он

мочь. - Миссис Олдвинкл не признавала, что кто-либо из ее гостей продолжал стоять, пока она

она лежала мертвой в гробнице сна. Бедный Калами! - жалко воскликнул он, как будто это был случай

жестокое обращение с животными. Она очень заботилась об этом молодом человеке.

- Да, бедный Калами! - повторил Мистер кардан, подмигивая. - Это было точно думать

в этом я предложил один или два пальца вина перед сном. Нет ничего лучше для хорошего

сон.

Миссис Олдвинкл положила свои блестящие голубые глаза на Калами и улыбнулась более сладко и

прозорливый.

- Приди, - сказала она, — приди, - и протянул руку безвкусным и невозмутимым жестом. —

Ты тоже, Ховенден — - добавил он, почти в отчаянии.

Ховенден с дискомфортом посмотрел на мистера кардана, а затем на Калами, надеясь, что некоторые

они отвечали вместо них.

- Не будем задерживаться, - сказал Калами. - Просто время выпить бокал вина, ничего.

более. Я не могу устоять перед предложением кардана для Кьянти.

- О, хорошо… - возразила миссис Олдвинкл. - Если вы предпочитаете это так… -и возмущенно обернулась.,

подметание пола хвостом бархатного платья. Мистер фалькс и Мисс. Thriplow, которые ждали у двери

с нетерпением они отошли, чтобы она сделала свой величественный выход. С выражением очень

раздраженная на лице интервью из-за металлической челки, Ирэн последовала за ней. Дверь закрылась за ними.

- Если я так предпочитаю? - повторил Калами, задавая вопрос мистеру кардану. - Но предпочитать

что? Она говорит это так, как будто мне нужно сделать серьезный и окончательный выбор между ней и пальцем

Кьянти, и выберите Кьянти. Это далеко за пределами моего понимания.

- О, но тогда вы знаете Лилиан не так хорошо, как я, — сказал мистер кардан. — Теперь

мы найдем эту бутылку и возьмем бокалы в столовой.

Уже посередине лестницы-была грандиозная и торжественная лестница на верхний этаж, наклонная

под туннелем с вогнутым сводом-миссис Олдвинкл остановилась в восторге.

- Я всегда представляю, как они поднимаются, опускаются… Какое зрелище!

- Кто? - спросил Мистер фалькс.

Славные предки.

- Тираны.

Миссис Олдвинкл презрительно улыбнулась.

- И поэты, и ученые, и философы, и художники, и музыканты, и красивые женщины. Вы сами

забыл о них. - Она подняла руку, словно заклиная духов из глубины Бездны. Глаз

экстрасенсы могли видеть принца, покрытого драгоценностями, с носом, похожим на хоботок

муравьед, спускающийся до уровня подобострастных людей. Позади него свита шутов и гномов

горбы осторожно проходили, один за другим, шаг за шагом.

- Я ничего не забыл — - сказал мистер фалькс. - И я думаю, что тираны должны заплатить цену.

очень громко.

Миссис Олдвинкл вздохнула и поспешила на подъем.

- Что за странный человек этот Калами, не правда ли? - сказала она мисс. Триплоу. Миссис Олдвинкл

он любил обсуждать характер других людей и гордился своей психологической проницательностью и интуицией.

Я считал почти всех “странными”, в том числе, когда я думал, что стоит обсудить это,

маленькая Ирэн. Я бы предпочел думать, что все его знакомые

были чрезвычайно сложными людьми;

у них были странные и маловероятные мотивы для простейших поступков; они были движимы темными страстями

и всепоглощающие; они культивировали тайные пороки. Короче говоря, они были лучше и интереснее, чем

собственная жизнь. Что вы о нем думаете, Мэри?

- Очень умно, - сказала мисс. Триплоу.

- Конечно, конечно — - почти нетерпеливо согласилась миссис Олдвинкл; обсуждать было нечего

об этом. - Но вы слышите фантастические истории о ваших любовных предпочтениях, понимаете? — Собрание

это происходило у дверей комнаты миссис Олдвинкл. - Может быть, поэтому он так много путешествует, так далеко от

цивилизация, - продолжала она, таинственная. С такой темой разговор наверняка затянется

на неопределенный срок; и время произнести окончательный и роковой добрый вечер еще не наступило.

Внизу трое мужчин собрались вокруг вина. Мистер кардан уже наполнил свою чашу

дважды. Калами финишировал первым;у молодого лорда Ховендена его половина была наполовину. Это был не один

хороший пьющий и боялся, что ему будет плохо, если он злоупотребит этим молодым и щедрым вином.

- Тебе скучно, вот и все, - говорил мистер кардан. Посмотрел на Калами над чашей и выпил

глоток, как бы за его здоровье. - Вы еще не нашли никого, кто бы соответствовал вашим фантазиям. А

за исключением, конечно, случая мокроты в желчных протоках.

- Это тоже не так, - сказал Калами, смеясь.

- Может быть, это начало Великого климактерического периода. Тебе еще не тридцать пять, не так ли? Пять

раз семь, это самый трудный возраст, с которым приходится сталкиваться. Хотя и не так серьезно, как шестьдесят три. Это тот

большой климактерический период, - покачал головой мистер кардан. - Слава богу, я прошел мимо него, не умирая, не

я обращаюсь в Римскую церковь или женюсь. Слава Богу! А ты?

- Мне тридцать три, - сказал Калами.

- Это самый безобидный возраст в жизни. Так что это просто скука. Получите некоторую страсть и

ваше настроение вернется.

Молодой лорд Ховенден смеялся так, что казался чревовещателем, привыкшим смеяться над вещами

более обыденные.

Калами отрицательно покачал головой.

— Мне не очень интересно, что вы вернетесь. Я больше не хочу поддаваться маленьким прелестям.

Это слишком глупо; это слишком по-детски. Я всегда думал, что в том, чтобы быть им, есть что-то очень замечательное и желанное

homme à bonnes fortunes. Дон Жуан занимает почетное место в литературе. Всегда считал себя естественным

пусть Казанова самодовольно хвастается своими успехами. Я принял это текущее видение, и

когда я был влюблен, и, к сожалению, мне всегда очень везло, я думал, что нахожусь в своих лучших проявлениях

форма.

- Мы все думаем одинаково, - прокомментировал Мистер кардан. - Слабость простительна.

Лорд Ховенден кивнул и выпил глоток вина, чтобы продемонстрировать, что он полностью согласен

с тем, что я слышал.

- Без сомнения, это простительно, - сказал Калами. — Но, если подумать, это не так уж и много

разумный. В конце концов, на самом деле нечего гордиться или хвастаться. Подумайте обо всех героях

которые имели такой же успех, более заметные и, вероятно, более многочисленные, чем наши.

Подумайте о них. И что вы видите? Ряды наглых Конюхов и боксеров; хулиганы в масках и старики

отвратительные сатиры; кудрявые, безмозглые придурки; маленькие сутенеры, такие как

ласки; женоподобные молодые люди с нежными жестами и пушистыми гладиаторами; большая составная армия

из самых одиозных образцов человечества. Кто будет гордиться принадлежностью к этим рядам?

- А почему нет? - спросил Мистер кардан. - Всегда нужно благодарить Бога за таланты

врожденные, которыми обладает человек. Если окажется, что ваш талант ведет вас к высокой математике, слава Богу; если

стремитесь к соблазнению, благодарите таким же образом. И при рассмотрении процесса немного

более близко, благодарить Бога-это то же самое, что хвастаться или гордиться. Нет ничего

больше в котором Казанова хвастается своими возможностями. Вы, молодые люди, очень нетерпимы. Не позволяют

пусть кто-нибудь попадет в рай, ад или куда-нибудь еще по дороге, отличной от той, которую вы

утвердить… Вы должны взглянуть на индуистские книги. Они подсчитали, что их восемьдесят четыре тысячи

человеческие типы, у каждого свой образ жизни. Думаю, даже недооценили.

Калами засмеялся.

- Я могу говорить только за того парня, к которому принадлежу — - сказал он.

- О, да, да, конечно,-вспыхнул лорд Ховенден, краснея.

- Продолжай, - сказал мистер кардан, дополнив бокал вина.

- Ну, - продолжал Калами, - принадлежа тогда к тому виду, к которому я принадлежу, такие успехи

меня это не очень устраивает. Тем более, если учесть его природу. Потому что или если он влюблен

женщина или нет; в конце концов, человек позволяет себе увлечься своим воспаленным воображением,

тот, кого он так сильно любит, всегда является выдумкой, самой безумной из фантазий.

чувства и интеллектуальное любопытство. Если он не любит, это просто психологический опыт

применяется, с некоторыми психологическими исследованиями, чтобы сделать опыт немного более интересным.

Но если он любит, это означает, что он поработил себя, позволил себе быть вовлеченным и стал зависимым от другого существа

человек явно постыдным образом; и чем постыднее он, тем больше он порабощает себя

и вовлекается.

- Это было не мнение Браунинга, - сказал мистер кардан.

Далекая женщина, жизнь бесполезна

если не владеть ею.

- Браунинг был дураком, - сказал Калами.

Лорд Ховенден молча размышлял и пришел к выводу, что Браунинг был очень прав. Думал о

лицо Ирен выглядывает из-за маленького окна в колоколообразных волосах.

- Браунинг принадлежал к другому виду, - поправил Мистер кардан.

- Что-то вроде дураков, настаиваю, - сказал Калами.

- Ну, по правде говоря — - признался мистер кардан, немного сужая глаз, что

подмигивал-втайне согласен с тобой. Я не так терпим, как должен быть.

Калами серьезно думал о своих любовных делах, и, не обсуждая в большей или меньшей степени

допуск мистера кардана, продолжил он:

— В конце концов, вопрос в том, какой выход? Что делать перед этим? Потому что очевидно, что,

как говорит Господь, маленькие соблазны будут происходить в другое время. Аппетит растет с голоданием. И

философия, которая так хорошо справляется с прошлыми и будущими искушениями, кажется, всегда терпит неудачу перед лицом

подарки, из ближайших.

- Так лучше, - сказал мистер кардан. - Потому что, в конце концов,

есть крытый спорт

лучше? Будьте откровенны: есть ли?

— Возможно, нет, - сказал Калами, пока молодой лорд Ховенден смеялся над последним

комментарий г-на кардана, без особого энтузиазма, в мучительной нерешительности между весельем и

ужас. — Но вопрос в том, нет ли более интересных занятий для здравомыслящего человека

помимо спортивных залов, даже лучшие из них?

- Нет — - твердо сказал мистер кардан.

- Для Господа их может и не быть, - продолжил Калами. - Но, похоже, я начинаю

устал от этого вида спорта. Хотелось бы найти более серьезные занятия.

- Это легче сказать, чем сделать — - покачал головой мистер кардан. - Для членов

нашему виду очень трудно найти занятие, которое было бы вполне серьезным. Я прав?

- Это правда, - сказал Калами, смеясь, почти шепотом. - Но, похоже, этот вид спорта начинает

стать почти возмутительным для достоинства человека. Я бы сказал почти аморально, если бы это слово не было таким

абсурдный.

- Уверяю вас, это не так абсурдно, когда используется таким образом. - Мистер кардан моргал.

все более стимулирующий режим, поверх очков. - Пока не говорится о моральных законах и вещах

такого рода нет никакой ерунды. Потому что таких законов, конечно, нет. Что есть обычаи

с одной стороны, и люди с собственными чувствами и моралистическими реакциями с другой. Что аморально

для одного это может не иметь значения для другого. Для меня, например, почти ничего аморально.

Я определенно могу сделать что угодно и оставаться респектабельным в своих глазах; в глазах

из других не только очаровательно прилично, но даже благородно.

Ах, чего стоили зависимые данные?

О, а все бочки с вином?

А как насчет всех слабостей, всех пороков?

Том кардан, все было твоим.

- Я не хочу утомлять вас остальной частью этой эпитафии, которую я сочинил для себя совсем недавно.

Достаточно сказать, что в двух последующих строфах я обращаю внимание на то, что все это стоило

абсолютно ничего, и что, malgré tout, я остался честным, трезвым, чистым и блестящим человеком, которого все

инстинктивно признают во мне. - Мистер кардан опустошил свою чашу и в очередной раз поднес руку к

бутылка.

- Вам повезло, - сказал Калами. - Не все имеют личность с

аромат святости настолько естественен, что они могут вылечить свои септические действия, сделав их морально

невредный. Когда я делаю что-то глупое или плохое, я не могу не признать это. Моя душа

ему не хватает добродетелей, которые могли бы сделать поступок серьезным или чистым. Я также не могу отмежеваться от того, что

сделать. Хотел бы я. Я совершаю абсурдное количество глупых поступков, которые не хочу совершать. Если я

мог бы быть гедонистом и делать только то, что мне нравится. Но для этого нужно быть полностью рациональным;

настоящего гедониста не существует, и его никогда не было. Вместо того, чтобы делать то, что они хотят или что дает им

удовольствие, люди бродят по всему существованию, делая прямо противоположное; большую часть времени,

они делают только то, чего не хотят, а также следуют безумным побуждениям, которые неосознанно

они приводят к всевозможному дискомфорту, страданиям, раздражению и раскаянию. Иногда-Калами отпустил

вздох — я скучаю по тому времени, когда я был в армии во время войны. Там речь не шла о том, чтобы сделать

который нравился; не было ни свободы, ни выбора. Приказы выполнялись и ничего больше. Теперь я свободен.;

у меня есть все шансы делать то, что мне нравится, и я часто делаю то, что мне не нравится.

- Но вы точно знаете, что вам нравится? - спросил Мистер кардан.

Калами пожал плечами.

- Не совсем, - сказал он. - Может быть, я могу сказать, что люблю читать, удовлетворять свою

любопытство о вещах, мышление. Но в чем я не совсем уверен. Я не люблю бегать

за женщинами я не люблю тратить время на бесполезные социальные отношения или на погоню за тем, что есть

технически известный как удовольствие. Тем не менее, по какой-то причине и против моей воли,

я обнаруживаю, что провожу большую часть своего времени, погружаясь именно в эти занятия. Это своего рода

мрачное безумие.

Молодой лорд Ховенден, который любил танцевать и желал Ирен больше всего на свете, нашел

это немного непонятно.

- Я не понимаю, что может помешать мужчине делать то, что он хочет. Кроме-добавил,

вспоминая то, чему он научился у Мистера фалькса-экономической необходимости.

- И он сам, - закончил Мистер кардан.

— И самое удручающее, - продолжал Калами, не обращая особого внимания на прерывание, - это ощущение

что человек всегда будет так себя вести, какими бы большими ни были попытки остановить это. Иногда я

я бы хотел не быть таким свободным. По крайней мере, останется что-то проклинать, что-то, что вставит в

мой путь, что-то, что было за пределами меня. Да, определенно иногда хотелось бы быть простым

рабочий.

— Тебе бы это не понравилось, если бы ты уже был одним из них, - серьезно сказал лорд Ховенден, с чьим видом

говорил на собственном опыте.

Калами засмеялся.

— Ты абсолютно прав, - сказал он, опорожняя чашу. - Не лучше ли нам пойти спать?

Глава 8

Ирэн была привилегией каждую ночь расчесывать волосы своей тети. Эти ночные моменты были

для нее самые драгоценные. Это правда, что иногда бодрствовать было агонией, и это всегда было

больно подавлять зевоты; три года непрерывной практики еще не привыкли к часам

позже тетя Лилиан, у которой была привычка издеваться над ней из-за ее детского желания спать. Иногда

он очень заботливо настаивал на том, чтобы Ирина отдыхала после обеда, а другие - чтобы она ложилась спать в

десять вечера. Дети заставляли Ирэн стыдиться своей инфантильности; просьбы делали-в знак протеста против мысли о том, что ее считают еще младенцем, поскольку она никогда не чувствовала усталости и

он полностью удовлетворял пять или шесть часов сна. Самое главное, обнаружил он, - не зевать

перед тетей Лилиан и всегда выглядят отдохнувшими и готовыми. Если бы тетя Лилиан ничего не заметила, нет

я бы даже не заботился.

В любом случае эти неудобства были в двадцать тысяч раз вознаграждены прелестями

конфиденциальные разговоры перед зеркалом туалетного столика. В то время как молодая женщина проводила десятки кистей

иногда из-за длинных золотисто-коричневых локонов миссис Олдвинкл с закрытыми глазами и

выражение блаженства на лице - она чувствовала удовольствие от ласки кошки — говорила

отрывисто, с прерывистыми фразами, о событиях дня, о гостях, о людях, которые

оба знали; или из собственного прошлого, из планов на будущее, ее или Ирэн, из любви. О

все эти вопросы миссис Олдвинкл говорила с близостью, конфиденциально, безоговорочно. Чувствовать

то, что тетя относилась к ней как к взрослой девушке и почти как к себе равной, Ирэн была горда и благодарна.

Несмотря на то, что она сознательно не планировала полного подчинения своей племянницы, миссис Олдвинкл

в этих ночных разговорах я обнаружил самое совершенное

средство достижения этой цели. Если

он говорил так с Ирен, потому что чувствовал необходимость поговорить с кем-то близко, и

больше не было никого, с кем я мог бы это сделать. Однако, как оказалось, в ходе

процесс, сделать племянницу своей рабыней. За то, что она стала доверенным лицом тети Лилиан и была вложена в

так сказать, от почетного титула Ирэн чувствовала благодарность, которая укрепляла ее естественную детскую привязанность

ради нее.

В то же время она научилась говорить с определенным знакомством о многих вещах о

какие молодые женщины, как ожидается, будут невежественны, а о которых она сама не знала

абсолютно ничего, кроме поверхностного. Она научилась быть информированной и опытной в вакууме,

так сказать, не имея никаких личных знаний о мире. Наивно был в состоянии сказать вещи

которые могут быть выражены только из закоулков глубочайшей невинности, усиливая и делая

смущающе откровенные на публике вопросы, которые Миссис Олдвинкл только что предложила, по-своему

фрагментирован в те часы доверия. Ирэн считала себя чрезвычайно зрелой.

Той ночью Миссис Олдвинкл была в особенно мрачном и жалком настроении.

- Я старею, - сказал он, вздыхая, и мгновенно открыл глаза на свой образ в

зеркало. Изображение не противоречило утверждению. - Но я все еще чувствую себя очень молодым.

- Вот что действительно важно, - заявила Ирен. — И кроме того, это чушь собачья; леди не

старый и не выглядит старым. - В глазах племянницы, в основном, она не выглядела старой.

- Людям не нравятся те, кто стареет — - продолжала Миссис Олдвинкл. - Друзья

ужасно неверные. Они исчезают, - вздохнул он. - Когда я думаю обо всех друзьях… - и нет

он закончил предложение.

На протяжении всей жизни миссис Олдвинкл имела дурную привычку расставаться со своими друзьями и любовниками. О

г-н кардан был почти единственным выжившим из старого поколения друзей. Она отошла от всех

другие без каких-либо огорчений. В молодости казалось, что легко заменить старых друзей новыми. Они могли

она думала, что их можно найти повсюду, ежедневно. Теперь я начал сомневаться, что

замена была неисчерпаема, как предполагалось. Он обнаружил, что люди его возраста были очень

они поселились в маленьких социальных мирах, которые они создали для себя. И самые молодые

казалось, им было трудно поверить, что она чувствовала в своем сердце то же самое, что и они.

- Я нахожу людей ужасными, - сказала Ирен, особенно сильно дергая за кисть

чтобы подчеркнуть свое возмущение.

- Ты не будешь неверным? - спросила миссис Олдвинкл.

В ответ Ирэн наклонилась и поцеловала ее в лоб. Миссис Олдвинкл открыла свои сверкающие голубые глаза

и поднял их своей племяннице, улыбаясь, как роковая женщина, которая для Ирины оставалась такой очаровательной

как всегда.

- Если бы только люди были похожи на мою маленькую Ирэн… Миссис Олдвинкл покинула

голова свисала вперед и снова закрыла глаза. Стало тихо. — Что ты

прятаться за таким количеством вздохов? - вдруг спросил.

Ирэн почувствовала, как румянец поднялся по ее вискам и исчез из-за металлической бахромы.

- О, ничего, - поспешно ответил он, демонстрируя масштабность своего смущения. Тот

глубокий вдох и короткий страстный выдох не были составляющими тоски. Она просто

зевала с закрытым ртом.

Но миссис Олдвинкл, всегда склонная к романтизму, не подозревала правду.

- Честно! Ничего? - повторила она, недоверчиво. - Да ведь это ветер, который дует сквозь щели

разбитое сердце. Я никогда не слышал такого вздоха. Через зеркало он посмотрел на Ирэн.

- А почему он красный, как пион? Что это?

- Ничего, говорю вам, - почти сердитым тоном заявила Ирен. Было больше

расстроенная собой из-за того, что зевала с такой неумелостью и краснела так явно, что

что с тетей. Еще больше погрузился в чистку зубов, надеясь и молясь, чтобы тетя сменила

вопрос.

Но миссис Олдвинкл была безжалостна в своем бестактности.

- Я уверен, что это любовное зло. - Улыбнулся он сквозь зеркало.

Шутки миссис Олдвинкл могли упасть, как тяжелые удары дубинкой по мишеням.

ты издеваешься. Никогда не было известно, когда она была взволнована, кого жалеть больше: жертву или себя

миссис Олдвинкл. Потому что, несмотря на то, что жертва сильно

пострадала, зрелище, которое миссис Олдвинкл

это было, к сожалению, нелепо для нее и для всех.

человечеству хотелось, чтобы это прекратилось. Но она никогда этого не делала. Он продолжал со своими шутками, пока

конец был предсказан, и обычно он шел дальше, чем мог предсказать любой менее упрямый.

- Это похоже на китовый стон, — продолжила она своей жуткой игрой. - Должно быть, это страсть

огромный. Кто это? Кто это? - Она подняла брови и открыла то, что ей показалось, изучая себя в

зеркало, Самая матовая, но очаровательная из улыбок, как улыбка в комедии Конгрива,

это ему пришло в голову.

- Но, тетя Лилиан, - запротестовала Ирэн, почти в отчаянии, почти в слезах, - ничего, я

говорю вам. - В такие моменты она почти ненавидела тетю. - Вообще-то, это просто…

- Я собирался смело раскрыть свою тайну; я собирался рассказать тете Лилиан, рискуя раздражением или

в равной степени расходуемая забота, ибо любой из них будет лучше, чем тот, который

просто зевнул. Но миссис Олдвинкл все еще неустанно гонится за своим весельем,

прервал ее.

- Я могу догадаться, кто это, - сказал он, размахивая индикатором к зеркалу. - Держу пари. Я не

такая же старая, слепая и глупая, как ты думаешь. Думаешь, я не заметил? Глупышка! Думаешь, твоя старая тетя

слепой?

Ирина снова покраснела; слезы поднялись к ее глазам.

- О ком вы вообще говорите? - Его голос был результатом больших усилий для

не дать ему выйти дрожащим, неудачным, неконтролируемым.

- Какая наивность! - вы издевались над Миссис Олдвинкл, все еще Конгрив. И в этот момент, раньше

из того, что он использовал в этих случаях, он милостиво согласился, чтобы бедная Ирэн избавилась от его

агония. - Ховенден, конечно! Кто еще это может быть?

- Ховенден? - повторила Ирэн с искренним удивлением.

- Сколько невинности! - На мгновение миссис Олдвинкл возобновила свое потрясающее веселье. —

Но это невероятно очевидно-это продолжалось более естественным тоном. - Бедный парень следует за тобой как один

собачка.

- Меня? - Ирэн была слишком озабочена тем, чтобы не отставать от рассуждений тети, чтобы заметить

что за тобой следят.

- Не притворяйся — - сказала миссис Олдвинкл. - Это чушь притворяться. Гораздо лучше быть откровенным и прямым.

Признайся, что он тебе нравится.

Ирэн призналась:

- Да, конечно, он мне нравится. Но нет… не по-особенному. Я даже не думал

в этом.

Миссис Олдвинкл улыбнулась с презрительным и доброжелательным выражением лица.

Он забыл о своей депрессии, причинах своих личных обид против всеобщего порядка вещей.

Поглощенный единственно самым интересным из предметов, исключительное и соответствующее изучение вида

человек, она снова почувствовала себя счастливой. Любовь - единственное, что возможно. Даже искусство, в сравнении,

его почти не было. Миссис Олдвинкл почти заинтересовалась любовью других людей так же, как

своим собственным. Я хотел, чтобы все любили, постоянно и сложно. Я хотел бы сблизить

людей, воспитывать нежные чувства, наблюдать за развитием страсти, помогать в трагедии

катастрофа, когда она случалась, а миссис Олдвинкл всегда разочаровывалась, когда этого не происходило. Е

поэтому, когда первая любовь, состаренная, умирает медленно или насильственно, появляется новая любовь

думать, устраивать, воспитывать, наблюдать; а затем третий, четвертый… Люди должны следовать

всегда движения сердца; это божественное в нас, которое волнуется в сердце. И нужно поклоняться Эросу

с таким благоговением, что ничто другое не удовлетворяет нас, кроме самых страстных проявлений его силы.

Довольствоваться любовью, которая со временем становится просто привязанностью, добротой и тихим пониманием

это то же самое, что богохульство против имени Эроса. Настоящая любовь, думала миссис Олдвинкл.,

он отказывается от старой, парализованной любви и полностью посвящает себя страсти, наполненной молодостью.

- Какой ты дурак! - сказала она. — Иногда я задаюсь вопросом, способен ли он в конце концов влюбиться. Быть

так непонятно, так холодно…

Ирэн протестовала как можно более энергично. Ты не мог жить, как она, так долго в

компания Миссис Олдвинкл, не считая обвинения в холодности и нечувствительности к страсти самым большим

отвратительно от всех обвинений. Было предпочтительнее называть убийцей-особенно если это был случай

преступления passionnel

- Не знаю, как дама может так сказать, - возмущенно сказала она.
- Я всегда влюбляюсь.

- Не было ли Питера, Жака и Марио?

— Ты можешь так думать — - презрительно сказала миссис Олдвинкл, забыв, что

это была она, которая убедила Ирен, что она влюблена. - Но это больше воображения, чем

костюм. Некоторые женщины рождаются такими. - Она покачала головой. - И так умирают. -Можно

из слов Миссис Олдвинкл и Тона ее голоса можно сделать вывод, что Ирэн была старой девой

доказано, что после двадцати лет накопленных доказательств невозможно что-либо почувствовать

отдаленно похож на страстную любовь.

Ирэн ничего не сказала и продолжала расчесывать волосы тети. Оскорбления миссис Олдвинкл ранили-глубоко. Я хотел бы сделать что-нибудь удивительное, чтобы доказать, что они необоснованны.

Что-то впечатляющее.

- И я всегда считала Ховендена очень красивым мальчиком — - продолжала миссис Олдвинкл в тоне

кто разработал аргумент. И продолжил говорить. Ирэн слушала и продолжала чистить зубы.

Глава 9

В тишине и уединении своей комнаты Мисс Б. И. была в одиночестве. Триплоу провел много времени, сидя перед

откройте блокнот с ручкой в руке.

“Дорогой Джим”написал. “Сегодня вы вернулись так внезапно и неожиданно, что почти

я начал плакать перед всеми этими людьми. Было бы случайно, что я взял этот лист с дерева

Поддержка и я раздавил ее между пальцами? Или вы были там? Это ты взорвал мой

без сознания, чтобы я ее поймал? Я хотел бы знать; ах, как бы я хотел! Иногда я верю, что нет.

есть случайность, что ничего не происходит случайно. Сегодня вечером я был уверен. Но почему вы хотели, чтобы я вспомнил

из маленькой парикмахерской мистера Чигвелла в Велтрингеме? Почему ты хотел, чтобы я увидел его сидящим на этом

стул, такой крепкий и зрелый, механическая щетка все еще работает над его головой, и Мистер Чигвелл

говоря: “волосы слишком сухие, мистер Триплоу?“И эластичный ремешок всегда напоминал мне…”

Мисс. Триплоу вспомнил об сходстве с раненым змеем, которое пришло ему в голову

ранее той ночью. Не было никаких особых причин, чтобы опередить концепцию и

вернемся к его детству. Это был вопрос литературного такта; это просто показалось бы более интересным, если бы

кто-то сказал, что изобрел его, когда был еще ребенком. “Интересно, есть ли

особое значение в этом воспоминании. Или, может быть, вы нашли меня невнимательным и забывчивым —

бедный и дорогой Джим — и воспользовался возможностью, чтобы напомнить мне, что ты существовал, что все еще

существует. Прости меня, Джим. Все забывают. Мы все были бы добрыми, добрыми и бескорыстными, если бы

мы всегда помним… мы помним, что другие люди такие живые и такие уникальные и

сложные, как мы, которые все могут быть ранены так же легко, которые нуждаются в любви

так же, как и мы, единственная видимая причина, по которой мы находимся в мире, - это любить и быть любимыми. Но это

я не извиняюсь. Я не оправдываю тех, кто говорит, что люди плохие. Я не должен был позволять

пусть мой разум будет захвачен сорняками. Не только его память была скрыта, но

также все самое лучшее, самое тонкое и тонкое. Может быть, вы напомнили мне о мистере.

Чигвелл и лосьон из лаврового листа, чтобы я не забыл любить больше, восхищаться больше, чувствовать

больше сочувствия и внимательности. Дорогой Джим.”

Она бросила ручку и, глядя в открытое окно на небо, полное звезд, попыталась подумать о нем,

думать о смерти. Но трудно было думать о смерти. Мне было так трудно удерживать мысль в идее

вымирание, не жизни, а жизни, ничего. Это читается в книгах о мудрецах, которые медитируют. Она пыталась

медитировать несколько раз. Но ни в одном из них он многого не добился. Всякое маленькое мышление и

неактуально настаивал на том, чтобы прийти ему в голову. Невозможно было сфокусировать смерть, держать ее под глазами.

ум. В конце концов она вернулась к чтению того, что написала, ставя точку здесь и там, исправляя ошибки стиля

где он казался слишком формальным, слишком надуманным, недостаточно спонтанным и поэтому

не подходит для секретного дневника.

В конце последнего абзаца добавил еще один “дорогой Джим” и произнес эти слова другие

раз, все громче и громче. Упражнение вызвало обычный эффект; его глаза наполнились слезами.

Пуритане молятся, когда дух трогает их; но позволить себе быть тронутым духом-это

трудная задача. Более мирские и доброжелательные Церкви с чувствами к человеческой слабости, докажите это

его верные с ритуалами, литаниями, бусами и четками.

“Дорогой Джим, дорогой Джим.“Мисс. Триплоу нашел слова его молитвы. “Дорогой Джим.”

Слезы приносили ей пользу; она чувствовала себя лучше, добрее, нежнее. А потом вдруг это было похоже на

если бы за ее пределами вы услышали: “дорогой Джим”. Но действительно ли она заботилась об этом? Не

будет ли это комедия, фарс? Он умер так долго; это больше не имело к ней никакого отношения

теперь. Почему это должно волновать, о чем помнить? И все это систематическое мышление о нем,

вещи, написанные в Секретном дневнике, посвященном его памяти, были бы не только для поддержания эмоций

работает? Разве она не намеренно царапает свое сердце, чтобы заставить его кровоточить, просто чтобы

затем написать свои истории с красной жидкостью?

Мисс. Триплоу отказался от этих мыслей, как только они напали на нее; отложил их в сторону,

возмущенный. Это были чудовищные, лживые мысли.

Он снова взял ручку и начал писать быстро, как будто записывал слова

чем быстрее они будут помещены на бумагу, тем быстрее они исчезнут.

злые мысли.

“Помнишь, Джим, когда мы выходили на каноэ и тонули?…”

Вторая Часть

Отрывки из автобиографии Фрэнсиса Челифера

Глава 1

Старые всадники в своих клубах не были избалованы большей похотью, чем я, в теплом море

Тиррено. С вытянутыми руками, как живой крест, я плыл лицом вверх, в воде.

прохладно и голубовато. Солнце било меня, превращая капли на моем лице и груди в соль. Мой

голова лежала в тихой воде; мои конечности и тело колебались на поверхности

кристально чистый матрас толщиной девять метров и нежно эластичный, от песчаной кровати до

который распространился. Там можно было оставаться парализованным всю жизнь и никогда не иметь пролежней.

Небо над мной затуманивалось от полуденной жары. Горы, когда я повернулся в

направление земли, чтобы смотреть на них, они были почти осквернены за тонкой завесой. Но большой отель,

в свою очередь, хотя он был не таким большим, как казалось на иллюстрированных листовках — в них дверь

вход был десять метров в высоту, и десять высоких акробатов, один на плечах другого, не имели бы

добравшись до подоконника первого этажа, Гранд-Отель не пытался спрятаться; белый из

дачи бесстыдно выделялись из зелени сосен; и перед ними, вдоль

с пожелтевшего пляжа я видел душевые кабины, открытые зонтики, детей, копающихся в песке, и

купальщики ныряют и плещутся на теплых мелководьях-полуобнаженные мужчины, похожие на статуи

бронзовые, девочки в блестящих туниках, маленькие розовые креветки вместо мальчиков и тяжелые

красные глянцевые моржи, которые были матронами с прорезиненными головными уборами и купальными костюмами

черные и мокрые. Здесь и там, на поверхности воды, двигалось то, что туземцы называли патини —

катамараны, сделанные из пары деревянных поплавков, Соединенных на одном конце и с

высокая скамья посередине для гребца. Медленно, отпуская на своей беговой дорожке вспашку шуток,

итальянские хихиканья и песни, они скользили по голубоватой плоскости. Иногда, предшествуя его следу, его

шум и неприятный запах, мимо проходила моторная лодка, и

внезапно мой кристально чистый матрас дрожал под

меня, в то же время волны, созданные лодкой, поднимали меня, опускали и поднимали снова,

все мягче и мягче, пока все снова не станет мягким.

Это было больше, чем это. Описание, Теперь, когда я его перечитываю, не элегантно. Да, хотя я не играл

матч по бриджу с восьми лет, и я никогда не учился играть в маджонг, я могу заявить

что я изучил правила стиля. Я научился искусству хорошо писать, что значит ничего не говорить о

сложный способ. Я приобрел все литературные предикаты. Кроме того, если я могу сказать это без

глупость, у меня тоже есть талант. “Нет ничего более плодотворного, чем справедливая и сбалансированная самооценка.”

У меня есть Милтон на моей стороне, чтобы оправдать мое утверждение. Если я хорошо пишу, это не просто другое

способ плохо писать ни о чем. В этом отношении мои излияния немного отличаются от излияний

мои культурные друзья. Иногда мне есть что сказать, и я обнаружил, что делаю это элегантно и

floreada мне так же легко, как ходить. Конечно, я не придаю этому ни малейшего значения. Я мог бы иметь

и сказать, и Ла Рошфуко, и сделать это так же легко, как Шелли. Ну и что? Но это

вы бы сказали, что это было бы великое искусство. Без сомнения; но что с того? Это чистое предубеждение, наше собственное, в пользу искусства.

Религия, патриотизм, моральный порядок, гуманизм, социальные

реформы; я думаю, что у всех нас есть

все это было брошено за борт давным-давно. Но мы остаемся патетически привязанными к искусству. Это много

глупость; потому что все это имеет гораздо меньше причин для существования, чем большинство объектов

преданность, от которой мы уже избавились, и не имеет никакого смысла, на самом деле, без ее поддержки и ее

оправдания. Искусство ради искусства-игра ради игры. Пришло время уничтожить последний и самый глупый из

идол. Друзья, я умоляю вас, откажитесь от последнего и самого сладкого опьяняющего и Пробудитесь,

конец, совершенно трезвый-между мусорными баками на ступенях двора.

Я надеюсь, что этого небольшого отступления будет достаточно, чтобы показать, что, когда я пишу, я работаю без

нет иллюзий. Я не думаю, что все, что я делаю, имеет наименьшее значение; и если я напрягаюсь

так много, чтобы придать красоту и элегантность этих автобиографических фрагментов чисто силой

привычка. Я занимаюсь литературным искусством так долго, что уже стало естественным напрягаться, как

я всегда делал. Я всегда стараюсь. Вы можете спросить, почему я вообще пишу, если я считаю все

процесс полностью лишен важности. Это уместный вопрос. Зачем делать такую вещь

непоследовательно? Я могу только сказать, чтобы оправдать себя, что это из-за слабости. Сначала я хотел бы жить

грубо, как любой обычный человек. Плоть хочет, но дух слаб. Признаюсь, я

все больше и больше устал. Я жажду развлечений, отличных от

законных, предлагаемых

кинотеатр и Дворец танцев. Я борюсь, я пытаюсь противостоять искушению; но в конце концов sucumbo. Я читаю страницу из

Витгенштейн, я слышу немного Баха; я пишу стихотворение, некоторые афоризмы, басню, фрагмент

автобиографический. Я пишу тщательно, честно, даже со страстью, как будто у меня есть

важность того, что я делаю, как будто это важно для мира, чтобы узнать мои

мысли, как будто я собираюсь спасти душу, выражая их. Но я, конечно, знаю, что все

эти очаровательные гипотезы опровергнуты. На самом деле, я просто пишу, чтобы убить время и

отвлечь мой разум, который все еще, несмотря на мои усилия, является молитвой интеллектуальному потаканию своим желаниям.

Я предвещаю безмятежный средний возраст, в котором, наконец, преодолев старого Адама, который существует во мне, и

удовлетворенный все экстравагантности моего духовного рвения, я могу спокойно адаптироваться к

жизнь от плоти к естественному человеческому существованию, которое, боюсь, до сих пор кажется мне таким запретным, таким монотонным

сурово и скучно. Я еще не достиг этого состояния благодати. Вот почему эти разговоры об искусстве; я прошу

простите за них. И, прежде всего, я умоляю вас еще раз, не думайте, что я дам вам наименьшее

важность.

Бедная миссис Олдвинкл — например-вот кто-то, кто никогда не поверит, что я не один

любитель литературы. “Но Челифер”, - говорила она своим задыхающимся, но очень решительным образом,

“как он может так хулить против собственного таланта?“И я принял свой самый египетский воздух —

мне всегда говорили, что я помню египетскую скульптуру-моя улыбка была более сфингической и гласила: “Я один

демократ; как вы хотите, чтобы я позволил таланту хулить мою человечность?”, или что-то такое

загадочно, как это. Бедная миссис Олдвинкл! Но я иду слишком быстро. Я начал говорить о миссис.

Олдвинкл, и ты даже не знаешь, кто она. Даже я не знал об этом в то утро, когда я плавал на

мягкие и спокойные воды-иногда я не знал ничего, кроме его имени; кто не знал? А

миссис Олдвинкль, салоньер, хозяйка, промоутер литературных собраний и львиных Агапов — она не была

классическая фигура, домашнее слово, семейная цитата? Конечно, да. Лично, хотя,

я никогда не видел ее до этого момента. И не потому, что она не приложила усилий. Несколько месяцев

я получил телеграмму от своего редактора: “принц пападиамантопулос только что

ПРИБЫТЬ С НЕТЕРПЕНИЕМ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЛУЧШИМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВОМ ЛОНДОНА.

ПРИГЛАШАЮ НА УЖИН ВСТРЕТИТЬСЯ С ВАМИ В ЧЕТВЕРГ 2ОН15. 112 BERKELEY SQUARE LlLIAN ALDWINKLE”.

В этой телеграфной форме, выраженной таким образом, приглашение казалось заманчивым. Но более тщательный осмотр

это показало мне, что перспективы были не такими привлекательными, как казалось. Потому что принц

Пападиамантопулос был, несмотря на удивительно многообещающий титул и имя, таким интеллектуалом

серьезно, как и все мы; я обнаружил, к своему ужасу, что это был геолог из

первый класс и тот, кто понимал дифференциальное исчисление. Среди других гостей должны

быть как минимум тремя достойными писателями и художником. И сама миссис Олдвинкл, известная как

культурная женщина и не совсем глупая. Я заполнил форму-ответ и отправил ее из почтового отделения

ближе: “мне очень жаль, что я никогда не обедаю на улице, кроме Великого поста Фрэнсиса челифера””

И в Великий пост я тайно ждал очередного приглашения. Но я почувствовал облегчение, хотя и немного

разочарован тем, что больше никогда не слышал о миссис Олдвинкл. Я бы хотел, чтобы она попробовала, в

идите, постарайтесь, чтобы я предал свою преданность леди Гиблет.

Ах, ночи в доме леди Гиблет! Возможно, я бы никогда не потерял ни одного. Пошлость, невежество и

глупость этой хозяйки и ее убогих Львов второго сорта, безусловно, была уникальной. А также

те живцы искусства, восхитительные богемы, чья способность ценить кубистские картины и

музыка Стравинского была прекрасным оправданием, чтобы помочь им избавиться от своих жен; ни в коем случае

в другом месте можно было увидеть такие же прекрасные образцы, как в доме леди Гиблет. И подслушанные разговоры

в этих мраморных залах! Нигде больше, конечно, такая глубокая пропасть не отделяла

притязания на законные факты. Нигде больше не слышно невежественного, нелогичного, неспособного

думать, говоря с такой распутностью о вещах, о которых у меня не было ни малейшего понимания. А потом,

жалко хвастались, выражая бессвязное мнение идиотов, об интеллектуальных способностях,

с современной точки зрения Moderna и научного и безжалостного интеллекта, которым они обладали. Конечно, это не будет

можно найти ничего более совершенного из этого вида, чем в доме леди Гиблет; по крайней мере, я не знаю

ничего более полного. Вероятно, в доме миссис Олдвинкл были серьезные разговоры; но в гипотезе

немного в салоне, который я выбрал.

То утро в Тирренском море было последним в моей жизни, прежде чем я переступил границы дружбы

с миссис Олдвинкл; вполне вероятно, что это была первая в моей будущей жизни. Несса

утром судьба, казалось, колебалась между тем, чтобы полностью погасить меня или просто стать известным о

миссис Олдвинкл. Мне нравится думать, что, к счастью, он выбрал вторую альтернативу. Но я

предвосхищать.

Сначала я увидел миссис Олдвинкл в то утро, не зная, кто она такая. Откуда я

я лежал, лежа на своем рассоле, заметил, что перегруженный Патино неуклонно двигался

в мою сторону, с пляжа. На скамейке гребца сидел высокий мальчик, который

он работал с веслами. Со спиной к скамейке и голыми ногами, вытянутыми на

на носу одного из поплавков сидел толстый джентльмен с красным лицом, седыми волосами и

короткий. В кривизне другого поплавка разместились две женщины. Самый старый и самый большой из них

она сидела впереди с ногами в воде; она носила Шелковый купальный костюм с юбкой

плиссированные, в красных тонах, а волосы были связаны розовым шарфом.

Сразу за ней сидело, прижав колени к подбородку, молодое существо и

стройная женщина в черном купальнике. В одной руке она держала зеленый зонт, с помощью которого

он держал свою старшую спутницу защищенной от солнца. Внутри зеленоватого конуса тени леди

в розовых и красных тонах, которые, как я позже узнал, были миссис Олдвинкл, напоминали фонарь

китайский свет в теплице растений; и когда случайное движение зонтика

молодой человек позволил солнцу коснуться лица этой дамы, это было похоже на чудо воскресения Лазаря

если бы он действовал перед моими глазами, потому что зеленый и трупный тон внезапно покинули его

черты лица и цвета здоровья, несколько измененные отражениями купальников, казалось, вернулись. А

мертвая жила. Но только на мгновение; потому что забота о молодой женщине вскоре изменила чудо.

Дама вернулась в исходное положение, полутень теплицы окутала мерцающий фонарь, и

живое лицо снова стало бледным, как будто оно принадлежало кому-то, кто был в течение трех дней в

могила.

Когда загруженная лодка начала проходить мимо меня, я ясно увидел, что на корме была другая

женщина с бледным лицом и большими темными глазами. Пучок почти черных волос вырвался из ее

шапочка для душа и падала, как длинная прядь бороды, на лицо. Симпатичный парень с лицом

загорелый, как его мускулистые руки и ноги, он растянулся на корме другого поплавка и

курил сигарету.

Голоса, которые из лодки смутно доходили до меня, казались мне, как-то, более

чем другие, которые я слышал от других патини. Я понял, что они говорят по-английски.

- Облака, - услышал я краснолицый джентльмен, говорящий (он только что повернул глаза,

повинуясь жесту китайской леди-фонаря, зажженной в теплице растений, для паровых масс

наложенные, которые парят, как фантастический горный хребет над настоящими горами — - облака, которые

вы оба восхищаетесь они существуют из-за частиц помета, которые находятся в воздухе. Их тысячи

частицы в каждом кубическом сантиметре. Водяной пар конденсируется вокруг них в капли

достаточно большие, чтобы стать видимыми. Отсюда облака:

чудесные и небесные формы, но

суть которой-пыль. Какой символ человеческого идеализма! - Мелодичный голос усиливался по мере того, как

молодой человек двигал веслами. - Земные частицы преобразуются в небесные формы. Эти формы

небожители не имеют собственного существования, они не абсолютны. Пыль рисует эти огромные символы

небо.

Сохрани меня, подумал я. Я бы пошел в Марину де Везза, чтобы услышать такие вещи?

С громким, но нечетким голосом, странной музыкальностью, китайская леди-фонарь-горит-в-теплица растений начала неправильно цитировать Шелли.

- “Мы смеялись с одной вершины на другую, как мост…”- начал и погрузился в тишину, прочесывая

воздух ищет синоним “формы“, который рифмуется с”пиком”. - “Над определенным морем.” Для

mim, M облако является лучшим из всех. Замечательно думать, что Шелли плавала в этом море. И что

довольно близко отсюда, чуть ниже, он был поглощен водой. - Она указывала на берег.,

где за мелким туманом бесконечная набережная Виареджо простиралась на многие мили и

километр. Теперь можно было немного различить его ближайший контур. Но ночью они

они выглядели ясными и четкими на освещенном склоне холма,

как ограненные драгоценные камни, дворец и Гранд Бретань,

Европа (когда-то Aquila Nera) и Савойя, сверкающие величественные игрушки среди небольших гостиниц и

маленькие гостиницы, на этом расстоянии сведены к странной красоте, так жалко маленькие и

нежные, что из-за них можно было почти плакать. В этот самый момент со стороны занавеса

от тумана сто тысяч купальщиков сжимались на пляже, где когда-то было проглочено тело Шелли

по водам. Сосновые рощи, в которых он, спасаясь от Пизы, деликатно преследовал своих

мысли среди вопиющих и безмолвных теней, которые теперь кишели жизнью. Один без-количество копуляторов города в это время бродили по его ярлыкам… и так далее. Стиль

хлынет из моей ручки. В каждой драхме сине-черных чернил подразумеваются тысячи mots justes,

как будущие черты человека на участке хромосомы. Простите.

С молодостью на носу и удовольствием на руле-и плоть была такой яркой на полуденном солнце,

цвета такие блестящие, что я вспомнил экстаз маленькой Этти-груженая лодка прошла мимо

медленно в нескольких футах от меня. Растянутый, как живой крест на моем рассоле, я прицелился.-

они томно с приоткрытыми глазами, только один взгляд, и они отвели взгляд, как будто я

будь то одна из тех измученных лягушек, которые после размножения плавают животом вверх по поверхности

из танков. И все же я был тем, что технически известно бессмертной душой. Мне пришло в голову, что

было бы разумнее, если бы они остановили лодку и

поприветствовали меня за воду. “Доброе утро, незнакомец! Как это происходит

его душа? Что мы можем сделать, чтобы спасти ее?“Но с другой стороны, эта привычка видеть незнакомцев

как простые измученные лягушки, вероятно, избавит нас от многих неприятностей.

— С одного мыса на другой, - поправил краснолицый джентльмен, когда они уходили от

меня.

И очень застенчиво, кротким и смущенным голосом заботливая молодая тварь предложила “

конечно, море ” было бы бурным морем.

- Каким бы ни было судно, - сказал молодой гребец, чья приверженность под палящим солнцем ему

это позволило принять профессионально морское и здравое видение предмета.

— Но очевидно, что это значит,-нагло сказала китайская леди-фонарь. Мальчик на корме

он выбросил сигарету и начал насвистывать мелодию “Deh, vieni alia finestra” Дона Жуана.

Стало тихо. Лодка уходила с каждым гребком. Последние слова, которые я услышал, были

произносится невнятным, почти детским голосом девушки, сидящей на корме.

- Хотелось бы быстрее загореть, - сказала она, поднимая ногу из воды и глядя

белая нога. Похоже, я живу в подвале. Какой ужасно уродливый вид это из

вареная спаржа! Или грибной, - вдумчиво добавила она.

Китайская леди-фонарь сделала какой-то комментарий, а за ней краснолицый мужчина. Но

разговор больше не был слышен. Вскоре я больше ничего не слышал; они ушли, оставив на своем пути,

между тем, имя Шелли. Там, в этих водах, Шелли водила свою хрупкую лодку. С одним

из рук его держал Софокл, а другой-Тимон. Глаза устремились к маленьким

греческие буквы, то для горизонта, то для гор и облаков над землей.

- По левому борту, Шелли — - закричал бы капитан Уильямс.

И руль с трудом повернул на правый борт; лодка пошатнулась и чуть не опрокинулась. Итак, из

вдруг вспышка! Черное, тусклое небо открылось из стороны в сторону; грохот грохота! А

гроза взорвалась над ними и, как огромный камень, брошенный на поверхность металлических облаков,

Эхо катилось по небу и между горами “от одной вершины к другой”, - подумал я, приняв фразу

китайская леди-фонарь. “От одного пика к другому, как звук гонга.”(Какой позор!) А потом,

ревя и шипя, вихрь пролетел над ними. И все кончено.

Даже если бы китайская леди-фонарь не предложила этого, я бы, вероятно, начал

думать о Шелли. Потому что быть на этом берегу, между морем и горами, среди чередования

совершенные затишья и временные внезапности, это все равно, что жить в одном из стихотворений Шелли. Ходит

среди прозрачных и призрачных красавиц. Если бы не сто тысяч купальщиков, джаз-бэнд

Гранд-Отель, неразрушимый барьер, который цивилизация в виде гостиниц представляет вдоль

из миль чужого и пустого моря, если бы не было так, можно было бы потерять чувство реальности и

представьте, что фантазия может превратиться в факт. Во времена Шелли, когда берег был

практически необитаемый человек мог быть извинен за то, что забыл истинную природу вещей.

Живя в реальном мире, практически неотличимом от воображаемого, почти оправданно, что фантазии

достигните экстравагантных высот, к которым Шелли позволила себе достичь.

Но человек нынешнего поколения, образованный в типично современных условиях, не может

оправдать таким образом. Moderna poet не может позволить себе душевные похоти, в которых его

предшественники ныряли с такой свободой. Лежа там, в воде, я повторил себе несколько

стихи, вдохновленные такими размышлениями, которые я написал несколько месяцев назад:

0 Святой Дух выключается

Об Илфорде, Голдерс Грин и пенге.

Его гниющие хосты заражают его;

Жертвы справедливо мстят.

Если когда-то сыновья Фидальго

И обернулись хранители конюшен

Для асфоров и надежды, для Греции и для Бога,

Мы в старости учимся

Что мы родом из того места, где мы гуляем.

По тенистым улицам Камден-Тауна.

Но все еще надеюсь, глубоко вдохновляя,

0 Святой Дух сияет. [41

Я помню, как писал эти строки темным днем в своем офисе в Gog's Court, Fetter Lane.

В этом же офисе, почти таким же днем, я пишу сейчас. Отражатель снаружи окна

он показывает тусклый, тусклый свет, который должен быть дополнен электричеством внутри. Один

постоянный запах печатной краски заражает воздух. Из подвала до меня доносится глухой стук и лязг

прессы; они печатают двести еженедельных экземпляров женского романа. Вот и мы, в

сердце человеческой вселенной. Приходите тогда, и мы откровенно признаем, что мы граждане этого города

посредственно, мы решительно делаем худшее и не пытаемся убежать.

Чтобы сбежать, будь то в пространстве или во времени, сегодня нужно идти намного дальше, чем сто лет назад,

когда Шелли путешествовала по Тирренскому морю и вызывала в воображении тысячелетние видения. Нужно идти дальше в космос

потому что людей намного больше и более быстрые машины. Большой отель, сто тысяч купальщиков и группа

джаз представил себя в этом шеллейском стихотворении, которое является пейзажем Версилии. И тысячелетие, которое в дни

Годвин не казался таким далеким, он все дальше и дальше от нас, поскольку каждая программа

реформа, каждая победа над укоренившимся капитализмом бросает на Землю еще одну иллюзию. Чтобы убежать, в

1924, нужно ехать в Тибет и смотреть вперед, по крайней мере, до 3000 года; и кто может

гарантировать? Вероятно, они слушают радио во дворце Далай-

ламы; вероятно, отсюда

тысяча лет тысячелетнее состояние будет только тысячелетним, потому что им впервые удалось сделать

действительно научное и эффективное рабство.

Побег в космос, даже если его удастся осуществить, нереален. Может ли человек жить в Тибете

или в Андах; но вы не можете отрицать, что Лондон и Париж существуют, вы не можете забыть, что есть такие места, как

Нью-Йорк и Берлин. Потому что для большинства современных людей Лондон и Манчестер

это правило. Можно бежать в вечную весну Арекипы, но ты не будешь жить в том, что есть,

для сознательной массы-реальность.

Побег во времени больше не удовлетворяет. Человек живет в лучезарном будущем, живет в будущем.

Он утешается зрелищем вещей такими, какие они есть, думая о том, какими они будут. И, возможно, стремиться к

заставить их быть такими, какими, по вашему мнению, они должны быть. Уверяю вас, я все это знаю. Я сделал все это:

я жил в состоянии постоянного опьянения, думая о том, что должно было произойти, стремясь к

идеал ослепительного счастья. Но одного небольшого размышления было достаточно, чтобы показать, что эти

прогнозы и это стремление к тому, что должно быть, действительно абсурдны. Потому что, во-первых, нет

есть основания полагать, что будет будущее, по крайней мере, для людей. Во-вторых, нет

мы знаем, не окажется ли идеал счастья, за который мы боремся,

полностью нереализуемым, или

достижимый, определенно отталкивающий человечество. Люди хотят быть счастливыми? Если бы был один

реальная возможность достижения постоянного и неизменного счастья мы не были бы в ужасе перед

от его скучного завершения? И, наконец, тяжелая работа, которую требует созерцание будущего, не

это предотвращает существование настоящего. Это лишь частично ослепляет нас настоящим.

Те же самые возражения применимы с той же силой к побегам, которые не происходят в космосе или в

время, но в платонической вечности, в идеале. Бегство в простую фантазию не мешает фактам

продолжайте; это невнимание к фактам.

Наконец, есть те люди, которые храбрее беглецов, которые действительно позволяют себе

они окружают себя жизнью и утешают себя, обнаруживая среди грязи, отвращения и глупости

свидетельства повсеместной доброты, милосердия, благочестия и тому подобного. Правда ли, что эти

качества существуют, и зрелище, которое они предлагают, определенно воодушевляет; несмотря на цивилизацию,

люди не поддавались зверям. Даже в человеческом обществе родители преданы своему потомству;

даже в человеческом обществе слабые и страдающие получают помощь. Это было бы удивительно, учитывая

происхождение и родство человека, если этого не произошло. Вы

когда-нибудь читали некролог, тема которого не

обладал ли он за своей грубой внешностью и гротескными манерами золотым сердцем? И некрологи, для

более насыщенным, чем его литературные произведения, они совершенно правы. У всех нас есть сердце

золота, хотя это правда, что мы часто слишком беспокоимся о наших собственных

обертывания, чтобы помнить об этом. Действительно жестокий и принципиально злой человек так

редко, как гений или полный идиот. Я никогда не встречал никого, кто был бы действительно злым. И это

это не удивительно; потому что человек с действительно Злым Сердцем обладает определенными инстинктами, которые

они развились до ненормальной степени, а другие более или менее атрофированы. В этом смысле я никогда не встречал ни одного

человек, как Моцарт.

Это правда, что Чарльз Диккенс чувствовал себя возвышенным и хронически тронутым, обнаружив присутствие

добродетелей среди грязи. “Он показал это”, - с пользой заявил один из его поклонников

американцы, ” что жизнь в ее самых гротескных формах может показать трагическое величие; что среди

от невнимательности и излишеств нравственные чувства не умирают полностью, и что логова

более отвратительные преступления могут быть освещены присутствием благородных душ.“Очень красиво. Но есть

есть ли основания для волнения по поводу появления добродетелей в человеческом обществе? Не нас

мы рады, что у мужчин есть почки и поджелудочная железа.

Добродетели настолько естественны в

человек, как органы пищеварения. Любой серьезный биолог с учетом своих собственных

общительные инстинкты, я ожидаю найти их естественно.

В таком случае в этих добродетелях а-ля Диккенса нет ничего, что заслуживало бы ” быть спетым в стихах и

проза ” ” как мы часто говорим иногда, когда мы особенно богаты этими добродетелями. Нет

причина гордиться качествами, которые мы унаследовали от наших предков животных и разделяем

с нашими питомцами. Было бы более полезно, если бы мы могли найти в обществе

современные доказательства специфических человеческих добродетелей-рациональных и сознательных добродетелей, которые

определение должно принадлежать существу под названием Homo sapiens. Например, понимание, отсутствие

от иррациональных предрассудков, терпимости, равновесия, рационального владения общественными благами. Но это, горе нам,

это именно то, что мы не нашли. Что же тогда связано с нечистотой, растерянностью и уродством, если не

отсутствие человеческих добродетелей? Дело в том, что, за исключением случайной прихоти природы, возник

здесь, то там, и всегда вне времени, мы, знающие люди, практически не обладаем

человеческая добродетель. Проведите неделю в большом городе, и это станет ясно. Это так полно к

отсутствие истинно человеческих качеств, которые мы вызываем, если мы принимаем к лицу

действительность, действовать как Чарльз Диккенс и поздравить расу за ее просто животных добродетелей. Эй

энтузиасты и оптимисты, которые уверяют нас, что человечество правильно, потому что матери любят своих детей,

бедные помогают друг другу, а солдаты умирают за флаг, пытаются утешить нас.

основываясь на том, что мы похожи на китов, слонов и пчел. Но когда мы просим

пусть они приводят доказательства человеческой мудрости, пусть они указывают нам на образец, поведение которого

сознательный и рациональный, нас обвиняют в интеллектуальной холодности и повсеместной “бесчеловечности”, что

это означает наш отказ принять стандарты животных. Как бы мы ни были благодарны за

если в цивилизованном обществе существуют эти первобытные и дикие добродетели, мы не можем приравнять их к

ужасы и нечистоты цивилизованной жизни. Эти ужасы и нечистоты рождаются из-за отсутствия разума в

человек, его неспособность быть полностью и мудро человеком. Дикие добродетели-это просто

наблюдатели этого анимализма, чья голова-инстинктивная доброта, а хвост-глупость и

инстинктивная жестокость.

Извините за окончательное утешение философии. Мы преданы реальности. Мой офис в

Gog's Court находится, повторяю, в самом сердце реальности, в ее трепещущем сердце.

Глава 2

Gog's Court, пупок реальности! Я полностью ощутил истинность своих стихов, повторяя их в

молчание.

Если когда-то сыновья Фидальго

И обернулись хранители конюшен

Для асфоров и надежды, для Греции и для Бога,

Мы в старости учимся

Что мы родом из того места, где мы гуляем.

Мой голос звучит по безмятежному морю, как оракул. Ничто больше не обогащает значение

подтверждение того, что услышать ее произнесенный собственным голосом в одиночестве. “Я обещаю, если Бог поможет мне, никогда

выпей каплю!“Эти торжественные слова, выдыхаемые в тумане виски, как часто они

произнесенные в темноте ночи или в холодное утро! Зловещий призыв, кажется, охватывает все

Вселенная в битве за лучшее я против настойчивой зависимости. Страшный момент и

захватывающе! Просто чтобы снова пережить это, чтобы снова сломать пустоту тишины с

острая клятва, хорошие решения стоит игнорировать. Я ничего не говорю о удовольствиях

пьянство.

Мое краткое изложение служит подтверждением истинности моих предположений. Это не зря, что

я испускаю вслух суть своих мыслей; я произношу их как формулу, которая из этого

очень горжусь, в нем есть магический элемент. В чем секрет этих словесных навыков? Как

это происходит из любой мысли, будучи воплощенным поэтом в какой-то абракадабрийской форме,

кажется бесконечно глубоким, в то время как явно ложное и глупое понятие кажется своим

выражение, правда? Честно говоря, я не знаю. Более того, я никогда не встречал никого, кто мог бы расшифровать это

шарада. Что делает слова “похоронная музыка” захватывающими, как Марш

похороны героики и закрытие Кориолана? Почему это должно быть более комичным

“называть мартышку обезьяной Тулии”, чем писать целую комедию Конгрива? И в предложении”

мысли, которые почти всегда лежат слишком глубоко для слез”, почему они должны отдыхать

где они это делают? Тайна. Эта игра в искусство письма напоминает магию. Быстрота языка обманывает

мозговой центр. В конце концов, это случается очень часто. Например, старый Шекспир. Сколько

критические умы не обманули с быстротой их языка! Потому что он может сказать ” шепот,

маты воды и полулобов ” и “похоронная музыка” и “потеря духа в растрате стыда” и

все, что вы хотите, мы даем вам кредит философии, моральной цели и более

проникающая психология. В то время как его мысли невероятно запутаны, его единственный

цель состоит в том, чтобы развлечь, и он создал только три персонажа. Одна из них, Клеопатра, является превосходной копией

жизнь, как бы почерпнутая из хорошего реалистического романа Толстого. Два других, Макбет и Фальстаф

сказочные воображаемые фигуры, последовательные сами по себе, но лишенные реальности, которой обладает Клеопатра. Мой

бедный друг Калами сказал бы, что они более реальны, что они принадлежат к области абсолютного искусства. И так далее

впереди. Я не могу согласиться с мнением бедного Калами, по крайней мере, в этом контексте; больше

вперед, может быть. Для меня, в любом случае, Макбет и Фальстаф-совершенно настоящие персонажи и

полностью мифологические, такие как Юпитер или Гаргантуа, Медея или мистер Винкль. Это единственные копии

верные мифологических монстров во всей коллекции Шекспира, так же, как Клеопатра является единственным экземпляром

верный реальности. Безграничная способность Шекспира к абракадабре обманывает бесчисленное количество людей и

это заставляет представить, что все остальные ее персонажи так же хороши, как и эти.

Но бард, пусть небеса защитят меня, не моя тема. Позвольте мне вернуться к моим стихам, в

поверхность воды. Как я уже сказал, Мое убеждение, что ” мы родом из того места, где мы гуляем”, таково

усиленный звуком моего собственного голоса, произносящего элегантную формулу, в которой находится эта идея

кристаллизовать. Повторяя слова, я вспомнил двор Гога, мою маленькую комнату с отражателем в

окно, от лампы, горящей зимой даже во второй половине дня, от запаха краски и шума прессов.

Я вернулся, благодаря этому стихотворению, неуместному перед солнечным пейзажем, к трепещущему сердцу

реальность. На столе, передо мной, была игра доказательств. Это была среда; я должен быть

исправляя доказательства, но в тот день мне было лень. В двенадцати пустых строках на конце

ниже одного из них я написал эти слова: “если когда-то сыновья Фидальго…”. Вдумчивый, как

игрок, планирующий следующий бросок, я обдумывал их. Какими будут следующие шаги?

Я слышал, как кто-то постучал в дверь. Я покрыл обратную сторону у подножия страницы листом промокательной бумаги.

- Войдите-и я продолжил прерванное чтение:"… с тех пор, как Гималаи были созданы для

воспроизведение цветов без изменений, ни один другой факт не вызвал большего энтузиазма в мире создателей

это фиксация нового фламандско-ангорского вида. Подвиг миссис Спаргл на самом деле недостойен…". — Отделять

я из "неслыханного" из е предыдущего слова и поднял глаза. Мистер Боск, заместитель редактора, стоял передо мной.

- Доказательство редакционной статьи, сэр — - сказал он, кланяясь странной вежливости, которую он характеризовал

все его поведение по отношению ко мне, и протянул мне еще одно доказательство.

- Спасибо, мистер Боск — - сказал я.

Но мистер Боск не отступил. Он продолжал стоять в своем любимом положении, в том же, что и наши

предки (и Г-Н Боск действительно был одним из них) стояли рядом с драпированными мраморными колоннами

фотостудии, глядя на меня с легкой улыбкой из-за густой белой бороды. О

третья пуговица на его фартуке была открыта, а правая рука, как карта, неправильно помещенная в колоду,

вставлю в отверстие. Он опирался телом на окоченевшую правую ногу. Другая нога выгнулась

слегка, носок соприкасается с правой пяткой и образует, обе ноги, угол

совершенно прямо. Я понял, что собираюсь получить выговор.

- Что это, мистер Боск? — спросить.

Между прядями бороды улыбка мистера Боска стала слаще. Голова свисала в сторону.

Голос, когда он говорил, был сладким. В те времена, когда меня собирались выговорить и поставить

на моем месте его деликатес перерос в какой-то чопорный детский кокетство.

- Если вы не возражаете, мистер Челифер, - сказал он с аффектом, - я думаю, вы увидите, что рабир, в

по-испански это не означает “махать хвостом” ” как говорится в его редакционной статье о происхождении слова ” кролик,

но “раскачивать задницу”.

- Покачай задницей, мистер Боск? - я сказал. - Мне это кажется трудным подвигом.

- Видимо, не по-испански, - сказал мистер Боск с почти несвоевременным смехом.

- Но это по-английски, мистер Боск.

- Но мой авторитет не меньше, чем у скита. - И, торжествуя, с видом кого

у него пятый туз в рукаве в решающий момент игры Мистер Боск

протянул левую руку, которая

он таинственно прятался за спиной. Он представил мне словарь; бумага отмечала

страница. Мистер Боск оставил его открытым на столе передо мной и толстым ногтем указал: —

“…возможно”, - прочитал я вслух — - ”с испанского rabear, покачай задом”. Правильно, как всегда,

мистер Боск. Я внесу изменения в свое доказательство.

- Спасибо, сэр — - сказал мистер Боск с ложным смирением. Внутри он ликовал. Взял его

словарь, повторил наглый поклон и торжественно подошел к двери. Перед ней он остановился. —

Я помню, что этот вопрос возникал раньше, сэр, - сказал ядовито сладковатый голос. - На

время Мистера Парфита. - И пробрался, закрыв дверь.

Это была стрела родов. Имя мистера Парфита пронзило бы меня до глубины души, принесло бы румянец стыда в

мои лица в конце концов, разве мистер Парфитт не был идеальным, полным и надежным редактором? Пока я… Мистер.

Боск позволил моей совести решить, кем я являюсь.

И я прекрасно осознавал свои ограничения. Ящик для кроликов, к которому, как

знал любого старшеклассника, был встроен файл крысолова, не мог иметь редактора больше

неадекватно, чем я. В то время, признаюсь, я едва знал, где начинался или заканчивался кролик.

Мистер Боск был пережитком великих дней Мистера Парфитта, основателя и в течение тридцати лет

редактор ящика.

- Мистер Парфитт, — всегда напоминал он мне, - был настоящим творцом. — Ваш

преемника, конечно, не было.

Война была в конце. Я искал работу — работу в самом сердце реальности. А

иллюзорный характер должности заставил меня отказаться от предложения стипендии в моей старой школе.

Хотел что — то-как это сказать? - еще больше пульсирует. А потом я нашел в Times то, что искал.

“Нужен редактор с проверенными навыками в публикациях, специализирующихся на творчестве. Писать

на почтовый ящик номер 92.“Я написал это, меня взяли интервью и наняли. Мои режиссеры не сопротивлялись

рекомендательное письмо епископа Бошама. “Долгая жизнь с мистером Челифером и его семьей

это позволяет мне утверждать, что это очень опытный молодой человек с высокими моральными целями,

(подписано) Хартли Бош.“Меня вызвали на шестимесячный испытательный срок.

Старый Мистер Парфитт, издатель, который собирался уйти в отставку, еще несколько дней оставался в офисе, чтобы начать-мне в секретах должности. Он был доброжелательным джентльменом, невысокого роста, толстым и с очень большими волосами

большой. Квадратное лицо казалось намного больше из-за седых бакенбардов, которые продвигались вперед

на лицах и заканчивались они, почти незаметно, когда начиналась жезл усов. Он знал

больше кроликов и крыс, чем кто-либо в городе; но больше всего он гордился своим приданым

литературный. Он объяснил мне принципы, по которым он писал свои еженедельные редакционные статьи.

— В басне, - говорил он мне, уже заранее улыбаясь анекдоту, который он создал и пришел

оттачивая с 1892 года-в басне это гора, которая после долгого и, можно сказать, трудного

геологическая работа, порождает мышь. Мой принцип, наоборот, заключался в том, чтобы делать, когда это возможно,

пусть мои крысы порождают горы. - Он сделал паузу, ожидая моей реакции. Когда он смеется, он продолжает:

- Удивительно, какое влияние крысы и кролики могут оказать на жизнь, искусство, политику,

в философии и во многом другом. Они потрясающие!

Самое замечательное, что теория горы Мистера Парфитта все еще существовала, за стеклом и в

Оксфордская рама, висящая на стене за столом редактора. Он был опубликован в кроликовод

18 августа 1914 года.

” Не читатели ящика кроликов, - писал в тот день мистер Парфитт, - сделали это

эта война. Ни крысоводы, - решительно провозгласил он,-не желали ее. Нет! Поглощенные в

их безобидные и доказуемо полезные занятия, они не желали и не имели времени для

нарушить мир во всем мире. Если бы все люди от всего сердца посвятили себя таким отвлечениям, как наши, нет

будет война. Мир будет наполнен невинными создателями и создателями жизни, а не,

как и сегодня, кровожадные разрушители. Если бы кайзер Вильгельм 11 был кроликом или крысоводом, сегодня

мы не были бы в мире, которому угрожали невообразимые ужасы moderna War."

Благородные слова. Правильное возмущение Мистера Парфита усиливалось его страхом перед будущим

из газеты. Война, мрачно предвещала он, будет означать конец кролиководства. Но он

я ошибался. Это правда, что крысы вышли из моды между 1914 и 1918 годами. Но в худые годы

нормирование кролики приобрели значение. В 1917 году было десять заводчиков фламандских гигантов

для каждого, кто существовал до войны. Количество подписок увеличилось, количество объявлений увеличилось.

- Кролики, - заверил меня Мистер Парфит, - очень помогли нам выиграть войну.

И наоборот, война так помогла кроликам, что мистер Парфитт смог уйти в отставку в 1919 году

со скромным, но адекватным состоянием. Именно тогда я взял на себя управление. Несмотря на презрение

г-н Боск за мое невежество и некомпетентность, я должен приветствовать то, как я это сделал

вопрос в последующие трудные времена. Мир нашел англичан менее богатыми, но

также менее голодны, чем во время войны. Прошло время, когда им нужно было творить.

кроликов, и не было никаких условий продолжать разводить их для удовольствия. Количество подписок сократилось, и

объявления тоже. Я предотвратил надвигающуюся катастрофу, добавив в газету новый раздел о

торговля козами. Не было никаких сомнений в том, что биологически, как я просил своих директоров

сообщить им мое решение, сочетание жвачных животных с грызунами было настоянным. Но я был

уверен, что с точки зрения бизнеса инновации оправданы. И оправдал себя. Козы принесли

полдюжины рекламных страниц на хвосте и несколько сотен новых подписок. Мистер Боск

он был в ярости от моего успеха; но режиссеры высоко ценили мои способности.

Правда, они не всегда соглашались с моими статьями на первой полосе.

- Разве это не так, чтобы быть более популярным? - я предложил управляющему директору. - Или еще немного

практично, мистер Челифер? Например… - Прочистив горло, он достал из кармана лист

машинопись с жалобами, которые он сам написал для подачи на

заседании Совета. — В

пример, какова практическая ценность использования слова” кролик ” ˆ как аффективного термина среди

елизаветинские драматурги? А как насчет этой статьи о происхождении слова “кролик”?i6 — - он посмотрел на

бумага и кашель. - Кому интересно узнать о существовании валлонского слова robett ? Или что наша

слово имеет отношение к испанскому rabear; качать задницу? И, кстати, кто-посмотрел на меня

по поводу pince-ne ˆ с видом триумфа, преждевременно предполагаемого -, кто слышал о каком-то животном

что трясет задницей?

- Могу вас заверить — - говорил я, извиняясь, но с твердостью человека, который прав

из того, что он говорит-что мой авторитет не меньше, чем у скита.

Управляющий директор, который надеялся набрать очко, продолжил, побежденный, с обвинением

следующий.

- А потом, мистер Челифер, - сказал он, - нам не очень нравится, мои коллеги-режиссеры и я, что

Господь сказал в своей статье “разведение кроликов и их урок для человечества”” Может быть правдой

что заводчики смогли вывести домашних кроликов в четыре раза тяжелее своих

дикие корреспонденты, но с половиной объема мозга; это может быть правдой. И это действительно так.

И это также замечательный подвиг, мистер Челифер, действительно замечательный. Но нет причин защищать, как

господин сделал, существование идеального рабочего, к производству которого должны стремиться евгеники,

пусть он будет в восемь раз сильнее, чем у нас сейчас, и будет иметь только одну шестую мощности

психический. Не то чтобы мои коллеги и я полностью не согласны с этим, мистер Челифер, далеко не так. Все

здравомыслящий человек соглашается, что Moderna Workman слишком образован. Но мы должны

помните, мистер Челифер, что многие из наших читателей принадлежат к этому классу.

- Многие из них-aquiesci в упреке.

- И наконец, мистер Челифер, статья о “символике козла”. Мы думаем, что факты собраны вместе

в нем, хотя они очень интересны антропологам и исследователям фольклора, они вряд ли будут пригодны для

смешанная аудитория, как у нас.

Другие директора пробормотали свое согласие. Затянулось продолжительное молчание.

Глава 3

Я помню рекламу-я думаю, это была таблетка от кашля-что в течение большого периода

с детства фигурировал на задней обложке некоторых

еженедельников. О подписи “в каждом доме один

сосновый лес ” появилась иллюстрация с тремя или четырьмя растущими норвежскими сосновыми деревьями

на ковре гостиной, в которой домохозяйка, ее дети и некоторые гости пили чай под

его ароматный и целебный оттенок, невероятно непринужденный, как будто очень естественно иметь красное дерево

прорастание внутри камина. “В каждом доме сосновый лес””.. Но я думал о чем-то еще

лучшее: “Луна-парк в каждом офисе”, ” ярмарка развлечений Британской империи в каждом

банк”,”Эрлс Корт на каждой фабрике”. Это правда, что я не могу претендовать на привлечение всех достопримечательностей

от парка развлечений до моего рабочего места - только американские горки, водные сани или

Маленький поезд, который пересекает холмы. Это вне силы моей магии, чтобы вызвать как очарование

различные виды карусели. Горизонтальное движение и быстрое вращение я не могу воспроизвести; мой

специальность-головокружительные спуски, потеря дыхания, холод в животе, это восхитительное чувство

что внутренности остались на более высоком уровне. Те, кто возмущается однообразием и одинаковостью

от жизни в офисе, которые жаждут немного волнения, чтобы разнообразить повседневную рутину

они должны попробовать мой рецепт и ввести водные сани в бухгалтерию.

Это довольно просто. Все, что нужно сделать, это на мгновение прекратить работу и спросить себя:

почему я это делаю? Какая мне польза? Я приду в мир, обеспеченный душой.

наверное, Бессмертный, только чтобы каждый день сидеть за этим столом? Сделайте себе эти

вопросы со всей искренностью и серьезностью. Задумайтесь на мгновение о том, насколько они важны и

уверяю вас, сидя так, как вы, вероятно, находитесь на жестком или мягком сиденье, вы почувствуете

сразу пустота откроется под стулом и начнет скользить головой, все быстрее и быстрее,

в никуда.

Для тех, кто не может обойтись без готовых формул и молитв, рекомендую этот небольшой катехизис

читать в рабочее время, каждый раз, когда время начинает тянуться.

А: почему я здесь работаю?

А: чтобы еврейские биржевые маклеры могли обменять свои марсоходы на Армстронг-Сиддели,

купить последние джазовые записи и провести выходные в Брайтоне.

А: почему я продолжаю работать здесь?

Ответ: в надежде, что однажды я тоже смогу провести выходные в Брайтоне.

А: что такое прогресс?

А: прогресс: биржевые маклеры, больше биржевых маклеров и даже больше биржевых маклеров.

Ответ: какова цель социальных реформистов?

О.: их цель-создать государство, в котором каждый человек имеет максимальную свободу и

свободное время.

О: что будут делать граждане этих реформированных государств с такой свободой и свободным временем?

А: вероятно, что делают биржевые маклеры в наши дни, то есть проводят выходные

в Брайтоне, водить свои транспортные средства на высокой скорости и пойти в театр.

В.: каковы условия для того, чтобы я мог жить жизнью удовольствий?

А: условие, что вы не думаете.

В.: какова функция газет, кино, радио, мотоциклов, джаз-бэндов и т. д.?

А: их функция-не дать вам думать и помочь вам скоротать время. Это самые инструменты

сильные стороны человеческого счастья.

А: что Будда считает самым смертоносным из смертных грехов?

А: бессознательность и глупость.

В.: А что будет, если я стану сознательным, если начну действительно думать?

А: ваше вращающееся кресло превратится в вагон на американских горках, пол

офис мягко откроется под ним, и вы обнаружите, что скользите в пропасть.

Падение, падение, падение! Ощущение, хотя и головокружительное, очень хорошее. Я знаю, что большинство людей

вы можете найти это немного преувеличенным и, следовательно, перестанете думать, и в этом случае вагонет

он снова превратится в вращающееся кресло, пол снова закроется, и часы перед письменным столом будут казаться

снова время, которое проходит совершенно разумно. Это также возможно, хотя это больше

редко, когда люди в панике убегают из офиса и хоронят головы, как страусы, в религии

или я не знаю, что еще. Для самых сильных и умных недопустимы как один выход, так и другой;

во-первых, потому что она глупа, а во-вторых, потому что она трус. Ни один уважаемый мужчина не примет их без

размышлять или, если вы это сделаете, безответственно убежите от реальности жизни. Я горжусь тем, что выбрал

правильное направление. Разыскав сердце реальности-Gog's Court, чтобы быть более явным —,

я занимаю там свою позицию; и хотя я полностью осознаю реальность, которая меня окружает, и

всегда напоминайте мне о полной глупости того, что я делаю, тем не менее я остаюсь

героически на моем посту. Я провожу все время на американских горках; моя жизнь постоянна

проскользнуть в ничто.

Я настаиваю на том, чтобы сказать, что это часть всей моей жизни, потому что не только в суде Гога

я представляю с моей магией прелести парка развлечений. Также моя личная жизнь

организовано так, что я всегда могу проскользнуть, даже не находясь в офисе. Мой

сердце, как говорит поэт, похоже на птицу, гнездо которой было построено на водных лыжах. Мочь

обеспечить, чтобы пенсия Мисс. Каррутерс в Челси - такое подходящее место, чтобы поскользнуться

как и любой храмовый бар в восточном Лондоне. Я один из столпов этого заведения, я живу там

в течение четырех лет, и каждый вечер, когда я сижу, чтобы поужинать с другими гостями, это как будто

я бы занял свое место в семейном и особенно просторном вагоне на американских горках. Все в

доска и вот мы идем! На полной скорости бродяга устремляется в пустоту.

Позвольте мне описать одну ночь в этом домашнем вагоне. Во главе стола сидит сама

Мисс. Каррутерс; 37 лет, толстый, хотя и одинокий, лицо, которое расширяется у основания, довольно дряблое на

лица и на подбородке-короче, как бульдог; курносый нос заглядывает через ноздри

поднятые и маленькие карие глаза подтверждают сравнение. И какая активность! Никогда не ходит, но

бегает по дому, как бесноватая; никогда не говорит, но пронзительно кричит; нарезать ростбиф с

научная ярость; смеется, как гигантский дятел. Он из выдающейся семьи, которая во времена славы никогда не

я бы мечтал, чтобы одна из ее дочерей стала тем, кем стала Мисс. Каррутерс звонит-проверяя себя

самый унизительный из названий и смех при этом, чтобы подчеркнуть живописный контраст между тем, чем она была

по рождению и к чему сводится в силу обстоятельств — от “хозяйки пенсии”. Она верит

твердо в своем классе, и для самых выдающихся гостей сожалеет о необходимости признать в

его создание людей не очень, очень… Всегда будьте осторожны, чтобы не смешивать людей с

разные виды. Самые воспитанные гости сидят за столом рядом с ним; это означает, что

в непосредственной близости от Мисс. Carruthers они смогут чувствовать себя как дома. В течение многих лет я имел честь

сидеть слева от нее; хотя я был менее зажиточным, чем миссис Клаудсли шов, вдова

брокер (она великолепно сидит справа), по крайней мере, в юности я посещал

авторитетный учебный центр.

Гонг отражается; я спешу в столовую. С яростью и точностью, как

дирижер, дирижирующий увертюрой Вагнера, Мисс Дж. Каррутерс режет мясо.

- Спокойной ночи, мистер Челифер — - громко приветствует она меня, не прерывая своей деятельности. —

Какие новости из города приносит нам сегодня?

Я приветливо улыбаюсь и, как профессионал, растираю руки.

- Сегодня не о чем рассказывать.

- Спокойной ночи, миссис Фокс. Добрый вечер, мистер Фокс. - Два старика занимают места рядом с

противоположный конец стола. Их не очень, очень много… - Спокойной ночи, Мисс. Монад. - Эта мисс

он делает ответственную секретарскую работу и сидит рядом с мистером Фоксом. - Спокойной ночи, мистер Куинн. Хороший

ночь, Мисс. Уэббер. Добрый вечер, мистер Кротч. - Но тон, которым она отвечает на вежливое приветствие

мистер Датт гораздо менее приветлив. Мистер Датт-индеец, негр, как говорит мисс Датт. Каррутерс. Ваш

“Спокойной ночи, мистер Датт” демонстрирует, что она знает свое место и надеется, что мужчина низшей расы знает

какой у него. Виночерпие входит с блюдом из зелени. Crambe ripetita-вдохновляющий аромат!

Я мысленно врываюсь в стихотворение.

Эти овощи, как порочное раскаяние,,

Проследите за воспоминаниями и пророчествуйте

Будущие банкеты, на которых Миссис Клаудсли шов

Он вспомнит скучающего Клаудсли.

Еще,

Среди освещенных лунных кедров,

Всегда, всегда больше соловья,

Старая боль, вечная боль,;

И все же, порочно, призрачный воздух

Помните, что розы красные

И завтра тоже.

Но ” Клаудсли, Клаудсли!”, рыдает напрасно

Ночная свеча Соловей; ибо Клаудсли шов мертв [71

И во плоти, как будто непреодолимо привлеченная моей магией, Миссис Клаудсли чернит

выйдите из двери со своим вдовством.

- Сегодня был нехороший день, - говорит она, садясь.

— Это не так. Каррутерс энергично соглашается. И не отвлекая внимание от

мясо, не снижая ни на мгновение скорость нарезки, продолжает: - пушистый! - кричит о

восходящий голос. - Почему ты так смеешься?

Вежливо мистер Челифер немного приподнимается со стула, когда мисс Челифер возвращается. Пушистый приближается,

взволнованный, вслед за его смехом, и сидит рядом с ним. Всегда идеальный джентльмен.

- Я не смеялась, Мисс. Каррутерс-протестует пушистый. Улыбка показывает вверх по корню

зубы линия почти белых десен.

- Это правда — - говорит молодой мистер Бримстоун, следуя за пушистиком менее бурно и

сидя напротив нее, рядом с миссис Клаудсли. - Она не смеялась. Я просто смеялся.

Все шумно смеются, в том числе и Мисс. Каррутерс, но не прерывая нарезку мяса. О

мистер Бримстон остается серьезным. За pince-ne ˆ без оправы можно заметить не более одного подмигивания.

Что касается Мисс. Пушистик, она чуть не умирает от смеха.

- Ты действительно ужасен! - кричит она, всегда смеясь, как только у нее появляется возможность возобновить дыхание.

чтобы сформулировать слова. И, взяв хлеб, делает вид, что швыряет его через стол в лицо мистеру Бримстоуну.

- Будь осторожен, - предупреждает он, поднимая палец. - Если он не будет вести себя, он пойдет в угол

наказание, и он будет спать без обеда.

Смех вспыхивает снова. Мисс. Каррутерс вмешивается:

Прекратите дразнить ее, мистер Бримстоун.

- Провоцировать? - говорит мистер Бримстоун с видом того, кого неправильно понимают. - Но я просто

я применял моральное убеждение, Мисс. Каррутерс.

Непревзойденный сернистый камень! Он-душа и жизнь истеблишмента Мисс Марвел. Каррутерс. Молодой человек

такой серьезный, такой культурный и такой проницательный — но также такой изысканно пандический и галантный! Увидеть его

играть с Пушистиком так же весело, как смотреть комедию.

- Готово! - говорит мисс. Каррутерс, шумно складывая ножи. С энергией и безвкусицей

она выполняет свои обязанности хозяйки. - Я пошел к Бузарду сегодня днем — - объявляет он, не скрывая

гордость. Старые семьи округа, как и наши, всегда покупали свой шоколад в

лучшие магазины. - Но это уже не так, как раньше. - Она качает головой; золотые феодальные времена

они принадлежат прошлому. - Это не то же самое. По крайней мере, с тех пор, как abc взяла на себя управление.

- Вы знали, - спрашивает мистер Бримстоун, возвращаясь к серьезности, - что новый Lyons Corner

Будет ли дом на площади Пикадилли подавать четырнадцать тысяч блюд в год? Мистер Бримстоун всегда один.

шахта интересной статистики.

- Нет! Это правда? Миссис Клаудсли ошеломлена.

Но старый мистер Фокс, который случайно читает тот же вечер, берет на себя почти всю заслугу

эрудиция мистера Бримстоуна, добавив, прежде чем другой успел это сделать — - Да, это два

в разы больше блюд, которые может подать любой американский ресторан.

- Великая Англия! - кричит Мисс. Каррутерс патриотично. - Эти

янки еще не нас

победили во всем.

- Я всегда считала эти угловые дома очень хорошими — - говорит Миссис Клаудсли. - Музыка, которую они играют

там даже довольно классический иногда.

- Довольно, - говорит мистер Челифер, сладострастно смакуя удовольствие от того, что его бросили высоко

от конца стола в межзвездное пространство.

- И какой роскошью они украшены! - продолжай, миссис Клаудсли.

Но мистер Бримстоун мудро сообщает ей, что мрамора на стенах меньше одного

дюйма толщиной.

И разговор продолжается.

- Варвары, - говорит мисс. Каррутерс - просто притворяются мертвыми.

Мистер Фокс выступает за переговорное правительство. Мистер Бримстоун хотел бы увидеть забастовщиков

расстреляны, чтобы запугать остальных; Мисс Марвел. Каррутерс соглашается. Под солонкой Мисс. Монад говорит

слово в пользу рабочего класса, но к его комментарию относятся

с презрением, которого он заслуживает. А

Миссис Клаудсли считает Чарльза Чаплина очень вульгарным, но ей нравится Мэри Пикфорд. Мисс. Пушистый хотел бы

чтобы принц Уэльский женился на хорошей и простой англичанке. Мистер Бримстон говорит, что

забавная вещь о миссис Асквит и леди Диане Мэннерс. Миссис Клаудсли, который имеет глубокий

знакомство с королевской семьей, упоминает принцессу Алису. В отличие от этого, мисс бьютиен. Уэббер и Мистер.

Куинн обсуждает последние спектакли, и Мистер Челифер присоединяется к мисс Куинн. Пушистый в разговоре о

Moderna Girls, которая вскоре занимает внимание всех, кто сидит у изголовья стола. А

миссис Клаудсли, Мисс Клаудсли. Каррутерс и Мистер Бримстоун соглашаются, что эти девушки воспитываются с

много свободы. Мисс. Пушистый с пронзительными тонами придерживается противоположного мнения. Мистер Бримстоун делает

несколько великолепных шуток о смешанном образовании, и все они подходят для самых разнообразных и жалких

мысли. Мисс. Каррутерс, который мало терпелив с диссидентами, хотел бы, чтобы они были покрыты

смола и перья-все, кроме пацифистов, которые, как и забастовщики, могут быть уничтожены

с быстрой перестрелкой. Лимфатическая миссис Клаудсли с внезапной и поразительной свирепостью хочет

такое же отношение к евреям. (Плачущий Клаудсли имел связи с Белфастом.) Но в этом

в данный момент происходит прискорбный инцидент. Г-н Датт, индеец, который из его нижней сферы даже не

мог бы услышать, как разговор идет туда, куда он пришел, наклоняется вперед и, говоря вслух,

над пропастью, стоящей между ним и остальными, горячо обнимает еврейское дело. Потеть

красноречие отражается через стол между двумя барьерами ужасной тишины. На мгновение ничто не

слышно, если не ярые националистические вздохи и полированный изверг из семян сливы в

блюдо. В присутствии этого шокирующего и неизвестного явления никто точно не знает, что делать.

Но по прошествии первого мгновения Мисс. Каррутерс показывает себя на высоте обстоятельств.

- О, мистер Датт, — говорит она, прерывая яростную речь, — но приятно помнить, что миссис Датт не может не сказать, что она не хочет этого делать.

Клаудсли шов-англичанка. Вряд ли Господь сможет почувствовать то, что она чувствует. Или это

возможно?

У всех нас было желание аплодировать. Не дожидаясь ответа Мистера Датта и оставив три

неповрежденные сливы на тарелке, Мисс бьюти. Каррутерс встает и с достоинством направляется к двери. В голосе

высокая, уже в коридоре, она комментирует наглость негра.

- Какая неблагодарность! После того, как я согласился сделать исключение из моего правила ” нет

принимать цветных людей!

Мы все разделяем это чувство. В гостиной разговор продолжается. Вагон ныряет

на голову.

” Дом вдали от дома “— вот как Мисс Марвел сказала: “дом вдали от дома”. Каррутерс описал свое учреждение в

перспективы. Это было расстояние, которое впервые привлекло меня к нему. Долгий путь, пройденный между этим

который я называл своим домом до того момента, как приехал сюда; это заставило меня решить остаться в доме навсегда

Мисс. Каррутерс. Этот дом казался мне таким же далеким от того, в котором я родился, как и любое другое место

что я мог удобно найти.

“Я помню, я помню…“Бесполезное и бессмысленное занятие, хотя трудно не

передать ей. Я помню. Наш дом в Оксфорде был высоким, узким и темным. Говорят, что сам

Раскин спроектировал ее. Передние окна выходили на Банбери-Роуд. В дождливые дни, когда я

я был ребенком, я проводил целые утра, глядя на улицу. Каждые двадцать минут трамвай

запряженный двумя старыми сонными лошадьми, он проходил волнообразными движениями, медленнее, чем

человек идет. Маленький сад за домом казался мне огромным и романтичным, маленькая лошадка

из детского сада размером со слона. Дом был продан, и сегодня я рад этому. Этот

места и объекты, населенные памятью, опасны. Это похоже на процесс метемпсихоза,

душа мертвых событий отделилась и поселилась в доме, в цветке, в пейзаже, в

группа деревьев, видимая из окна поезда на горизонте, на старой фотографии, на старом

футляр, книга, духи. В этих местах, наполненных воспоминаниями, среди преследуемых предметов

призраками других эпох мы испытываем искушение с большой любовью размышлять о прошлом, переживать его-это более тщательно, более добросовестно, более красиво и гармонично, почти как если бы это была жизнь

воображаемый в будущем. В окружении этих призраков мы можем пренебречь настоящим, в котором живем

телесно. Я рад, что дом был продан; это было опасно. И да здравствует Мисс. Каррутерс!

Тем не менее, когда я плавал в воде тем утром, мои мысли перенеслись из

“дом вдали от дома” для другого, от которого я был так далек. Я вспомнил последний визит в

старый дом, за месяц или два до того, как моя мама решила переехать оттуда. Я чувствовал себя могильщиком.

на краю могилы, поднимаясь по ступеням к оживальному портику. Я сильно потянул за металлическую проволоку, прикрепленную к

колокол; скрип, металлический шум, и вдалеке, как будто случайно, после запоздалой мысли,

звенел треснувший колокол. Через мгновение дверь открылась, я вошел внутрь, и внутри, в комнате, все еще обставленной,

старая мама отдыхала-моя мама.

Между этими готическими стенами ничего не изменилось. Незаметно мебель имела

в возрасте; обои и гобелен напоминали нейтральность коричневых и зеленых тонов

сдержанные, утонченность другой эпохи. И моя мать, бледная и седая, носит, как всегда, свою

незапамятные серые платья, остались прежними. Как всегда, его улыбка была нежной и тусклой; голос

он продолжал мягко модулироваться, как хорошо отрепетированная эрудированная музыка, переходя от одной ноты к другой.

Волосы были очень белыми — они рано побелели, а она заставила меня очень поздно. Морщина

на лице они были глубже и в большем количестве. Она шла прямо, выглядела такой же активной, как и всегда

в остальном он не похудел и не прибавил в весе.

И она все еще была окружена стаей брошенных собак, бедных, ужасно щедрых

в вашей вонючей благодарности. У него были те же самые старые кошки, которых собирали на улицах, чтобы

их кормили похотью, Хотя диета была, в принципе, строго вегетарианской. As

бедные дети продолжали прибывать, чтобы выиграть сладкий хлеб, чай и принять участие в традиционных играх в

сад — настолько традиционный, что о них почти никто, кроме моей матери, не слышал. Они пришли

также, когда была зима, чтобы получить перчатки и шерстяные носки и принять участие в традиционных играх

салон. И, как всегда, стол в библиотеке оставался заполненным бумагами, печатными формами

для какой-то благотворительной деятельности. Как всегда, моя мама своим прекрасным почерком обращалась к

конверты, содержащие эти запросы; подписывайтесь на них медленно, один за другим-каждый, один

маленькие художественные работы, как страница средневекового Миссала, и все они предназначались, как только они были

в корзину для мусора.

Все было как всегда. Ах, но не совсем все! Потому что, несмотря на то, что она сияющая,

поздним летним днем небольшой сад за домом был заброшен и тихим. Где были бы

танцоры мам, \ g] средневековые аккорды? Вспоминая музыку, эти танцы, послеобеденное время.

далеко, Мне хотелось плакать.

В углу лужайки моя мама сидела перед маленьким органом; я стоял рядом с ней

чтобы перевернуть страницы партитуры. На другой стороне лужайки стояли танцоры. Моя мама

он смотрел на инструмент и мелодично спрашивал:

- Каким будет следующий танец, мистер Тофт? Тренчмор или Omnium Gatherum ? Или Джон, иди и Поцелуй меня

сейчас ? Или как насчет всех вверх ? Или я буду ласкать ее соломой ? Или старик-это кровать, полная костей ?

Это действительно эмбаррас ришесс, не так ли?

И Мистер Тофт отделялся от небольшой группы танцоров и пересекал лужайку, убирая

лицо с носовым платком-потому что только что законченная

Hoite-cum-Toite вышла из представления самых

яростный. У него было серое лицо с неопределенными, неопределенными чертами лица и почти небесная улыбка

я играл посреди него. Когда он говорил, он делал это очень мелодичным голосом.

- Как вы думаете, что мы пытаемся исчезнуть, миссис Челифер? Это отличный танец. Помнишь слова

бессмертные жены гражданина в рыцарь горящего пилона? Ха-ха! - Он выразил легкий смех

во славу собственной духовности. Потому что для мистера Тофта любой литературный намек был

шучу, и чем темнее она была, тем более утонченной была грабеж. К сожалению, редко можно было найти

кто-то, кто разделял ее веселье. Моя мама была одной из немногих, кто набросал

улыбка, когда мистер Тофт смеялся над собой. Она делала это, даже если не могла идти в ногу с

намек на его источник. Иногда я даже смеялся. Но моя мама не смеялась легко; сама

природа, это был человек с серьезной и нежной улыбкой.

Тогда это будет исчезать. Моя мама играла клавиши и грустную, но праздничную средневековую мелодию,

это звучало от органа, как странно рассеянный гимн.

- Раз, два, три… - энергично сказал мистер Тофт.

А затем в унисон все пять танцоров-учитель, два ученика и две Мисс

из Северного Оксфорда-они ударились ногами о землю и начали кружиться и подпрыгивать, пока Лиги

украшенные маленькими колокольчиками, которые прикрепляли ноги к серым фланелевым брюкам джентльменов (для

какая-то неопределенная причина свершился факт, что женщины не должны их носить), начали ретинировать

как колокола лошади Фиакра, бегущей в огне. Раз, два, три… А. жена гражданина (ха, ха!)

я была права. Исчезновение было действительно отличным танцем. Все танцуют. Бедный мистер Тофт

он исчез из Оксфорда, танцевал исключительно на всю жизнь, как Ликида (привет! привет!) в период своего расцвета. И dos

студенты, которые танцевали там с мистером Тофтом, сколько бы танцевали исчезать под немецким огнем? О

молодой Флинт, который всегда обращался к своему учителю как ” мистер Тофт — О, я имею в виду Кларенса”

(потому что мистер Тофт был одним из тех веселых и умных мастеров, которые настаивают на том, чтобы их называли по имени

крещения), молодой Флинт наверняка был бы мертв. И Рамсден тоже, у меня сложилось впечатление, что он

он тоже умер.

Были еще две Мисс из Северного Оксфорда. Как насчет, например, щек Мисс Марвел?

Дьюбол? Как эти розы с сотнями лепестков выдержали бы прошедшие годы? И для Мисс.

Хиглетту, конечно, больше нечего было исчезать, никакого будущего высыхания. Она уже была колокольчиком

синий иссяк на песке. Скоропортящийся Хиглетт и румяный Дьюбол…

И я, я тоже исчез. Фрэнсис Челифер, который рядом с увядшим органом поворачивал

страницы партитуры для матери также вымерли так же, как и Мистер Тофт. Его мумия покоилась

внутри этой готической гробницы. Мои визиты на выходные были археологическими экспедициями.

- Теперь, когда мистер Тофт мертв — - спросил я маму, когда мы шли в одну сторону

для другого в саду за домом - здесь нет никого, кто бы занимался танцами мам? —

Или эти народные дни, спросил я себя, тоже исчезли навсегда?

Моя мама покачала головой.

- Интереса к этому уже нет, - с грустью сказала она. - Новые поколения не

они больше увлекаются этими вещами. Я даже не знаю, что им интересно.

На что, правда? В юности меня интересовали социальная работа и фабианство;

долгие и восторженные прогулки по сельской местности со скоростью четыре мили в час, которые всегда заканчивались

с большим количеством пива Five X, раблезианской поэмой и беседами с крестьянами в маленьких и

невероятно живописные придорожные ботекины; читающими группами на озерах и

в Юре; за пение в хоре Баха и даже-хотя в некотором смысле я никогда не был

показано на высоте - танцами мам с мистером Тофтом… Но исчезновение-отличный танец, и все это

деятельность теперь казалась мне немного странной. Тем не менее, я удивился, желая, чтобы существо, которое

он существовал внутри моей кожи и участвовал в них.

Бедный Тофт! — размышлять. - Помнишь, как ты называл великих людей

прозвища, которые он придумал сам? Просто чтобы показать, что я был знаком с ними, я полагаю.

Шекспир всегда был Shake-bake, что, в свою очередь, было сокращением от Shake-Bacon. И Oven, tout

корт, это был Бетховен.

— А И. С. Б. был Бах, - продолжала мама с элегической улыбкой.

- Да, и Пи Эм был Филипп Эмануэль Бах. А мадам Дюдеван была Жорж Санд; я помню

что время от времени он называл ее “медсестрой королевы”, потому что Диккенс нашел ее

похоже на это, когда вы ее видели. - Я вспомнил продолжительный и восхитительный смех, который

он сопровождал этот намек.

- Ты никогда не давал так много для танца, мой дорогой. - Моя

мама грустно покачала головой,

вспоминая прошлое.

- Ах, но хотя бы я был фабианистом, - ответил я. - И я долго гулял по сельской местности.

Я также выпил несколько Five X в Red Lion.

- Я бы предпочел, чтобы мне не понадобилось пиво, - сказала моя мама. Тот факт, что у меня нет

выбор быть трезвенником всегда заставлял ее немного огорчаться. Кроме того, я любил мясо.

- Я заменил ее танцем мам, если вы меня понимаете.

Но я не думаю, что она поняла. Мы пересекли лужайку два или три раза в тишине.

- Как твоя работа в газете? - наконец-то спросила она.

Я с большим энтузиазмом рассказал ему о пересечении Ангор с Гималаями, которое мы закончили

опубликовать.

— Было бы лучше, - сказала она после паузы, - если бы вы приняли предложение стипендии

ваш колледж. Было бы очень хорошо, если бы он был здесь, заполняя место, оставленное его отцом.

Она смотрела на меня с грустью. Улыбнись ему в ответ, как будто между нами пропасть. Ребенок,

я думал, он растет и забывает, что он сделан из того же мяса, что и его родители. Но они не забывают. Желать,

ради моей матери, чтобы ей было всего пять лет.

Глава 4

В пять лет, среди прочего, я писал стихи, которые рассчитывали на признательность

полная и неограниченная от моей матери. Был один о жаворонках, которых она до сих пор хранит вместе с

светлые пряди моих детских волос, выцветшие фотографии, драгоценные рисунки маленьких трензелей на

рельсы и многие другие реликвии того времени.

О, жаворонок, как высоко

T has по небу.

Как ясно ты поешь,

И флис% бей свои крылья.

0 солнце светит,

День выглядит красиво

Харк, Ди\ мой отец,

Я думаю, что моя мама любит это стихотворение больше, чем все, что я написал.

Осмелюсь сказать, что мой отец, если бы он был жив, разделил бы с ней предпочтение. Но в то время он был

ярый вордсуортианец. Я знал наизусть почти всю прелюдию. Иногда он неожиданно разрывал

тишина, в которой он жил собранным и читал один или два стиха. Эффект всегда был знаменательным:

оракул заставлял себя слышать.

Я с особой ясностью помню случай, когда Вордсворт сломал потрясающее

молчание моего отца. Это было на Пасху, когда мне было около десяти лет. Мы ушли

проводить праздники в Северном Уэльсе; мой отец любил кататься по горам и иногда

поднимался какой-то менее крутой. В тот год Пасха наступила раньше; погода была еще холодной и

бурный; был снег. В Пасхальное воскресенье мой отец, для которого походы по горам

они равносильны походу в церковь, он пригласил меня подняться с ним на Сноудона. Мы ушли рано. Было холодно; туман

белый и густой все еще покрывал далекий пейзаж. В тишине мы ползли по снегу. Как

паж короля Вацлава я шел по стопам отца, хороня ноги в отпечатанных им отметинах

в снегу. Время от времени он оглядывался назад, чтобы увидеть, как у меня дела. Ледяные капли, если

они прикрепили его к Каштановой бороде. Он улыбался, когда смотрел, как я поднимаюсь, сжимая мои маленькие ноги

на его широких следах. Это был крупный, высокий, широкоплечий мужчина, лицо которого можно было спутать

с одним из тех бюстов греческих государственных деятелей или философов. Рядом с ним я чувствовал себя особенно

маленький и незначительный. Когда я потянулся к нему, он нежно коснулся моего плеча своей рукой

большой и тяжелый, а затем поднял лицо к вершине горы, на которую он снова решил подняться.

Он не сказал ни слова.

Когда взошло солнце, облака рассеялись. Сквозь туман, который рассыпался, мы могли видеть

небо. Широкие полосы желтоватого света пробивались по заснеженным склонам. Когда мы достигаем вершины,

небо было совершенно чистым. Было солнце, но не было тепла; далекое ледяное небо было голубым

очень ясно. Все склоны, обращенные на север, оставались сногсшибательными, голубоватыми и

пурпур. Далее вниз, в западном направлении, мы могли видеть зубчатую и неровную береговую линию, которая выглядела как расстояние

очень тихо, и серое море тянется по всему горизонту. Мы были там долгое время, в

тишина перед необыкновенным пейзажем. Я помню, что иногда я бросал украдкой взгляд на

мой отец. О чем он думает? я задавался вопросом. Большой и страшный, он не двигался, глядя

медитативно то в одну сторону, то в другую. Он не сказал ни слова. Не осмелился прорваться

молчание. Внезапно он поразил себя внушительно. Поднял ледокольный топор и с

решительный жест вонзил заостренную сторону в снег.

- Чертова красавица! - медленно сказал он своим глубоким кавернозным голосом. И больше не говорил

ничего. В тишине мы возобновили тропу к отелю Pen-y-Pass.

Но мой отец не сказал, как я предполагал, своих последних слов в тот день. В середине

спуск, я испугался и встревожился, когда он начал говорить.

- Научился, - резко возразил он (и казалось, что сделал это больше для себя, чем для себя)

- наслаждаться природой, не с расцвет молодости, но слушать грустную музыку и

монотонность человечества, не грубая и не неприятная, но обладающая достаточной способностью очищать и очищать. Е

я чувствую присутствие, которое беспокоит меня радостью возвышенных мыслей; возвышенное чувство

нечто гораздо более обширное, обитающее в свете сумерек, океанов и воздуха

я живу, голубое небо и разум людей.

Я слушал его, чувствуя какой-то ужас. Странные слова (я все еще понятия не имел, где

они приходили) таинственным образом отражались внутри меня. Они были оракулом, божественным откровением.

Мой отец перестал говорить так же резко, как и начал. Слова

висели изолированно в середине его

зловещая тишина. Мы продолжаем наш путь. Он больше не говорил, Пока мы не вошли в отель,

вдохновил ледяной воздух и с глубоким удовлетворением прокомментировал: - лук! - А потом, нюхая еще одну

раз: - фри.

“Возвышенное ощущение чего-то гораздо более обширного…” С того дня эти

слова, произнесенные кавернозным голосом моего отца, не выходили из моей головы. Это заняло у меня много времени

чтобы узнать, что они значат всего лишь рыдание. Это гнусное влияние посвящений

ранний.

Однако мой отец, который так и не смог избавиться от предрассудков, привитых в его детстве,

он продолжал верить формулам Вордсворта до конца своих дней. Да, боюсь, он тоже

я бы предпочел скороспелых жаворонков моим зрелым разъяснениям. С другой стороны, с чем

компетентность научилась писать! Чтобы отдать должное себе, я должен настаивать на этом. Конечно, в конце

из счетов это ничего не значит. Жаворонки, возможно, были моим шедевром, чего тоже нет

это имеет наименьшее значение. Тем не менее, я настаиваю. Я настаиваю…

Глава 5

“Просто маленький поэт” - с какой горечью обижался бедный Китс на это замечание! Возможно

потому что тайно знал, что это справедливо. Китс, в конце концов, был этой странной, несчастной химерой:

поэт и великий человек. Между автором ОД и письмами есть большая пропасть, то же самое

это отделяло греческих спортсменов от героев.

Лично я не посвящаю себя героическим картам. Я могу лишь скромно претендовать на звание одного

компетентный спортсмен второго класса-хотя и гораздо более компетентный, я настаиваю (даже если это не так

имеет значение), чем когда я писал о жаворонках. “Просто поэт” - к сожалению

я никогда не буду больше этого.

Я хочу показать вам пример моей уже зрелой компетентности. Я выбрал его наугад, как говорится

критики в моей тщательно продуманной, но так и не завершенной серии стихов о шести

первые Цезари. Я с гордостью могу сказать, что моему отцу понравился бы титул, который, в свою очередь,

полностью wordsworthian; является частью великой традиции Бессмертного коробка для игл в форме

арфа. “Калигула пересекает лодочный мост между Байя и Путеоли. Питер Пауль Рубенс (1577-1640).” О

сама поэма, однако, не очень напоминает Озерный край.

От кормы до носа лодки образуют

Мост через заброшенный залив; дорога готова.

И Сеза Р, помнится на своем малиновом,

Возглавьте армию в верховой езде.

Они следят за своей собственной кровью.

Они мерцают волнами, как будто смотрят на них.,

Они наклоняются к скалам, имитируя их марш.,

И поэтому они пополняют va нить небес

С тобой раньше Боги и добродетели,

Они режут морские ветры своими криками.,

И 0 храм Весты на высотах

Крутится, как блестящий автомобиль Россель.

Имея в руке кадуцей закручивается в сторону

И золотые крылья на шпорах,,

Молодой Цезарь, одетый как Бог,

Приветствует своих веселых моряков.

Приветствую их, когда они брошены в море.

Путешественники из прибрежного города;

Смеется, когда головы бьют

И тонут, пока под пузырями не утонут.

Вдалеке возникает водоворот.

Подметание аллегорического неба

И красота, как направленная молния,,

Поцарапайте широкую грудь Юпитера и бедро Джуны

Скользит по флангу Марса и поворотов

Добродетель прыгает, в головокружительном повороте,,

Он окружает облако и всегда вращается,

И встает на землю, к поднятым кулакам Цезаря.

Буржуа падает с вершины моста.

Быстро, красота ускользает от Цезаря

И между ног, все еще из воды,

Исчезает среди лодок, в синем океане, f 101

Читая стихотворение от начала до конца, я рад признать его очень близким к международному стандарту

в моде. Еще немного, и я смогу принять участие в критическом турнире с месье Кокто и Мисс Кокто.

Эми Лоуэлл. Какая честь! Я чувствую себя маленьким перед лицом того, что должно произойти.

Но, Ах, Цезари! Они преследовали меня много лет. У меня уже были планы поставить половину

Вселенная в двух-трех десятках стихотворений об этих монстрах. Для начала, все грехи, и для

закончить, все добродетели… Искусство, наука, история, религия — им тоже гарантировано свое место.

И Бог знает, что еще. Но Цезари не дошли до этого. Вскоре я понял, что идея была широкой и

слишком претенциозно, чтобы быть претенциозным. Я начал с Нерона художника (глубины требуют большего

недра). “Нерон и спор гуляют по садам Золотого дома.”

Мрачная суета ароматного воздуха

Прикоснись к его лицу, распусти волосы.

Самыми нежными пальцами я поглаживаю,

Спор, все его очарование;

Круглый, как плод, нерушимый, сияет луна;

И вспышки на виноградниках,

Как звезды в небе бреда,,

Они также светятся и гаснут.

Непрекращающиеся жор рам фонтаны, поют соловьи.

Но время идет, и любовь ничего не доказывает.

И яростно горят углями христиане;

Гаснет пламя их грустных храбрецов.

И ты, сладкий спор, ты и я

Мы тоже должны умереть, мы тоже должны умереть J1 1]

Но последующий монолог был выражен более философским тоном. Я изложил в этих стихах все причины

о существовании хальмана-причины, в которые я почти верил в то время, когда писал стихотворение.

Чем больше человек живет, тем больше он учится. А пока вот стихотворение:

В молочном свете христиан

Очень непонятно прорицатель

Ее глаза, и я вижу ее бледную красоту,

Как тусклое свечение ночного цветка

Непрозрачные во тьме, они поклоняются

См Бог, который Мор Реу медленно, так что

Меньше страдали; терпели боль

Вечность в один день,

Боль всего человечества в одном

Раненое тело и одно печальное сердце.

Желтый мрамор, мягкий, как вода,

Для меня это золотой Дом; ли

Боги мрамора усыпляют его

И прекрасны белые девушки из Тароса.

Восковые розы и окандрос,

Гроздья зеленого винограда и румяные персики —

Все прекрасное я пробую, трогаю, вижу.,

Зная, любя, становясь каждой из них.

Корабль затонул, моя мама поплыла:

Я вышла замуж и вышла замуж;

Старый Клавдий Мор Рeу из императорского яда

Старый Сенека очень медленно истекал кровью.

Остается дикарь и при этом его жертва,

Насильник и замкнутая невеста;

Король мира и раб раба,

Ater ro rizado и —

Cm художник, о сладкий Sporus, художник,

Все это я, и это нужно.

А Эидия эта мелодия? Я любил ее.

И ты слушал мою симфонию.

Из печальных тебя и шумных металлов,

С длинными и острыми шипами, которые вызывают

Боль над заливом от бормотания Pop

И проникающие удовольствия, которые заканчиваются

В агонии-мог бы я сделать

Моя песня Фурий, где яд

Все еще цвет re на стебле болиголова

А красные сабли, опять же девственные, светятся?

Или взять любовь ребенка, который просто

Обожание, только нежность и уверенность —

Ema паутина на рассвете, туманная и хрупкая —

И с насилием желания

Уничтожить и осквернить ее? Вы услышите

0 тишина разрывается и плачет

Тонкий и грубый, это сама музыка

От стыда и раскаяния греха.

Христос Мор Реу; художник живет для всех;

Любит, и ее голый мрамор поднимается

Дыра, как колонна в небе,,

И чьи губы, грудь и бедра требуют

Не унижение, нет

0 дрожь стыда, которая приходит;

От его мучений человек знает

Только красота, которая родилась у них.

Христос Мор Реу, но Нерон, живой, преображается

Его немое раскаяние в песне; дает

к судьбе придурок глаза любовника,

и пока звучит его музыка, Бог живет. [13]

Благородные и романтические чувства! Протест: они для меня повод гордиться!

Есть также фрагменты о Тиберии; я должен добавить, что Тиберий представляет мою схему

символ любви. Вот один из них: “в садах Капеи”. (Я замечаю, что все мои сцены происходят

на Капри, ночью, при лунном свете. Может быть, это важно. Кто может сказать?)

Час за часом звезды движутся

И Луна, обращенная к далекой ночи,,

Скрывает свое лицо.

Сегодня слепые, эти сады напоминают

Атласные лепестки са rmesins,

А память-это аромат роз.

Час за часом медленно проходят звезды,,

Год за годом таинственно распускаются цветы

И с одинаковым блеском они обращаются к небу.

Безразличен к потоку est relas,

Стремление к этому новому, но незапамятному Perfume,

Я лежу неподвижно на своей наклонной кровати.;

И две женщины, которые разделяют его со мной.

С кислым дыханием вина, но нежные тела

Все еще горячие и пышные спят пьяными в моем Ла да н 41

Сегодня я считаю похвальным это сосредоточение внимания на том, что актуально, на человеческой реальности в центре

из бессмысленного ландшафта. Именно в то время, когда я написал этот фрагмент, я научился трудному

искусство исключительной концентрации на том, что актуально. Это были тяжелые уроки. Война подготовила меня к

узнать их. Любовь научила их мне.

Ее звали Барбара Уотерс. Я впервые увидел ее, когда мне было четырнадцать. Она была больше

старый месяц или два. Я присутствовал на одном из этих веселых пикников на берегу реки Черуэлл,

в какое время или в другое время их устраивали на летних каникулах жены учителей, по духу больше

спортивный и живой. Мы выходили в семь часов вечера с якорных стоянок к северу от

Оксфорд, на полдюжине лодок, и мы шли по реке около часа, пока

полностью потемнело. Затем мы высадились на каком-то лугу, расстелили полотенце.,

мы открывали корзины с едой и взволнованно перекусывали. Комаров было так много, что они покидали

мальчики курили, чтобы прогнать их-девочкам тоже разрешалось. С каким опытом и

удовольствие мы, мальчики, приносили дым, выпуская его через нос или открывая рот, как лягушки, чтобы

сделать кольца! Но девушки всегда уничтожали сигареты, набивали рот табаком и, корчаивая рожи,

они втирали горький привкус в губы. В конце концов, после долгого смеха они все еще избавлялись от сигарет

наполовину. Мы смеялись над ними с презрением и доброжелательностью. Позже мы собирали наши вещи и

мы возвращались домой, пели. Вдоль реки наши голоса - звучали сверхъестественно сладко. А

желтая луна, большая, как клубника, сияла над нами. Было мерцание на поверхности воды и

по всей длине волн, образованных проходящими лодками. Листья ивы сверкали

как металл. Запотевание покрыло берега. Иногда из реки поднимался легкий запах куста, вскоре

яростно отодвинут аромат табака в едкие глотки дыма. В других случаях сладкое

духи животных проникали в атмосферную влажность; пристально глядя сквозь ивы,

мы могли видеть нескольких коров, лежащих на траве, их голова и спина выступали в виде гребней

горы по ползучему туману, все еще уставшие от долгого рабочего дня.

время. Они безостановочно размышляли о первом утреннем приеме пищи, который уже смешивался с обедом, и

полдник также уже становится расширенным вегетарианским ужином. Жуя и раздавливая, они

они двигали своими неутомимыми челюстями. Этот звук слабо доходил до нас через тишину. Тогда

чистый голос начинал петь Зеленые рукава или пей меня только своими глазами.

Иногда, просто для удовольствия, хотя в этом не было необходимости, из-за того, что всегда было слишком жарко, мы делали

костер, вокруг которого мы ели майонез с лососем и курицей с жареным картофелем в скорлупе

тлеющие угли — в целом плохо запеченные или подгоревшие. В свете одного из этих костров я увидел Барбару

первый раз. Лодка, на которой я был, вышла немного позже других, потому что мы остались ждать

некоторые отставшие. Когда мы приблизились к отмеченному месту, остальные уже высадились и

подготовил все для нашей еды. Младшие в группе собрали дрова для огня,

который был зажжен. В лунном свете люди сидели, а другие стояли вокруг полотенца. Один

чуть впереди, под черной тенью огромного вяза, двигались какие-то безликие силуэты. В

внезапно из спички вспыхнуло небольшое пламя, и оно было защищено парой рук,

которые в тот же момент стали прозрачным кораллом. Силуэты начали побеждать

фрагменты жизни. Руки, поддерживающие пламя, двигались вокруг костра; два или три

вспыхнуло небольшое пламя. А потом под звуки грандиозного “ура!”,- загорелся костер. Посреди

из черной тени вяза образовалась маленькая Вселенная, гораздо более живая, чем мир

призрачный сидит под лунным светом, немного дальше назад. В свете огня я увидел дюжину лиц,

семьи, мальчиков и девочек, которых я знал. Но почти не замечал их. Я обращал внимание только на одного

единственное лицо, которое я никогда не видел раньше. Более высокая вспышка раскрыла его апокалиптическим образом. Румяный,

яркое, почти потустороннее в дрожащем, меняющемся свете пламени, это лицо торчало с невероятным

четкость и точность на почерневшем фоне, сделанном огнем еще темнее. Это было лицо

девочка. Ее волосы также были темными, с золотисто-красными бликами. Нос был

слегка aquilino. Вытянутые, почти косые глаза сверкали сквозь веки, как будто

они заглядывали в таинственную трещину и открывали внутреннее, тайное, неописуемое счастье.

Рот, казалось, разделял ту же тайну. Губы были не густые, а нежные; закрытые,

они кланялись улыбкой, которая выражала радость больше, чем любой смех, любой

счастье. Уголки рта поднимались так, что губы становились почти

параллели косым глазам. Улыбка, казалось, была прикреплена к двум маленьким канавкам, которые складывали

лица, сужающиеся к нежному и твердому подбородку. Шея была пухлой и маленькой; руки,

что муслиновое платье оставило открытым, они были довольно тонкими.

Моя лодка медленно поднималась по течению. Я бы не оторвал глаз от того лица, которое тусклый свет

костер раскрыл. Я никогда не видел ничего такого прекрасного. В чем секрет этой невыразимой радости?

Какое Безымянное счастье будет жить за этими косыми глазами, этой тихой улыбкой? Я едва

дышать. Слезы смачивали мои лица - она была слишком красива. Я был напуган, я чувствовал

вид страха, как будто я вдруг увидел себя в присутствии чего-то большего, чем просто смертное существо, перед

самой жизни. Пламя вспыхнуло. Палевые отражения бродили по ее улыбающемуся лицу,

тихо и скрытно, как будто живая кровь бредит под кожей. Другие дети смеялись,

кричали, двигали руками. Она оставалась абсолютно неподвижной, с закрытыми губами, глазами

суженные, улыбающиеся. Да, там была сама жизнь.

Лодка прислонилась к берегу.

-Держись! - кто-то кричал. - Держись, Фрэнсис! Я неохотно сделал то, что мне сказали; это было

как будто что-то очень драгоценное умирает внутри меня.

После этого я видел ее пару раз. Я узнал, что это Орфа, но у меня были родственники в Оксфорде,

с кем время от времени бывал. Если бы я пытался поговорить с ней, я всегда был бы слишком смущен

делать больше, чем заикаться тривиальными или глупыми вещами. Она безмятежно смотрела на меня сквозь

веки и отвечал. Я не совсем помню, что она говорила, а скорее тоном, с которым она это делала — спокойным,

холодно, безопасно, как подходило воплощению самой жизни.

- Ты играешь в теннис? - спрашивала я, чуть не плача о своей глупости и отсутствии мужества.

Почему ты такая красивая? Что думает за этими загадочными глазами? Почему это

необъяснимое счастье? - это были вопросы, которые я хотел бы задать вам.

- Да, я люблю играть в теннис, - серьезно отвечала она.

Я помню, как однажды мне удалось продвинуться немного дальше в более умном разговоре и

и я спросил ее, Какие книги мне нравятся больше всего. Когда я говорил, она смотрела на меня

пристально. В конце концов я покраснел и отвел глаза. У нее было несправедливое преимущество перед

я: я мог смотреть на себя сквозь веки, как будто выглядывал из - за меня. Я был разоблачен и

полностью незащищенный.

- Я мало читаю, - наконец сказала она. Вообще - то, я не люблю читать.

Моя попытка сблизиться, установить контакт провалилась. В то же время я

мне нужно было знать, что она не любит читать. В конце концов, что вам будет полезно читать? Когда сама жизнь не

если вам нужны простые книги. Спустя годы она признала, что сделала исключение для

романы Джина Стрэттона-Портера. Когда мне исполнилось семнадцать, она переехала жить в Южную Африку с

другие родственники.

Время прошло. Я думал о ней постоянно. Все, что я читал в поэтах о любви,

это соответствовало этому тайному, очаровательному улыбающемуся лицу. Мои друзья хвастались своими малышами

роман. Я слушал их без всякой зависти, потому что знал не только теоретически, но и по опыту, что

это была не любовь. Однажды, когда я был первокурсником в университете, я сам, после

ночью в ночном клубе я поскользнулся от чистоты, в которой держал себя до тех пор. Затем я почувствовал

ужасно стыдно. Как будто я больше не достоин любви. В результате к

связь между причиной и следствием сейчас мне кажется довольно сложной для определения, но в то время я знаю, что

я сделал это довольно логично — я перегружал себя работой, я выиграл две университетские награды, я сделал-я ярый революционер, и я посвятил много часов своего времени “социальной работе” в старшей школе

Миссия. Я не был хорошим социальным работником; я безразлично играл свою роль с

жестокие подростки из многоквартирных домов и я ненавидел каждый момент, проведенный в миссии. Именно поэтому

что я не продолжил эту работу. Один или два раза я соглашался принять участие в танце мамы в саду

моя мама. Я пытался ценить себя — за что? Даже я сам не знал, но каким-то образом это было

что хотел. Я готовился любить бесконечно и время от времени делать великие дела.

Затем началась война. Из Франции я отправил ей письмо, написав все, чего у меня не было

смелость сказать лично. Я отправил письмо на единственный известный мне адрес — оно уже было

она изменилась много лет назад — без особых ожиданий, только то, что она получила ее. Я написал для своего

собственное удовлетворение, чтобы выразить все, что я чувствовал. Я не сомневался, что скоро буду

мертвый. Я написал это письмо не женщине, а Богу; это было разъяснение и извинение, посланное

Вселенной.

Зимой 1916 года я был ранен. После выписки из больницы я был признан непригодным для службы

активен и назначен на должность в контрактном секторе BBC. Я отвечал за продукты

химические вещества, целлулоид, резиновые трубки, касторовое масло, постельное белье и ткани для воздушных шаров. Пройти

все время споря с немецкими евреями о ценах на химикаты и целлулоид, с

греческие продавцы касторовое масло, ирландское постельное белье. Японские очки

они приходили, чтобы представить мне образцы крепа из Китая, и пытались убедить меня, предлагая мне тоже

специальные сигареты - это было намного лучше и дешевле, чем хлопок, используемый для изготовления

воздушный шар. Из каждой из карт, которые я диктовал, сначала делалось одиннадцать, затем семнадцать и в конце,

когда отдел достиг пика процветания, двадцать два экземпляра, которые будут прочитаны и

архивируются различными подразделами заинтересованного Министерства. Отель Cecil был заполнен персоналом.

В подвалах, на два этажа ниже уровня улицы, и на чердаке, над трубами дымоходов, сотни

молодые женщины перебирали свои пишущие машинки. В подземном бальном зале, который больше всего напоминал

декорации для праздника Белшаззар ежедневно потреблялись тысячи дешевых блюд. Мы

лучшие номера, те, которые имели вид на Темзу, были долгоживущими гражданскими слугами,

с буквами после их имен великие бизнесмены, которые помогли нам выиграть войну и

офицеры Генерального штаба. Быстрые автомобили ждали их во дворе. Иногда в

заходя утром в офис, я представляла себя посетителем Марса.

Одно из тех утра — я уже несколько месяцев проработал в BBC — я оказался перед одним

проблема, которая может быть решена только путем консультации со специалистом отдела

Морской. Личный состав ВМФ занимал ряд зданий на стороне, противоположной перрону крыла, в котором

остались наши офицеры. Только после десяти минут блуждания по лабиринту я смог

наконец найти человека, которого вы искали. Я помню, что был очень приветливым человеком;

спросил меня, как мне может понравиться торт Хаус (это было прозвище нашего драгоценного офиса

BBC), предложил мне сигару из Ост-Индии, а также виски с газировкой. После этого

мы начали технический разговор о невоспламеняющемся целлулоиде. Когда я оставил его, я был намного больше.

хорошо информирован, чем раньше.

- Увидимся позже, - сказал он, когда я уходил. - Если вы хотите узнать больше об ацетоне или

любой из этих проклятых наркотиков, вы можете найти меня.

- Спасибо, - ответил я. - Что, если вы хотите узнать об Аполлонии Родосском или Чосере или

об истории трезубца…

Он рассмеялся.

- Я его найду — - закончил он.

Все еще смеясь, я закрыл дверь и вышел в коридор. Мимо проходила девушка поспешно и бормоча

коротышка с кучей папок в руке. Испугавшись моего внезапного появления, она посмотрела на меня. Мой

сердце вздрогнуло и на мгновение перестало биться.

- Барбара!

Услышав ее имя, она посмотрела на меня так, будто выглянула сквозь полузакрытые веки

что я так хорошо знал. Я заметила легкое нахмуривание, а затем сужение губ. А потом,

почти мгновенно его лицо загорелось улыбкой, а темные глаза мерцали

радостно.

- Но это Фрэнсис Челифер! - воскликнула она. - Я не узнал тебя, ты другой.

- Нет, - сказал я. - То же самое.

Она улыбнулась с закрытыми губами и сквозь веки смотрела на меня, словно выглядывая из-за меня.

Она была красивее, чем когда-либо в своей юной зрелости. Если бы я был доволен или опечален, чтобы иметь ее

найденный снова был чем-то, чего я не знал. Но я знаю, что меня глубоко тронули; я дрожал и чувствовал

что мой баланс был полностью изменен. Память о символической любви, для которой и

то, ради чего я жил все эти годы, теперь перевоплощалось передо мной, а не как символ,

но как личность; этого достаточно, чтобы напугать любого.

- Я думал, что я в Южной Африке, - продолжил я. - Что более или менее то же самое, что

сказать, что тебя не существовало.

- Я вернулся год назад.

- И с тех пор вы здесь работаете?

Барбара согласилась.

- Вы тоже работаете в Cake House? — спросить.

- Полгода назад.

- Никогда не думал! Как мы не встречались раньше? Как этот мир мал, невероятно

маленький!

Мы вместе пообедали.

- Вы получили мое письмо? - Я набрался смелости, чтобы задать этот вопрос, пока мы пили кофе.

Барбара утвердительно пошевелила головой.

- Прошло много времени, прежде чем она попала в мои руки.

Я не знал, говорил ли я это специально, чтобы отложить неизбежный разговор о письме, или

если бы он делал это спонтанно, без скрытых мотивов, потому что он думал, что письмо было интересным

так много времени, чтобы прибыть.

- Сначала он уехал в Южную Африку, а потом вернулся сюда, - объяснил он мне.

- Вы ее читали?

- Конечно.

- Вы понимаете, о чем я? - Я задал вопрос, который предпочел бы не задавать. Боялся за ответ

что я мог бы получить.

Она просто кивнула и ничего не сказала, таинственно глядя на меня, как будто у нее есть секрет и

глубокое понимание всего.

- Это было почти невыразимо, - сказал я. Его взгляд побудил меня продолжать. - Это было так

глубоко и настолько обширно, что я не мог найти слов, чтобы сказать это. Понял? Вы действительно поняли?

Барбара некоторое время молчала, а затем с легким вздохом сказала:

- Я не знаю, почему мужчины всегда ведут себя со мной глупо.

Я посмотрел на нее. Вы действительно сказали бы то, что я слышал? Она все еще улыбалась, как только жизнь способна улыбаться.,

и в этот момент у меня было ужасное предчувствие того, что я буду страдать. И все же я спросил, когда

увижу снова. Ночью? Можем ли мы поужинать вместе? Барбара покачала головой; у него была встреча.

Так мы будем обедать на следующий день?

- Мне нужно подумать. - Она поджала губы и лоб. Нет, вспомнил он наконец, тоже не мог

быть на следующий день. Его первым свободным временем будет ужин, через два дня.

Я вернулся к работе, чувствуя себя особенно марсианином. Досье с восемью папками о

Imperial Cellulose Company ждала меня на столе. Мой секретарь принес мне отчет о

эксперты по патентам на касторовое масло, которые только что прибыли. Продавец труб

каучук очень хотел поговорить со мной. И я все еще хотел, чтобы этот звонок в Белфаст, о бизнесе,

простыни? Задумчиво, Я хотел всего, что говорила девушка. Для чего все это?

- Мужчины ведут себя глупо с дамой, Мисс. Массон? -мне пришло в голову спросить.

Я поднял глаза на секретаршу, которая ждала моих приказов.

Мисс. Массон поразительно покраснела и, застенчивая, надуманно рассмеялась.

- О, нет, - сказал он. - Я, должно быть, гадкий утенок — - и добавил он, - в некотором смысле это даже

облегчение. Но почему вы спрашиваете об этом?

Ее волосы были рыжими и вьющимися, кожа-очень белой, а глаза-карими. У меня должно быть несколько

двадцать три года, я думаю; и это был абсолютно не гадкий утенок. Мы никогда не говорили, кроме как о

я работаю, и я редко смотрел на нее более внимательно, довольствуясь тем, что она присутствовала. Быть

очень эффективный стол.

- Почему вы спрашиваете об этом? - Странное выражение, как взгляд ужаса, возникло в

лицо Мисс. Массон.

- Не знаю. Любопытство. Посмотри, сможешь ли ты позвонить в Белфаст сегодня днем. И скажи человеку

резиновые трубки, которые я не смогу получить.

Отношение Мисс. Массон изменился. Она улыбалась мне эффективно, как хороший секретарь. Ваш

взгляд стал бесстрастным.

- Вы не сможете его принять, - повторил он. У нее была привычка повторять то, что другие

они только что говорили, воспроизводили, как эхо, мнения и шутки, сказанные на мгновение раньше, как будто

они были его собственными. Она повернулась ко мне спиной и направилась к двери. Я остался наедине с историей

секрет Imperial Cellulose Company и экспертный отчет о патентах на нефть

Кастор и мои собственные мысли.

Два дня спустя мы с Барбарой поужинали в очень дорогом ресторане, блюда которого нам достались

успех заставить нас забыть, что мы были в полной подводной кампании, и что еда была

нормировать.

- Мне очень нравится декор, - сказала она, оглядываясь. - И музыка тоже. (Миссис.

Клаудсли шов нашел то же самое, что и угловые дома.)

Пока она наслаждалась архитектурой, я смотрел на нее. Был одет в розовое вечернее платье.,

короткие и без рукавов. Кожа на плечах и шее была очень белой. Была яркая роза в

открытие лифа. Руки, не будучи костлявыми, оставались

тонкими, как когда она была маленькой девочкой;

вся ее внешность была похожа на девушку-подростка.

- Почему ты так на меня смотришь? - спросил он меня, когда ему надоела архитектура. Она усилила тон

розоватый от слегка улыбающихся лиц и губ. Сквозь потемневшие веки его глаза

у них был необычный блеск.

- Мне было интересно, почему ты всегда так счастлив. Внутреннее, таинственное и

тайно его. Что это за секрет? Это то, о чем я думал.

- Почему бы мне не быть счастливым? - спросил. - Только на самом деле — - добавил он в

я не счастлива. Как это могло быть, когда тысячи людей умирают каждую минуту, и так много

вы страдаете? - Она пыталась продемонстрировать суровое отношение тех, кто находится в церкви. Но радость

тайна вкрадывалась в то, что она подавлялась сквозь узкое косое отверстие ее глаз. Закоренелый,

его душа жила бесконечным праздником.

Я не мог удержаться от смеха.

- К счастью, - сказал Я, - наша солидарность с чужими страданиями не достаточно сильна для

не дать нам поужинать. Что вы предпочитаете: лобстер или

лосось?

- Омар, - сказала Барбара. — Но как ты циничен! Вы не верите тому, что я говорю.

Уверяю вас, что нет ни одного момента, когда я бы не вспомнил погибших и раненых. А также

из бедных, как они живут в многоквартирных домах. Невозможно быть счастливым. Не совсем — она покачала

голова.

Я понял, что если я буду настаивать на этом, я заставлю ее продолжить эту пародию на того, кто был в

церковь, я могу испортить ей ночь и в конечном итоге заставить ее перестать любить меня. Я побежал

глаза по меню.

- Мы выпьем шампанского?

- Принимаю, - сказала она, глядя на меня с нерешительным выражением лица, не очень хорошо зная,

он продолжал сохранять серьезный воздух или переходил к более естественной радости.

Я положил конец этой нерешительности, показав ему человека, сидящего за столом рядом с нашим.

Перешептываться:

- Вы когда-нибудь видели тапира?

Она разразилась восхитительным смехом; не столько из-за того, что я сказал очень смешно, но

потому что это огромное облегчение-снова смеяться с чистой совестью.

- Думаю, это больше похоже на муравьеда — - предложил он, глядя в указанном направлении и

сгорбившись над столом, чтобы поговорить более близко. Близость этого красивого лица

это вызвало у меня головокружение. Я чуть не закричал. Тайное счастье этого взгляда означало молодость, здоровье,

это была неконтролируемая жизнь. Закрытые губы улыбались с ликующим чувством силы. Духи

Роза окутала ее. Красный цветок между ее грудями мерцал над белизной кожи. Внезапно я

рассказ о том, что под шелком платья было молодое обнаженное тело. Это было бы для этого открытия

что я готовился все эти годы?

После обеда мы пошли в танцевальный зал; шоу закончилось, мы танцевали. Она сказала мне, что уходит

танцевать почти каждую ночь. Я не спрашивал, с кем. Барбара, казалось, ценила всех женщин

что они заходили в салон и задавались вопросом, не думаю ли я, что одна очень красивая, другая очень красивая

привлекательно; когда, наоборот, я находил их отталкивающими, она раздражалась, что я мало показываю себя

снисходительно относится к своему полу. Он показал рыжую за другим столом и хотел знать, нравится ли мне этот парень

женский. Когда я сказал , что предпочитаю историю цивилизации в Англии Бакла, она засмеялась, как будто я

сказал что-то абсурдно парадоксальное. Стало лучше, когда мы молчали; к счастью, она обладала

большая емкость для тишины, смогл использовать его как оружие обороны когда вопросы к

они ненавидели или заставляли ее стыдиться. В этих случаях я просто не отвечал, как бы я ни был

настаивайте и все время загадочно улыбайтесь, как будто находитесь в другом мире.

Мы стояли там около часа, пока толстый, дряблый молодой человек с волосами

очень черный и темнокожий, большой мясистый нос с искривленными ноздрями, как две роскошные завитки

восточные, прошли мимо нас с высокомерием. Он носил серебряный монокль на левом глазу, а между

толстые пряди бороды, которые росли на его подбородке, были гранулы рисовой пыли, которые к ним тянулись.

они держались, как крошечные снежинки. Он и Барбара пересекли взгляд; обильно улыбаясь,

молодой подошел к столу, и оба обменялись несколькими словами. Барбара выглядела очень счастливой, увидев его.

— Он очень умный, - объяснил он мне, когда он подошел к столу, где ждал его.

рыжая, которую я обменял на историю цивилизации. - Он сирийский. Вы должны знать это; также пишет

стихи, понимаешь?

Я чувствовал себя несчастным всю ночь; в то же время я бы предпочел, чтобы это никогда не заканчивалось. Иметь

любил продолжать вечно в этом душном подвале, слушая, как громко играет джаз-бэнд, как будто

сделай это в моей голове. Я бы дышал этим несвежим воздухом и танцевал вечно, никогда не

утомлять; он мог вечно слушать разговор Барбары, просто чтобы смотреть на нее, оставаться рядом с ней,

размышлять, вплоть до следующего вопроса, о глубокой и прекрасной тайне, стоящей за этими

глаза, на неиссякаемый источник ее тайной радости, который заставлял ее улыбаться с таким решительным и

восторг.

Прошли недели. Мы виделись почти ежедневно. И я любил ее каждую минуту с большим

насилие и боль, любовь, которая сильно отличалась от религиозного поклонения моего детства. Но это была

затяжное воспоминание о той любви, которая сделала мое нынешнее желание таким жгучим и мучительным, провоцирующим

жажда, которую никакое владение не могло утолить. Никакое владение не было бы возможным, пока то, что я

обладал, что бы это ни было, как я понимал с большей ясностью каждый раз, когда видел это, был

совершенно отличается от того, что я хотел иметь за все эти годы. И я пожелал всей красоты, всего

то, что есть хорошего и истинного, символизируется и воплощается в лице. Теперь это лицо было

очень близко, губы касались моих; но то, что у меня было, было просто “закаленной ” женщиной, как

обычно эвфемисты восхитительно и восхитительно квалифицируют непристойные вещи. Одновременно,

иррационально и несмотря на доказательства, я не мог не поверить, что она была, в некотором смысле, и

втайне то, что я себе представлял. Моя символическая любовь усиливала желание женщины, которой она была.

Все это, если бы это было сегодня, казалось бы мне совершенно естественным и нормальным. Если я занимаюсь любовью с

женщина, я прекрасно знаю, с кем занимаюсь любовью. Но в то время я все еще должен был

узнать это. В компании Барбары я научился мстить. Я узнал, что можно любить

глубоко и как раб кто - то, кого вы не уважаете, кого вы не уважаете.

любит, кого считает плохим-характер и который, короче говоря, только делает нас несчастными и утомляет нас. А почему бы и нет

любить, спрашиваю я, почему бы и нет? Мне кажется, это самая естественная вещь в мире. Но тогда я

я верил, что любовь всегда смешивается с любовью и

восхищением, почитанием и экстазом

интеллектуальный, такой же продолжительный, как то, что мы испытываем во время исполнения симфонии. Нет

сомнение в том, что иногда любовь оказывается вовлеченной в какую-либо из этих вещей или все из них; иногда они

они существуют сами по себе, независимые от любви. Но нужно быть готовым проглотить то, что любишь

в чистом, чистом состоянии. Это крепкий, сырой и в некотором смысле ядовитый напиток.

Каждый час, который я проводил с Барбарой, приносил новые доказательства ее отсутствия навыков в

представлять идеальную часть, которую мое воображение приготовило для нее. Она была эгоистичной, жаждущей самых удовольствий.

вульгарные, любили выставлять себя в атмосфере эротического восхищения, веселились в коллекционировании

она была глупой и лживой — другими словами, она была одной из многих нормальных молодых женщин

и здоровые женщины. Я был бы менее обеспокоен этими выводами, если бы только она

было другое лицо. К сожалению, однако, нормальная молодая женщина, которая тогда показала себя, имела

те же черты, что и у того символического ребенка, лицо которого я обнимал в памяти на протяжении всего моего

пылкий подростковый возраст. И контраст между тем, кем она была на самом деле, и чем — с ее головокружительным лицом и

таинственно очаровательно-должно быть, согласно моему воображению, он стал неиссякаемым источником

удивление и страдания. В то же время природа страсти, которую

я чувствовал, изменилась

неизбежный и глубокий момент, когда она перестала быть символом, чтобы стать существом

индивидуальный. Я стал желать ее; раньше я любил ее как Бога, как будто она сама была божеством. Е,

сравнивая эту новую любовь с той, которую я уже чувствовал, я стыдился себя, воображал себя недостойным, Торп,

животное. Я пытался убедить себя, что если она была другой, то потому, что я чувствовал себя менее благородным. В

иногда, когда мы молчали на закате под деревьями в парке или смотрели на реку

окно моей спальни в Челси, на мгновение я смог убедить себя, что Барбара

это было то, что я себе представлял, и что мои чувства были такими же, как и по отношению к твоему

память. Однако Барбара всегда нарушала магию тишины, а вместе с ней и всякую иллюзию.

- Мы могли бы, — задумчиво говорил он, - пойти поесть устриц в какой-нибудь ресторан. - Или еще,

вспоминая, что я был литератором, я смотрел на яркие цвета заката и

вздыхать:

Я бы хотела стать поэтессой.

Это вернуло меня к фактам, и Барбара снова стала осязаемой молодой женщиной, которая раздражала меня, но

кого бы я пожелал — такое определенное и локализованное желание! - целоваться, обниматься, ласкать.

Это желание было тем же самым, что я какое-то время так строго подавлял. Я боролся с ним

как нечто злое, ужасно противоречащее моей любви, возмутительное и несовместимое с моей

концепция Высшей природы Барбары. Я еще не научился смириться с тем, что

высшая природа Барбары была моим изобретением, украшением, созданным моим воображением.

Одной очень жаркой ночью я отвез ее к двери дома на Риджент-сквер в Блумсбери,

где она занимала небольшую квартиру на чердаке. Мы пошли на ужин, и было уже поздно;

четверть Луны начинала подниматься в небо и слабо освещала тротуар над крышей

церковь, с левой стороны площади. Я заплатил водителю, и мы остались одни. Всю ночь я

он чувствовал себя раздраженным и раздраженным; но мысль о том, что я должен пожелать спокойной ночи и следовать за своим в одиночку

путь это доставляло мне такую боль, что мои глаза наполнялись слезами. Я остался там, где

я в молчаливой нерешительности смотрел ей в лицо. Барбара улыбалась таинственно и тихо, как будто

сделать это для себя по какой-то тайной причине; ее глаза были другого блеска. Его молчание не

в нем было беспокойство и нерешительность, которые охватили меня, но он был спокойным, почти величественным. Она могла

жить в этой тишине, когда так хотелось, как существо в своей стихии.

- Ну, - сказал я, наконец, - я должен уйти.

- Почему бы нам не выпить последнюю чашку чая? - она предложила.

Движимый этим злым духом, который заставляет нас делать то, чего мы не хотим, что мы знаем

что причинит столько страданий, сколько возможно в таких обстоятельствах, я отрицательно покачал головой:

— Не. Мне нужно идти.

Он никогда не желал чего-то большего, чем принять приглашение Варвары.

- Заходи, - настаивала она. - На приготовление чая уйдет не больше минуты.

Я снова покачал головой, на этот раз слишком огорченный, чтобы что-то сказать. Боялся, что

дрожащий голос может предать меня. Я инстинктивно знал, что если я войду с ней в этот дом, мы

мы бы стали любовниками. Моя решимость сопротивляться тому, что казалось самыми основными желаниями

это укрепило мою решимость не входить.

- Ну, если ты так предпочитаешь, - сказала она, пожимая плечами, - тогда Спокойной ночи. - Ваш голос

он скрывал определенное разочарование.

Мы пожали друг другу руки, и я ушел. Десять метров вперед моя решимость упала на землю.

Я обернулся. Барбара все еще стояла у двери, пытаясь вставить ключ в замок.

- Варвара,-позвал я ее голосом, который звучал мне ужасно фальшиво. Я побежал обратно. Она посмотрела

для меня. - Не возражаете, если я передумаю и приму приглашение? Я обнаружил, что действительно хочу пить.

- Какое унижение!, думать.

Она засмеялась.

- Какой ты глупый, Фрэнсис. - И добавил насмешливым тоном: - если бы мне так не нравилось

вы бы сказали утолить жажду в ближайшей гамеле.

— Извините. -Подойдя к ней, я почувствовал ее аромат розы, и меня перевезли обратно

в детстве, когда ночью я спустился из своей комнаты в страхе, чтобы найти успокоил мою мать

в столовой, свободной от невыносимого веса и невероятно счастливой, но в то же время чувствующей себя

несчастный из-за осознания того, что то, что он делал, противоречило всем правилам, грех, который

я мог оценить это по меланхолической нежности, которую я видел в глазах моей матери, и по зловещему молчанию

мой огромный бородатый папа смотрит на меня через бурное облако, как Бог

строгий. Я чувствовал себя хорошо с Барбарой; но совершенно несчастен, чтобы не быть с ней, скажем так,

правильно. Я не был собой. Она, несмотря на те же черты лица, не была такой же.

Я чувствовал себя хорошо, потому что знал, что скоро мы будем целоваться; несчастный, потому что это было не так

что я хотел свою воображаемую Варвару. А также потому, что, тайно признавая существование

настоящая Варвара, она чувствовала унижение быть рабом такой женщины, как она.

- Если хотите, я могу найти гамелу, - сказал я, слабо реагируя на свой бунт. АО

в то же время я пытался быть смешным. - Может быть, было бы лучше, если бы я утонул в ней.

- Делай, как хочешь, - легкомысленно сказала она. Дверь открылась, и она вошла в темноту. Я последовал за ней,

осторожно закрыв дверь. Мы поднимаемся по лестнице без освещения. Она отперла

еще одна дверь и включила свет. От внезапной ясности у меня закружилась голова.

- Все хорошо, что хорошо кончается, - сказала она, улыбаясь и избавляясь от накидки, покрывавшей ее

плечо.

Напротив, я подумал, что это трагическая ошибка. Я подошел к ней поближе и держал ее за волосы.

тонкие руки, чуть ниже плеч. Я наклонился и поцеловал лицо, обращенное в другую сторону. Она повернулась

а потом это был рот.

Нет будущего и нет прошлого;

Здесь нет ни корней, ни плодов, но временных цветов.

Ложись. Просто ложись, и ночь задержится.,

Темно и тихо; не несколько часов, но вечно.

Я хочу забыть о мире.

Но не от его аромата.

Я хочу забыть о ночах,

Но никогда.

Стыд, бесполезный плач, покаяние.

Просто ложись, и счастье меняется и постоянно

Он будет цвести на краю нашего сна

И будет распространяться, пока больше ничего не существует.

Только ты и я, обнявшись, в бесконечной тишине.

Но, приговоренный к смертной казни, завтра я умру.

И я знаю, даже если ночь кажется бесконечной.,

Что небо будет сиять перед рассветом. [15]

Именно тогда я научился жить только моментом — игнорировать причины, причины, предпосылки,

отказ от ответственности за то, что последует. Я узнал, поскольку будущее было обречено на

повторять то, что уже произошло, никогда не ждать утешения или объяснений, но жить здесь и сейчас, в самом сердце

человеческой реальности, в самом сердце теплого и темного улья. Но есть ли безрассудство

спонтанное, что никакие серьезные усилия не могут подражать. Будучи таким, какой я есть, я бы никогда не соперничал с этим парнем.

мальчик, который сбивает свою няню со скалы только для того, чтобы увидеть, как она разбивается внизу; никогда бы не остановился

пистолет в голову и игриво нажал бы на курок; никогда, глядя из галереи в Ковент-Гардене

для фа Вагнера и Сен-Сена в креслах в первом ряду я бы бросил небольшую ручную гранату

(как бы весело это ни было), который я до сих пор храню, заряженный взрывчаткой, в своей коробке

шляпа, готовая к любой чрезвычайной ситуации. Это великолепное безразличие ко всему, кроме

непосредственное ощущение я могу лишь смутно подражать. Но я делаю все, что в моих силах, и всегда делал это.

добросовестно с Барбарой. Тем не менее, ночи всегда подходили к концу. И даже пока

они продолжались, погруженные в чувственность, я ни на мгновение не мог не понять, кто я такой

Барбара, кем бы я ни был, либо на следующий день. Воспоминание об этом исключало весь энтузиазм

полная страсть, и под спокойной поверхностью, под безмолвным экстазом осеменялась глубокая

беспокойство. Целуя ее, я бы хотел, чтобы я не целовал ее; держа ее на руках, я бы предпочел обниматься

кто - нибудь еще. И иногда, в темноте и тишине, я предпочел бы быть мертвым.

Любила бы она меня? Так или иначе, я всегда говорил это, даже когда писал себе. Иметь

все еще все письма — коллекция поспешных билетов, отправленных посланниками из палаты а

еще одно из отеля Сесил, а также несколько более длинных писем, написанных, когда она была в отпуске или проходила мимо

выходные вдали от меня. Я разбрасываю бумаги. Это грамотные, хорошо написанные письма; ручка

он редко отрывается от бумаги, бегая от буквы к букве, от слова к слову. Письмо

ясно, быстро, свободно и разборчиво. Только один или другой раз, обычно при оформлении быстрых билетов,

ясность нарушена; это зачеркнутые слова, исправленные бесформенными буквами. Я склоняюсь над ними в

попытка интерпретировать его значение. “Я обожаю тебя, любовь моя… я целую его тысячи раз… очень не хватает

на ночь… я безумно люблю его.“Я могу выделить из стираний эти фрагментарные значения.

Мы пишем такие вещи неразборчиво по той же причине, по которой мы одеваем свое тело. А

скромность не позволяет нам ходить голыми, а выражение наших сокровенных мыслей, наших

самые насущные желания и тайные воспоминания не могут-даже после того, как мы совершим самоповреждение

положить слова на бумаге - быть легко прочитаны и поняты. Pepys, при регистрации деталей

более мрачные из его любви, он не довольствовался только шифрованным письмом, как он нарушил все

нормы хорошего французского. Теперь, когда я упомянул Пепис, я помню, как делал то же самое с картами

что я написал Барбаре; я заканчивал их <c Bellissima, ti voglio un bene огромный”, или ” Je fembrasse unpeu

partout”.

Но любила бы она меня? В некотором смысле, я так думаю. Я удовлетворил его тщеславие. Его самые большие

успехи были, по большей части, с молодыми солдатами. И потому, что она загрязнена

снобизм тех, кто видит художника или любого, кто называет себя художником, как кто-то выше

другие существа-ее гораздо больше впечатлил любой богемец из Café Royal, чем

эффективные сотрудники, и считал гораздо более трудным и

утонченным быть в состоянии рисовать, и даже

наслаждаться кубистской картиной или играть пьесу Бартока на пианино, чем вести бизнес или

проведение судебного разбирательства в суде — по этой причине она была глубоко убеждена в

мое таинственное значение, он гордился тем, что я прыгаю вокруг него, как жалкое существо. Существует

немецкая гравюра xvi века, сделанная во время реакции против схоластики, которая представляет собой

обнаженная тевтонская красавица едет на лысом бородатом мужчине, которого она ведет с поводьями и кнутом. О

старик идентифицирован как Аристотель. После двух тысяч лет подчинения непогрешимому мудрецу, без

сомнение было хорошей местью. Для Барбары я должен быть второстепенным Аристотелем. Но что сделало это

несколько нелестным сравнением для меня был тот факт, что она чувствовала себя одинаково

удовлетворенный вниманием, которое она получила от другого литератора, смуглого сирийца с голубоватой челюстью и

серебряный монокль. Я думаю, что он удовлетворил ее гораздо больше, потому что писал стихи, которые были опубликованы

часто в журналах (мои, к сожалению, не были); и хуже всего то, что он никогда не терял

возможность сказать людям, что он поэт, он всегда обсуждал неудобства и

компенсирующие преимущества обладания художественным темпераментом. Тот факт, что в течение определенного времени она

любимый мной был из-за единственной причины, по которой я был доступен и любил ее гораздо больше

незащищенный, чем он. Рыжая, которую я считал второстепенной заменой в истории Бакла

в то время это занимало большую часть его сердца. Кроме того, он был спокойным и опытным любовником, который

я ни за что не терял рассудка. Со своей стороны, Барбара могла рассчитывать на страсть, которая не

я надеялся получить от сирийца-страсть, которая, несмотря на мое нежелание, несмотря на мои усилия

сопротивляясь ей, я сводил себя к жалкому состоянию у ее ног. Приятно быть почитаемым, командовать и причинять

боль; Барбаре это нравилось так же, как и всем остальным.

В конце концов, сириец лишил меня звания. Я заметил, что в октябре друзья Африки

с юга, с которым Барбаре нужно было обедать и ужинать, приезжали все чаще и чаще. Е

когда это были не они, это была тетя Фиби, которая внезапно начала приставать. Или мистер Гобл,

большой друг ее дедушки.

Когда я попросил ее рассказать мне об этих встречах, она даже сказала:

- О, Они очень скучные! Речь идет только о семейных делах. - Или просто

улыбалась, пожимала плечами и собиралась в непроницаемой тишине.

- Почему ты мне лжешь? — спросить.

Она хранила молчание и тайную улыбку. Были времена, когда я настаивал на том, чтобы избавиться от

друзья из Южной Африки и ужинали со мной. Она согласилась, неохотно; но потом отомстила, говоря обо всех

интересные люди, которых вы встретили.

Однажды ночью, несмотря на мои мольбы, угрозы и требования, она пошла на ужин с тетей Фиби в

Мистер Голдерс Грин и остаться там на ночь; я ждал ее на Риджент-сквер. Была холодная ночь и

влажный. Я оставался на своем посту с девяти часов до полуночи, идя с одной стороны к

другой, перед домом, в котором она жила. Когда я шел, я бегал кончиком трости по

перила, которые окружали сад в центре площади, вызывая последовательный матрахеар; эти шумы

они следили за моими мыслями. С мокрых деревьев иногда падала тяжелая капля воды.

Я, должно быть, проехал несколько миль той ночью.

В течение этих трех часов я много думал. Я подумал о костре, который внезапно зажегся и обнаружил

детское лицо в темноте. Я думал о своей мальчишеской любви, а затем о том, как я поворачиваюсь к тому же лицу

снова и в любви, которую он вдохновил на взрослого мужчину. Я думал о поцелуях, ласках, шепоте.

Я подумал о сирице с черными глазами и серебряным моноклем, о жирной коже, сияющей под рисовой пылью.,

на гранулах рисового порошка, прикрепленных к прядям бороды на подбородке. Вероятно, они были бы вместе

тогда. Монна Ванна, Монна Байс - ” любовь не такая чистая и абстрактная, как говорят

у них нет любовников, а есть музы”. Реальность стимулирует воображение, ложь направляет его. А

правда варварская, подумал я, правда в том, что ей нравится мужчина с серебряным моноклем, правда в том, что

я переспал с ней, и это, вероятно, правда, что он тоже.

Верно также и то, что люди жестоки и глупы, которые позволяют себе уничтожать других, столь же глупых

как и они сами. Я думал о страсти, которую я испытывал к всеобщей справедливости, о моих идеалах

будущий мир населен существами, живущими в соответствии с разумом. Но для чего нужен досуг, если он

используется для прослушивания радио или просмотра футбольных матчей? Чтобы свобода, если люди порабощают себя

добровольно ли политикам, таким как те, кто сейчас правит миром? Образование, если оно предназначено только для чтения

художественные газеты и журналы? И будущее, сияющее будущее- если предположить, что оно будет отличаться от

во всем, кроме хвастовства материальными удобствами и духовного единообразия, которое

путь был выше, какое это имеет отношение ко мне? Ничего, абсолютно ничего, Ничего, ничего.

Мои размышления были прерваны приближающимся полицейским, вежливо коснувшимся

шлем и спросил, что я делаю.

— Я уже час наблюдаю, как вы ходите взад и вперед, - сказал он.

Я объяснил, что был

жду женщину. Он тихо засмеялся. Смеется тоже. На самом деле, шутка становилась каждой

лучше. Он ушел, а я продолжал идти.

И будет ли эта война, как я думал, хоть малейшей вероятностью, что из нее получится что-то хорошее? Война

чтобы положить конец войне! На этот раз этот аргумент был довольно мощным; и подкреплен ударом

в задницу-самый сильный удар, который когда-либо был нанесен. Но это убедило бы человечество более эффективно

какой другой аргумент уже сделал это?

Тем не менее, мужчины смелые, подумал я, они терпеливы, приветливы, готовы пожертвовать собой. Но

это также все противоречия-они хорошие и плохие, потому что они не могут с этим поделать. Мы прощаем их, потому что

они не знают, что делают. Все это проистекает из изначальной и животной глупости. Это самый глубокий

из реальностей: бессознательное существо, глупость.

И сознательные, ясные, это редкие исключения, они не имеют отношения к большей реальности, они ложь

как идеальная любовь, как мечты о будущем, как вера в справедливость. И жить среди его работ-значит жить

в мире мерцающей лжи, далеком от реального мира; это бегство. Бегство-это трусость;

утешать себя тем, что не соответствует действительности или не имеет отношения к миру, в котором человек живет, - это глупость.

И мои таланты, какими бы они ни были, тоже не имеют значения. Искусство, чьему служению я посвящаю их

это также утешительная ложь. Марсианин подумал бы о написании предложений со словами звуков

подобные регулярным интервалам что-то столь же странное, как покупка касторового масла для смазки

машины уничтожения. Я вспомнил несколько строк, которые написал Барбаре — слова из

довольно комичная любовь — по случаю последней эпидемии внезапных авиаударов. Восьмисложные

они рифмовались в моей голове.

И когда Полнолуние приглашает

Другие ночные существа и монстры,

Мы будем искать глубокую нишу,

Памятный уголокдля любви.

Альт мы будем лежать со сладостями и вином

И мы бросим вызов глупости, чтобы сиять.. . [16]

Я повторял их про себя, когда такси въехало на тихую площадь, приближалось к

бордюр и остановился перед домом Барбары. В тусклом свете Туманного фонаря я увидел двух человек

выйти из него: мужчина и женщина. Мужской силуэт опередил, поклонился над его

рука и начал считать монеты при свете маленькой лампы счетчика. В узком луче света

я заметил блеск монокля. Монеты зазвонили, когда они перешли в другие руки, и такси уехало.

Две фигуры поднялись по ступенькам, дверь открылась, и они вошли в дом.

Я отступил, повторяя все обидные и обидные слова, которые можно сказать женщине.

Я чувствовал почти облегчение. Мне было приятно думать, что все кончено, что все определенно и для

всегда закрыто.

- Спокойной ночи, сэр.

Это был тот же полицейский. Мне показалось, что я заметил в его голосе едва заметный тон насмешки.

Я не дал никаких признаков жизни в течение следующих четырех дней. Я надеялся, что она позвонит мне или напишет

спросить, что со мной. Ничего из этого не произошло. Мое чувство облегчения превратилось в

чувство несчастья. На пятый день, выходя на обед, я встретил ее во дворе. Нет комментариев

это было сделано о моем длительном и беспрецедентном молчании. Я не сказал ни одной горькой вещи

который планировал на случай, если случайно столкнется с ней, как это происходило. Наоборот, заказал, приехал

умоляю вас пообедать со мной. Барбара отказалась; у нее была встреча с кем-то из Южной Африки.

- Пойдем ужинать, - умолял я, как презренное существо.

Это унижение не могло продолжаться. Я бы дал что-нибудь, чтобы снова упасть в его

спасибо.

Барбара отрицательно покачала головой и сказала:

- Мне бы очень хотелось, но этот скучный мистер Гобл…

Глава 6

Это были призраки, которых моя декламация призывала танцевать на поверхности Тирренского моря. Он

они напомнили мне, что я был в отпуске, что пейзаж, посреди которого я плыл, теперь был в порядке

лучше, чем иллюзия, и что жизнь была реальной и обычной только в течение одиннадцати месяцев, которые я

он проходил между двором Гога и домом Мисс Гог. Каррутерс. Я был англичанином-демократом и лондонцем,

живя в то время, когда Daily Mail продавала два миллиона

экземпляров каждое утро; у него не было

право на все это солнце, на теплое и ясное море, на столько гор и облаков, на голубую необъятность неба; нет

он имел право на Шелли; и если бы он был настоящим демократом, он не имел бы права даже думать. Но

мне снова нужно признаться в своей врожденной слабости.

В уюте воды я мечтал об идеальном демократическом государстве, в котором нет исключения

нерелевантный, вдохновленный Святым Духом, нарушил бы безмятежность правила-Правила Клаудсли и

Carruthers, пушистый и непревзойденный и внимательный Brimstone-когда я одновременно понял, что

лодка приближалась ко мне сзади, фактически почти касаясь моей головы. Белая свеча-если выше меня; легкая рябь на носу, хлоп-хлоп маленьких волн, бьющих по его флангам,

лакированная лодка приближается все ближе и ближе. Это что-то ужасное, чтобы быть потрясенным этим внезапным

спазм страха, который невозможно контролировать, потому что он приходит так быстро, что регулирующие силы

ум застигнут врасплох. Кажется, что все клетки тела чувствуют этот ужас; в

момент, если он сводится из категории человека к скоплению сокращенных амеб. Сидеть вниз

в масштабе существ, впасть в эволюционную линию и на секунду стать не более чем животным

испуганный, испуганный. В какой-то момент я дремал на своем полупрозрачном матрасе, как

философ; в следующий момент я разрозненно кричал, отчаянно двигал конечностями

чтобы избежать надвигающейся опасности.

- Эй! - я закричал, а потом почувствовал стук по голове, и меня толкнули в воду.

Я осознавал, что глотаю большое количество соленой воды, наполняя свои легкие

с ней и яростно топит меня. Внезапно я больше ничего не увидел; удар, должно быть, ошеломил меня

момент. Я более или менее обрел сознание и увидел, что оно возвращается на поверхность с половиной головы

из воды. Я кашлял и задыхался — кашлял, чтобы избавиться от воды в легких, и задыхался в поисках воздуха.

Но и один процесс, и другой, как я теперь понимаю, привели к тому, что я

требовать. Потому что я кашлял весь воздух, который был в легких, и из-за того, что у меня был рот в воде,

он делал большие глотки рассола. Моя кровь, тем временем насыщенная углекислым газом, продолжала

бегите в легкие, пытаясь обменять смертельный токсик на кислород. Напрасно; не было

кислород для обмена.

Я чувствовал ужасную боль в затылке-не мучительную, но постоянную; постоянный, всеобъемлющий,

глубокая и в то же время странно тошнотворная — очень неприятная боль. Система

нервный контролирующий дыхание, отчаявшийся, начинал разрушаться; боль в затылке была его

прощальный кивок, его последний спазм агонии. Постепенно я терял сознание; я

он постепенно исчезал, как кот, который смеется над Алисой в стране чудес. Последнее, что осталось,

когда все остальное исчезло, это была боль.

В этих обстоятельствах я знаю, что классикой было бы то, что вся моя жизнь разворачивалась на чердаке

перед глазами ума. ЗАС… неинтересная драма в разворачивающихся тридцати двух барабанах, и

я бы запомнил все, от вкуса молока в бутылочке до Марсалы, которую я пил ночью

предыдущий в Гранд Отеле; от первого упрека до последнего поцелуя. Однако ни одна из этих вещей

ожидаемый случился. Я помню, что мои последние мысли, когда я погрузился в

бессознательное состояние, они пошли к моей маме и в ящик кроликовода. В последнем доступе к этому

совесть, которая преследовала меня и ставила в невыгодное положение всю мою жизнь, я думал, что

это должно было подготовить редакционную статью в следующий четверг. Мне также пришло в голову, что это будет

огромное неудобство для моей мамы, когда она приехала через несколько дней и знала, что я не

он был более в состоянии сопровождать ее в поездке в Рим.

Когда я пришел в себя, я лежал лицом вниз на песке, а кто-то сидел на моем

назад, как будто мы играем на колесах, применяя метод профессора Шефера для производства

искусственное дыхание. “Uno, due, tre, quattro…”. Всякий раз, когда я говорил “четыре”, мужчина за моей спиной

я положил весь свой вес на руки, опираясь на каждую сторону моего позвоночника, на нижние ребра. О

содержимое легких было насильственно изгнано. Тогда мой спаситель снова поднялся, давление

это было расслаблено, и мои легкие наполнились воздухом. “Uno, due, tre, quattro”, - возобновлялся процесс.

- Он дышит. Все в порядке. Это открывает глаза!

Осторожно, как будто я был драгоценным китайским фарфором, они повернули меня на спину. Иметь

осознание сильного солнца, пульсирующей боли, локализованной в какой-то точке левого виска, от

много людей вокруг меня. Я сознательно и сознательно всасывал воздух; многие голоса диктовали мне

инструктаж. Два человека начали тереть подошвы моих ног. Третья прибежала с

балдахин, наполненный горячим песком, и разбросал его по моему животу. Эта счастливая идея сделала это сразу

огромный успех. Все зрители, любопытные и заботливые, которые когда-то окружали мой труп,

наблюдая за тем, что делал профессор Шефер, и желая сделать что-нибудь, чтобы помочь,

теперь они обнаружили, что действительно есть что-то полезное. Они могли бы помочь нормализовать мое кровообращение

намазывая меня горячим песком. В тот же момент десяток человек начали собирать песок

с поверхности пляжа на балдахинах, используя лопаты или голыми руками, и бегали обратно, чтобы бросить его

на меня. Вскоре я был почти похоронен. На лице всех моих добрых самаритян я

он заметил почти детскую серьезность и искренность. Они ходили туда-сюда со своими ведрами, как будто не

у них не было ничего более серьезного в жизни, кроме как строить замки из песка на груди утопающих.

Дети тоже внесли свой вклад. Сначала испугались зрелища, предложенного моим

злой труп и лассо, они цеплялись за руку своих матерей и сжимались за защитными юбками,

наблюдая за процедурой профессора Шефера за моей спиной. Они неохотно среди любопытства

и отвращение. Но когда я вернулся к жизни, когда они поняли, что старшие покрывают меня песком и

что это может быть отличная шутка, у них была бурная реакция. Радостные и возбужденные, кричащие и

на каблуках они бегали из стороны в сторону со своими маленькими пазухами. С большим трудом взрослые

они не позволяли им бросать песок мне в лицо, в уши и рот. И мальчик, тревожный

чтобы сделать то, чего еще никто не делал, побежал в море, наполнил ведро водой и песком, вернулся

и опустошил его триумфальным криком, хлоп!, с высоты, с высоты, прямо посреди моего солнечного сплетения.

Это было слишком много для меня. Я рассмеялся. Но я не мог зайти слишком далеко со своим смехом. После

первый доступ, когда я захотел перевести дух на следующий, я обнаружил, что больше не помню

как это сделать. И только после долгой и удушающей борьбы мне удалось вновь обрести это искусство. As

дети испугались; это не было частью игры. Взрослые перестали быть полезными и согласились

в отходе от моего тела с помощью компетентных органов. Зонтик

был заправлен в

песок позади меня. Внутри ее розоватого оттенка я остался один, так что мои первые шаги в

существование было гарантировано. Я долго держалась с закрытыми глазами. С одной точки очень

далекий, мне казалось, кто-то еще потер мне ноги. Периодически другой человек засовывал ложку

молока с бренди во рту. Я чувствовал себя истощенным, но прекрасно себя чувствовал. И в этом

момент не было ничего более приятного, чем просто дышать.

Через некоторое время я почувствовал себя достаточно сильным и уверенным, чтобы снова открыть глаза и увидеть. Как

все показалось мне красивым и оригинальным! Первое, что я увидел, это полуголый молодой гигант, сидящий на корточках

мои ноги, потирая подошвы и пятки. Загорелая, блестящая кожа покрыла мышцы

волнистый. Лицо было римским, волосы были черными и вьющимися. Когда он понял, что мои

глаза были открыты, и что я смотрел на него, улыбнулся; зубы были белыми и блестящими, глаза

коричневые блестели на похоронах, покрытых голубой эмалью.

Кто-то спросил меня по-итальянски, как я себя чувствую. Я посмотрел в сторону. Мужчина

крепкий, с большим красным лицом и черными усами, сидел. В одной руке держал

одна чашка, а другая ложка. На нем были белые льняные брюки. Пот капал с его лица; он

он выглядел смазанным маслом. Вокруг черных глаз мелкие

морщинки распространялись, как лучи

ореол. Он предложил мне совок. Я проглотил. Тыльная сторона его темных рук была покрыта

тонкие волосы.

- Я врач, - объяснил и улыбнулся. Я пошевелил головой и тоже улыбнулся. Я никогда не видел ни одного

такой добрый и внимательный врач.

Затем я поднял глаза, и небо стало голубым, красиво украшенным концом зонтика. цвет-розовый. Я посмотрел вниз и увидел вокруг людей-все улыбались. Между ними я видел море

синий.

- Белл / сон, - сказал он доктору, и я снова закрыл глаза.

Так много красивых людей… В красноватой темноте, за веками, я слушал их.

Медленно, сладострастно, я вдохнул соленый воздух. Молодой гигант все еще терся о мои ноги. С

усилие я поднял одну руку и положил ее на грудь. Слегка, как слепой, Бегущий по рельефам.

от шрифта Брайля я провел пальцами по коже. Я чувствовал ребра и маленькие углубления между ними.

и то, и другое. Одновременно я почувствовал на кончиках пальцев едва заметный пульсар: это то, что я

я искал. Слепые пальцы, прокручивающие страницу, наткнулись на слово

странный. Я не пытался ее сыграть. Мне было достаточно, чтобы она была там. Долгое время я был неподвижен.,

чувствую, как бьется мое сердце.

- Ты чувствуешь Меглио ?- спросил доктор.

Я открыл глаза.

- Я счастлив. - Он улыбнулся. Лучи ореолов его глаз простирались. Это было как будто

этот священный символ в некотором смысле стал более священным.

- Рад, что ты жив, - сказал он.

- Очень хорошо.

Я снова посмотрел на небо и розовый зонтик на мне. Я посмотрел на молодого гиганта, так

сильный и в то же время такой сладкий, у моих ног. Я посмотрел направо и налево. Круг

от любопытных он избавился. Вне опасности я переставал быть объектом сочувствия или любопытства. Находиться

все заняты своими делами, как по привычке. Я наблюдал за ними и чувствовал себя счастливым.

Молодая пара в купальных костюмах прошла мимо меня медленно, в сторону моря. Их лицо,

шея и плечи, голые руки и ноги имели светло-прозрачный коричневый оттенок. Он

они шли медленно, держались за руки и были такими грациозными, такими спокойными, что мне хотелось плакать. Быть

очень молодые, высокие, стройные и сильные. Красивые, как упряжка чистокровных жеребят; красивые, томные и

величественные, они ходили в мире, который был вне добра и зла. Мне было все равно, что

они делали или о чем говорили; это оправдывало их сам факт существования. Они остановились и

они смотрели на меня; один с карими глазами, другой, сероватый, заставлял меня сиять зубами

белые и идеальные; спросили, как я себя чувствую, и когда я сказал, что мне лучше,

они снова улыбнулись, продолжая идти.

Девушка в цветочном платье в оттенках бледнее, чем ее лицо и конечности

загорелые прибежали, остановились в нескольких футах от меня и внимательно посмотрели. Его глаза

они были очень большими, с черными ресницами и абсурдно длинными. Над ними расширялся лоб

куполообразный, чтобы вызвать зависть у любого философа. Курносый нос был настолько мал, что его едва можно было заметить. Эй

черные вьющиеся волосы щетинились вокруг головы в состоянии постоянного взрыва. Она осталась

глядя на меня долгое время. Я тоже посмотрел на нее.

- Что ты хочешь? - наконец-то спросил.

И вдруг, услышав мой голос, ребенка охватила большая застенчивость. Закрыл лицо

рукой, как будто защищая себя от удара. А потом заглянул в меня под

локоть. Лицо было красным. Я спросил еще раз. Она снова испугалась. Побежал назад

для своей семьи, собравшейся на несколько футов дальше в узком и ненадежном оазисе тени, созданном

у зонтика. Она сжалась в объятиях безмятежной матери, одетой в белый Муслин. Иметь

удалось отменить мое существование, опустив лицо на удобную грудь, она соскользнула с колен

мать и вернулась к безмятежной игре со своей младшей сестрой, как будто неприятного инцидента не было

происходить.

Задумчиво, откуда-то далеко, я услышал длинную и прерывистую торговую сессию торговца резьбой.

“Bombolanfi” две молодые американские Маркизские женщины прошли в своих фиолетовых халатах,

говоря обоими одновременно и в одной неутомимой тональности” “..и у него прекрасный гений!”,

сказала одна из них. “Но что мне нравится больше всего”, - сказал другой, который, казалось, больше ассимилировал латинский стиль

думать: “это твои зубы.“Мужчина средних лет, чей живот мог быть результатом многих

папка, и тощий мальчик лет двенадцати вошел в мое поле зрения, вылезая мокрым из

море. Горячий песок заставлял их подпрыгивать с приятной ловкостью. Но подошвы ног сумасшедшей

Кончетта была сделана из более толстого материала. Босиком она ежедневно спускалась с гор, неся

в одной руке корзина с фруктами, а в другой-посох. Продавал свою продукцию на пляже или

ходил по дачам, пока корзина не опустела. Затем он возвращался, пересекая равнины и

поднимаясь по холмам. Я отвернулся от толстого мужчины и худого мальчика и увидел ее перед собой. Она

на нем было старое платье, все грязное и рваное. Пучки белых волос вырвались из-под

большая соломенная шляпа. Лицо ее старухи было худым, хитрым и нетерпеливым; морщинистая кожа напоминала

пергамент натянут на кости. Опираясь на свой посох, она смотрела на меня во время

какое-то время, ничего не говоря.

- Значит, вы утонувший иностранец? - наконец-то сказал.

- Если бы он утонул, его бы здесь не было живым, - заметил врач. Молодой гигант нашел

это очень смешно; он громко рассмеялся из глубины своей широкой груди. - Уходи, Кончетта. —

продолжил врач. - Ему нужен отдых. Не расстраивайте его своими речами.

Кончетта не обращал на него внимания. Раньше я делал такие вещи.

— Что было бы с нами, - начал он, качая головой, - без милости Божией? Ты такой

молодой человек, синьорино… У вас есть время на многое. Бог сохранил его. Я стар, но я становлюсь на колени перед

с креста. - Она встала и подняла посох. На конце он связал крест, сделанный из двух частей

древесина. Поцеловал ее с преданностью. - Я люблю крест. Крест прекрасен, крест прекрасен… - Но она была прервана

молодой няней, которая пришла попросить у нее полкилограмма винограда. Не должно быть позволено, чтобы бизнес

вмешиваться в богословие. Кончетта взял свою маленькую железную шкалу, положил гроздь винограда на тарелку

и переместил вес на штангу в одну сторону, пока он не уравновесился. Няня ждала. У него было круглое лицо и

красные, веснушки, черные волосы и глаза, как две черные пуговицы. Он был мясистым, как фрукт. О

юная великанша смотрела на нее с искренним восхищением. Она на мгновение свернула кнопки в его сторону, и

затем она полностью проигнорировала его; она бескорыстно бормотала на себя, как будто была

одна на необитаемом острове, и она хотела сохранить дух, и она отвлеченно смотрела на живописных красавиц

от природы.

- Шестьсот грамм, - сказала Кончетта.

Няня заплатила за виноград и, все еще бормоча, все еще на своем необитаемом острове, отошла маленькими

шаги, рябь вокруг, как Луна среди облаков, взбалтываемых ветром. Молодой гигант перестал

потереть ноги и последовал за ней глазами. Красивая и спокойная, как Луна, няня, всегда трясущаяся,,

он неукоснительно хромал на своих высоких каблуках над песком.

Бешеный, подумал я. Старый скит прибил его в переводе слова.

- Бе ха Грасса, - сказал доктор, вербализуя очевидные чувства молодого гиганта. Мой

также; потому что, в конце концов, она была жива, подчинялась законам своей природы, ходила под солнцем, com виноград

и бредил. Я снова закрыл глаза. Кровь пульсировала, и сердце регулярно билось под моими пальцами.

Я чувствовал себя недавно созданным Адамом, хрупким, как бабочка, которая только что вышла из куколки

- красная глина, еще влажная и мягкая, не позволяла мне встать. Но вскоре, когда

будь сухим и твердым, Я бы встал и скакал по всему миру кроме того, я сам молодой человек

великан, грациозный и величественный чистокровный, ребенок, чудесный сумасшедший.

Есть люди, которые могут провести свою жизнь в состоянии постоянного выздоровления.

Они ведут себя все время, как будто они были чудесным образом спасены от смерти есть только один

момент; всегда возбужденные, только потому, что они живы, и опьяненные счастьем только потому, что

к счастью, они не мертвы. Для тех, кто не живет этим выздоровлением, может быть, секрет счастья

состоит из половины утопления регулярно, три раза в день, до еды. Рекомендую как

более радикальная альтернатива моим “водным саням в каждом офисе” в качестве лечения

скука.

- Вы здесь один? - спросил доктор.

Я кивнул.

- Нет родственников?

- Не сейчас.

- Даже друзья?

- Хм, я сделал это.

У него была родинка на стороне носа, где он соединяется с лицом. Я обнаружил, что изучаю ее

внимательно; это была очень интересная бородавка, беловатая, но немного красноватая в части

верхний. Как не совсем спелая вишня.

- Вы любите вишню? — спросить.

Доктор был очень удивлен.

- Мне нравится — - сказал он, после небольшого молчания и большого обдумывания, как будто тяжело

очень хорошо, прежде чем ответить.

- Я тоже. - И я разразился смехом. На этот раз, однако, мое дыхание выдержало

триумфально усилия. - Я тоже, но только если я созрела, - добавила я, почти задыхаясь от

так много смеха. Никогда не было такого смешного.

Именно тогда Миссис Олдвинкл окончательно вошла в мою жизнь. Все еще не в состоянии сдержать

смеясь, Я оглянулся в сторону и вдруг увидел перед собой китайскую леди-фонарь Патино. Ваш костюм

напечатанный в красных тонах, теперь немного менее безвкусный из-за того, что он мокрый, он все еще блестит в

водные тени от ее зеленого зонтика, и по выражению ее лица это было так, как будто она была

утонул, а не я.

- Я слышала, что это по-английски — - сказала она таким же плохо контролируемым и негармоничным голосом, как и я

слышал, было не так много времени, неправильно цитируя Шелли.

Все еще слабый и ошеломленный в моем выздоровлении, я согласился.

- Мне сказали, что он чуть не утонул.

- Правильно, - сказал Я, не переставая смеяться; шутка была действительно фантастической.

- Прости, что узнал… - Она не часто заканчивала свои предложения. Слова уходили

в пятне нечетких, разрозненных звуков.

- Не волнуйся — - спросил я. - Это даже не было так неприятно. В конце концов, как бы то ни было… - Я посмотрел на нее.

с любовью и безграничным любопытством выздоравливающего. Она тоже смотрела на меня. Эти глаза, подумал я.,

они должны иметь такую же выпуклость, как и маленькие красные линзы, которые прикручиваются к задней части

от велосипедов: они поглощают весь свет вокруг и отражают его снова с концентрированным свечением.

- Я пришла узнать, могу ли я чем — нибудь помочь,-сказала китайская леди-фонарь.

- Очень мило с вашей стороны.

- Вы здесь один?

- До сих пор.

- Так что, может быть, тебе будет хорошо провести день или два в моем доме, пока ты не будешь

полностью… - Голос угас, она сделала жест, подразумевающий пропущенное слово, и продолжила:

— У меня рядом дом, - сказал он, указывая рукой на холмистую часть ландшафта

шеллиана.

Ликуя в своем все еще ошеломленном состоянии, я принял приглашение.

- Очаровательно, - сказал я. Все в то утро было совершенно очаровательно. Я бы согласился

с искренним и чистым удовольствием приглашение остаться с Мисс Марвел. Каррутерс и Мистер Бримстоун.

- Как тебя зовут? Я еще не знаю, - сказала она.

- Челифер.

- Челифер? Будет Ли Это Фрэнсис Челифер?

- Фрэнсис Челифер, - сказал я.

- Фрэнсис Челифер! - Решительно она вложила всю душу во имя Мое. - Но это замечательно!

Я хочу встретиться с вами много лет.

Впервые с тех пор, как я вернулся в состоянии алкогольного опьянения от смерти, у меня было ужасное предчувствие того, что

это было бы трезвым на следующий день. Тогда я вспомнил, что, поворачивая за угол, просто поворачивая

угол, я бы нашел реальный мир.

- А как тебя зовут? - спросил я, опасаясь.

- Лилиан Олдвинкль, - сказала китайская леди-фонарь, придавая губам улыбку

невероятно пронзительный в своей сладости. Голубые лампы, которые были его глазами, светились так

интенсивность, что даже дальтоник, из тех, кто видит зеленые автобусы, кружащие на Пикадилли

и деревья, и красная трава в зеленом парке, я бы узнал их цвет по знакам опасности, которые

представлять.

Через час я откинулся на сиденье Роллс-Ройса Миссис Олдвинкл. Не было никакого способа

убежать.

Глава 7

Нет возможности побега… Но я был все еще довольно ошеломлен и не хотел убегать. А

чувство трезвости было не более чем мгновенной вспышкой. Пришел и прошел почти так же

момент, в тот момент, когда я снова был поглощен тем, что казалось комедией

бесконечный представлен вокруг меня. Мне было достаточно знать, что я жив, и все было

случиться. Я был доставлен в отель двумя молодыми гигантами, я был одет, и моя одежда была

эмалады. В холле отеля, пока я ждал, когда миссис Олдвинкл придет и поймает меня, я репетировал несколько

шаги; слабость моих ног была для меня восхитительным источником смеха.

Одетая в бледно-желтый шелк и с большой соломенной шляпой на голове, Миссис Олдвинкл

наконец появился. Его гости, объяснил мне, уже уехали в другой машине; я мог бы пойти лежа,

или почти в пустой машине. На случай, если мне станет плохо, она потрясла серебряную банку бренди

передо мной. Бежать? Это только быстро пришло мне в голову; я был действительно в восторге.

Я удобно откинулся на автокресло. Миссис Олдвинкл ударила по стеклу

который отделял нас от водителя. Он томно пошевелил руками, и машина начала ехать, открыв

путь через группу поклонников, которые в Италии формируются как по волшебству в

возвращайся из каждого припаркованного автомобиля. И миссис Олдвинкл была особенно привлекательна. Юношество

его товарищи звали: “Вените! Это УНА Ро-Ро”. И восхищенные комментировали между собой: “Уна Ро-Рор.

Группа неохотно расходилась по мере продвижения вперед; мы

отошли от большого отеля и

мы входим через Главную улицу, через пьяга, в центре которой, выброшенный на берег и защищенный

отступившее море, было небольшое розовое укрепление, построенное принцессой Масса Каррара

наблюдать за Средиземным морем, сделанным опасными варварскими пиратами. Мы покидаем город по дороге

который пересек равнину и направился в горы.

Таща за собой облако пыли, ряд белых волов рвался вперед и

зигзагообразно по дороге в нашу сторону. Восемь из них оказались в ловушке в коромысле, длинном

процессия, возглавляемая полдюжиной кричащих мужчин, крепко держала поводья и щелкала

хлыст. Они тянули низкую тележку, к которой был привязан огромный мраморный монолит

белила. Встревоженные нашим проходом, животные качали головами в одну и другую сторону,

как будто они отчаянно ищут способ убежать. Длинные изогнутые рога били друг друга

другие; мягкая белая челюсть качалась; и в глазах отбеленного коричневого вы могли видеть

страх, мольба, чтобы мы извинились за их непобедимую глупость и вспомнили, что они

они просто не могли, как бы они ни старались, привыкнуть к моторизованным транспортным средствам.

Миссис Олдвинкл указала на монолит.

- Представьте, что Микеланджело не сделал бы с этим, — сказал он. И, заметив, что у него в руке

серебряная бутылка, она стала заботливой. - Ты уверен, что не хочешь этого? — спросить,

опираясь на меня. Два опасных синих знака вспыхнули перед моим лицом. Ваша одежда

они источали янтарно-серый аромат. Дыхание перешло к гелиотропным таблеткам. Но до тех пор я

он не испугался; он не предпринял никаких попыток побега. Белые волы, ведомые непобедимым,

глупость, они вели себя более чутко, чем я.

Мы пошли дальше. Горы были ближе друг к другу. Далекие каменные вершины

лимоза были скрыты люминесцентной массой глинистых и заросших предгорий. Я

я чувствовал себя счастливым, глядя на эти огромные геологические образования.

- Какая красота! — сказать. Миссис Олдвинкл восприняла эти слова как комплимент.

- Я рад, что вам это нравится. Это все так замечательно… - ответил, как писатель

кого бы я только что сказал, что мне понравилась его последняя книга.

Мы подошли ближе; горы стояли друг перед другом, как огромная стена.

Но перед нами прорвалась преграда; мы пересекли врата долины,

проникающей через них. Дорога

он шел параллельно реке. На склонах горы справа от нас мраморный карьер образовывал

длинный чешуйчатый шрам длиной в сотни метров. Бахрома из сосен очерчивала гребень, как

широкий зонтик. Очень высокие, прямые и тонкие стволы выступали вверх; его купола

растянутые и плоские образовали непрерывный силуэт, а между ними и за темной массой

горы можно было увидеть тонкую полосу голубого неба. Это было похоже на художника, чтобы подчеркнуть линии

его горы, дали тонкие и гибкие мазки, параллельные контуру силуэта, и

немного отдалились от нее.

Мы пошли дальше. Затем дорога сузилась до убогой деревенской улочки. О

автомобиль шумно ползал по этой маленькой улочке.

- Везза, - объяснила Миссис Олдвинкл. - Именно сюда Микеланджело приходил за своим мрамором.

- Правда? - Мне приятно это слышать.

Над окнами большого склада, усеянного белыми крестами, разбитыми колоннами и статуями, я прочитал

надпись: “англо-американская компания надгробий”. Мы выходим из узкого переулка на свалку

он шел параллельно реке. На другом берегу земля была

скалистой.

- Вот мой дом — - торжествующе указала миссис Олдвинкл, когда мы пересекали мост. Вверху

с горы я увидел фасад с двадцатью окнами и башней, которая царапала небо. - Дворец был

построен в 1630 году-начала она. Я с удовольствием слушал урок истории.

После моста мы поднялись по крутой извилистой дороге, которая проходила через почти лес

оливковые деревья. Крутой, травянистый склон был разрезан на узкие и многочисленные ступени, на которых

деревья были посажены. Здесь и там, под его серой тенью, маленькие стада баранов

пасти. Босоногие дети, которые пасли их, бросились на дорогу, чтобы увидеть, как мы проходим.

- Мне нравится представлять, как выглядели эти старые княжеские дворы, — говорила я миссис княжеская.

Олдвинкл. - Как аббатства… аббатства… — Она с нетерпением встряхивала банку с бренди.

- Вы знаете, какой именно… в Thingumy.

- Аббатство Телема, - предложил я.

- Верно. Удаленное место, где люди могут свободно жить

умный. Это то, что мы намерены сделать из этого дома. Я очень рад, что встретил тебя. Быть

именно тот человек, которого я хочу. — Она наклонилась с яркой улыбкой. Я не отступил ни

даже перед перспективой входа в аббатство Телема.

В этот момент машина пересекла огромные ворота. Я с первого взгляда увидел лестницу посреди кипарисов.,

поднимаясь по череде открытых террас на земле, к двери с шипами в центре большой

фасад. Машина въехала в поворот, и вид закрылся. Мы продолжаем восхождение по аллее

холмы, которые окружали склон горы, и, всегда поднимаясь, мы подходили к дому через боковое крыло.

Наконец дорога привела нас в широкий квадратный двор, который стоял перед

меньшая репродукция большого фасада. Высоко на двойной лестнице, которая изгибалась, как

подкова от пола до входа был помпезный портик, увенчанный гербом

мрачно привлекательно. Машина остановилась.

И это было не без времени, как я понимаю, перечитывая то, что я написал. Мало что так глубоко

скучные и бесполезные, как литературные описания. Для писателя, это правда, есть определенное удовольствие быть

извлечено из поиска подходящих и выразительных слов. Унесенный жаром погони, он бросается,

равнодушный к бедному читателю, который мучительно следует за ним по сухим песчаным страницам, бегая за ним

охота, не находя ничего смешного. Все писатели тоже читатели — возможно, мне стоит открыть

исключения в пользу нескольких коллег, которые специализировались на пении местных птиц — и

поэтому вы должны знать, насколько утомительно описание. Но это не мешает им причинять вред другим

все, что они сами пережили. Иногда я действительно думаю, что некоторые авторы пишут перемещенные

только из-за желания отомстить.

Остальные гости Миссис Олдвинкл уже приехали и ждали нас. Я был представлен и

я нашел их одинаково очаровательными. Маленькая племянница бросилась на помощь миссис Олдвинкл;

молодой человек, который водил Патино, побежал, в свою очередь, к своей маленькой племяннице и настоял на том, чтобы нести все

вещи, от которых она избавила свою тетю. Старик с красным лицом, который говорил о облаках, смотрел с

доброжелательность к этой быстрой сцене. Но другой джентльмен с белой бородой, которого я никогда раньше не видел.,

казалось, что он наблюдал за сценой с некоторым упреком. Девушка, которая прокомментировала белизну своих

ноги, и что она была моей выдающейся коллегой, Мисс. Мэри Триплоу теперь носила зеленую мантию

короткая с белым отложным воротником, белыми манжетами и пуговицами, из-за которых она выглядела как школьница

из комической оперы Оффенбаха. Загорелый парень стоял рядом с ней.

Я вышел из машины, отказался от предложенной помощи и сумел, немного легкомысленно, правда, подняться по ступенькам.

- Вы должны быть очень осторожны, - сказала мне миссис Олдвинкл с материнской заботой. —

Эти, - добавил он, двигая руками к пустым залам, через которые мы проходили, - эти

это комнаты принцессы.

Мы прошли через дом к большому квадратному двору, который был окружен постройками в трех

его стороны, а в комнате, обращенной к горе, аркада. В центре, на пьедестале, были

мраморная статуя большего размера, чем натуральная, которую она представляла, сообщила мне хозяйка,

предпоследний принц массы Каррара, с париком из кудрей, Романо сайот, борзегины, один из них

красивые классические грудные мышцы с рельефной выгравированной головой горгульи и небольшой ямочкой

указание положения пупка в середине круглого полированного живота. С выражением кого

вот-вот раскроет восхитительный секрет и не может дождаться момента раскрытия, чтобы дать

выражая свое удовольствие, миссис Олдвинкл, улыбаясь под поверхностью лица, привела меня к подножию

статуя.

- Смотри! - сказала она.

Это было похоже на одно из тех шоу, которые смотрят, выглядывая из маленькой дыры, и в которых

пять минут веселья и к радости глаз, великие монархи часто тратят сумму

богатая провинция. От центральной арки аркады еще одна мраморная лестница вела на вершину аркады.

гора, где перед полукругом кипарисов играл маленький круглый храм

изящно язычества, как героически играла статуя борзегинов Плутарха.

- А теперь сюда, - сказала миссис Олдвинкл, заставляя меня обойти статую и отвезти меня в

большой дверной проем напротив аркады, в центре длинного ряда построек. Был открыт; один

сводчатый коридор, как туннель, вел прямо к дому. Оттуда я мог видеть голубое небо и

удаленный морской горизонт. Мы пошли по этому коридору; в конце я оказался высоко на лестнице

что я уже видел внизу, от входа в дом. Это была театральная обстановка; но из мрамора

правда и с живыми деревьями.

- Что вы об этом думаете? - спросила миссис Олдвинкл.

- Великолепно! - ответил я с энтузиазмом, который начинал смешиваться с полумесяцем.

физическая слабость.

- Какой вид! - сказала миссис Олдвинкл, указывая зонтиком. - Этот контраст между

кипарисы и оливковые деревья…

— Но вид из храма еще красивее, - сказала маленькая племянница, явно встревоженная

чтобы я заметил бесценную ценность имущества вашей тети Лилиан.

Миссис Олдвинкл повернулась к ней.

- Как она может быть такой глупой! - строго сказал. - Постарайтесь вспомнить, что бедный мистер.

Челифер все еще страдает от последствий ужасной аварии. И еще ждите, что он поднимется в храм!

Маленькая племянница покраснела от стыда и съежилась перед упреком. Мы

сидеть.

- Как вы себя чувствуете? - спросила меня миссис Олдвинкл, еще раз вспомнив, что была

заботливый… - Мне страшно подумать… Ты почти… И я всегда так восхищался его работой…

- Я тоже — - заявила моя коллега в зеленом халате. - Я восхищаюсь этим. Но я признаюсь,

что я нахожу некоторые вещи немного, как я скажу, немного извилистыми. Мне нравится, что моя поэзия больше

прямой.

- Очень утонченный вкус, - сказал краснолицый джентльмен. - Люди действительно

простые, примитивные, им нравится, что их поэзия настолько сложна, условна, искусственна и далека от

язык повседневной жизни, насколько это возможно. Мы упрекаем xviii век за искусственность. Но факт

то, что Beomtlf выражается в предложениях, в пятьдесят раз более сложных и неестественных, чем эссе о

мужчина. И если вы сравните исландские саги с доктором Джонсоном, вы увидите, что наиболее болтливым и затронутым является

доктор. Только самые сложные люди, живущие в самых искусственных условиях, хотят, чтобы их

поэзия будьте просты и понятны.

Я закрыл глаза и позволил волнам разговора пройти по мне. И что за разговор

первая! Принц Пападиамантопулос не смог бы удержать мяч на более высоком уровне

высокий. Усталость делала меня трезвым.

Усталость, слабость тела-какой-нибудь трудолюбивый и научный муравей должен каталогизировать и измерять

его различные эффекты. Все, почему бы просто не доказать, что когда наемные рабы работают

слишком много, как правило, попадают в машины и превращаются в пасту. Факт интересен, без сомнения; но есть

другие не менее важные. Например, тот факт, что легкая

усталость увеличивает нашу способность

чувствовать. Самые компрометирующие любовные письма всегда пишутся в эти часы; всегда ночью, а не

когда мы свежи и отдохнули, мы говорим об идеальной любви и отдаем себя нашим

боль. Под воздействием легкой усталости мы чувствуем себя более охотно, чем в других случаях, чтобы

обсуждайте проблемы Вселенной, доверяйте, догматизируйте природу Бога и составляйте планы

вперед. Мы также склонны быть более сладострастными. Когда, Однако, усталость идет дальше

в какой-то момент мы полностью перестаем быть сентиментальными, сладострастными, метафизическими или доверенными лицами.

Мы не видим ничего, кроме дряхлости нашего существа. Мы больше не интересуемся другими людьми или

для внешнего мира-они не интересуют нас, если они не оставляют нас в покое, и в этом случае мы проходим

ненавидеть их с глубоким, но неэффективным отвращением, почти с отвращением.

В моем случае усталость внезапно превысила критическую точку. Мое счастье

выздоравливающий испарялся. Мои товарищи больше не выглядели такими красивыми, такими оригинальными или привлекательными.

Попытки Миссис Олдвинкл ввести меня в разговор раздражали меня, когда я смотрел на

она видела монстра. Я понял слишком поздно (что сделало этот факт еще более тревожным), где я сам

метера, приняв ваше приглашение. Фантастические пейзажи, искусство, первоклассные разговоры о космосе,

интеллигенция, любовь… Это было слишком много для меня, даже в отпуске.

Я закрыл глаза. Иногда, когда миссис Олдвинкл спрашивала меня, я говорила ” Да ” или “нет”, не обращая внимания.

большое внимание к смыслу комментария. Вокруг меня царила дискуссия. Надуманности моей

поэзия они пришли в искусство в целом. Черт возьми, я сказал себе, черт возьми… Я сделал все, что мог.

чтобы закрыть уши моего разума; и на короткое время мне удалось действительно ничего не понять

о том, что они говорили. Я думал о мисс. Каррутерс, в пушистике и мистере Бримстоуне, в суде Гога и

мистер Боск…

Голос миссис Олдвинкл, поднятый раздражением до своеобразного тона, стал слышен в моей голове

притуплять.

- Сколько раз я говорил тебе, кардан, что ты ничего не понимаешь в moderna Art?

- По крайней мере, тысяча, - деликатно ответил мистер Кардано. - Но, слава Богу —

добавил, И я открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть его доброжелательную улыбку-никогда не давал

важность этого.

Улыбка, очевидно, была слишком большой для терпения Миссис

Олдвинкл. С жестом королевы

указав, что слушание подошло к концу, она встала.

- Уже поздно, - сказал он, глядя на часы, - уже поздно. Мне нужно дать представление о внутренней части

дворец к мистеру Челиферу перед обедом. Хотите сопровождать меня? - Она улыбалась мне, как

русалка.

Слишком воспитанный, чтобы напомнить ей о ее недавнем взрыве против ее племянницы, я объявил себя

в восторге от идеи. Полулегкое головокружение, я последовал за ней в дом. Позади меня молодой гребец

восклицал удивленным и в то же время возмущенным тоном:

- Но если несколько минут назад она сказала, что мистер Челифер очень плохо себя чувствует…

- Ах, но это другое, - произнес голос краснолицого мужчины.

- Почему разные?

- Потому что, мой молодой друг, другие во всех случаях являются правилом; но я неизменно

исключение. Должны ли мы сопровождать их?

Миссис Олдвинкл заставляла меня смотреть на расписные потолки, пока я чуть не потерял сознание от головокружения.

Перетащить-я переходил из одной комнаты в барокко в другую, и по темным лестницам это привело меня в Средневековье. Когда

мы вернулись в треченто, я был так истощен,что едва стоял. Мои колени дрожали, я чувствовал

тошнота.

- Это старый арсенал — - объясняла мне миссис Олдвинкл с растущим энтузиазмом. - И вот она

лестница в башню. - Она указала на проход в форме арки, через который в луско-Фуско, можно было увидеть начало крутой лестницы, скрученной, как пончик, которая поднималась на высоту

неизвестный. - Это триста тридцать две ступени, - добавил он.

В этот момент, очень далеко, на другой стороне огромного и пустого дома, мы слышим гонг для

завтрак.

- Слава Богу! - с преданностью воскликнул краснолицый мужчина.

Но было очевидно, что у нашей хозяйки не было склонности к пунктуальности.

- Жаль, - сказала она. - Но ничего страшного, у нас еще есть время. Я хотел дать ему подпрыгнуть до

башня перед обедом. Оттуда у вас прекрасная перспектива… - Она любознательно смотрела на

все. - Что вы думаете? Мы поднимемся туда? Это займет у нас всего минуту. - Она повторила

улыбка русалки. - Пошли! Давай! — И, не дожидаясь результата своего плебисцита, шел

быстро к лестнице.

Я последовал за ней. Но прежде чем я сделал пять шагов, пол и стены комнаты выглядели так, как будто

исчезать расстояние. В ушах раздался рев. Внезапно все потемнело. Я чувствовал, что я

упасть. Во второй раз с тех пор, как я встал с постели в тот день, я потерял сознание.

Когда я вернулся ко мне, я лежал на полу, положив голову на колени миссис Олдвинкл, и она

я бы освежил лоб влажной губкой. Первые вещи, о которых я узнал, были вашими

яркие голубые глаза, стоящие на мне, очень близкие, много живых и тревожных.

- Бедный парень, - говорила она, - бедный парень… — А потом, подняв глаза, закричал

раздраженный для владельцев различных ног и юбок, которые я смутно различал справа и слева. —

Отойдите, отойдите! Вы хотите задушить бедного парня?

Третья Часть

Параллельные любви

Глава 1

Лорд Ховенден обнаружил, что, несмотря на то, что он делал все, что было в его силах, в те последние дни

было невозможно иметь Ирэн только для себя, хотя бы на несколько минут. Изменения произошли почти

одновременно с появлением такого Челифера. До того, как он пришел, был периоди самый

странно то, что оно началось так же внезапно, как и закончилось — от неописуемого счастья. В эти дни,

каждый раз, когда предлагалась возможность для тет-а-тет, Ирен была не только всегда доступна

как мне было очень приятно не позволить ей сбежать. Двое выходили на длительные прогулки, плавали вместе

в море далеко, они сидели в садах, иногда разговаривая, иногда молча; но всегда

очень счастливы, говорили они или нет. Лорд Ховенден говорил с ней об автомобилях, танцах и охоте и

иногда, хотя и несколько смущенный перед лицом тревожной серьезности предмета, о

рабочие классы. И Ирэн не только с удовольствием слушала его, но и высказывала собственное мнение. Он

они обнаружили, что у них есть несколько общих вкусов. Пока это продолжалось, этот период был замечательным. Е

затем, с приходом такого Челифера, все внезапно закончилось. Ирэн никогда не была рядом с нами.

благоприятные моменты, и никогда не предлагал спонтанно, как это было в то время

замечательно, что вы вместе гуляете. У нее больше не было времени поговорить с ним; казалось

что ее мысли были где-то еще, в то время как, таинственно, она пошла с одной стороны, чтобы

другой по дому или в садах с серьезным и обеспокоенным выражением лица. Это было с духом

чрезвычайно огорченный, что лорд Ховенден начал замечать, что Ирэн всегда появлялась там, где

был Челифер. Если бы он тихо пошел в сад после обеда, наверняка через мгновение

Ирэн последует за ним. Если бы она предложила поход с Калами или мистером карданом, Ирен попросила бы скудно,

но с упрямой решимостью тех, кто преодолевает слабость силой воли, присоединиться к

группа. Что, если бы случайно случилось с Челифер и Мисс ли? Thriplow остаться наедине, было уверен, что Ирен будет

тихо скользит к ним.

Для всего этого лорд Ховенден нашел только одно объяснение: она была влюблена в это

мужчина. По общему признанию, она никогда не изо всех сил пыталась поговорить, когда они были вместе; и это казалось еще более

запуганный вежливым молчанием и резко неискренними формулами вежливости

Челифер. Это, в свою очередь, и насколько мог распознать соперник, действовало с полной корректностью.

На самом деле, по мнению Ховендена, слишком много исправлений. Была невыносима та вежливость, которая граничила с

сарказм; мужчина должен быть более человечным с маленькой Ирен. Лорд Ховенден хотел бы поболеть за

его шею; и крутить его за два взаимоисключающих преступления-постоянно ускользать от девушки и

быть таким чертовски далеким. И она выглядела такой расстроенной. Заглядывая в его прямоугольное окно между

густые медные волосы в форме колокольчика, это маленькое лицо, такое детское по размеру и

чистота глаз и нежность верхней губы в последние дни стали лицом

жалкий и несчастный ребенок. Лорд Ховенден предполагал, что она томится от любви к этой

существо-хотя со своей стороны она не могла представить, какого черта она могла видеть в нем. Это было очевидно

кроме того, старая Лилиан была влюблена в этого человека и играла дурака перед ним. Будет ли Ирен хотеть

конкурировать с тетей? Было бы трагедией, если бы миссис Олдвинкл узнала, что Ирэн пыталась передать ее

позади. Чем больше лорд Ховенден думал обо всем этом беспорядке, тем более запутанным он казался ему. И он сам

он чувствовал себя совершенно несчастным.

Ирен тоже. Но не по причинам, которые предполагал лорд Ховенден. Это правда, что она проходила

большую часть времени с момента прибытия Челифера, следуя за новым гостем, как несчастная тень.

Но не потому, что он хотел это сделать, не по своей воле. Челифер на самом деле

запугал; что касается этого, лорд Ховенден был прав. Ее отказ от воображения, что Ирен обожала

человек, несмотря на страх, который он причинил ему. Если она следовала за ним повсюду, то это потому, что тетя Лилиан

я просил. И если она казалась несчастной, то это потому, что тетя Лилиан страдала-и отчасти тоже,

потому что эта задача была для нее очень неприятной; она не только неприятна сама по себе, но и мешала ей иметь свои собственные

беседы с Ховенденом. С той ночи, когда тетя Лилиан ругала ее за холодность и отсутствие зрения,

Ирэн решила быть с Ховенденом как можно дольше. Я хотел доказать, что тетя Лилиан ошибалась.

Она не была ни холодной, ни слепой; она могла видеть так же ясно, как и все остальные, когда люди

она им нравилась, и она умела отвечать взаимностью на полученное внимание. Честно говоря, после эпизодов с Жаком,

Марио и Питер, было несправедливо, что тетя Лилиан так приставала к ней. Это было просто несправедливо.

Движимая возмущенным желанием как можно скорее опровергнуть тетю, она решила проявить инициативу с

Ховенден; он был настолько застенчив, что, если бы он этого не сделал, потребовались бы месяцы, чтобы предложить тете реплику

убедительно обвинил его в том, что он был жертвой. Они поговорили, вышли на прогулку, и Ирэн почувствовала

почти готов жить в любой момент бесконечности страсти. В некотором смысле, это

отношения развивались совершенно иначе, чем другие. Она начала чувствовать

что-то, но нечто совершенно отличное от того, что вы знали с Питером и Жаком. Для них один

игристое, захватывающее, возбужденное чувство, тесно связанное с большими отелями, джазовыми оркестрами,

красочные огни, к неутомимому желанию тети извлечь из жизни все, что она могла, к преследующему страху

что-то упустить, даже находясь в центре событий. “Веселись! Отпустите!”, сказать

всегда тетя Лилиан. И ” какой он красивый! Какая очаровательная молодая женщина!“если бы мимо них проходил мальчик. Ирен

я старался изо всех сил прислушиваться к его советам, а иногда даже чувствовал-когда я танцевал и

огни, люди вокруг и музыка слились в пульсирующее целое, которое действительно достигло вершины

счастье. И ее свидание, Питер или Жак, которого тетя Лилиан обманом заставила ее под гипнозом считать одним из них

вундеркинд среди всего рода, он рассматривался как источник этого счастья. Между одним танцем и другим, под

пальмы из сада, она даже позволяла себе целоваться; и опыт всегда был очень серьезным. Но когда

приходило время уходить, Ирэн уходила без тоски. Это игристое чувство успокоилось

полный. С лордом Ховенденом все было иначе. Она любила его безмятежно, она любила его все больше и больше.

Он был хорош, прост, искренен и молод. Он был молод — Ирен особенно любил ум об этом. Несмотря

в ее возрасте Ирэн чувствовала, что в глубине души он был моложе ее. Остальные всегда были старше,

более опытные и зрелые; все нахальные и дерзкие. Но я ни в коем случае не мог сказать это о

лорд Ховенден. Мы чувствуем себя в безопасности с ним, думала Ирен. И в некотором смысле, когда я был с

он, это был не вопрос любви-по крайней мере, не насущный или насущный вопрос. Еженощно

тетя Лилиан часто спрашивала его, как у них дела и становится ли это захватывающим. И Ирэн никогда не знала,

правильно, что ответить. Вскоре он обнаружил, что не хочет говорить об Ховендене; он так отличался от

другие, и в дружбе двух не было ничего бесконечного. Это была просто чувствительная дружба. Ирен се

я боялся вопросов тети и почти ненавидел ее, когда с ее ужасной манерой играть,

он безжалостно настаивал на том, чтобы использовать их как цель своей насмешки. В некоторых отношениях прибытие Челифера

это было на самом деле облегчение, потому что тетя Лилиан была немедленно поглощена собственными эмоциями, а не

было больше времени или желания думать ни о ком другом. Да, это было очень хорошо. С другой стороны,

надзорная и шпионская работа, которой руководила тетя, в конечном итоге сделала невозможным

беседы с Ховенденом. Было бы предпочтительнее, если бы он не был так близко, - с грустью размышляла Ирэн.

Но в то же время бедная тетя Лилиан так страдала… Нужно было что-то для нее сделать.

Бедная тетя Лилиан!

- Я хочу знать, что он думает обо мне — - тайно говорила ему тетя Лилиан в свои часы

ночной. - Что вы скажете обо мне другим людям? - Ирен отвечала, что никогда не слышала, чтобы он что-то говорил.

- Тогда продолжай слушать; держись с широко открытыми ушами.

Но как бы она ни старалась, Ирен никогда не было о чем рассказать. Челифер никогда не упоминала тетю

Лилиан. Для миссис Олдвинкл это было почти хуже, чем если бы он плохо говорил. Она не могла быть

не знать.

- Может, Мэри ему нравится, - предположил он. - Я думал, что сегодня он смотрит на нее по-другому, с

определенные намерения.

И Ирэн было приказано следить за ними. Но из того, что ей удалось выяснить, ревность тети Лилиан была

совершенно необоснованно. Челифер и Мэри Триплоу не обменялись ни словом, ни взглядом, который

более подозрительное воображение может интерпретировать как любящую близость.

- Он странный, необычное существо… - Миссис Олдвинкл использовала это как припев, когда

обратитесь к нему. - Похоже, он ни о чем не заботится. Это так же холодно, как неподвижная и далекая маска… Но

также просто посмотрите ему в глаза, в рот, чтобы увидеть, что под этой поверхностью… - Она качала головой и

вздыхать. И спекуляции о Челифере кружились и кружились, возвращались снова и снова.

та же точка, и они никуда не делись.

Для миссис Олдвинкл все началось, когда она спасла жизнь Челифер. Видишь себя на этом пляже,,

между небом и морем, горы вдалеке, и она наблюдает за ним, как эти очаровательные фигуры

романтики, которые в картинах августа Иоанна появляются в медитативном и страстном экстазе против

космический фон. Она видела себя - фигуру Джона, несмотря на огненно-красную мантию и

изумрудно-зеленый зонт. И у его ног Шелли, или Леандро,

побежденный водами в песках

Абидос, ярый молодой поэт, голый и мертвый. И она сгорбилась над ним, вернула его к жизни и

это помогло ему встать, взяв его в материнские объятия в рай мира, где он мог бы собраться

новые силы, а поэзия-новое вдохновение.

Так миссис Олдвинкл интерпретировала факты после того, как они прошли через плотную

огнеупорный материал вашего воображения. По этим фактам, по сложившейся ситуации, по своему характеру было почти

необходимо и неизбежно, что она будет романтически влюблена в своего последнего гостя. Простой факт

если бы он был новичком, до сих пор неизвестным, а также поэтом, этого было бы достаточно в любом

обстоятельства, чтобы вызвать у него живой интерес к мальчику. Но учитывая, что она

он спас его из могилы в водах и теперь был полон решимости наполнить его вдохновением, его

интерес становился еще выше. Если бы он не влюбился в него, он бы не повиновался законам его

сама природа. Кроме того, он сам все облегчал, будучи мрачным и поэтически красивым.

Более того, он был странным — странным до такой степени, что стал загадочным. Ее холодность привлекала ее и

в то же время он приводил ее в отчаяние.

— Он не может быть таким равнодушным ко всему и ко всем, как хочет казаться, — настаивала она Ирине.

Желание разрушить эти преграды, проникнуть в его близость и овладеть его секретом ускорялось

еще больше любви миссис Олдвинкл. С того момента, как я обнаружил это в этих обстоятельствах

романтика, сделанная ее воображением еще более романтичной, она пыталась завладеть

Челифер; хотел сделать его своей собственностью, а также итальянским пейзажем и искусством. Немедленно

он превратился в величайшего живого поэта; но, согласно следствию, она будет его единственным переводчиком.

Он быстро телеграфировал в Лондон и заказал у него все книги.

- Когда я думаю — - говорил он, смущенно приближаясь к нему и прижимая его к лицу своими

опасно яркие глаза-когда я думаю, что ты едва утонул… Как

Шелли… - Она пожала плечами. - Это ужасно!

И Челифер скривила губы в своей самой египетской улыбке и отвечала:

- Мои коллеги из ящика кроликовода были бы безутешны. - Или что-нибудь

типа. О, он был очень, очень странным!

- Он всегда ускользает от меня, — жаловалась миссис Олдвинкл своему доверенному лицу часов

поздний.

Нужно было сломать эти барьеры взрывом, или, если нужно, ползти по флангам и

завоевать его доверие; но Челифер никогда не дремал. Я всегда мог убежать. Это было невозможно

завладеть им. Для миссис Олдвинкл неудивительно, что он был величайшим из ныне живущих поэтов, а она-его пророком.

Он убегал - не только умственно и духовно, но и физически. Через день или два после его

прибыв во дворец Кибо Маласпина, он развил почти магическую способность исчезать.

В какой-то момент она была там, в саду или сидела в одном из залов; миссис Олдвинкл отвлекалась на какую-то

вещи, а затем он исчез. Она собиралась искать его; ни его знака. Но на следующей трапезе он

он появлялся снова, всегда пунктуально; он спрашивал свою хозяйку, было ли у него приятное утро или день,

в зависимости от обстоятельств, и если она спросит его, где она была, она смутно ответит, что она пошла на прогулку или

он продолжал писать письма.

В одном из этих провалов Ирэн, которой тетя поручила выследить его, наконец-то удалось поймать его над головой

из башни. Она поднялась на триста тридцать две ступеньки, потому что сверху она могла увидеть весь сад

и склон. Если бы он был где-то внизу, она бы увидела его с башни. Но когда, наконец, Ирен

он задыхался на маленькой платформе, с которой маркизы

бросали камни и расплавленный свинец в

ее враги во дворе испугались, что чуть не заставило ее упасть назад и скатиться по ступенькам. Потому что

выйдя из люка к дневному свету, он внезапно увидел то, что ему показалось гигантской фигурой, продвигающейся вперед.

его направление.

Ирэн закричала; ее сердце сильно подпрыгивало, и казалось, что оно остановится.

- Позвольте… - сказал очень воспитанный голос. Великан наклонился и протянул ему руку.

Это Был Челифер. - Вы приехали сюда, чтобы насладиться панорамным видом на живописные красоты природы? Я

мне очень нравятся панорамные виды.

- Ты меня напугал, - это все, что она смогла сказать. Его лицо было бледным.

- Мне очень жаль, - сказала Челифер. Это было долгое и, для Ирен, неловкое молчание. Она

потом ушел.

- Вы его нашли? - спросила миссис Олдвинкл у своей племянницы, когда она вышла на террасу.

Ирэн отрицательно покачала головой. Я не знала, почему ей не хватает смелости рассказать своей тете

приключение. Ей было бы очень грустно узнать, что Челифер была готова подняться на триста тридцать два

шаги, чтобы избавиться от нее.

Миссис Олдвинкл пыталась предотвратить это увлечение исчезновением, не позволяя никогда, даже

там, где это было возможно, он ушел из поля зрения. Это заставило его всегда сидеть рядом с ней за столом.

Водила его гулять пешком или на машине, сидела с ним в саду. С трудом, и только

используя некоторые уловки, что Челифер удалось несколько моментов свободы и одиночества. Мы

первые дни дворца, обнаружил, что “мне нужно написать ” было отличным поводом для ухода.

Миссис Олдвинкл так восхищалась ее поэтической деятельностью, что она не была бы достойной

остановить его. Но вскоре она нашла способ контролировать эту свободу, настаивая

в котором он писал в тени холмов или в одной из искусственных пещер из губчатого камня

инкрустированные стены нижней террасы. Тщетно Челифер пытался протестовать, говоря, что ненавидит

писать или читать на открытом воздухе.

- Но это такое очаровательное место… - настояла миссис Олдвинкл. - Это только увеличит ваш

вдохновение.

- Единственные места, которые действительно вдохновляют меня, - говорил Челифер — - это популярные районы

Лондон; например, к северу от Харроу-Роуд.

- Как ты можешь так говорить? я протестовал против Миссис Олдвинкл.

- Уверяю вас, это чистейшая истина, - утверждал он.

Тем не менее, он должен был писать под холмами или внутри пещер. Миссис Олдвинкл,

на умеренном расстоянии он хорошо держался на виду. Каждые десять минут или около того она приближалась

стоя перед ногой, где бы он ни стоял, улыбаясь, в своем воображении, как Сивилла, с пальцем над

губы, и положил рядом с постоянно девственной бумагой Челифер несколько роз, георгин,

букет ромашек или гроздь розоватых ягод эвонима. Деликатно, используя формулу

изящная и откровенно неискренняя, менее сибилиновая, но гораздо более сладкая и бархатистая, миссис Олдвинкл

он снова уходил на цыпочках, как Эгерия, прощаясь с королем Нумой, позволяя

вдохновение сделало свою работу. Но это, казалось, не работает очень хорошо. Потому что каждый раз, когда

миссис Олдвинкл спрашивала, сколько он уже написал, регулярно отвечала ” Ничего”, улыбаясь ему

с той тонкой сфингической улыбкой, которую она так смущала, так заметно

“странный”.

В общем, она старалась вести беседу к высоким духовным планам, из которых следует

более удовлетворительный и романтичный подход к любви. Две души, акклиматизированные к тонкому воздуху религии,

искусство, этика или метафизика не будут испытывать затруднений, вдыхая подобную атмосферу идеальной любви,

чьи территории примыкают к территориям других обитателей больших ментальных высот. Аэроплан

он приземляется, так сказать, на заснеженной вершине Попокатепетля, и пассажиры плавно спускаются к

тропические тьеррас-Кальентес на равнине. Но с Челифером невозможно было подняться на один метр.

Когда, например, г-жа Олдвинкл начинала с волнения говорить об искусстве и прелестях бытия

художник, Челифер скромно признавался терпимым любителем второго сорта.

- Но как вы можете так говорить? - она кричала. - Как вы можете богохульствовать против искусства и

свой собственный талант? Чем он тогда полезен?

— Редактировать ящик кролиководa, кажется — - отвечала Челифер, улыбаясь

любезно.

В других случаях она начинала с самой любви; тоже без особого успеха. Челифер

я просто вежливо соглашался со всем, что она говорила, и если на меня оказывали давление, чтобы высказать больше мнения

определился, ответил:

- Не знаю.

— Но вы должны знать, — настаивала она, - вы должны иметь какое-то мнение. У вас был опыт.

Челифер отрицательно покачала головой.

- К сожалению, — жалел он, - никогда.

Все это было бесполезно.

- Что мне делать? - я в отчаянии спрашивала миссис Олдвинкл в поздние часы.

Мудрая своим восемнадцатилетним опытом, Ирэн предположила, что лучше всего больше не думать о нем

- по крайней мере, не так.

Миссис Олдвинкл вздыхала и качала головой. Я начал любить, потому что верил в любовь.,

потому что он хотел любить и потому что у него появилась романтическая возможность. Она спасла поэта от смерти.

Как его не любить? Обстоятельства, сам человек, были его выдумками; она влюбилась,

почти целенаправленно, по фантазиям собственного воображения. Но сознательно сдаться было

невозможный. Романтические стремления выявили те самые глубокие инстинкты, из которых

те же самые стремления были не чем иным, как тонкими литературными эманациями. Он был молод и красив — это было

факт, а не воображение. Глубокие желания, однажды пробудившиеся и доведенные до сознания, однажды

осознавая свое окаменевшее состояние, как их можно подавить?

- Он поэт. За любовь к поэзии, за любовь к страсти и за то, что спас его от смерти, за все

это я люблю его.

Если бы это было все, возможно, даже миссис Олдвинкл могла бы последовать совету Ирен. Но, Дас

темные пещеры его существа, другой голос кричал: “он молод, он красив. Дней мало и мало. Я

я старею, мое тело жаждет”. Как я мог перестать думать о нем?

- Предположим, он полюбит меня чуть-чуть — - продолжала миссис Олдвинкл, снимая

извращенное удовольствие от того, что она мучает себя самыми разными способами-предположим, что

он почувствует немного любви ко мне, к тому, кем я являюсь, думаю или говорю. Он любил бы меня, потому что

начинать, я люблю его и восхищаюсь его работой, и потому что я понимаю, что чувствует художник, и я могу

общайтесь с ним. Учитывая все это, будет ли он все еще отталкивать меня за то, что я старая? — Она

вглядывался в зеркало. - Мое лицо ужасно постарело.

- Нет, нет,-протестовала Ирен, подбадривая ее.

- Ему было бы противно, - продолжал он. - Этого было бы достаточно, чтобы оттолкнуть его, даже если бы он чувствовал

привлечено ко всему остальному. - Она глубоко вздыхала. Слезы текли медленно,

за отвисшие лица.

- Не говори так — - умоляла Ирен. - Не говори так, тетя Лилиан. - Ваши собственные глаза, если

они наполнялись слезами. В эти часы я смогу сделать все, чтобы сделать тетю счастливее. Проходя через

обнял ее за шею и поцеловал. — Не грусти, - шептал он, - больше не думай об этом.

Какое значение имеет этот человек? Какое у него значение? Подумайте только о людях, которые на самом деле

любить. Я люблю тебя, тетя Лилиан, очень, очень.

Миссис Олдвинкл чувствовала себя комфортно и вытирала глаза.

- Я стану еще уродливее, если не перестану плакать. — Молчание. Ирен продолжала чистить

волосы тети, надеясь, что ее мысли перешли на другую тему.

- Как бы то ни было, - говорила миссис Олдвинкл, наконец, нарушая долгое молчание, - мое тело

он еще молод.

Ирэн огорчалась. Почему тетя Лилиан не могла думать ни о чем другом? И его страдания будут

превращаясь в неприятное чувство смущения и стыда, когда тетя

он продолжал тему, начатую с его последних слов, и углублялся во все более интимные детали.

Несмотря на пять лет обучения в школе тети Лилиан, Ирэн была глубоко потрясена.

Глава 2

- Мы вдвоем, - говорил Мистер кардан поздно вечером, через две недели после прибытия Челифера. —,

похоже, мы в конечном итоге остались в стороне.

- Из-за пределов чего? - спросил Мистер фалькс.

- Из-за пределов любви, - сказал мистер кардан.

За балюстрадой он смотрел вниз. На самой нижней террасе Челифер и миссис Дж.

Олдвинкл шел медленно, из стороны в сторону. На другой террасе, ниже, фигуры

уменьшенные Калами и Мисс. Thriplow сделали то же самое.

— И два других, - продолжил Г-Н кардан, вслух продолжая считать, что он и его

мате, казалось, молчаливо, только глазами - его молодой ученик и маленькая

племянница, они гуляют по горам. И вы все еще спрашиваете, что мы остались в стороне?

Мистер фалькс повредил голову.

- Если вы хотите, чтобы я сказал вам правду, — продолжил он, — мне не очень нравится атмосфера в этом доме. Миссис.

Олдвинкл-отличный человек, конечно, во многих отношениях. Но… - он колебался.

- Да, но… - мистер кардан согласился. - Я знаю, к чему вы стремитесь.

- Я почувствую себя лучше, когда увезу молодого Ховендена отсюда, - сказал мистер фалькс.

- Я удивлюсь, если смогу взять его сам.

Покачав головой, мистер фалькс продолжил:

- Есть моральное самодовольство, определенная вседозволенность… Признаюсь, мне не нравится этот стиль

жизнь. Я могу быть предвзятым, но мне это не нравится.

- У каждого свой любимый порок, - сказал мистер Кардано. - Хорошо не забыть, мистер.

Фалькс, что нам, вероятно, не нравится ваш образ жизни.

- Протестую! - сказал мистер фалькс, воспаленный. - Как можно сравнить мой образ жизни с

тот, что в этом доме? Неустанно работая на благородное дело, я предан общему благу…

— Все равно — - возразил Мистер кардан, - говорят, что нет ничего более опьяняющего, чем говорить

и двигать их так, как они хотят; они также говорят, что это глубоко

приятно слышать аплодисменты. И те, кто испытал одно и другое, сказали мне, что

радости власти, безусловно, предпочтительнее, по крайней мере, потому, что они гораздо более долговечны, чем те, которые

они проистекают из вина и любви. Нет, мистер фалькс; если мы решим покататься на наших высоких лошадях, мы

также широко оправданы тем, что мы не одобряем их самоуспокоенность и вседозволенность,

так же, как Господь за неодобрение нашего. Я уже понял, что самые серьезные и ужасные обвинения в

непристойности в литературе делают именно периодические издания, режиссеры которых известны

алкоголик. И самые тщеславные религиозные и Политические, с самым непомерным зудом власти и

известность, это всегда те, кто с большей яростью осуждает коррупцию своего времени. Жалость

величайшие триумфы девятнадцатого века заключались в ограничении коннотации слова “аморальный” , так что для

в практических целях аморальными были только те, кто слишком много пил или много занимался любовью. Те, кто

они предавались любым другим или всем другим смертным грехам, которые могли опустить глаза с праведностью.

возмущение перед похотью и обжорством. Можно и можно даже сегодня. Это возвышение только двух

среди всех смертных грехов это очень несправедливо. Во имя всех распутников и пьяниц, я хочу

торжественно протестовать против несправедливых различий, совершенных в наш ущерб. Поверьте, мистер фалькс,

мы не менее предосудительны, чем остальные из вас. На самом деле, сравнивая себя с некоторыми из ваших

политические друзья, я имею право считать себя святым.

- Даже если захочешь, - сказал мистер фалькс, лицо которого, где не было покрыто пророческой бородой

Белый, стал очень красным с едва сдерживаемым возмущением- Господь не меня

это отразится на моем убеждении, что это не самая здоровая среда для такого мальчика, как

Ховенден, в самый деликатный период своей жизни. Как бы парадоксально и наивно это ни звучало, повторяю

это не поможет мне.

- Не надо повторять, - сказал г-н кардан, негативно покачивая головой. - Думает, что

я намерен что-то от него избавить? Господь не мог себе представить, что я буду тратить свое время

пытаясь убедить зрелого человека с кристаллизованными мнениями об истине того, что он

верить. Если бы вам было двенадцать лет, я бы даже попробовал. Но в твоем возрасте нет.

- Тогда зачем спорить, если вы не хотите меня убеждать?

- Просто для того, чтобы спорить — - ответил мистер кардан, - и потому, что мы должны убить время

каким-то образом.

Come inganmr questi noiosi e lenti

Giorni di vita cui si lungo скука

И fastidio insoffribik accompagna

Or io finsegneroL

- Я бы сделал руководство по искусству лучше, чем старый Парини.

- Мне очень жаль, - сказал мистер фалькс, - но я не знаю итальянского.

- Я бы тоже не знал, - сказал мистер кардан, - если бы у меня были такие же источники

неисчерпаемы, чтобы убить время. К сожалению, я не был рожден с большим энтузиазмом в отношении благополучия

рабочие классы.

- Рабочие классы… - Мистер фалькс ухватился за эти слова и начал говорить

ap aixonamente.

Что это за текст, подумал г-н кардан, о “измерении, которым ты измеряешь”? Как это было

опасно подходит! Последние десять минут он расстроил Мистера фалькса. Теперь мистер фалькс

он мстил и возвращал в своей мере — но, о, сэр!, напечатанная мера и, что Бог нас

вперед!, пересматривать. Мистер кардан смотрел вниз на балюстраду. На нижних террасах

пары шествовали туда-сюда. Я хотел бы знать, о чем они будут говорить, я хотел бы быть

там, чтобы услышать их. Громко, мистер фалькс представлял свою роль пророка.

Глава 3

Жаль, что мистер кардан не мог слышать, что говорит его хозяйка. Ему бы это понравилось:

она говорила о себе. Это была тема, о которой он особенно любил ее слушать. Есть несколько

люди, как он говорил, чья авторизованная версия себя настолько отличается от пересмотренной, что

формируется другими. Однако не часто миссис Олдвинкл давала ей возможность сравнить

обе версии. Перед мистером карданом она всегда стеснялась; они знали друг друга было так много

время.

- Иногда, - говорила Миссис Олдвинкл Челиферу, прогуливаясь по второй из трех террас — - в

иногда я хотел бы быть менее чувствительным. Я чувствую все очень проницательно, почему

более тонкие, чем они. Это как быть… быть… - она двигала кончиками пальцев, как будто

хватаясь за воздух, в поисках нужного слова-как будто его царапают, - торжествующе заключил он и посмотрел

для компаньона.

Челифер утвердительно покачал головой.

— Я очень проницательна, — продолжила она, - к мыслям и чувствам людей. Это не

мне нужно поговорить, чтобы я знал, что у них на уме. Я знаю, я чувствую это, просто глядя.

Челифер задавался вопросом, знает ли она, что у него на уме. Он рискнул усомниться.

- Это чудесный дар, - сказал он.

- Но у него есть свои недостатки, - настаивала Миссис Олдвинкл. — Например, вы не представляете, как

я страдаю, когда окружающие меня люди несчастны, особенно если я чувствую себя определенным образом

ответственный. Если я болен, мне плохо, когда я думаю о слугах, медсестрах и людях в

в общем, все бодрствовали, поднимались и спускались по лестнице всю ночь из-за меня. Я знаю, что это глупо.;

но, знаете, я такой… так глубоко признано всем им, что это само признание

это мешает мне быстрее заживать…

- Это очень неприятно, - сказал Челифер самым отточенным и прямым тоном.

- Вы не представляете, как страдания влияют на меня. - Она нежно посмотрела на него. - В тот день, в

в первый день, когда вы потеряли сознание, вы даже не можете

себе этого представить…

- Прошу прощения за то, что так сильно на нее повлиял, — сказала Челифер.

— Вы бы отреагировали так же в этих обстоятельствах. - Сказала миссис Олдвинкл.

последние два слова значимым тоном.

Челифер скромно покачала головой.

- Я должен сказать, что я уникально стоичен по отношению к чужим страданиям.

- Почему ты всегда ставишь себя против себя? - честно спросила миссис Олдвинкл. —

Зачем очернять свой характер? Ты знаешь, что ты не тот, кем притворяешься. Хочет выдать себя за кого-то

намного жестче и суше, чем есть на самом деле. Почему это так?

Челифер улыбнулась.

- Может быть, это стабилизация универсального среднего. Есть много людей, которые показывают себя более добрыми и

чувствителен к тому, что есть на самом деле. Не так ли?

Миссис Олдвинкл проигнорировала вопрос.

— Но ты, - настаивал он, - я хочу знать о тебе. - Она пристально смотрела на него. Челифер улыбнулся и не

я ничего не сказал. - Ты мне не скажешь? Все нормально. Я готова. Я очень интуитивна. Благодаря моей

чувствительность, я чувствую характер людей. И я никогда не ошибаюсь.

- Это завидно, - сказала Челифер.

- Не думай, что ты меня обманешь, - продолжила она. - Никто не может. Я его понимаю. —

Челифер внутренне вздохнула; она говорила это раньше, не раз. - Хотите знать, как вы

это действительно так?

— Хотеть.

— Ну, для начала, — сказала она, - он такой же чувствительный человек, как и я. Я вижу это на твоем лице, на

как он действует. Я слышу это, когда говорю. Даже если он притворяется крепким И… е… непроницаемо, но я…

Больной, но терпеливый, Челифер слушал. Колеблющийся голос миссис Олдвинкл поднимался и опускался из

примечание для другого, не связанного с этим, ранив его уши. Слова становились расплывчатыми и далекими.

Они потеряли артикуляцию и чувство. Они были не более чем шумом ветра; звук, который сопровождал

но это не прерывало его мысли. И в этот момент мысли Челифера были поэтичными.

Он внес последние штрихи в свой маленький “мифологический инцидент”, идея, которая пришла ему в голову

недавно и над которой я работал последние два дня. Теперь он был завершен; определенный

полировка - это то, чего не хватало.

Сквозь бледный скелет лесов

Орион идет. Северный ветер Кола

Ее холодные губы к двойным стальным каннелюрам

Это ваше оружие. И его игрушка.

Похоронен по колено, он идет куда

Какой-то скупой из леса

- Более разбойник, чем все эти люди.

который крадет и накапливает год за годом —

он собрал всю свою драгоценную медь.

Королева любви и красоты стреляет

ваши приманки на буковых молах —

Хлебные крошки и золотая кукуруза

Она терпеливо ждет.

И когда приходит неосторожный фазан

Заполнить ее красочные крошки чат,

Точно спортивная Королева

Целься в цель. Птицы больше нет.

Уверенный, Орион идет своим путем.

Киприотка несет, указывает, ФАˆиграет

Он падает. И Вимус весь весь

Наклонитесь к добыче Са ида. [181

Челифер молча повторял стихи и не испытывал к ним отвращения. Вторая строфа, возможно, была немного

“Мимоза” немного, может быть — как это сказать? - как книжка с картинками Уолтера Крейна. Возможно

следует ли его опустить; или заменить его, кто знает, чем-то более гармоничным с элегантностью, намекающей на возраст

серебро от всего остального. Что касается последнего куплета, то он был действительно мастерским. Он дал Расину свой смысл существования;

если бы Расина никогда не существовало, было бы необходимо изобрести его только этими двумя строками.

Он падает. И Вимус весь весь

Наклонитесь над упавшей добычей.

В восторге Челифер задержался на них. Именно тогда он заметил, что миссис Олдвинкл обратилась к нему из

более прямой путь. Из ингармонически эолия, ее голос теперь стал более четким.

- Ты такой, — говорила она. - Я не права? Я тебя не понимаю?

- Может быть, - сказала Челифер, улыбаясь.

Тем временем на нижней террасе Калами и Мисс кэлами. Thriplow разговаривали по своему желанию. Обсуждать

дело, которое Мисс. Триплоу исповедовал с большой компетентностью; это было-использовать язык

экзаменационные комиссии — их особая тема: они спорили о жизни.

- Жизнь прекрасна, — говорила она, - всегда. Богатый и веселый. Я проснулся сегодня утром, например, и

первое, что я увидел, это голубь на подоконнике. Большой серый голубь, который

у него была заключенная в тюрьму Радуга, воткнутая в его грудь. - Эта фраза, особенно хорошо найденная и

красивая, Мисс. Триплоу решил записать это для дальнейшего

использования в своей записной книжке. —

Затем, высоко на стене туалета, я увидел маленького скорпиона из Знаков Зодиака. Тогда

Евгения вошла и позвала меня; представьте, что вы получаете горячую воду от горничной, которая для начала

Зови Евгению. Она начала говорить и делала это четверть часа. Он рассказал мне о своем женихе, который

кажется, он очень ревнив. Я также был бы, если бы я был помолвлен с парой глаз, таких же живых, как

ее. Подумайте обо всем этом, что случайно произошло перед завтраком! Это феерия! А

жизнь такая щедрая, такая обильная! - сказал он, повернув сияющее лицо к своему товарищу.

Калами смотрел на нее сквозь полузакрытые веки, улыбаясь, с этим наглым, сонным видом,

с этой ленивой силой, столь характерной для него, особенно в его отношениях с женщинами.

- Щедро! — повторять. - Да, я бы сказал, что это так. Голуби перед кофе… А в кафе жизнь предлагает

ты.

- Как будто я копченый лосось, - сказала мисс. Thriplow, смеясь.

Но Калами не беспокоил ее смех. Он продолжал смотреть на нее сквозь веки, с

та же наглость, та же уверенность в силе-абсолютная уверенность, которая не требовала от нее ничего

усилие; спокойный, сонный, он мог надеяться на неизбежный триумф. Это то, что оставило Мисс.

Беспокойный Thriplow. И что заставило ее полюбить его.

Они продолжали идти. Две недели назад они никогда не могли быть такими, разговаривая по своему желанию

на террасе на особую тему Мисс Марвел. Триплоу. Ваша хозяйка поставила бы hm при любой попытке

бунтарь независимости, самым грубым и непосредственным образом. Но с тех пор, как Челифер добралась до миссис.

Олдвинкл был слишком озабочен интересами своего сердца, чтобы дать ему самое легкое

обратите внимание на то, что они делали и говорили или куда ходили их гости. Он ослабил бдительность тюремщика. Он

они могли разговаривать друг с другом, гулять в одиночку или парами, пожелать всем Спокойной ночи, когда

миссис Олдвинкл не возражала. При условии, что они не будут вмешиваться в его отношения с Челифером,

они могли делать все, что хотели. Fay ce, что vouldrasnsi стал правилом во дворце Cybo

Маласпина.

- Я никогда не пойму, - продолжала Мисс. Thriplow медитативно, продолжая свою тему

Особенный-почему люди не счастливы; я имею в виду, в основном счастливы. Конечно,

страдание существует, боль существует, есть тысяча причин, по которым кто-то сознательно не счастлив, в

поверхность, понимаете? Но я имею в виду базовое счастье; как

его не иметь? Даже если кто-то чувствует

несчастная, жизнь остается прекрасной. Вы согласны со мной? - Ее забирал ее

любовь к жизни. Это была молодая и пылкая женщина, она видела себя ребенком, прыгающим из чистой радости на

груды ароматного сена. У человека может быть талант, который у него есть, но если он чувствует настоящую любовь

для жизни ничто другое не имело бы значения: она была бы спасена.

- Согласен, - сказал Калами. - Жить всегда хорошо, даже в самые тяжелые времена. И когда

бывает, что ты влюблен, так что это действительно опьяняет.

Мисс. Триплоу посмотрел на него. Калами был опущен головой и смотрел на землю. Был один

легкая улыбка на губах; веки были почти закрыты, как будто я так много спал, что был

не в состоянии держать их открытыми. Это беспокоило Мисс. Триплоу. Он сделал такое замечание и

даже не удосужился направить на него взгляд.

- Не могу поверить, что когда — либо влюблялась, - сказала она.

- Я не помню, чтобы был — - ответил Калами.

— Это то же самое, что сказать, что на самом деле он никогда не был влюблен, — настаивала Мисс. Триплоу. Она

я прекрасно понимал, что говорю.

- А вы? - спросил Калами.

Она не ответила. Они сделали два или три круга в тишине. Все это было глупо, думал Калами. Он не

я был действительно влюблен в нее. Это была пустая трата времени, и были более важные вещи.

быть сделанными. Другие вещи. Они поднимались за изумлением и шумом жизни, вдали от шума и шума.

возерио. Но что они были? Какую форму они имели, как их называли, что они имели в виду? Через

дрожащая завеса движения было невозможно сделать больше, чем смутно предполагать их; это было похоже на то, как смотреть на них.

звезды сквозь лондонский туман. Если бы кто-то мог прекратить движение или сбежать от него, то

конечно, я мог бы ясно видеть большие, тихие вещи, которые существовали за его пределами. Но прекратить

движение было невозможно, и, вообще говоря, от него нельзя было убежать. Единственное, что нужно было сделать, это

игнорировать то, что существовало за пределами мира шумов, и идти обычным путем. Это то, что Калами

я пытался это сделать. Но, тем не менее, он знал, что там все продолжается. Они оставались спокойными и

неизменно присутствуют, как бы он ни суетился и делал вид, что игнорирует их. В тишине они кричали

для внимания, с все более раздражающей настойчивостью.

Реакция Калами заключалась в том, чтобы заняться любовью с

Мэри Триплоу. Это должно было занять его. Е

в какой-то степени сохранил. Как сказал мистер кардан, лучший спорт в помещении; но люди требовали

что-то получше. Должен ли я продолжать это? Если нет, то что делать? Эти вопросы его раздражали. Потому что

эти вещи остались там, вне шума, просто он должен был спросить их. Вопросы, если

они навязывали его. Но Калами не выносил провокаций. Он отказывался провоцировать себя. Хотел сделать

все, что вы считаете нужным. Но на самом деле ему нравилось встречаться с Мэри Триплоу? В какой-то степени без

сомнение. Но истинный ответ был нет. Да, да, настаивала другая сторона своего разума, нравилась да. Если

необходимо он будет делать даже то, чего не хочет, если решит это сделать. Я бы сделал то, что не хотел, и это было бы

конец всему. Он мучил себя до такой степени, что чувствовал своего рода ярость.

- О чем вы думаете? - вдруг спросила Мисс. Триплоу.

— В тебе — - сказал он; в его голосе было дикое раздражение, как будто он обижался

отчаянно тот факт, что я думаю о ней.

- Тянь! - сказала она отполированным тоном.

— Что бы вы сказали, если бы я сказал вам, что влюблен в вас?

- Я бы не поверила.

- Я должен убедить ее поверить?

- Мне больше интересно узнать, как вы собираетесь это сделать.

Калами остановился, схватил Мэри Триплоу за плечи и повернул ее лицом к себе.

- Силой, если нужно, - сказал он, пристально глядя на нее.

Мисс. Триплоу вернул взгляд. Он все еще казался наглым, высокомерным и осознавал свою силу, но

исчезли праздность и оцепенение, которые притупляли его взгляд, оставляя его лицо чистым, как

всегда был, и пылкий, с его опасной и сатанинской красотой. Столкнувшись с этой внезапной трансформацией, Мисс Б.

Триплоу чувствовал себя одновременно приподнятым и напуганным. Никогда не видел этого выражения на лице

мужчина. Это уже пробудило страсти, но не жестокую и опасную страсть, как казалось.

- Силой? — Насмешливым тоном, насмешливой улыбкой она пыталась его еще больше разозлить.

Калами сжал ее плечи и под пальцами почувствовал маленькие хрупкие кости. Когда он говорил,

он обнаружил, что его зубы были хрустящими.

- Силой, - сказал он. — Так. — И, взяв ее голову обеими руками, он поклонился

целовать ее в гневе часто. Почему я это делаю, задавался вопросом? Это все глупо. Имеется

другие гораздо более важные вещи. - Теперь веришь?

Мэри Триплоу краснеет.

- Ты невыносим! — сказать. Но на самом деле я не злилась.

Глава 4

- Почему ты все эти дни так странно ходил? - лорд Ховенден наконец сформулировал

преднамеренный вопрос было так долго.

- Странно? - повторила Ирен другим тоном, пытаясь пошутить, как будто у нее нет

понял, что он имел в виду. Но он, конечно, понял, и очень хорошо.

Они сидели в почти темной тени оливковых деревьев. Среди редких двухцветных листьев

небо шпионило. В пересохшей траве, которая росла на корнях деревьев, солнечные лучи распространялись

бесчисленные золотые монеты. Они сидели на краю небольшой

ступеньки, вырезанной на склоне

крутой, ноги качаются, а спина опирается на ствол старого дерева.

- Знаешь, - сказал Ховенден. - Почему он вдруг начал избегать меня?

- Я это сделал?

- Вы знаете, что сделали.

Ирэн на мгновение замолчала, прежде чем признаться:

- Да, может, и сделал.

- Но почему? - он настаивал. - Почему?

- Я не знаю, - грустно ответила она. Я не могла рассказать ему о тете Лилиан.

Тон ее голоса побудил лорда Ховендена стать более настойчивым.

- Вы не знаете? - повторил с сарказмом, как адвокат допрашивает свидетеля другого

часть. - Может быть, она все время вела себя как лунатик.

- Не будь глупым, - сказала она уставшим голоском.

- Но не настолько глупо не замечать, что ты все время бежал за Челифером. — Лорд

Ховенден покраснел от разговора. При всем своем мужском достоинстве было жаль, что

его трудности с “ТР ” звучали так по-детски.

Ирэн ничего не сказала; она молчала, опустив голову и устремив глаза на наклонную рощу. Ваш

лицо, обрамленное прямой стрижкой волос, было грустным.

- Если вы так заинтересованы в нем, почему вы предложили нам пойти на прогулку сегодня днем? Будет ли мне

перепутали с Челифером? - Он был охвачен необходимостью говорить неприятные и болезненные вещи,

хотя все время осознавал, что вел себя как дурак и был невежлив. Но это было

непреодолимый.

- Почему вы хотите все испортить? - спросила она, раздраженная печалью, но с

глубокое терпение.

— Я ничего не портю, - раздраженно ответил Ховенден. - Я только что задал вопрос.

- Вы знаете, я не интересуюсь Челифер.

- Тогда почему он весь день бежит за ним, как щенок? - Глупость мальчика и

его настойчивость начинала утомлять ее.

— Я этого не делаю, - сердито сказал он. - И если бы он это сделал, это было бы не его делом.

- О, это не мое дело, не так ли? - провокационным тоном сказал Ховенден. — Обязанный

по информации. - И молчал.

Долгое время никто из них ничего не говорил. Мимо прошел баран с воротником из колокольчиков

звенят под деревьями чуть ниже них. Двое, довольно грустные, последовали за ним взглядом. Звук

сладкие и нежные колокольчики почему-то сделали их еще печальнее. Грустно тоже было небо

я беру интервью через листву; красноватый свет заходящего солнца окрашивает серебристые листья, стволы

серые, трава пересохла, и это вызвало глубокую меланхолию. Это был Ховенден первым

нарушил тишину. Гнев, необходимость говорить неприятные вещи и ферины исчезли,

ему оставалось только убеждение, что он вел себя как дурак и был недобрым — это и боль

глубокий, ответственный за весь гнев и необходимость быть жестоким. “Знаешь, у меня их нет

интерес к Челиферу.“Он не знал. Но теперь, когда она сказала это, и в этом тоне голоса, он остался

знать. В этом не было сомнений; и даже если бы это было так, стоило бы оно того?

- Послушайте — - сказал он, наконец, приглушенным голосом, - думаю, я плохо себя вел. Сказал, что нет

надлежать. Прости, Ирэн, ты меня простишь?

Ирэн вернула ему узкую прямоугольную щель волос. Сзади глаза улыбались.

Она протянула ему руку.

- Однажды я вам все расскажу, - сказал он.

Они стояли там, держась за руки в течение длительного времени. Они ничего не говорили друг другу, но

они были счастливы. Солнце зашло. Серое начало ночи поднималось над деревьями. Среди

черные силуэты листвы небо темнело.

- Пора возвращаться, - неохотно сказала она.

Ховенден встал первым и протянул руку Ирен. Она согласилась, и когда она встала, она прибыла больше

вперед. На мгновение они стали очень близки друг к другу. Лорд Ховенден, тогда,

взял ее на руки и много раз целовал. Ирэн испугалась. Он боролся, пытаясь оттолкнуть его.

- Нет, нет, - протестовал он между одним поцелуем и другим, поворачивая лицо, запрокидывая голову. —

Пожалуйста, остановитесь! — Когда он наконец отпустил ее, она закрыла лицо руками и заплакала. —

Хотите снова все испортить? - спросил он между рыданиями. Лорд Ховенден раскаялся. —

Мы могли бы быть такими друзьями, такими счастливыми… - Она вытерла глаза платком, но ее голос продолжался.

мешать.

— Я зверь, - сказал лорд Ховенден, так яростно осуждая себя, что Ирен не

он мог перестать смеяться. В этом решительном сожалении было что-то очень смешное.

- Нет, ты не грубый, - сказала она. Рыдания и смех смешивались любопытным образом. — Быть

очень милый и тот, кто мне очень нравится. Очень, очень. Но он больше не должен этого делать. Почему я

не знаю. Ты чуть не облажался, а я был дураком из-за того, что плакал. Тем не менее — она потрясла

голова — ты мне очень нравишься. Но не так. Может быть, когда-нибудь. Вы больше этого не сделаете?

Обещаешь?

Лорд Ховенден торжественно пообещал. Двое вернулись домой через оливковый сад под

серая ночь.

Позже, за ужином, разговор закрутился о феминизме. Под давлением г-на кардана г-жа Дж.

Олдвинкл неохотно признал, что между мод Валери Уайт и

Бетховена, и что Анжелика Кауфманн была неблагоприятно сопоставима с Джотто. Но протестовал, для

с другой стороны, когда дело доходит до любви, женщины определенно обижаются.

— Мы требуем всей свободы, которой вы наслаждаетесь, мужчины, - драматично сказал он.

Зная, что тетя Лилиан ценит то, что вы участвуете в разговоре, и вспоминая — потому что у нее была хорошая

память о фразе, которую она часто использовала в течение определенного времени, но недавно имела

пропавшая из своего любимого каталога озвучки, Ирен серьезно заявила:

- Профилактика беременности, — произнес он, - сделала целомудрие излишним.

Мистер кардан откинулся на спинку стула и разразился смехом.

Но по пророческому лицу мистера фалькса прошло выражение боли. Он с горем посмотрел на свою

ученик, желая, чтобы он не слушал или, по крайней мере, не понимал того, что он только что

сказаться. Он поймал Подмигивание Мистера кардана и нахмурился. Как далеко продвинется коррупция и

вседозволенность? они, казалось, спрашивали его глаза. Он повернулся к Ирине; это поразило его, что появление

молодой и невинный, как ее, мог быть связан с таким коррумпированным умом. Ради Ховендена,

было облегчением, что им больше не осталось времени в этом доме. Не только из-за необходимости быть

отполированный, он сразу же выйдет. Как Лот, вытирая пыль с ног.

Глава 5

- Если бы сын мясника сказал ему конфиденциально, глядя краем глаза, что брат мясника

у бакалейщика есть очень старая скульптура, которую он готов продать по умеренной цене.

как вы думаете, что он имел в виду? - Медленно поднимаясь по холму через оливковые деревья, мистер.

Карданный, медитативный, задал этот вопрос.

- Я думаю, он имеет в виду именно то, что говорит, — сказала мисс. Триплоу.

- Без сомнения, — возразил мистер кардан, останавливаясь, чтобы вытереть мокрое от пота лицо, несмотря на

солнце поражает их только уклоном, отфильтрованным листвой оливковых деревьев. Мисс. Thriplow, с вашим

музыкальная комедия школьница зеленая униформа, выглядела восхитительно свежей и чистой рядом с ее

парень весь расстегнут. — Но вопрос в том, чего именно он хочет? Что это значит для

сын мясника очень красивая и старинная скульптура? - Они возобновили восхождение. Ниже, через

из деревьев были видны крыши и высокая башня дворца Сибо Маласпина, а ниже-город

игрушка Везза, равнина, похожая на карту, море.

- Если вы действительно хотите знать, почему бы вам не спросить его? - язвительно сказала мисс. Thriplow; нет

чтобы поговорить о сыне мясника, она приняла приглашение мистера кардана на прогулку. Хотеть

послушайте, как он говорит о жизни, литературе и о себе. Думал, он немного знает о

все эти вопросы и многое, хотя и не всегда было правильным, о последнем. Он знал ее, и только

вот почему Мисс. Триплоу любил с ним разговаривать. Страхи всегда вызывают очарование. Е

теперь, после продолжительного молчания, он начал говорить о сыне мясника.

- Я спросил — - сказал мистер кардан. - Но вы думаете, я мог извлечь из него что-то внятное? Все

что я получил, так это то, что я знал, что скульптура представляет человека, не целого, а его части, и что это

мрамор. И больше ничего.

- Почему вы хотите знать? - спросила Мисс. Триплоу.

Мистер кардан покачал головой.

- По грязным причинам, к сожалению. Помните, что писал поэт?

Много-много лет назад

Oue amo, должен и пей

Говорят, что это слишком большое зло,

Для одного бедного смертного,

0 любовь заставила меня пить,

И алеул взял меня в долг.

Против них я борюсь и напрягаюсь.

Но от них я не могу избавиться.

Только деньги могут исцелить меня

И облегчить мои страдания;

Погасить свои долги и избавиться от неудобств;

И моя любовница, которая больше не выносит меня.,

Ты снова полюбишь меня.

Ты снова полюбишь меня. [201

Вот краткое изложение всей жизни. Конечно, никто не сожалеет. Тем не менее, всем нужно

деньги; к сожалению, чем старше человек, тем больше он нужен и тем меньше у него есть. Какая еще причина для меня

вы бы потели в этих горах, чтобы поговорить с бакалейщиком Веззы о статуе своего брата?

- Ты хочешь сказать, что купишь ее, если она того стоит?

- По самой низкой цене, - подтвердил Мистер кардан. - И продать ее за самое высокое. Если я

если бы он охватил любую профессию, он, несомненно, был бы торговцем искусством. Обладает очарованием

быть самым нечестным среди всех других форм легального бандитизма, существующих в этой жизни. Что такое

это делает его намного интереснее. Это правда, что финансисты могут обманывать в гораздо большем масштабе, но

в большинстве случаев это безличный обман. Они могут погубить тысячи неосторожных инвесторов,

но не имеют удовольствия встретить своих жертв, в то время как

для торговца искусством обман,

хотя он менее обширен, он гораздо более личный. Он лицом к лицу со своей жертвой и заставляет ее выглядеть

незначительный. Оно пользуется незнанием или срочностью продавца для того чтобы купить деталь для почти

ничего. Затем он исследует снобизм богатого покупателя и заставляет его взять материал из его рук

по астрономической цене. Какую огромную гордость должен испытывать кто-то, применяя великолепный coup \ Basta

купите почерневший пано у какого-нибудь испорченного джентльмена, которому нужен новый костюм, почистите его и

продать его снова богатому Снобу, для которого владение коллекцией и репутация покровителя

древнее искусство означает шаг в общество. Какое огромное раблезианское ликование! Не;

решительно, если бы я не был Диогеном и бездельником, я был бы Александром, критиком и торговцем. Быть

действительно рыцарская профессия.

- Вы никогда не говорите серьезно? - спросила Мисс. Thriplow, который предпочел бы разговор

ориентируясь на что-то более связанное с вашими проблемами.

Мистер кардан улыбнулся ему.

- Может кто-то не быть серьезным, когда дело доходит до зарабатывания денег?

- Я сдаюсь — - сказала мисс. Триплоу.

- Простите — - возразил Мистер кардан. - Но, может быть, будет лучше. Кстати, что вы думаете о

как сын мясника? Что он имел в виду под древней скульптурой? Неужели они выкопали голову

от какого-нибудь богатого этрусского торговца сырами из Луны? Какой-то примитивный восточный, длинноносый и

восторженная глупая улыбка? Или это будет фрагмент его эллинизированного потомства, что-то лежащее на

крышка саркофага, как будто откинувшись на диван для банкета, тупо глядя на

голова, которая могла бы быть, если бы она была вырезана Праксителем, поддерживающей, но которую этрусский каменщик

вы превратились в полужеловеческого тучного человека? Кто знает, будь римским бюстом, до мельчайших подробностей,

Moderna и natural, что, если бы не тога, можно было бы почти взять за нашего старого друга сэра

Уильям Мидраш, выдающийся государственный служащий? Это также может быть, я бы предпочел, чтобы это было устаревшим произведением

из темного и странного рассвета христианства, последовавшего за дикой ночью, в которой империя

изнемогать. Могу ли я представить себе фрагмент Модены или Тосканеллы, странную и неуловимую фигуру,

согнутая чрезмерной верой в глубочайшие символические выражения и установки: чудовище,

варварство, небольшая стилизация, но такая великолепная внутренняя жизнь, может быть, прекрасная, может быть

Малефисента, что на нее невозможно смотреть равнодушно или просто как на форму, уродливую или красивую. Да; я

я бы хотел, чтобы произведение было романской скульптурой. Если это так, я дам сыну мясника дополнительные чаевые

пять франков. Но если это один из тех мягких итальянских готических святых, элегантно одетых и

немного наклонен, как маленькое растение, которое изгибается на ветру… может быть, это так, ты никогда не сможешь.

сомневаться… я не дам ему пять франков. Я дам только то, чего можно достичь на Северном рынке-американский. Эти готические совершенства утомляют меня. Как мне скучно!

Они были высоко на горе. Выйдя из наклонного оливкового леса, тропа следовала

теперь по чистому и почти плоскому гребню. Чуть дальше, где земля снова начиналась

поднявшись, они увидели группу домов и церковную башню. Мистер кардан указал:

- Там мы сможем узнать, о чем именно имел в виду сын мясника. Между тем

этого не происходит, давайте продолжим развлекаться спекуляциями. Предположим, например, что это часть

барельеф Джотто, а? Что-то настолько великое, духовное и материально прекрасное, что заставит нас упасть

на коленях в поклонении. Но уверяю вас, что я был бы гораздо более доволен фрагментом

саркофаг раннего Возрождения. Какая-то чудесно яркая, неземная и чистая фигура, ангел; и

не из Царства Небесного, а из какого-то великолепного и, к сожалению, воображаемого земного царства. Ах —

продолжал г-н кардан, качая головой — это царство, в котором я хотел бы жить, царство

Древняя Греция, очищенная от всех исторических греков, которые когда-либо существовали, и колонизированная в соответствии с

воображение Moderna Artists, ученых и философов. В таком мире можно было бы жить

положительно, скажем, как приток, впадающий в главную реку, а не отрицательно, как будто

он живет сегодня, реагируя на общий поток существования.

Жить положительно или отрицательно. Мисс. Триплоу мысленно записал эту идею. Может быть

работал в статье. Возможно, это пролило свет на их собственные проблемы. Кто знает страдания

это было результатом ощущения негативной реакции. Больше позитива: вот что было

отсутствовать. “Разговор, казалось, становился все более серьезным”, - подумала она. Некоторое время они гуляли

молча, и Мистер кардан был тем, кто первым заговорил:

- Возможно, брат бакалейщика случайно нашел какую-то выемку в сыром виде

Микеланджело, начатый в безумии, когда он жил в этих горах, и брошенный, когда

он ушел. Измученный раб, который изо всех сил пытается избавиться от своих внутренних оков больше, чем от

цепи, которые удерживают его; который борется со сверхчеловеческим насилием, но в то же время,

медитируй со страстью, сосредоточенной на себе, а не развеянной взрывом, как в

барокко, которое фатально и легко эволюционировало оттуда. После стольких надежд и спекуляций, вот в

то, что мое сокровище в конечном итоге, вероятно, подводится итог: произведение в стиле барокко xvn века. Я уже вижу туловище.

из вальсирующего Ангела посреди водоворота драпировки, который делает восторженные глаза

священнослужитель, если они вернутся к высотам в школьной мелодраме; или, может быть, это Вакх, Танцующий в

чудо виртуозности на мраморной ноге, рот открыт в пьяном смехе и пальцы

от рук, вытянутых до максимума, чтобы продемонстрировать, что может сделать скульптор, который знает свое

ремесло; или бюст принца, потрясающе живой и выразительный, с кружевным воротником

Брюссель воспроизводится на камне даже самой тонкой нитью. Сын мясника настаивает на том, что

пьеса очень красивая и в равной степени старинная. И теперь, когда я думаю, очевидно, что он будет

быть действительно искренним, любя барокко, и только потому, что оно гораздо более знакомо ему и

быть всем, чем он научился восхищаться. По какой-то странной и злой судьбе итальянцы

кто пришел в барокко, так и не вышел из него. Они все еще заправлены до шеи. Смотрите ваш

литература, moderna Art, архитектура, музыка; все барокко. Риторически жестикулируют,

они расхаживают по сценам, рыдают и кричат, пытаясь доказать, насколько они страстны. Посреди

из них, как огромная иезуитская церковь, находится дамнунцио.

- Я должна была представить — - сказала мисс. Thriplow с едкой

наивностью - что Господь

я был бы признателен за такую проработку и виртуозность. Это “весело”, не так ли?

- Точно — - ответил мистер кардан. - Мне нравится веселиться. Но я требую от своего искусства

дополнительная похоть от волнения. И в некотором смысле ничто не может вызвать, что бы это ни было, эмоцию

такой же яростный и сознательный, как эти барочные вещи. Не для того, чтобы делать широкие и страстные жесты,

художник пробуждает эмоции у зрителя. Это не так. Итальянцы xvn века пытались

выразить свою страсть с помощью жестов и только удалось произвести что-то, что или делает нас холодными,

хотя, как вы сказали, это может нас развлечь или действительно рассмешить. Искусство, которое стремится взволновать тех, кто

созерцание должно быть спокойным в себе; это почти эстетический закон. Страсть никогда не должна быть

рассеивается переливами и взрывами. Она должна быть тихой, сдержанной и сформированной интеллектом.

Сосредоточенная в безмятежной и спокойной форме, ее сила будет двигаться непреодолимо. Стили, которые

чрезмерные протесты не служат серьезным, трагическим целям. По самой природе они больше подходят для

комедия, суть которой в преувеличении. Вот почему хорошее романтическое искусство так редко! Романтизм, из которого

барокко xvn века-странный подвид, использует жестокие жесты; верит в контрасты

преувеличенные света и тени, в сценических эффектах; стремится поджарить зрителя с самыми эмоциями

сырые и пульсирующие. Это равносильно тому, что

романтический стиль-это, по сути, комический стиль. И, кроме nas

руки некоторых редких гениев, романтическое искусство, Что касается исторического факта, почти всегда комично. Думать

в этих потрясающих романах, написанных в восемнадцатом и девятнадцатом веках; теперь, когда Роман

ослабли, мы можем видеть их такими, какие они есть на самом деле: величайшие комедии. Даже писатели великого и

подлинный талант были преданы комической природой по своей сути гротескного стиля, когда

они хотели, чтобы это было романтично и трагично. Бальзак, например, в сотнях серьезных отрывков; Джордж

Песок во всех своих ранних романах; Беддо, когда он пытается сделать свою книгу о шутках смерти чем-то

особенно страшно; Байрон, в Каине; де Мюссетт, в Колле. И что мешает Моби Дику

Герман Мелвилл, о том, чтобы быть великой книгой, - это именно тот псевдошекспеарский язык, с которым он

в нем рассказывается о том, что задумано как самые трагические отрывки, идиома, базовая приспособляемость которой к комедии

это привело к тому, что исключительные трагические успехи Шекспира, Марлоу и других ослепили его

подражатели, к сожалению. Кроме того, романтический стиль по сути подходит для комедии,

наоборот также верно, что величайшие комические произведения были написаны в романтическом стиле.

Vantagruel и Contes drolatiques; диалог Фальстафа и Уилкинса Микобера; лягушки Аристофана; Тристрам

Шенди. И кто может отрицать, что самые красивые отрывки из реверберирующей прозы Мильтона не

именно те, которые написаны сатирически и комично? Комический автор-тучный мужчина и

обильный, который ценит все земное; он срывает с себя одежду и позволяет себе свободно идти туда, куда его ведет

его неутомимый и озорной дух. Широкая, преувеличенная и неудержимая жестикуляция романтизма удовлетворяет

полностью ваши потребности.

Мисс. Триплоу уделял пристальное внимание. Это было серьезно, и это, казалось, действительно касалось его собственного

проблема. В своем последнем романе он сделал все возможное, чтобы избавиться от сатирического облика, с которым в

в прошлом он скрывал свою нежность; на этот раз он решил отдать публике свое обнаженное сердце. О

речь мистера кардана заставила ее задуматься, не выставит ли она слишком трепещущее сердце.

- Рассматривая изобразительное искусство, - продолжил Г-Н кардан, - мы обнаруживаем, что серьезность и

романтизм сочетается гораздо меньше, чем в литературе. Один из величайших триумфов романтического стиля

с xix века его можно встретить именно у комиков и создателей гротеска. Домье, по

например, он одним махом создал самые комичные и жестоко романтичные картины из когда-либо созданных.

И Доре, когда она перестала пытаться рисовать серьезные картины в романтическом стиле… я позволю тебе получить

вспомните непреднамеренно нелепые результаты… и посвятил себя иллюстрированию Дона Уихота и Контеса

дролатики в тех же романтических терминах создавали настоящие шедевры. На самом деле, случай

Доре почти завершает обсуждение. Вот человек, который сделал точно такие же романтические вещи так много

в серьезных работах, таких как комикс, и преуспел в том, что он намеревался сделать возвышенно

смешно или смехотворно возвышенно, самым гротескным, богатым, экстравагантным и романтичным образом.

Они прошли мимо самых дальних домов деревни и теперь медленно поднимались по склону

с единственной улицы.

- Это правда, - сказала мисс. Thriplow, задумчивый. Она не знала, стоит ли ей немного опускаться

тон описания агонии молодой жены в ее новой новелле, когда она узнает, что ее муж

он был неверен. Драматический момент, тот. У молодой жены только что родился первый ребенок-com

бесконечное страдание-и, все еще очень ослабленное, но бесконечно счастливое, выздоравливает. Красивый и молодой

муж, которого она обожает и предполагает также поклоняться ей, входит в комнату с корреспонденцией, принесенной

послеобеденная почта. Садится рядом с ней на кровать, оставляет пачку конвертов на простынях и начинает

открыть его. Она делает то же самое со своими. Два скучных билета; она разминает их и откладывает в сторону. Открыть

другой конверт, не видя, кому он адресован, разворачивает бумагу и читает: “Дорогая, я буду

ждем вас завтра вечером в нашем гнезде…”. Посмотри на конверт: это для мужа. Что она

чувствуешь?- спросила Мисс. Триплоу. Да, может быть, в свете того, что сказал мистер кардан, проход был

чрезмерно пульсирующий. В частности, тот участок, на котором ребенка приносят кормить грудью. Мисс.

Триплоу вздохнул; перечитывал главу критическими глазами, когда возвращался домой.

- Ну, - сказал мистер кардан, прерывая ему ход мыслей, - вот и мы. Только

остается выяснить, где живет бакалейщик, затем, где живет брат, какое сокровище у него есть,

сколько ты хочешь за него, а потом найдешь того, кто купит его за пятьдесят тысяч фунтов. А потом

мы будем жить долго и счастливо. Как насчет этого?

Он остановил проходящего мимо ребенка и задал первый вопрос. Она указала на это дальше. Эй

двое пошли туда.

У двери небольшого магазина сидел бакалейщик, незанятый в данный момент, загорающий и воздух

свежий, глядя на эти две капельки, сбежавшие из потока жизни, тянущиеся по деревенской улице. Быть

толстый мужчина с большим мясистым лицом, который, казалось, был прижат перпендикулярно

так раздутые и так близко друг к другу были горизонтальные линии глаз, рта и носа. Лицо

и подбородок был покрыт пятидневной бородой-потому что это был четверг, и момент

бритье должно быть около субботнего вечера. Пара маленьких, хитрых глаз смотрела на

между мешками век. Губы были густыми, а зубы, когда он смеялся, желтыми. Фартук

длинный и белый, неожиданно чистый, завязанный на шее и талии, прикрывал его до колен. Один

фартук, который стимулировал воображение Мисс Марвел. Thriplow-он больше думает, что этот человек

он носил его, свернувшись калачиком, как спартанский магистрат, когда нарезал ветчину и сосиски или когда подавал

сахар с небольшой лопатой.

“Этот человек кажется мне необычайно симпатичным и доброжелательным”, - сказала она,

с энтузиазмом, когда они приближаются.

- Правда? - спросил Мистер кардан с некоторым удивлением. Для него человек казался еще одним

хулиган просто умиротворен.

- Он простой, счастливый и довольный, - продолжила Мисс. Триплоу. - Это вызывает зависть. — Она

я бы заплакал над этой маленькой лопатой, в этот момент масонской эмблемой палеолитической наивности.

- Мы делаем все излишне сложным для себя, не так ли?

- Переедем? - сказал мистер кардан.

— У этих людей нет сомнений, нет пост-размышлений или, что еще хуже, мыслей

одновременный. Они знают, чего хотят и что правильно; они чувствуют только то, что должны чувствовать

природа, как герои Илиады, и действуют соответственно. Результатом этого, я считаю, является то, что они очень

лучше нас, намного “лучше”, как мы говорили, когда были детьми; это более выразительно.

Да, они слишком хороши. Вы смеетесь надо мной!

- Уверяю вас, что нет, - заявил мистер кардан.

- Если бы это было так, я бы не возражал. Потому что, в конце концов, несмотря на все, что люди могут

думать или говорить, единственное, что имеет значение, это быть хорошим.

- Я полностью согласен, - сказал мистер кардан.

— А так еще проще, - указала она головой на белый фартук.

Мистер кардан согласился, немного сомневаясь.

- Иногда — - продолжала Мисс. Thriplow в доверительном доступе, который заставил ее слова выйти

быстрее — иногда, когда я сажусь в автобус и покупаю билет с водителем, я чувствую

внезапно мои глаза заплакали при мысли о его жизни, такой простой и прямой, такой простой, чтобы жить хорошо,

хотя это так тяжело, а также, возможно, именно потому, что это

тяжело. У нас так сложно… — сказать,

кивая головой.

Они были в нескольких метрах от владельца магазина, который, увидев, что они собираются войти, встал и

побежал занять свое место, как профессионал, за прилавком.

Они вошли сзади. Внутри было темно и пропитано сильным запахом козьего сыра,

тунец в уксусе, маринованные помидоры и сильно приправленная колбаса.

- Хм! - воскликнула Мисс. Thriplow, укрываясь в маленьком ароматном шарфе с

эссенция фиалок Пармы. Было жаль, что эти простые жизни в белых фартуках должны были

жить в таких условиях.

- Это захватывает дух, а? - подмигнул Мистер кардан. - ПУˆпа-добавил,

обращаясь к бакалейщику. - Воняет!

Мужчина посмотрел на Мисс. Триплоу, нос которого впился в оазис своего носового платка, и

снисходительно улыбнулся.

- Iforestieri sono troppo delicati. Троппо деликати, - повторил он.

- Он прав, - сказал мистер кардан. - Мы очень деликатны. И я думаю, пока мы не сможем

жертвовать всем ради комфорта и чистоты. Лично я всегда очень подозрительно отношусь к их утопиям, так

хорошо набиты и гигиеничны. А что касается именно этого запаха — он заметно понюхал воздух

довольный — я действительно не вижу, какое возражение вы можете сделать. Это здорово, это естественно, это исторически. Иметь

уверен, что этрусские продуктовые магазины пахли именно так. Нет, вообще говоря

я полностью согласен с нашим другом здесь.

- Все же, - сказала мисс. Thriplow с приглушенным голосом в складках ее шарфа-я предпочитаю

мои фиалки. Хотя синтетические.

Заказав два бокала вина, один из которых предложил бакалейщику, мистер кардан сел на борт

в дипломатическом разговоре о причине визита. Услышав, как он упоминает своего брата и скульптуру,

бакалейщик стал чрезмерно привлекательным. Сгорбила густые губы в улыбках, а на щеках

толстые появились глубокие борозды, как дуги круга. Месуры не останавливались. Все

мгновенно он громко рассмеялся, испуская сильное, как ацетилен, чесночное дыхание, от которого захотелось

от приближения спички ко рту в надежде увидеть, как зажигается яркое пламя. Мужчина

это подтвердило все, что сказал сын мясника. Да, у него был брат; у его брата был

красивая и старинная мраморная скульптура, очень старая. К сожалению, брат переехал оттуда и

он жил на равнине, недалеко от озера Массачукколи,и взял кусок. Мистер кардан пытался узнать, как

это была такая пьеса, но она не могла получить ничего другого, кроме того, что она была красивой, старой и представляла человека.

- Это будет примерно так? - спросил Мистер кардан, кланяясь, как монстр.

романский и извивающийся рот в демоническом эсгаре.

Бакалейщик так не думал. Две крестьянки, которые пришли купить сыр и масло

они испуганно посмотрели. Эти иностранцы…

- Так? — Он прислонился локтем к стойке и, полулежа, попытался вызвать своим

отношение восторженная, неподвижная и глупая улыбка изображений этрусского рельефа.

Снова бакалейщик покачал головой.

- И так? — Он закатил глаза к высотам, как святой барокко.

Тоже нет. Мистер кардан почесал лоб.

- Если бы я могла, я бы превратилась в римский бюст — - сказала

она. Thriplow—, или на басу-рельеф Джотто, в саркофаге эпохи Возрождения, в недостроенном блоке Микеланджело, но я не могу.

Это за пределами моих сил. Сейчас я сдаюсь.

Он достал из кармана свою записную книжку и спросил мужчину, как ему найти

брат. Бакалейщик объяснил; мистер кардан тщательно записал показания. Улыбаясь и полный

мистер месурас, мужчина сопровождал их на улицу, где мисс месурас и Мистер месурас. Триплоу снял носовой платок и пылесосил

длинный хауст воздуха-это пахло, даже сейчас, органической химией.

- Терпение, - сказал мистер кардан, - упорство и решительность. Здесь нужно много этого.

Они начали спускаться по склону. Они уже прошли несколько метров, когда шум

насильственная ссора заставила их повернуться. У дверей магазина бакалейщик и две женщины спорили

яростно. Голоса были громкими, голоса мужчин-густыми и грубыми, голоса женщин-пронзительными; руки

они делали жестокие и угрожающие жесты, хотя они также были грациозны, как это было естественно в их руках

те, чьи предки учили старых мастеров живописи всему, что они знали о

выразительное и гармоничное движение.

- Что это будет? - спросила Мисс. Триплоу. Похоже на прелюдию к убийству.

Мистер кардан улыбнулся и пожал плечами.

- Ничего, - сказал он. - Они просто называют его вором; вот и все. - Слушал

еще немного крика. - Похоже, это небольшое изменение веса. - Он улыбнулся

Мисс. Триплоу. - Мы уходим?

Они вернулись; звук обсуждения сопровождал их. Мисс. Триплоу не знал,

я должна быть благодарна мистеру кардану за то, что он больше ничего не сказал о своем друге в белом халате.

Этот человек такой простой… маленькая сахарная лопатка… так лучше, так “лучше”, чем мы… Наконец

она почти хотела, чтобы он что-то сказал. Молчание Мистера кардана было более ироничным, чем

что ваши слова.

Глава 6

Солнце садилось. На фоне зеленоватой вежливости неба выступали пурпурные голубоватые горы

зубчатые силуэты. Мистер кардан оказался один на равнине у подножия гор. Я стоял на

край Великой депрессии, наполненной водой до краев, которая, по-видимому, простиралась по прямой линии

на многие мили, теряя из виду смутное расстояние до луско-Фуско. Здесь и там ряд Осин

тонкие и высокие обозначали положение других каналов, подобных этому, разделяя равнину на все

направление. В поле зрения не было ни соседнего дома, ни человека, ни коровы, ни

осел. Вдалеке, на синих и пурпурных склонах, которые быстро превратились в глубокий индиго

и даже, маленькие желтые огни начали появляться, поодиночке или группами, свидетельствуя о присутствии

из деревни или с одинокой фермы. Раздраженный, мистер кардан смотрел; очень красиво, без сомнения,

но это уже становится лучшим сценарием на многих сценах музыкальных комедий. В конце концов, какое преимущество было в одном

свет в восьми или девяти километрах в горах, если бы он был там, посреди равнины, без

никого нет рядом, приближается ночь и эти ужасные каналы, мешающие вам найти свой путь

очевидно для цивилизации? Это был дурак, размышлял он три или четыре часа назад; глупо отказываться от предложения

Лилиан, чтобы использовать машину и предпочла ездить (Ах, это упражнение фетиш!); дурак за то, что вышел из дома

так поздно; дурак за то, что поверил итальянским оценкам расстояния; и дурак за то, что следовал указаниям

путь, предоставленный людьми, которые путали левый с правым и, если бы вы настаивали на том, чтобы знать

конечно, они предлагали сопровождать его, куда бы он ни пошел. Путь, по которому пошел Мистер кардан.

казалось, что он подошел к концу в водах этого канала; возможно,

это был самоубийственный путь. Озеро

Massaciuccoli должен быть где-то на другой стороне канала; но где? И как его пересечь?

Быстро потемнело. Через несколько минут солнце опустилось бы на восемнадцать градусов по линии горизонта и

это была бы полная ночь. Мистер кардан ругался, но ничего не было. Наконец, он решил, что

лучше всего было продолжать идти медленно и очень осторожно обходить канал в надежде, что

любое время добраться куда-нибудь. Тем временем было лучше укрепить себя, съев что-нибудь

и пить козелок. Он сел на траву и расстегнул куртку; искал в глубоких карманах рыбака,

внутри, и он показал сначала буханку хлеба, затем хороший кусок колбасы и, наконец, бутылку

красное вино. Мистер кардан всегда был готов к чрезвычайным ситуациям.

Хлеб был сухим, а колбаса приправлена большим количеством чеснока; но мистер кардан, который ничего не ел в

время чаепития, подавалось по желанию. С большим удовольствием еще пил. За короткое время он почувствовал себя более

в хорошем настроении. Это маленькие кресты, философски размышлял он, которые должны нести, когда

если вы готовы заработать немного денег. Если бы я мог пережить ту ночь, не попав в одну из тех,

каналы, я бы мало платил за казну. Больше всего его раздражали комары; он зажег

сигарета, пытаясь прогнать их на почтительное расстояние. Но

без особого успеха. Может быть,

они также были малариками. В этом болоте должна быть малярия; этого нельзя было знать. Быть

неприятно заканчивать дни периодическими лихорадками и увеличенной селезенкой. Как бы то ни было, это всегда

очень неприятно мучиться в постели или вне ее, естественно или неестественно, из-за акта Бога или

врагов короля. Мысли Мистера кардана начали приобретать мрачный характер. Старость,

болезнь, дряхлость; сидячая ванна, врач; эффектная и эффективная медсестра; долгая агония,

затрудненное дыхание, густая тьма, конец, а потом - как на самом деле выглядела эта детская песенка?

Больше работы для Гробовщика

Служение могильщику.

Экс очень занят на кладбище

Готовим совершенно новую могилу.

А зимой покойник будет поджарен.

Мистер кардан напевал тихим голосом. И его сильное, комковатое лицо затвердевало и кристаллизовалось.

озлобленное выражение лица; меланхолия вспыхнула в его глазах и на сморщенном лбу; любой, кто

Виссе будет страшно. Но в этом луско-Фуско не было никого, кто мог бы его увидеть. Он был один.

Экс очень занят на кладбище

Готовим совершенно новую могилу.

Он бормотал мелодию. Если бы я заболел, я подумал, Кто бы позаботился обо мне? Если бы у меня был

приступ: кровоизлияние в мозг, частичный паралич, трудности с речью; язык больше не артикулирует то, что

мозг думает; кормится как ребенок; клизма; врач потирает руки, которые пахнут

дезинфицирующее средство и одеколон; не видеть никого, кроме медсестры; нет друзей; или

только один раз в неделю в течение часа, только на благотворительность. “Бедный кардан, он уже в

конец; давайте пошлем доллар; у него ничего нет, понимаешь? Давайте сделаем сбор; какое расстройство! Быть

удивительно, что он продержался так долго.”

А зимой покойник будет поджарен.

Мелодия закончилась своего рода трубным криком, переходящим от доминанты к тонике-а

доминанта, три повторяющихся ударных, опускается до доминанты, а в последнем слоге “поджаренного” ударный

окончательный. И конец; ни да КАПО, ни второй части.

Мистер кардан сделал еще один глоток из горлышка; бутылка была почти пуста.

Может быть, я должен был жениться. Китти, например. Сегодня она была бы старой и толстой; или старая и худая,

плохо замаскированный скелет. И все же он влюбился в Китти. Может быть, было бы хорошо, если бы они были

женить. Ха-ха-ха! - в приступе сарказма мистер кардан громко и дико хихикает.

Жениться, правда! Без сомнения, она была очень скромной; но вы можете поспорить, что внутри она была довольно легкомысленной и,

переспав с ней, очень похотливая. Он вспоминал Китти с гневом и презрением. Умный

непристойности отражались в камерах его разума.

Он думал об артрите, подагре, катаракте, глухоте… В любом случае, сколько лет вам

останутся ли они? Десять, пятнадцать, двадцать максимум. И какие годы, какие годы!

Мистер кардан пролил бутылку и бросил ее пустой в темную воду канала. Вино не улучшилось

ни в чем не ваше настроение. Он умолял Бога вернуться во дворец и поговорить с ним. Не было

как постоять за себя. Я пытался придумать что-то более важное, более интересное; в спортивных залах,

например. Но вместо этого можно было увидеть болезнь,

дряхлость, смерть. Дава нет

даже если бы я думал о более серьезных, более рациональных вещах. Что такое искусство, например? Или что было

оценка выживаемости видов с глазами, крыльями и красочным оперением в зачаточном состоянии,

до того, как эти черты разовьются, чтобы видеть, летать и защищаться? Почему люди, которые

у них есть главный, но почти бесполезный вариант для достижения чего-то полезного они выжили дольше

более эффективно, чем те, кто пострадал от какой-либо инвалидности? Поглощающие темы. Застой

он размышлял о распространении безумия, но, к счастью, это не болезнь, для которой он был квалифицирован в

прошлое; к счастью и чудесным образом! Но исчисление, неврит, ожирение и диабет… О, небеса, как

хотел бы я поговорить с кем-нибудь!

И в тот же момент, как будто в немедленном ответе на его молитву, он услышал приближающиеся голоса

в темноте.

- Слава Богу, - сказал мистер кардан, и с прыжка начал ходить в сторону голосов. Две

силуэты, один мужской и выше, а другой женский и намного меньше, вырисовывались во тьме. Мистер.

Кардан вынул сигарету изо рта, снял шляпу и поклонился перед ними.

Nel meˆpo dei camrnin di nostra vita,

Mi ritrovaiper una selva oscura, che K diritta via era smarrita. f211

- С каким счастьем потерялся бы и Данте, шестьсот двадцать четыре года назад! В

резюме-продолжил мистер кардан-хоперсо la mia strada\ хотя у меня есть сомнения, что это

будьте очень идиоматичны. Forsepotrebbero darmi qualche указывает%ione.\ i2\

Столкнувшись с незнакомцами и услышав звук собственного голоса, вся его депрессия исчезла. Находиться

в восторге от необычайного направления, которое ему удалось придать разговору с самого начала. Может быть, немного

больше наивности, и я бы нашел повод поджарить их с маленьким Леопарди. Это было очень

весело преследовать этих туземцев.

Два силуэта стояли на небольшом расстоянии. Когда мистер кардан завершил свою

макарроника самопрезентация, самая громкая из них ответила грубым голосом, и для одного человека довольно

острый.

- Вам не нужно говорить по-итальянски. Мы англичане.

- Я в восторге — - возразил Мистер кардан. И подробно объяснил на своем родном языке, что

это случилось с ним. В то же время ему пришло в голову, что это было очень странное место для

найти пару английских туристов.

Резкий голос снова проявился.

- Есть дорога в Массаросу по сельской местности, - сказал он. - И еще один в противоположном направлении, который даст

на дороге Виареджо. Но ни один из них не легко найти ночью со всеми этими каналами.

- Погибнуть можно только при такой попытке, - галантно сказал мистер кардан.

На этот раз тот, кто говорил, был женщиной:

- Я думаю, вам лучше остаться на ночь в нашем доме. Он никогда не найдет свой путь. Я сама

я чуть не упал на канал только что. - Она пронзительно смеялась, а для мистера кардана - далеко за пределами

необходимый.

- Но есть ли у нас место? - спросил мужчина демонстративным тоном, что он не хотел

принять гостя.

— Конечно, у нас есть, — ответил женский голос, пораженный, как ребенок. - Хотя это

деревенский.

- Это не имеет значения, - заверил Мистер кардан. - Я очень благодарен за приглашение —

он добавил, давая понять, что принял его, прежде чем мужчина отступил. У меня не было желания остаться.

бродя по ночам посреди каналов. Кроме того, перспектива иметь компанию, хотя

странно, это было воодушевляюще. - Очень благодарен, - настаивал он.

- Ну, если вы говорите, что у нас есть место… - неохотно сказал мужчина.

- Конечно, да, - громко возразила женщина. - У нас в доме не шесть комнат? Или

будет ли семь? Пойдем с нами, сэр… господин…

- Кардан.

- Мистер Кардан. Мы едем туда. Как весело! - добавил он, повторяя смех

преувеличенный.

Мистер кардан сопровождал их, говоря самым приятным образом на протяжении всего пути.

Человек слушал в мрачной тишине. Но его сестра-мистер кардан узнал, что они братья и сестры, и что

их звали Эльвер-РИА в конце каждого предложения, как будто все, что он сказал, было славным

шутка; преувеличенно смеялся, а затем делал какие-то комментарии, которые показывали, что ничего не понимал.

я только что услышал. Г-н кардан заметил, что его предложения становятся все более элементарными; и

когда они почти добрались до места назначения, они были явно направлены на десятилетнего ребенка.

- Мы наконец-то прибыли, - сказала женщина, когда они вышли из темноты ночи в маленькой

осиновый лес. Впереди возвышался большой квадратный объем, дом был полностью темным, за исключением

одно освещенное окно.

Они постучали, и дверь открыла старуха со свечой в руке. Мистер кардан мог тогда

впервые увидеть своих спасителей. Что человек был высоким и худым, он уже понял в темноте.;

теперь оказалось, что это сгорбленное существо с глубокой грудью и около сорока лет; ноги и

руки были длинными и тонкими, как у паука; лицо узкое и желтоватое, с носом

длинный и удлиненный подбородок, он был освещен парой серых, незаметных глаз, которые почти все

время были обращены к земле, как будто боялись столкнуться с чужими. Мистер кардан

он заподозрил что-то клерикальное в своей внешности. Человек должен быть разрушенным пастухом-разрушенным и,

возможно, с учетом резкого взгляда, лишенного рясы. Он хорошо носил черный костюм-вырезанный и не слишком старый, но

свободный на коленях и выпуклый на уровне карманов пальто. Ноготь

от костистых больших рук были грязные, а коричневатые волосы уже закрывали уши и затылок.

Мисс. Эльвер, возможно, был на фут меньше своего брата; но это было похоже на природу

изначально он намеревался сделать ее такой же высокой, как и он. Потому что голова была слишком большой для

тело, а ноги очень короткие. Одно плечо было выше другого. Лицо в некотором роде

он напоминал брата. У него был тот же нос, хотя и более тонкий, тот же тонкий подбородок;

рот, в свою очередь, всегда был улыбчивым и милым, а большие карие глаза не были такими скрытными

ни недоверчивые, они, напротив, передавали уверенность, хотя у них был бледный, водянистый блеск и

они были не более выразительными, чем у новорожденного. Ее возраст, как предполагал Мистер кардан, будет

от двадцати восьми до тридцати лет. На ней было странное маленькое платье, как сумка с дырками для

голова и руки, сделанные из белой ткани с большими ярко-красными узорами, версия

дно китайских принтов. На шее две-три витка безвкусных бусинок. Сверх

из браслетов на руках она несла сумку, сделанную из переплетенных золотых цепочек.

Используя жесты, чтобы дополнить сокращенный словарный запас, мистер Элвер дал инструкции

старуха. Она оставила свечу с ним и ушла. Держа ее высоко,

мистер Элвер привел их в большую комнату.

Все сидели на жестких и неудобных стульях перед неосвещенным камином.

- В этом доме нет никакого комфорта, - сказала мисс. Элвер. - Мне не нравится Италия.

- Ора, - сказал мистер кардан, - это позор. Не любите даже Венецию? Все эти

лодки и гондолы? — И при встрече с детскими глазами захотелось продолжить игру. О

кот в кустах. Свинья на пне-жирная свинья. Крыса в мешке-слабая крыса. И так далее

впереди.

- Венеция? - спросила она. - Я там никогда не был.

- А Флоренция? Вам тоже не нравится Флоренция?

- Нет, я не знаю.

- Рим? Неаполь?

Мисс. Элвер отрицательно покачал головой.

- Единственное место, где мы когда — либо были, было здесь, - сказал он. - Все время.

Брат, который сидел, положив локти на колени, сложив руки спереди

и глаза устремились на землю, нарушила тишину.

- Дело в том, - сказал он своим грубым и тонким голосом, - что моей сестре нужно молчать; она в

лечение в покое.

- Здесь? - спросил Мистер кардан. - Не слишком ли жарко? Чрезмерно

модорренто?

- Да, мне тоже очень жарко, - сказала мисс. Элвер. - Я всегда говорю это Филиппу.

- Может быть, было бы лучше у моря или в горах, — посоветовал Мистер кардан. Мистер.

Эльвер отрицательно покачал головой.

— Врач… - загадочно сказал и не продолжил.

- А как насчет риска малярии?

- Это все чушь собачья, - отрезал мистер Элвер, с таким насилием и негодованием, что мистер кардан только

он мог предположить, что он хотел построить в своей собственности дом престарелых.

- О, Конечно, малярия уже ликвидирована, - мягко сказал мистер кардан. - Марема

это уже не то, что было.

Мистер Элвер ничего не сказал и, нахмурившись, смотрел неподвижно на землю.

Глава 7

Столовая также была большой и почти пустой. Четыре свечи горели над длинным узким столом;

на концах золотое свечение превратилось в бледно-луско-Фуско; тени были черными и

огромный. В этой среде г-н кардан представлял себя как Дон Жуан, входящий в погребальную камеру

командир на ужин.

Ужин был мрачным и в то же время чрезмерно оживленным. Пока сестра говорила и смеялась без

остановившись с гостем, мистер Элвер все время сохранял нерушимую тишину.

С тоской он подавал себе смешанную и раздробленную еду, которую старуха приносила с кухни,

еда за другой, в маленьких сосудах. Задумчиво тоже, как тот, кто пьет, чтобы дать

смелость и иллюзия силы сам он опорожнял бокал за бокалом крепкого красного вина. А

большую часть времени его глаза были прикованы к скатерти

перед тарелкой; но

время от времени я подглядывал за двумя другими, только на мгновение, а затем боялся быть

пойманный и столкнувшийся с чьими-то глазами, он снова пристально смотрел на полотенце.

Мистер кардан наслаждался ужином. Не то чтобы еда была особенной ум хороший. Старуха была одной

этих неумелых кулинаров, которые маскируют свои ограничения, заливая все соусом из

помидоры слегка приправлены чесноком, чтобы сделать маскировку непроницаемой. Нет, что мистер кардан

оценил это была компания. Давно не сидели за столом с такими интересными экземплярами.

Наш круг отношений, подумал он, чрезвычайно мал и ограничен. Мы не знаем много

ребята, наши отношения недостаточно разнообразны. Воры, миллионеры, придурки,

религиозные, готтентоты, морские капитаны, например; наше знакомство с этими очень интересными

экземпляры абсурдно малы. Ему казалось, что той ночью он действительно расширит свой круг.

- Я очень рада, что мы нашли вас — - говорила Мисс. Элвер. - В полном объеме

тьма; не представляешь, какой испуг я принял! - Она пронзительно засмеялась. — Нам очень скучно

сюда, Правда, Фил? - Она обратилась к брату, но мистер Элвер ничего не сказал, даже

посмотреть. - Это очень скучно. Я очень рад, что мы нашли вас.

- Не так сильно, как я — - галантно сказал мистер кардан.

Мисс. Эльвер обратился к нему застенчивым, но конфиденциальным взглядом; затем закрыл лицо руками,

как будто он прятался от мистера кардана и повернулся, чтобы заглушить смех. Она была красной.

Я смотрел на него сквозь пальцы и смеялся.

Мистеру кардану пришло в голову, что, если он не будет осторожен, он в конечном итоге попадет в случай поломки

брачные обязательства. Тактически сменил тему; спросил ее, что ему больше всего нравится

есть, и я узнал, что это клубника, мороженое с заварным кремом и разные шоколадные конфеты.

После того, как десерт был подан, мистер Элвер поднял глаза от полотенца и сказал:

- Грейс, пора спать.

Лицо Мисс. Эльвер, сияющий широкой улыбкой, мгновенно стал анувидированным.

Со слезящимися глазами она умоляла своего брата:

- Мне действительно нужно идти? Только на этот раз-я пытался его тронуть. - Только один раз!

Но мистер Элвер не позволил себе тронуться.

- Нет, нет, - резко сказал он. - Вам нужно идти.

Брат со слезами на глазах вздохнул. В тот же момент она встала и, послушно, направилась к

дверь. Почти добравшись туда, он остановился, развернулся и прибежал, чтобы пожелать мистеру кардану Спокойной ночи.

- Я рад, что встретил вас. Это было очень весело. Спокойной ночи. И не нужно смотреть на меня так

путь, - сказал он, снова закрыв лицо руками. - Не так. - Постоянно смеясь, она ушла

бегу из комнаты.

Наступило долгое молчание.

- Выпей немного вина, - наконец сказал мистер Элвер, толкая бутылку к мистеру кардану.

Он завершил свой стакан и вежливо сделал то же самое со своим хозяином. Вино: это была единственная

вещь, способная заставить этого зловещего демона говорить. С клиническим и профессиональным взглядом г-н.

Кардан обнаружил в выражении другого некоторые едва заметные симптомы пьянства. Не было бы

мистер кардан презрительно подумал, что ждать, чтобы такое

паукообразное существо ассимилировалось

ну алкоголь; пил непрерывно на протяжении всего ужина. Еще немного, и это было бы податливо, как

глина в руках трезвого следователя (мистер кардан мог хотя бы рассчитывать на трезвость

за еще три бутылки вина, вещь, которую бедное слабое существо, подобное этому, не могло вынести);

он говорил, говорил; единственная трудность-заставить его перестать говорить.

- Спасибо, - сказал мистер Элвер, поднося в рот наполненный стакан.

Так оно и есть, подумал г-н кардан; и в своем самом красноречивом стиле он начал рассказывать

история скульптуры брата бакалейщика и его собственного стремления найти ее, заканчивая

версия того, как она была потеряна, была еще более яркой, чем предыдущая.

- Утешай меня суеверием, - заключил он, - что судьба не поставит меня перед этими

мелкие неприятности и неудобства если бы я не хотел, в конце концов, поджарить меня чем-то очень ценным.

Я просто Плачу вперед; но я уверен, что делаю это за то, что действительно того стоит. В

в любом случае, эта охота за деньгами-даже проклятие.

Мистер Элвер кивнул.

- Это корень всех зол, - сказал он, опорожняя стакан.

Осторожно, мистер кардан снова наполнил его.

- Точно, - подтвердил он. - И двойное проклятие, если позволите мне сыграть роль порции для одного.

момент: проклятый-это то, что есть. Вы можете думать о ком-то из ваших отношений, кто действительно

богатый и который был бы не менее скупым, менее тиранным, любящим хорошую жизнь и тучным, если бы не платил налоги

высокие? А еще проклят тот, кого нет, потому что он обязан совершать всякие абсурды,

унижения и распад, вещи, которые я бы никогда не подумал совершить, если бы из живых изгородей выросли фрукты-хлеб,

достаточно бананов и винограда, чтобы еда и вино были бесплатными.

- Черт, это то, чего нет, это то, что происходит большую часть времени — - сказал мистер Элдер с

внезапная и дикая анимация. Очевидно, там была тема, которая его интересовала. На мгновение он

он внимательно посмотрел на Мистера кардана, а затем снова погрузил нос в стакан.

- Может быть, - рассудительно сказал мистер кардан. - В любом случае, люди жалуются

больше этого проклятия, чем другого. Те, у кого нет, жалуются на

саму Сину. Те, у кого нет

они делают это; но только те, кто рядом с ними… и, поскольку тех, у кого есть, мало, они тоже есть… быть

которые жалуются на проклятие иметь. В юности я принадлежал к обеим категориям. У меня был один раз; и

я вижу, что для моих товарищей я должен быть невыносим. Сегодня-мистер кардан дал глубокий

вздохнул и выдул воздух сквозь сжатые губы, чтобы показать, как исчезли деньги-сегодня

у меня больше нет. Проклятие наглости и алчности было снято с меня. Но к чему низкие уловки, к чему

унижения то, что меня не заставили! Например, обманывать крестьян за их имущество

художественный…

- Ах, но это почти ничего перед тем, что я должен был сделать, - крикнул мистер Элвер. - Это не так.

ничего! Вы никогда не были продавцом рекламы.

- Нет, - признался Мистер кардан, - я никогда не был.

- Тогда вы не знаете, что такое проклятие отсутствия. Ты даже не представляешь. У него даже нет

право говорить о проклятии. - Резкий и неустойчивый голос мистера Элвера менял свою интенсивность, когда

он говорил. - Вы не имеете права — - повторил он.

- Может, нет, - мягко сказал мистер кардан. Он воспользовался возможностью, чтобы налить больше вина

в чашке другого. Я думаю, никто не имеет права быть более несчастным, чем мы. Каждый из нас

это самое несчастное существо в мире. Так что это большая заслуга в нашу пользу, которую мы можем вынести

и действовать так же хорошо, как и мы.

- Послушайте, - конфиденциально продолжил мистер Элвер, пытаясь зафиксировать лицо мистера кардана —,

позвольте мне сказать вам. - Чтобы подчеркнуть то, что он сказал, и привлечь внимание другого, он наклонился к

вперед и ударил руками по столу. - Мой отец был пастором из сельской местности-возбужденный, он много говорил

быстрый. - Мы были очень бедны, очень бедны. Мой отец не заботился об этом; он читал

Данте все время. Это расстроило мою маму, я не знаю почему. Вы уже почувствовали запах еды

бедный? Копченый чоризо; я просто думаю, что меня тошнит, - сказал он, пожимая плечами. — Мы

нас было четверо детей. Мой брат был убит на войне, а моя старшая сестра умерла от гриппа.

Остались я и другая, которую знал Господь. - Он ударил пальцем по лбу. - Она никогда не росла, она осталась.

припаркован в какой-то момент. Он слабоумный. - Он засмеялся без всякого сострадания. - Не знаю почему

я говорю вам это. Это довольно очевидно, не так ли?

Мистер кардан ничего не сказал. Его хозяин уклонился от наполовину подмигивания, наполовину взгляда снизу

от бровей, укрепляясь с большим количеством вина из бокала, чем мгновение назад мистер кардан был

наполнять.

- Четверо детей, - продолжил он. - Вы можете себе представить, что это было нелегко для моего отца. И моя мама

он умер, когда мы были еще маленькими. Тем не менее, он нашел способ отправить нас в своего рода

довольно жалкая школа. Мы могли бы поступить в университет и приобрести определенную культуру. Но

ничего из этого не произошло. - Мистер Элвер, на которого начинало действовать вино, громко рассмеялся.,

как будто шутка была очень хорошей. - Тогда мой брат начал работать в инженерной фирме, и

было решено, Бог знает ценой каких жертв, что я стану адвокатом, когда, хлоп!,

мой отец стал жертвой сердечного приступа. Для него это было хорошо, он бродил по Парадизо. Но у меня было

что поймать первую работу, которая появилась. Именно тогда я стал продавцом рекламы. О Боже!

— Он закрыл лицо руками, словно убегая от неприятного зрелища. - Это настоящая

проклятие не иметь! Я работал в ежемесячном журнале, один из них с большим количеством

небольшие рекламные объявления для лечения расстройства желудка; электрических ремней для формирования тела; искусства

переписка; от “Зачем использовать нарукавные повязки?”; от лишнего отбеливателя для волос; от таблеток

которые округляют женские кривые; от проданных стиральных машин до рассрочки; от ” учись играть

фортепиано без практики”; из тридцати шести репродукций

обнаженной натуры Парижского салона за пять шиллингов; из лекарств

специально упакованные, строго конфиденциальные; и всего остального. Были сотни и сотни

небольшие объявления. Я проводил дни, просматривая магазины и офисы, уговаривая старых рекламодателей

и пытаюсь получить новые. Боже, как это было ужасно! Тащил меня, как червя, в комнату.

люди, которые не хотели меня видеть, для которых я был всего лишь неприятностью, настойчивым нищим

за деньгами. И как мне пришлось быть деликатным с наглыми подчиненными, укрепленными за

ваши столы, ожидая только возможность сыграть тирана! И доброта, прямота и

мужество, которое нужно было иметь все время! Использовать “позвольте мне показать вам, сэр” как удар

прямой и хорошо применяемый; убедительная честность, искренность и ложная близость всегда сохраняются

трудно заставить их поверить в то, что было сказано, увидеть старый журнал как предложение

они считают изобретателя рекламы величайшим благодетелем человеческой расы. И

присутствие, которое нужно было иметь! Я не знаю почему, этого я никогда не делал. Он даже не мог выглядеть чистым. Быть

необходимо произвести впечатление на этих демонов, выдав меня за компетентного и проницательного продавца.

О боже, это было ужасно! И то, как они относились ко мне! Как будто я был самым отвратительным раздражителем

мир, это было лучшее, на что я мог надеяться. Иногда они относились ко мне как к грабителю и мошеннику.

Это была моя вина, если определенное количество дураков не покупало оцинкованные ремни или нет

научитесь играть на пианино, как Бузони, без практики. Это была моя вина, и они начали ругаться и

атаковать, и я был добрым, деликатным, тактичным, все время сохраняя энтузиазм. О, Боже, ничего нет.

хуже, чем столкнуться с разгневанным человеком. Не знаю почему, но я нахожу это глубоко унизительным

участвуйте в драке, даже если вы агрессор. Собака будет чувствовать себя лучше. Но быть жертвой гнева

чужой становится ужасным. Просто ужасно, - повторил он, хлопая руками по столу, чтобы подчеркнуть

слова. - Я не создан для такого рода вещей. Я не сварливый и не хулиган. Эти сцены

меня тошнило. Я не спал, думая о них, либо потому, что они уже прошли, либо потому, что они все еще

они должны были случиться. Говорят о чувствах Достоевского, когда его вывели во двор казармы, связали

к столбу перед отрядом, выстроившимся в очередь на расстрел, и с уже завязанными глазами услышать известие о

что исполнение приостановлено. Уверяю вас, я переживал подобные переживания полдюжины раз

день, набравшись смелости, чтобы встретиться с каким-то неизбежным интервью, которое от одной мысли меня тошнило.

Для меня исполнение не могло быть отложено. Она обрабатывала себя до конца. Боже мой, сколько раз

я колебался перед дверью кабинета хулигана, мокрый от пота, боясь пересечь порог!

Сколько раз в последний момент я возвращался и бегал в бар в поисках бренди, чтобы успокоить

нервы или из аптеки на транквилизатор! Вы не можете себе представить, как я страдал. — Он

он опустошил стакан, пытаясь утопить растущий страх. - Никто не догадывается, - продолжил голос

дрожь от тоски и жалости к себе. - И то немногое, что я получил обратно! Ежедневно подвергался пыткам со стороны

привилегия быть способным жить. И я думал обо всем, что мог бы сделать, если бы у меня были деньги.

Я знал с абсолютной уверенностью, что если бы у меня было десять тысяч, я мог бы за два года превратить их в сто тысяч.

Планировал все до мелочей, точно знал, как бы прожил, если бы был богат, но тем временем

он жил в нищете, в грязи, в рабстве. Это настоящее проклятие. Это то, что я страдал. —

Охваченный вином и эмоциями, мистер Элвер разразился слезами.

Мистер кардан похлопал его по плечу. Это было слишком тактично, чтобы предложить своему хозяину

философское утешение, что девять десятых человеческого рода страдали от одного и того же страдания. Мистер Элвер

я бы никогда не простил его за размер принижая его оригинальность.

- Надо набраться смелости — - сказал г-н кардан и, закрыв руку вокруг стакана, предложил: —

Выпейте еще немного. Это пойдет вам на пользу.

Мистер Элвер выпил и вытер глаза.

— Но они однажды пожалеют обо всем этом, - сказал он, ударяя кулаком по столу

сомкнутый. Жестокое сострадание к себе предыдущего момента превратилось в ненависть в равной степени

насильственный. - Они заплатят мне за все эти страдания. Когда я стану богатым.

- Так говорят — - подбадривал его Мистер кардан.

- Тринадцать лет в этой жизни, - продолжил мистер Элвер. - И два с половиной года на войне, используя

униформа и заполнение форм в бревенчатой хижине в Лидсе. Но это было лучше, чем

бегите за рекламой. Тринадцать лет каторжных работ плюс пытки! Но они платят мне, они платят мне,

платят! - заключил он, ударив по столу.

— А пока, - сказал мистер кардан, - теперь кажется, что вы уже свободны от всего этого. Жить

здесь, в Италии, это признак этой свободы; по крайней мере, так я надеюсь.

Услышав это, гнев мистера Элвера на “их” мгновенно исчез. Его лицо приобрело

загадочное и хитрое выражение. Он улыбнулся претенциозно темным, скрытным, сатанинским образом;

улыбка, которая наверняка не останется незамеченной для самых внимательных глаз. Но сам мистер Элвер

он обнаружил, что в его пьянстве улыбка расширялась, становилась все шире и шире. Не то чтобы он

намеревался показать свои зубы, смеяться вслух или что это было очень смешно, что он думал

тайно. Это не было, даже если он был трезв. Но теперь мир, казалось, плавал в море,

игристое веселье. Более того, мышцы его лица, когда начался сатанинский смех, гудели-и они начали преобразовывать то, что должно было быть выражением самых мыслей.

непонятные и устрашающие Люцифера в вынужденном смехе мудака. Быстро мистер Элвер спрятался внутри

из стакана, надеясь, что сможет скрыть от своего гостя бунтарский смех. Вышел из него

давиться. Мистер кардан снова похлопал его по спине. Когда все прошло, мистер Элвер

он возобновил таинственную физиогномику и значительно покачал головой.

- Может быть, - сказал он сомнительно, не столько в ответ на все, что мистер кардан

я бы сказал об общих принципах, так сказать, но чтобы указать, что вся ситуация была, наконец,,

сомнительная, неясная и случайная, случайная целая цепочка будущих непредвиденных обстоятельств.

Любопытство мистера кардана вызвало зрелище этой странной пантомимы; завершено

чашка хозяина.

- Но если бы вы не освободились, как бы вы могли быть здесь… - Он почти

он добавил “в этом ужасном болоте”, но подумал об этом и сказал: — в Италии.

Другой покачал головой.

- Я вам скажу — - и снова сатанинский смех грозил расшириться до глупости.

Мистер кардан снова замолчал, удовлетворившись ожиданием. В физиономии мистера Элвера он

я мог видеть, что усилия по сохранению его секрета были невыносимо велики. Плод созрел в

подходящее время. Он ничего не сказал и задумчиво смотрел в один из темных углов камеры

морг, как будто он занят своими мыслями.

С загруженным лицом мистер Элвер наклонился над столом. Время от времени я пил глоток,

винный. Его настроение, переменчивое с пьянством, веселого стало глубоко меланхоличным. О

тишина, темнота, похороненно смягченная четырьмя мерцающими свечами, повлияла на его разум. О

то, что в предыдущий момент казалось большим анекдотом, теперь представлялось ему чем-то ужасающим.

Он чувствовал огромную потребность выпустить пар, переложить обязанности на другие плечи, выслушать

советы, которые подтвердили бы его собственное проклятие. Он украдкой шпионил за своим гостем. С чем

абстракция и дистанцирование фиксировал пустоту! В нем не было ни мысли, ни чувства

солидарность за бедного Филиппа Элвера. О, если бы он знал…

В конце концов он нарушил тишину.

- Скажи, - резко начал он, и в своем пьянстве ему показалось, что он демонстрирует невероятное

тонкость в вашем методе подхода к предмету. Вы верите в вивисекцию?

Мистер кардан был удивлен этим вопросом.

- Верю ли я? — повторять. - Я не знаю, как можно поверить в вивисекцию. Я нахожу это полезным, если это так

кто хочет знать.

- Вы не думаете, что это неправильно?

- Нет — - сказал мистер кардан.

- Думаете, не важно препарировать животных?

- Нет, если это служит какой-то полезной цели для человека.

- Вы не думаете, что животные имеют права? - мистер Элвер с ясностью и

упорство, которое для пьяницы даже удивило мистера кардана. Было ясно, что это был

тема, над которой долго размышлял мистер Элвер. - Как люди?

- Нет, - сказал мистер кардан, - я не из тех дураков, которые думают, что жизнь такая хорошая

что касается другого, просто потому, что это жизнь; кузнечик не стоит столько же, сколько собака или собака

это стоит столько же, сколько человек. Нужно признать иерархию существования.

Иерархия, это так, это

- Иерархия, - воскликнул мистер Элвер, обрадованный словом. —

именно это. Иерархия. Также среди людей?

- Да, конечно — - заявил мистер кардан. - Жизнь солдата, убившего Архимеда, не стоит

жизнь Архимеда. Это фундаментальная ошибка демократии и христианского гуманизма, предполагающая, что

так и быть. Хотя, конечно, - вдумчиво добавил он — - нет никаких оснований утверждать это,

за исключением инстинктивных предпочтений. Потому что, в конце концов, солдат мог быть хорошим отцом и

хороший муж, возможно, провел непрофессиональные части своей жизни, предлагая другую щеку и

выращивание двух травинок там, где раньше родился только один. Если, как Толстой, наши

предпочтения-это воспитание детей, предложение другой щеки и сельское хозяйство, поэтому мы можем сказать

что жизнь солдата стоит столько же, сколько жизнь Архимеда; гораздо больше даже, потому что Архимед был

просто геометр, который занимался линиями и углами, кривыми и поверхностями, а не добром и злом,

супружеские отношения и религия. Но, если, наоборот, предпочтения от одного штамма более

интеллектуал, поэтому можно подумать, как я: жизнь Архимеда стоит больше, чем жизнь нескольких миллиардов

из самых храбрых солдат. Но как насчет того, чтобы сказать, какая из точек зрения верна-мистер кардан

пожал плечами-приятель, это зависит от тебя.

Мистер Элвер, казалось, был разочарован безрезультатной обходной речью вашего гостя.

— И все же, — настаивал он, - очевидно, что мудрец стоит больше, чем мудак. Есть

иерархия.

- Ну, лично я бы сказал Да — - согласился мистер кардан. - Но я не могу говорить за

другой. - Он понял, что увлекся удовольствиями спекуляций, и сказал то, что его

хозяин не хотел слушать. Почти для всех мужчин, даже если они трезвые, ожидание

мнение-это нечто необычайно неприятное. И Мистер Элвер был далек от трезвости; кроме того,

мистер кардан начинал подозревать, что этот философский разговор был коварным введением в

личная уверенность. Когда кто-то хотел довериться, он должен был согласиться с возможными

мнения доверенного лица. Это было очевидно.

- Отлично, - сказал мистер Элвер. - Тогда признай, что умный человек стоит больше, чем один

мудак, слабоумный; ха, ха, слабоумный… - Этими словами он рассмеялся

жестокий и дикий, который по мере того, как он продолжался, превращался в судорожный плач и

неудержимый.

Со стула, на котором я сидел, скрестив ноги, пальцы одной руки барабанили

осторожно в чашке, а другой манипулируя сигаретой, мистер кардан видел, как текут слезы

по лицам хозяина, его худое и искаженное лицо почти неузнаваемо смехом и рыданиями

поочередно он бросился на стул, закрыв лицо руками, а затем упал на стол лбом

опираясь на скрещенные руки, остальная часть тела потрясена неконтролируемыми спазмами.

Очень противно, подумал Мистер кардан, он очень противный парень. Затем он начал иметь

смутное представление о том, что не так с вашим другом. Достаточно было перевести “умный человек ” и ” слабый

” я “и” моя сестра “-в общем, всегда следует преобразовывать то, что существует, из философского в

речь любого человека к частному и личному, если кто-то хочет понять это — и интерпретировать в терминах

то, что он сказал о вивисекции, правах животных и человеческой иерархии, и придет через

расшифровка шифра, к чему? О чем-то, что казалось чрезвычайно неблагородным, подумал Мистер кардан.

- Полагаю, тогда — - очень спокойно сказал он, когда другой проявил себя больше

восстановленный-пусть ваша сестра будет владельцем денег.

Мистер Элвер посмотрел на него с почти встревоженным удивленным выражением лица. Затем он уклонился от взгляда

фиксированный г-н Gimbal, ища убежище в своей чашке.

- Да — - сказал он после выпивки. - Как вы догадались?

Мистер кардан поднял плечи.

— Случайно.

— После смерти моего отца, - начал объяснять мистер Элвер, - она переехала к

крестная мать, владелица самого большого дома в этом районе. Это была очень плохая старуха. Но он принял Грейс и усыновил ее.

Когда старая курица умерла в начале этого года, Грейс узнала, что она оставила ей двадцать и

пять тысяч фунтов.

Единственным комментарием мистера кардана было щелкнуть языком по крыше рта и поднять брови.

- Двадцать пять тысяч — - повторил другой. - Для слабоумной, мудак! Что она собирается делать

со всем этим?

- Вы можете привезти вас в Италию, - предложил мистер кардан.

— О, Конечно, мы можем очень хорошо жить на доходы от этих денег, - сказал г-н.

Элвер с презрением — но когда я думаю о том, как можно умножить этот капитал… — Он

он наклонился, взволнованный, на несколько мгновений опустив глаза на лицо мистера кардана, но отклонил их

затем и прикрепляя их к одной из пуговиц на куртке вашего гостя, откуда он иногда их

он поднимался для быстрой разведки и вскоре возвращался. - Я уже все спланировал, послушайте. - Начал

говорить так быстро, что его слова натыкались друг на друга, становясь почти бессвязными. — О

торговый цикл, понимаете? Я могу точно предсказать, что может произойти в любой момент.

Например… - И начал бродить, делая серию сложных объяснений.

- Ну, если вы во всем так уверены — - сказал г-н кардан, когда другой пришел к выводу, - почему

разве вы не убеждаете свою сестру одолжить вам деньги?

- Почему? - уныло повторил мистер Элвер, снова прислонившись к стулу. - Потому что

проклятая старуха поймала все деньги. Его нельзя трогать.

- Возможно, она не доверяла торговому циклу, - предложил мистер кардан.

- Черт побери! - горячо воскликнул другой. - Когда я думаю о том,

что я мог бы сделать с

эти деньги, умножить его гораздо больше… Наука, искусство…

— Не говоря уже о мести своим старым знакомым,-сказал г-н кардан, отрезая его. - уже

Вы тоже об этом думали?

— Я думал обо всем, - сказал мистер Элвер. - Месть не может быть более ужасной. И эта чертова

ведьма отдает деньги слабоумной женщине, и, кроме того, это лишает меня возможности прикоснуться к ней. - Ваши зубы

они скрипели от ненависти и отчаяния.

— Но если твоя сестра умрет незамужней, деньги будут твоими.

Другой кивнул.

- Это сам иерархический вопрос, - заключил Мистер кардан. В погребальной камере был сделан

продолжительное молчание.

Мистер Элвер достиг последней стадии опьянения. Начал чувствовать себя слабым, глубоко

уставший, измученный. Гнев, веселье, чувство сатанинской силы — все исчезло. Он остался

только желание лечь спать как можно скорее; в то же время я сомневался, что смогу

добраться туда. Он закрыл глаза.

Мистер кардан с научной точки зрения наблюдал за слабой, мокрой фигурой своими экспертными глазами.

Было ясно, что это существо больше ничего не сделает; оно достигло состояния, когда не могло думать о другом

вещь, кроме нарастающей тошноты. Пришло время сменить тактику. Он наклонился вперед и,

два или три раза похлопав хозяина по руке, он нанес прямую атаку.

- Значит, вы привели сюда бедную девушку, чтобы избавиться от нее?

Мистер Элвер тяжело приоткрыл веки и устремил измученный взгляд на неумолимого

гонитель. Его лицо было в ярости. Он повернул голову.

- Нет, нет, нет, - голос растворялся в неустойчивом шепоте.

- Не так ли? - с презрением отозвался мистер кардан. - Но это очевидно! Это все, что я слышал от

его рот за последние полчаса.

Мистер Элвер продолжал бормотать:

- Нет, нет…

Мистер кардан проигнорировал это отрицание.

- И как ты собираешься это делать? Что бы вы ни выбрали, это всегда рискованно; и я бы не сказал, что

Господь особенно храбрый человек. Как? Как?

Другой покачал головой.

Мышьяк? - настоял мистер кардан. Кинжал? Нет, у вас не хватило бы на это сил.

Или вы хотите, чтобы она попала в один из этих удобных каналов?

- Нет, нет. Нет!

- Но я настаиваю на том, чтобы вы мне сказали — - резко сказал г-н кардан, стуча по столу;

отражения свечей в бокалах, наполненных вином, даже дрожали и раскачивались.

Мистер Элвер плакал с лицом между рук.

- Господь тиранический, - рыдал он, - как и все остальные.

- Давай, - возразил Мистер кардан. - Не воспринимай все так серьезно. Мне жаль, что я

скучаю по Господу. Не стоит думать, - добавил он, - что у меня есть вульгарные предубеждения против

эти вещи. Далеко не так. Я не буду использовать ваши слова

против Господа. Я просто спрашиваю тебя о чистом

любопытство. Это чистое любопытство. Давай, давай! Выпейте еще немного вина.

Мистеру Элверу было ужасно плохо, что он мог думать о вине, не испытывая отвращения.

Он отступил, все тело вздрогнуло.

- Я не собираюсь ничего делать, - пробормотал он. - Я просто надеюсь, что это произойдет.

Вы просто надеетесь, что это произойдет? Вы, должно быть, очень доверчивый человек, — сказал мистер кардан.

Вы в Данте, вы знаете. Мой отец воспитал меня с Данте; и я, кто был ужас все

то… - добавил он, как будто это касторовое масло. - Но эти вещи в конечном итоге остались

внутри меня. Помнишь женщину, рассказывающую, как она умерла? “Siena mi fe; disfecemi Maremma” ”] 23]

муж запирает ее в замке на болотах, а она умирает от лихорадки? Помнишь?

Мистер кардан утвердительно покачал головой.

- Это идея. Я принимаю хинин; с тех пор, как я приехал, я принимаю десять граммов в день; на всякий случай.

Но, похоже, здесь больше нет малярии. Мы приехали девять недель назад.

- И ничего не произошло! - Мистер кардан откинулся на спинку стула, испустив смех. —

Что ж, мораль этой истории такова, - добавил он, отдышавшись и сумев говорить: - как

местные власти Moderna!

Но мистер Элвер не понял шутки. Он встал, пошатываясь со стула, и опирался на

стол.

- Не могли бы вы помочь мне в комнату? - он слабо просил. - Я не очень хорошо себя чувствую.

Мистер кардан первым помог ему добраться до сада.

- Вы должны научиться пить свое вино более безопасно, - сказал он, когда худшее прошло. —

Это другая мораль ночи.

Уложив хозяина в постель, г-н кардан пошел в указанную ему комнату и

раздевать. Он долго не спал. Частично комары, частично их собственные мысли

они были ответственны за бессонницу.

Глава 8

На следующее утро мистер кардан спустился рано. Первое, что он увидел, это мисс. Эльвер, в саду

пустынно перед домом. Она была одета в тунику, вырезанную по тем же линиям, что и модель сумки, которую она носила

накануне вечером, но из эффектной ткани с большими принтами, которая, казалось, больше всего предназначена для

подушки кресел и диванов, чем для человеческой фигуры. Бусы на его шее были больше

больше и ярче, чем предыдущие, и она несла цветочный Шелковый зонтик.

Выйдя из дома, мистер кардан поймал ее за то, что она привязала веточку ромашек к заднице

большая болотная собака, которая стояла с открытым ртом, висящим розовым языком и

большие карие глаза устремились на горизонт и, казалось, медитировали, ожидая, пока мисс мармелад не придет в себя. Элвер

завершите операцию. Но она была очень медлительной и неуклюжей. Пальцы ее коренастой маленькой руки

казалось, что процесс завязывания петли на полоске ткани чрезвычайно сложен. Время или

другой собака поворачивала голову назад, чтобы узнать, что происходит на последнем конце

его анатомия. Казалось, что она также не возмущается свободами, которые Мисс Марвел делает. Эльвер взял с собой

хвост, потому что он оставался тихим и смиренным, ожидая. Мистер кардан думал об огромной терпимости

демонстрируется собаками и кошками перед самыми злыми детьми. Может быть, во вспышке интуиции

мистер бергсониан, зверь понимал детскую сущность характера Мисс Бергсон. Элвер и признали

ребенок, замаскированный под взрослую женщину. “Собаки-хорошие бергсонианцы”, - подумал Мистер кардан. Человечество,

с другой стороны, они более кантианские. Он медленно подошел.

Мисс. Эльверу наконец удалось сделать петлю, которую он намеревался; белый хвост собаки

он заканчивался букетом белых цветов. Она поднялась и восхищалась его ручным трудом.

- Готово, - сказал он наконец, обращаясь к животному. - Теперь вы можете идти. Ты прекрасно выглядишь.

Собака поняла порядок и вышла рысью и виляя украшенным хвостом.

Мистер кардан сделал шаг вперед.

- “Элегантный, но не преувеличенный“, — процитировал он, -” изящный, но не дорогой, как собака

садовник с нарциссом, прикрепленным к хвосту.“Доброе утро, - сказал он, снимая шляпу.

Но Мисс. Элвер не ответил на приветствие. Застигнутая врасплох, она остановилась окаменевшей, пристегнув его

с широко раскрытыми глазами и открытым ртом, слушая, как он говорит. “Доброе утро” мистера кардана, единственные

слова, которые она действительно поняла, чары неподвижности распались. Она взорвалась смехом,

нервничал, пряча лицо между рук-только на мгновение-а потом

повернулся и начал

бегая, неуклюжая, как животное, движущееся в элементе, который не является ее собственным, и укрылась за

кусты в конце сада. Увидев, как она бежит, собака пошла за ней, радостно лая. Один

Маргарита оторвалась от хвоста и упала на землю, затем еще одна. За короткое время не было

цветок или ремешок, который их связывал.

Медленно, очень осторожно, словно окружая загнанную в угол птицу, и с воздухом

спокойный от тех, кто сосредоточен на чем угодно, кроме погони, мистер кардан отправился на поиски Мисс.

Элвер. Сквозь листья куста он мельком увидел эффектные цвета туники; иногда с бесконечностью

осмотрительность и, очевидно, уверенная, что он ее не видит, она заглядывала по бокам куста. Подпрыгивая на

возвращаясь к ней, собака продолжала лаять.

В нескольких метрах от укрытия мистер кардан остановился.

- Приди, - пытался уговорить ее уговорами, - почему она так напугана? Посмотри на меня. Я

я не кусаюсь. Я даже довольно кроткий.

Листья куста взмахнули; из-за него раздался нервный хихиканье.

- Я тоже не лаю, как этот глупый пес — - продолжил мистер кардан. — Вдруг

я хочу прикрепить цветы к своему хвосту, у меня никогда не будет плохих способов избавиться от них в первые несколько лет.

минут, как это грубое животное.

Больше хихиканья.

- Вы не уйдете оттуда?

Нет ответа.

- Хорошо, тогда — - сказал мистер кардан тоном, которому очень больно. —

прощание. - Он отступил на несколько шагов и пошел по тропинке слева, ведущей к воротам; он уже шел

две трети пути, когда он услышал звук приближающихся шагов. Продолжалось, как будто ничего не было.

ухо. Он почувствовал прикосновение к своей руке.

- Не уходи, пожалуйста — - умоляла ее мисс. Элвер. Он оглянулся, как будто взял

испуг. - Я больше не буду прятаться. Но не смотри на меня так.

- Как на нее смотреть?

Мисс. Элвер поднял руку перед лицом и повернулся.

- Как я не знаю, что.

Мистер кардан подумал, что прекрасно понял, и решил сменить тему.

- Ну, если ты обещаешь больше не прятаться, — сказал он, - я не уйду.

Физиономия Мисс. Эльвер сиял удовольствием и благодарностью.

- Спасибо, - сказала она. - Хотите увидеть цыплят? Они остаются там.

Они пошли. Мистер кардан восхищался птицами.

- Любите животных? - спросил ее.

- Я так думаю — - сказала мисс. Элвер, встревоженная, утвердительно двигает головой.

- У тебя когда-нибудь был попугай?

— Не.

- Обезьяна?

Она покачала головой.

- Ни Шетландского пони? - спросил Мистер кардан, как будто он был удивлен.

Голос мисс. Элвер дрожала, когда снова сказала “нет”. Думая обо всех вещах

очаровательные, которых у нее никогда не было, слезы поднялись на ее глаза.

- В моем доме — - сказал г-н кардан, материализуя заколдованные замки тем же самым

легкость, что Аладдин-есть сотни животных. Я дам вам немного, когда пойду туда.

Лицо Мисс. Элвер снова сиял.

- Правда? - сказала она. - О, это будет чудесно, чудесно! У тебя тоже есть медведи?

- Думаю, пару, - скромно сказал мистер кардан.

— Хорошо… - Мисс. И лвер смотрел на него яркими глазами, открытыми по максимуму. Вдохновлять

глубоко и очень медленно выпускал воздух. - Это должен быть очень красивый дом — - добавил он, поворачиваясь-если и

медленно качает головой при каждом слове. - Очень красивая. Это все, что я могу сказать.

- Ты собираешься навестить меня? - спросил Мистер кардан.

- Думаю, да, - ответила Мисс. Элвер, решительная, снова смотрит на него. Тогда

он внезапно покраснел и поднял руки. - Нет, нет, - возразил он.

- А почему нет?

Она покачала головой.

- Не знаю почему, - и начал смеяться.

- Помните медведей — - сказал мистер кардан.

- Да, но… - она не закончила предложение. Старуха подошла к задней двери и позвонила в колокол

завтрак. Неуклюжая, как птица-ныряльщик, идущая по суше, Мисс Марвел. Элвер

он поспешно направился к дому. Ее спутник последовал за ней медленнее. В столовой,

менее мрачный в утреннем свете, кофе был подан. Мистер кардан нашел свою хозяйку уже за столом,

питаясь страстно, как будто от этого зависит ваша жизнь.

- Я голодна, - объяснила она с полным ртом. - Фил опаздывает.

- Ну, меня это не удивляет,-сказал мистер кардан, садясь и разворачивая салфетку.

Когда появился мистер Элвер, его фигура была фигурой священника, столь явно лишенного привычки,

настолько прискорбно любящий и сломленный, что мистер кардан чуть не пожалел его.

- Ничего похожего на крепкий кофе, - взволнованно сказал он, наполняя чашку хозяина.

Мистер Элвер просто смотрел, слишком слабый и меланхоличный, чтобы говорить. Долгое время он оставался неподвижным

на своем стуле, не имея силы даже протянуть руку и поднять чашку.

- Почему бы тебе не поесть, Фил? - спросила сестра, уже обезглавив второе яйцо. - В общем вы

съешь немного.

Раздраженный, как будто его оскорбили, он держал чашку и подносил ее ко рту. Он даже взял один

тост и посыпать его маслом, но не смог съесть.

В половине десятого Мистер кардан вышел из дома. Он сказал своему хозяину, что пойдет за своей скульптурой и

утешил Мисс. Элвер, который, увидев, как он надевает шляпу и берет трость, начал хныкать,

пообещав ему, что он вернется к обеду. Следуя указаниям старухи, мистер кардан скоро

он прибыл на берег озера Массачукколи. Примерно в полутора километрах дальше по берегу

напротив, он мог видеть группу розовых и белых домов деревни, где, как он знал, брат

бакалейщик жил и хранил свое сокровище. Но вместо того, чтобы следовать туда, мистер кардан зажег

сигарету и лег на траву у дороги. День был ясным и ярким. Над горами

на синем фоне висели большие облака, твердые и массивные, как будто они были высечены в

мрамор, выглядящий почти более твердым, чем сами горы под ним. Ветерок завивал

голубоватая вода, напоминающая звук моря на расстоянии. Посреди этого пейзажа мистер кардан курил

вдумчиво его сигарету, распространяя в воздухе уносимый ветром дым.

Двадцать пять тысяч фунтов, думал он. Семипроцентные инвестиции в венгерский кредит окупятся

семьсот пятьдесят в год. Живя в Италии, они сдались бы еще больше; они бы считали себя

богатый человек. Красивый дом в Сиене, или Перудже, или Болонье — Болонье, решил, будет лучше; ничего, если

по сравнению с болонской едой. Автомобиль-отдал бы, чтобы купить хорошую машину. Много книг, отличные

люди для общения, комфортные экскурсии по Европе. И тихая

старость; ужасы

дряхлость в нищете они определенно были бы в стороне. Единственным недостатком является то, что женщина с

кто бы ни женился, был идиотом. Но с другой стороны, она, очевидно, была бы очень преданной; она бы сделала все возможное

может, чтобы угодить. И сделать ее счастливой было бы несложно; достаточно было позволить ей завести медведя

прирученный. На самом деле, мистер кардан был уверен, что это был единственный шанс на счастье для бедняги.

существо. Если она останется со своим братом, он скорее найдет замену неэффективным анофелям

или позже. Если он попадет в руки авантюриста, велики шансы, что он будет намного больше

негодяй, чем Том кардан. На самом деле, думал г-н кардан, он мог бы отлично, на вопрос

по необходимости и ради самой девушки жениться на ней. Это была бы отличная возможность для

романтические духи, как у Лилиан Олдвинкл. Для них он был бы храбрым спасителем, Персеем,

рыцарский Святой Георгий. Менее восторженные души будут рассматривать только двадцать пять тысяч

фунты и смеялись. Пусть смеются! В конце концов, г-н кардан спросил себя, на один смех больше или меньше, какая разница

будет ли? Нет, настоящая проблема, настоящая трудность была в нем самом. Может ли это сделать? Не было бы, от

в каком-то смысле невыносимо-идиот? Не было бы… слишком русский? Слишком ставрогински?

На самом деле его мотивы отличались от русских. Он женится на придурке по

комфорт и для спокойной старости — и не для того, чтобы укрепить свои моральные волокна через трудное

упражнение, а не с сладострастной надеждой материализовать новые изысканные угрызения совести и раскаяния, или

с религиозной надеждой на развитие высшего сознания через низшую жизнь.

Но, с другой стороны, ничто не могло гарантировать, что жизнь на самом деле полностью уступает; и он

это не могло предотвратить появление чужих сомнений в его сознании. Семьсот пятьдесят фунтов

будет ли ежегодная компенсация достаточной?

Еще час г-н кардан оставался там, куря и созерцая озеро, эфирные

горы, мраморные облака, слушая ветер, стучащий по листьям, и случайные звуки жизни;

все время он размышлял. В конце концов, он решил, что семьсот пятьдесят тысяч или даже доход

меньше, если бы он инвестировал во что-то более безопасное, чем кредиты, это было бы достаточной компенсацией. Привести

вперед ваш план. Мистер кардан встал, выбросил то, что осталось от его второй сигареты, и,

медленно, он пошел по дороге домой. Приближаясь к небольшой плантации тополей, Мисс киллерман, кажется, не знает, что делать. Эльвер, который

ждал его возвращения, побежал к воротам, чтобы найти его. Эффектные цвета туники

они вспыхнули, когда она прошла сквозь тень дома и вошла в солнечный свет; бусины вспыхнули.

Крича от волнения и смеясь, она побежала. Мистер кардан наблюдал за ней. Через жуткие бакланы

покачивая головой из стороны в сторону. Через пингвинов, размахивающих короткими крылышками и бегающих без

любое достоинство на маленьких ножках. Видел стервятников с распростертыми крыльями, хромающих и прыгающих

ноги вместе на земле. Все эти видения всплыли у нее в голове, когда она наблюдала за приближением Мисс Марвел. Элвер.

Он издал глубокий вздох.

- Рад, что вернулся, - закричала она почти задыхаясь. - Я очень боялась, что я уйду.

- Искренне пожала ему руку и посмотрела ему в глаза. Он не забыл про обезьян и

шетландские пони, не так ли? - с тревогой добавила она.

— Конечно, нет, - ответил Г-Н кардан, улыбаясь, и галантно добавил: - Как

не могли бы вы забыть все, что делает вас счастливыми? - взял ее за руку и, кланяясь, поцеловал.

Мисс. Элвер покраснела, а затем ее лицо жутко побледнело. Его дыхание стало

ускоренный и неустойчивый. Она закрыла глаза. Его тело было пересечено дрожью, а ноги

они ослабли: казалось, что он падает. Мистер кардан держал ее за руку и помог ей закрепиться.

Он думал, что это будет хуже, чем он предполагал; более ставрогинеско. Обморок только потому, что он поцеловал ее

рука-и поцеловала ее почти с иронией-было слишком много. Но вполне вероятно, подумал он, что ничего подобного

случалось с ней раньше. Сколько людей, по крайней мере,

сказали бы вам слово? Быть

понятный.

— Мой ребенок, честно говоря, - он слегка сжал ее руку. -Возьми себя в руки. Если

продолжая эти обмороки, я никогда не смогу оставить ее рядом с медведем. Пойдем, пойдем со мной.

Однако сам факт понимания чего-либо не способен изменить его ни во что. Остается

это было, когда это еще не было понято. Семьсот пятьдесят фунтов в год-но

стоимость, ему казалось, что суммы будет недостаточно.

Мисс. Элвер открыл глаза. Из них возникло это тревожное и несчастное выражение

ребенок для своей матери, когда он думает, что его бросят. Мистер кардан не чувствовал бы большего раскаяния

если бы я совершил убийство.

А как насчет всех слабостей, всех пороков?

Том кардан, все было твоим.

Точно так же были определенные вещи, практика которых давала ощущение совершения

зверство. Однако нужно было думать о семисот пятидесяти фунтах; в старости, в одиночестве и в

нищета.

Мистер кардан оставил Мисс. Эльвер резвился в саду и вошел в дом. Нашел брата

сидя за закрытой ставней, в серой полутени, положив голову на руки.

- Вы чувствуете себя лучше? - спросил Г-Н кардан; не получив ответа, начал считать

долгая история о том, как она искала брата бакалейщика и в конце концов обнаружила, что его нет и только

я вернусь на следующий день. - Так что, надеюсь, вы не против — - заключил он, - если я злоупотребляю его

гостеприимство для большего Сегодня вечером. Ваша сестра очень любезно сказала мне остаться.

Мистер Элвер направил на него сосредоточенный презрительный взгляд и затем отвернул его. Я ничего не сказал.

Мистер кардан поднял стул и сел.

- Там очень интересная книжка, - сказал он, глядя на своего хозяина с видом

мерцающая веселость-некоего У. Х. С. Джонса, который называет себя малярией: фактор в истории Греции и

из Рима или что-то в этом роде. Он показывает, как болезнь может внезапно поражать регионы к тому времени

и в течение нескольких поколений уничтожить целую культуру или могущественную империю.

И наоборот, он также показывает, как от него можно избавиться; базовая санобработка, хинин, экраны

проволока… - Другой шевелился в кресле, но мистер кардан продолжал безжалостно. Когда он коснулся

звоните на обед, он говорил с мистером Элвером о том, как только желтая опасность может быть

навсегда прочь.

- Во-первых, - сказал он, положив указательный палец правой руки на большой палец левой руки, - это

мне нужно внедрить малярию в Японию. Япония пока невосприимчива; это гигантский скандал.

Это начинается с исправления этой ошибки. И, во-вторых, он переключился на следующий палец — вы должны увидеть, что

у китайцев нет шансов ликвидировать болезнь в своей стране. Четыреста миллионов китайцев

с малярией среди желтых рас, - сказал мистер кардан, вставая со стула. - Причина в

какой хороший европеец должен посвятить себя выгодно. Господь, Который так интересуется этим вопросом,

мистер Элвер, я не мог найти ничего лучше. Пойдем пообедаем?

Мистер Элвер встал, пошатываясь.

— У меня огромный аппетит — - продолжил мистер кардан, похлопывая себя по спине

сгорбились друг от друга. Надеюсь, он тоже голоден.

Мистер Элвер наконец нарушил свое молчание.

- Ты проклятый тиран, - прошептал он в порыве презрения и бесполезного гнева, -

проклятый, вонючий тиран.

- Давай, давай, - сказал мистер кардан. - Протестую против “вонючего”.

Глава 9

Очень рано утром мистер кардан и Мисс Дж. Элвер вышел из дома и быстро направился к

поля к озеру. Старухе сказали, что опоздают на кофе. Мистер Элвер еще не

он встал; мистер кардан оставил инструкции, чтобы его не разбудили до половины девятого.

Когда они вышли, Земля все еще была влажной от росы; осины отбрасывали тени очень сильно

больше, чем его фактический размер. Воздух был свежим, и гулять было приятно. Мистер кардан держал

марш со скоростью четыре километра в час; и как гагара из воды, как птица

на больших высотах, вынужденных ходить по земле, Мисс Марвел. Эльвер бежал рядом с ним, спотыкаясь и катясь,

как будто она опиралась не на ноги, а на набор эксцентриковых колес разных

диаметр. Его лицо сияло от счастья; время от времени он смотрел на мистера кардана с

застенчивое поклонение, и если бы они случайно пересекли взгляд, она краснела, поворачивала лицо и смеялась. Мистер кардан

я был почти ошеломлен степенью его успеха и легкостью, с которой он его достиг. Он мог

чтобы сделать существо рабом, вы могли бы держать его запертым в клетке для кроликов, и до тех пор, пока он

появляясь время от времени, чтобы поклоняться, она была бы совершенно счастлива. Эти мысли

они навлекли на Мистера кардана странную вину.

- Когда мы поженимся, - вдруг сказала мисс. Элвер, у нас могут быть дети?

Мистер кардан почти зловеще улыбнулся.

- Проблема с детьми, - сказал он, - в том, что медведи смогут их съесть. Никогда не может иметь

уверен с ними. Помните медведей Илии и этих плохих детей?

Мисс. Элвер задумалась. И молчал все остальное время.

Они добрались до озера, очень спокойного и яркого в бледном утреннем свете. Мисс. Элвер хлопнул в ладоши

на ветру, от удовольствия; на мгновение он забыл обо всех своих заботах. Роковой

несовместимость медведей и детей перестала ее беспокоить.

- Какая чудесная вода! - крикнул; опустившись, взял с земли камешек и бросил его в озеро.

Но мистер кардан не позволил ей задержаться.

- Времени терять нельзя, - сказал он, взяв ее за руку и торопя.

- Куда мы идем? - спросила Мисс. Элвер.

Он указал на деревню на пляже дальше.

- Оттуда возьмем Тилбури или повозку.

Перспектива путешествия на одном из них заставила Мисс Марвел отправиться в путешествие. Элвер полностью соответствовал тому,

чтобы так быстро отойти от озера.

- Это будет замечательно! - заявил он и так поспешил, что мистеру кардану пришлось бежать.

догнать ее.

Пока готовилась маленькая карета, а лошадь, запряженная-не спеша

ни один, как это делается в Италии, со всем достоинством и спокойствием — г-н кардан был

навестить брата бакалейщика. Теперь, когда я попал туда, было бы глупо упустить возможность увидеть

сокровище. Брат бакалейщика сам был бакалейщиком, и настолько похож на другого, что мистер.

Кардан пришел к выводу, что простой и добродетельный горный друг Мисс Дж. Триплоу был человеком с

кто сейчас разговаривал на равнине. После того, как все объяснено, бакалейщик поклонился, развалился

в улыбках и подул ацетилен в лицо мистеру кардану, как это сделал его брат. Подробно обсудил

о красоте и древности своего сокровища, и когда мистер кардан умолял вас поторопиться и

вскоре после того, как он показал скульптуру, он не удосужился прервать ее и продолжил описывать ее

лиризм, неустанно повторяя одни и те же фразы, жестикулируя, пока не начнет потеть. Наконец, когда

он считал, что мистер кардан был убежден и в состоянии предварительного энтузиазма бакалейщик

он открыл заднюю дверь магазина и таинственным образом пригласил посетителя сопровождать его. Они пересекли

темный коридор, они прошли через кухню, заполненную детьми, в которых нужно было быть осторожным

чтобы не споткнуться, они вышли в небольшой двор и добрались до маленькой комнаты сзади. Бакалейщик

я шел впереди, все время ходил на цыпочках и говорил тихим голосом-мистер кардан не мог

представьте, почему, если вы не хотите произвести на него впечатление глубокой важностью этого факта,

предположить, что художественным произведением такой красоты и древности можно любоваться только ногами

босиком и молча.

- Подожди, - прошептал он, когда они вошли в комнату.

Мистер кардан ждал. Бакалейщик на цыпочках подошел к другой стороне Барака.

Таинственно завернутый в мешковину, что-то похожее на человека, попавшего в засаду.

он оставался неподвижным в тени. Бакалейщик остановился перед этим, немного отошел в сторону, чтобы дать

г-н кардан полный взгляд на чудо, которое должно быть раскрыто, держал один конец сумки и с

она обнаружила великолепно драматичный жест.

Изнутри появилось мраморное чучело, что-то, что в воображении монументального каменщика

1830 год должен был стать поэтом. Худой Байрон с более гиацинтовыми волосами и профилем

заимствованный у одного из греков Кановы, он опирался на усеченную колонну, глаза

мрамор смотрит вверх в поисках летающей музы. Халат свободно свисал с его

плечи и гребаный лист были всем остальным в ее костюме. На вершине колонны был свиток

полуоткрытый мрамор, на который приземлилась левая рука поэта, возможно, опасаясь, что ветер

вдохновение привело его. Справа, как было очевидно, изначально лежало перо на девственной странице.

Но, к сожалению, рука и все предплечье почти до локтя исчезли. На базе

колонна была небольшая доска, на которой, если фигура была

использована в памятнике, к которому

имя и слава поэта, над могилой которого должна была стоять статуя, должны были быть написаны. Но

сланец был пустым. В то время, когда статуя была вырезана, очевидно, должно было быть

нехватка лиристов в княжестве Масса Каррара.

Беллиссимо! - сказал брат бакалейщика, отступая, чтобы восхищаться ею с энтузиазмом

знаток.

- Давверо, - согласился Мистер кардан. И с грустью подумал о своем лежащем этруске, о своем

саркофаг Якопо Делия Кверча, в его романском демоне. Однако, он размышлял, даже не низкий-рельеф Джотто может принести ему двадцать пять тысяч фунтов.

Глава 10

Мистер кардан вернулся во дворец Cybo Malaspina, чтобы узнать, что количество гостей

он усилился во время его отсутствия, с приходом миссис Челифер. Миссис Олдвинкл не чувствовала

особый ум желает приветствовать мать Челифер в своем доме, но, узнав об этом

что он был готов уехать, как только его мать приехала в Италию, он яростно настаивал на

предложить свое гостеприимство даме.

- Абсурдно, - рассуждала она, - снова спускаться в этот ужасный отель в Марина-де -

Vezza и остаться там в течение нескольких дней без комфорта вообще, а затем поехать в Рим на поезде. Приведи свою маму в

а потом, когда мистеру Фальксу придется ехать на конференцию, мы все поедем в Рим на машине. Быть

гораздо приятнее.

Челифер пыталась отказаться, но миссис Олдвинкл не приняла отказов. Когда миссис Челифер прибыла в

станция Везза встретила Фрэнсиса на платформе, а рядом с ним миссис Олдвинкл, одетая в шелк

желтый с развевающейся белой вуалью. Ее прием был гораздо более ярким, чем у

собственный сын. Немного удивленная, но сохранившая все спокойствие и благородное достоинство, г-жа Челифер была

доставили в “Роллс-Ройс”.

- Мы все очень восхищаемся вашим сыном — - сказала ему миссис Олдвинкл. - Он такой… как я должен

сказать?… так пост беллум, так по сути один из нас… - Она стремилась установить свою позицию

среди самых молодых представителей нового поколения. - Он выражает все, что кто-то способен чувствовать только

смутно. Вас удивляет наше восхищение?

Миссис Челифер была удивлена всем. Ей потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к миссис.

Олдвинкл. Внешний вид дворца также не был рассчитан на то, чтобы уменьшить его изумление.

- Это превосходный образец раннего барокко — - заверила ее миссис Олдвинкл, указывая

тень. Но даже после того, как стало известно о датах, все это казалось немного странным

для миссис Челифер.

Миссис Олдвинкл была очень сердечна со своим новым гостем, но втайне Миссис Челифер

это слишком беспокоило ее. Какими бы ни были обстоятельства встречи, причин было бы мало

чтобы она понравилась Миссис Олдвинкл. У двух женщин не было ничего общего; их видения

жизни были разные и непримиримые, жили в разных мирах. В лучшие времена г-жа.

Сообщается, что олдвинкл считал своим гостем буржуазию и Борне. Но на данный момент в этих обстоятельствах,

я просто ненавидел ее. Неудивительно; потому что с ее матерью у Челифер было оправдание

постоянный и невосполнимый, чтобы сбежать от миссис Олдвинкл. Естественно, она возмущалась присутствием в

ваш собственный дом живого и постоянного оправдания неверности. В то же время это было необходимо

быть в хороших отношениях с миссис Челифер, потому что, если она плохо себя чувствует с матерью, очевидно, что ее сын

снять. Агастада, Миссис Олдвинкл продолжала относиться к ней с той же нежной любовью, что и первая

день.

Среди других гостей прибытие Миссис Челифер было встречено гораздо лучше. Мистер фалькс

он нашел в ней более понимающего и поддерживающего человека, чем мог бы существовать в его хозяйке. Для

лорд Ховенден и Ирен означали полное прекращение шпионских обязанностей девушки; однако,

она им очень понравилась сама.

- Восхитительная мелочь, - так подытожил ее лорд Ховенден.

— Она такая чудесно хорошая, простая и цельная, если вы понимаете, о чем я, - объяснял он

Мисс. Трип до Калами. - Быть полностью увлеченным народными песнями, правами животных

и все это действительно замечательно. Она-урок для всех нас, — заключила она, -

урок. - Миссис Челифер тогда была наделена всеми качествами, которых, к сожалению, не было у деревенского бакалейщика

владеть. Символом его добродетелей, если они у него вообще были, был белый фартук; честность г-жи мундир.

Впоследствии челифер была представлена ее классическими серыми платьями.

“Она одна из квакеров природы”, — заявила Мисс. Триплоу. - Ах, если бы все были как

она! - Когда-то было не так уж много времени, Мисс Марвел. Триплоу стремилась стать одним из Хранителей

Природа. — Я никогда не знал, что кто-то такой хороший и колумбийский существует вне академической базы

с 1880 года. Вы понимаете, о чем я: пуританская мама на борту Mayflower или что-то в этом роде. Может быть

абсурд в спортзале, но в реальной жизни это прекрасно.

Калами согласился.

Но самой искренне понравившейся Миссис Челифер была Грейс Элвер. С момента в

тот, кто увидел ее, был ее верным последователем. И миссис Челифер практически удочерила ее во время этого

период. Узнав о характере предпочтений и занятий леди, г-н кардан смог

объясняя всю эту доброту, опираясь на гипотезу о том, что Грейс была самой близкой

о собачке или брошенной кошке, которую могла найти Миссис Челифер. И любовь с первого

взгляд Грейс был обусловлен ее осознанием того, что там был врожденный защитник и друг. Любой

таким образом, он был глубоко благодарен Миссис Челифер за то, что она появилась в тот момент. Потеть

присутствие в доме облегчило то, что в противном случае было бы сложной ситуацией.

Что миссис Олдвинкл была бы поражена романтической историей похищения Грейс.

Кардан всегда был уверен. Когда она узнала об этой истории, она была впечатлена, хотя и в меньшей степени

чем ожидалось. Его заботы о самих делах были слишком велики,

чтобы

он мог бы реагировать с обычным энтузиазмом на то, что в другие времена было бы призывом

непреодолимый. То, как она отреагировала на это дело, и в этом мистер кардан никогда не сомневался, было

найти его романтичным. Что не гарантировало, что героин может понравиться. Из того, что он знал о миссис.

Олдвинкл, и он знал довольно много, был уверен, что она очень быстро устанет от бедной Грейс.

Он хорошо знал ее отсутствие терпения и нетерпимости. Грейс будет раздражена, Лилиан будет недоброй, и только

Бог знает, какие сцены последуют. Мистер кардан привел девушку во дворец с намерением пройти мимо

день или два, а потом я увезу ее, прежде чем миссис Олдвинкл успеет разозлить беднягу

Грейс. Но присутствие Миссис Челифер заставило его передумать. Его любящая защита была гарантией

против нетерпения Миссис Олдвинкл; самое главное, что она оказала наилучшее возможное влияние на

сама Грейс. Перед миссис Челифер она вела себя осмотрительно и чутко, как ребенок

отдавая максимум себя, чтобы произвести хорошее впечатление. Миссис Челифер, кроме того, смотрела

заботливый и внимательный по внешнему виду и манерам девушки; держал ее в курсе чистых рук и

причесанные волосы, дающие нежное прикосновение, когда она вела себя не так хорошо, как должна была за столом и

заботясь о своей склонности переедать то, что ей нравилось. Было очевидно, что миссис Челифер

он оказывал на нее лучшее влияние. Когда они поженились,

мистер кардан решил пригласить ее

часто для своего дома-желательно, хотя она была нежной мелочью, в то время как

был вне дома. Между тем, он уверен, что его резиденция во дворце Кибо не пострадает

в связи с неприятными инцидентами он написал своему адвокату с просьбой принять необходимые меры для

свадьба.

Со своей стороны, Миссис Челифер была в восторге от Грейс. Как и предполагал Мистер кардан, она

он скучал по своим кошкам и собакам, бедным детям и традиционным играм. Это было очень неохотно

который в конце концов отказался от своего старого дома в Оксфорде; очень неохотно, хотя аргументы Фрэнсиса

были бесспорны. Он был слишком велик для нее, наполненный этими средневековыми архитектурными приемами

которыми так гордились Мистер Раскин и его последователи; это было нездорово, особенно в

зима; в течение многих лет врачи советовали ей покинуть долину Темзы. Да,

аргументы были неоспоримыми; но потребовалось много времени, чтобы она наконец убедила себя уйти

оттуда. Сорок лет ее жизни было проведено там, и она не хотела уходить от стольких воспоминаний.

Кроме того, были бедные собаки и дети, все их старые друзья и благотворительность. В конце,

тем временем он убедился. Дом был продан, и было решено, что она проведет зиму в Риме.

- Теперь ты свободен,-сказал ему сын.

Но миссис Челифер сильно огорчила голову.

- Я не знаю, ценю ли я свободу, - ответил он. Мне нечего делать в Риме. Я чувствую

в ужасе от предвкушения.

- Скоро вы что — то найдете,-заверил его Фрэнсис. - Бояться нечего.

- Правда ли? - вы сомневались в Миссис Челифер. Они ходили по маленькому саду позади

из дома; глядя на лужайку и цветущие клумбы, она вздохнула.

Но Фрэнсис был прав; собаки, бедные дети и их коллеги, к счастью, не были редкостью. АО

в конце первого этапа своего путешествия Миссис Челифер нашла в Грейс Элвер компенсацию за

то, что он оставил в Оксфорде. Заботясь о бедной Грейс, она чувствовала себя счастливой.

Для остальных гостей прибытие Мисс Марвел. Эльвер не имел особого значения или

личный. Это была просто идиот Мистера кардана; вот и все. Даже Мэри Триплоу, от которой можно было ожидать

некоторый интерес к такому подлинному примеру простой души, уделял ей мало внимания. Дело в том, что

Грейс была слишком проста, чтобы быть интересной. Простота - это не добродетель, если только она не

потенциально сложно. Миссис Челифер, будучи умной женщиной, несмотря на все ее

простота, исходил собственный свет, чувствовал Мисс. Триплоу. Грейс была проста, как ребенок или

мудак может быть; таким образом, его дидактическая ценность была практически нулевой. Мисс. Thriplow остался верен

миссис Челифер.

Глава 11

Была ночь. Полусухая, Ирэн сидела на краю кровати и давала швы на предмет одежды

незавершенный, бледно-розовый шелк. Его густые волосы висели перпендикулярно разум по бокам головы

сгорбившись над работой, они образовали угол с наклонным лицом. Светимость прилипает

его руки и ноги были обнажены и отражались изогнутой атласной поверхностью его носков

растянуть. Лицо было чрезвычайно серьезным; кончик языка появлялся между зубами. Это был

тяжелая работа.

Вокруг, на стенах комнаты, которая когда-то принадлежала кардиналу Альдерано Маласпине, летела

отряд жестикулирующих форм. Над дверью сидел Бог-Отец, в синем блинном халате.

из Китая и завернутый в развевающийся красный бархатный халат, распространяющий ” божественное вдохновение с

благожелательность”. Его правая рука была вытянута, и, повинуясь жесту, полетела эскадрилья ангелов

к окну одной из стен. В прие-Дье, в дальнем углу, он опустился на колени.

кардинал Маласпина, крепкий мужчина средних лет, с барбише и усами, которые вместе,

они напомнили англичанам идею французского шеф-повара. Архангел Михаил во главе своего отряда

и с выражением, которое было смешанным из

снисходительность и уважение-снисходительность, поскольку это полномочный представитель Вечного Отца, и

уважение к тому факту, что Его Высокопреосвященство было братом принца массы Каррары — он возлагал на

голова прелата Красная Шапочка, символ князей Церкви. На противоположной стене кардинал был

изображен в битве с силами тьмы. Надев алую привычку, он постил себя

бесстрашный на краю бесконечной пропасти. Позади него тщательная копия дворцового вида

Маласпина, группа слуг и красивых инструкторов на среднем расстоянии и сразу за выдающимся

дядя, которого они преданно защищали своими молитвами, племянницы кардинала. Из бездны выходили

легионы ужасных демонов, которые раньше наполняли воздух своими крыльями адея. Но кардинал был для них

больше, чем целая армия. С распятием, поднятым над головой, он прятал их обратно

к огню. И демоны, побежденные, смеющиеся зубами и дрожащие от ужаса, были брошены в

внутри бездны. С головой, стоя во всех возможных положениях, их бросали в сторону

пол. Когда она лежала в своей постели, Ирэн могла видеть полдюжины демонов, падающих на

его направление; и, просыпаясь каждое утро, пара ног лихорадочно шевелилась в шаге от

его глаза. В настенном пространстве над окнами лазеры кардинала отмечались аллегорически.

Девять Муз и Три грации, о которых заботилась группа часов, лежали, стояли или танцевали в

изученные позиции; кардинал, восседающий посреди них, слушал их разговор и высказывал свое мнение,

не обращая внимания на тот факт, что все дамы были полностью обнажены. Только человек больше

полированный и иллюстрированный мир мог бы вести себя в этих обстоятельствах с таким жизненным мастерством

идеальный.

В разгар апофеоза кардинала и не обращая внимания на все, Ирэн шила розовый предмет одежды. АО

начав раздеваться, она с первого взгляда переворачивает сорочку, оставленную в корзине для шитья. Не мог устоять перед искушением

дайте несколько очков здесь и там. Это будет один из его шедевров, когда он будет завершен. Она держала ее

в руках с вытянутыми руками и посмотрел на нее, критично и благодарно. Это было просто очаровательно!

С тех пор, как приехала Челифер, у нее было больше времени, чтобы посвятить ее нижнему белью. Миссис.

Олдвинкл, поглощенный своей несчастной страстью, полностью забыл, что у него есть племянница, которая

я должен был писать стихи и рисовать акварелью. Ирен была свободна посвятить все свое время

шьет и не упустил возможности. Но время от времени его сознание внезапно вспыхивало, и

она задавалась вопросом, стоит ли ей в конце концов воспользоваться печальными заботами тети, чтобы сделать то, что она

не одобрял. Это отражало, будет ли это больше не уместно, ради лояльности, прекратить шить и делать

набросок или набросок стихотворения. Несколько раз в первые дни он действовал в соответствии с его

сознание. Но когда ночью он взял тетю Лилиан эскиз храма и лирическое начало

“О, луна, которая спокойно светит в ночном небе…“всегда с определенным видом триумфа, с

уверенность в правильно совершенных добродетельных поступках-дама, ошеломленная, проявила такой интерес

несмотря на эти доказательства послушания и привязанности, Ирэн считала себя освобожденной от

любое усилие практиковать высшую жизнь. Продолжал шить. Это правда, что иногда его

совесть беспокоила ее, но она ничего не сделала против этого.

В ту ночь я не испытывал угрызений совести. Наряд был таким красивым, что даже тетя Лилиан

утвердить. Это была художественная работа-работа, которая заслуживала такого почетного звания, как ” о,

Луна, которая спокойно светит в ночном небе”; возможно, это заслужило даже больше.

Ирэн сложила незаконченный кусок, отложила его в сторону и закончила раздеваться. Решил, что той ночью,

когда я пошел расчесывать волосы тети, я сказал ей, насколько уверен в Ховендене. “Слушать

глубоко благодарна”, - сказала бы она. И я бы тоже сказал, насколько он мне нравится. Почти, почти от этого

способ. Не совсем пока. Но скоро это будет; каким-то образом она знала, что это скоро произойдет. Е

это было бы реально. Реальный и твердый, а не шипучий или воображаемый, как эпизоды с Питером, Жаком и

другой.

Она надела ночную рубашку и вышла в длинный коридор, ведущий в спальню тети. О

кардинал Альдерано остался наедине со своими демонами, подобострастными ангелами, девятью музами и отцом

Вечный.

Когда Ирэн вошла в комнату, тетя Лилиан сидела перед туалетным столиком и намазывала крем

на лице.

- Я слышала, - сказала она, критически глядя в зеркало, как это сделала Ирина со своей работой-тонкий шелковый Пресс-это замечательный электрический массажер. Я не помню, кто мне это сказал.

- Это была бы леди Белфри? - предложила Ирен. Перед ней появилось изображение лица леди Белфри:

мягкий, розовый, круглый, юношеский, но с этой вымышленной и ужасно ненадежной молодостью

научно сохраненная красота.

- Может, так и есть, — сказала миссис Олдвинкл. - Мне нужно его достать. Пожалуйста, детка, помни

напиши завтра Харродсу, спросив, есть ли у них.

Ирэн начала вечернюю расческу волос тети. Наступило долгое молчание. Как я мог

начать тему о Hovenden?- Думала Ирен. Это должно начаться таким образом, чтобы продемонстрировать

реальная и подлинная серьезность вопроса. Это должно быть так, чтобы у тети Лилиан их не было

возможное обоснование любой иронии. Я бы не позволил, сколько бы это ни стоило, чтобы она использовала

тот тон, который так хорошо известен и страшен, как если бы он ударил дубинкой; и ни в коем случае

это дало бы ей возможность сказать: “значит, Мисси думала, что ее глупая старая тетя не заметила?”, или

что-то подобное. Но найти формулу, защищенную от детей, было непросто. Ирэн забрала ее долго

время и очень осторожно. Но мне не суждено было ее найти. Потому что тетя Лилиан, которая тоже

подумала, вдруг нарушила тишину.

- Иногда я сомневаюсь, - сказал он, - что у него есть какой-то интерес к женщинам. Фундаментально,

я неосознанно считаю, что это гомосексуалист.

- Может быть, - резко сказала Ирэн. Она знала этот тон Хэвлока Эллиса.

Через полчаса Миссис Олдвинкл и ее племянница обсудили эту интересную возможность.

Глава 12

Мисс. Триплоу писал в своей секретной записной книжке:

“Есть люди, которые, кажется, не способны чувствовать что-либо глубокое и

страстно. Это своего рода эмоциональное бессилие, о котором можно только глубоко сожалеть.

Может быть, в наши дни таких людей больше, чем в прошлые времена. Но это просто впечатление;

нет ничего, подтверждающего это, нет документов, оправдывающих это. Однако, если это правда, следует,

я полагаю, нашему интеллектуальному воспитанию. Необходимо обладать сильной эмоциональной конституцией, чтобы

быть в состоянии вынести это. А потом люди живут так искусственно, что многие инстинкты

более глубокие редко имеют возможность проявить себя. Страх, например, и все страсти

отчаяние, вызванное инстинктом самосохранения перед лицом опасности или ненависти. Тысячи

цивилизованные люди проводят свою жизнь обреченными на почти полное незнание этих эмоций.”

Мисс. Триплоу провел линию под этим абзацем и начал снова, немного дальше

под страницей:

“Любить примитивно, яростно. Не быть более цивилизованным и диким. Не быть более критичным и

да, безусловно, страстно. Больше не иметь сомнительного и проблемного ума, а иметь молодое тело и

здоровый, непогрешимый и решительный в своих желаниях. Зверь все знает, говорит дядя Ерочка в толстом.

Не все. Но в любом случае он знает то, чего не знает ум. Сильный и полный дух должен

знать то, что знает зверь, так же, как то, что знает ум.”

Он написал в другой строке: “его руки крепкие и твердые, и в то же время они очень сильно касаются

мягкость. Ее губы мягкие. Где шея соединяется с телом, спереди, между двумя толстыми

сухожилия, когда они сходятся к костям ключицы, смело возникает депрессия

отмеченная на плоти, которая, кажется, была сделана большим пальцем Бога-художника, такова ее красота. И так

красивый…”.

Это случилось с Мисс. Thriplow, который мог бы написать отличную статью на тему красоты

мужской. В песне Соломона она описана с такой же лирикой, как и женская. Редко можно найти

Moderna poetisas, которые откровенно выражают свое восхищение. В парижских салонах обнаженная женщина

преобладает; мужское начало исключительное, и если оно будет полным, оно будет казаться шокирующим. Чем отличался этот

положение дел в Помпеях! Мисс. Триплоу укусил кончик ручки. Да, я бы определенно дал один

отличная статья.

“Его кожа белая и гладкая. Он такой сильный! Иногда кажется, что его сонные глаза пробуждаются, и

затем он смотрит на меня так проницательно и требовательно, что я даже пугаюсь. Но мне нравится быть

испугалась-за него.”

Еще одна линия. Мисс. Триплоу написал бы больше на эту тему, но боялся, что кто-то

найдите свой блокнот и прочитайте его. Я не хотела, чтобы это произошло, пока я была жива.

Она сделала звездочку рядом с первой запиской вечера. На краю чистого листа, с другой

сторона, нацарапал подобный знак, указывающий, что то, что будет писать теперь связано, как

приложение или следствие, к тому, что было написано в первой заметке.

“Некоторые люди, неспособные глубоко чувствовать, убеждены, хотя и интеллектуально, в

которые должны это сделать. Они думают, что самые примитивные обладают внушительными инстинктами. Они тоже хотят иметь-Лос. Это эмоциональные снобы. Я уверена, что это новый тип людей. В восемнадцатом веке

они пытались доказать, что они рациональны и вежливы. В xix веке начался культ эмоций, который в

двадцатый век получил новый импульс с бергсонизмом и ролландизмом. Сегодня модно быть именно таким

противоположность тому, что было в XVIII веке. поэтому есть бессильные люди, которые стимулируют их страсти с

голова. Это лицемеры инстинкта, которые в целом частично обманывают себя. Если они

умные, они полностью обманывают всех, кроме самых наблюдательных. Тренируйте свою долю

эмоциональный гораздо больше, чем те, кто действительно чувствует эмоции. Это парадокс актера

Дидро в реальной жизни: чем меньше он чувствует, тем лучше он представляет это чувство. Но пока актер

он представляет на сцене только для тех, кто его наблюдает, люди в реальной жизни представляют то же самое

манера, как для внешней, так и для внутренней аудитории; они просят аплодисментов для себя и, что еще хуже,

они получают их. Но я полагаю, всегда с некоторыми секретными оговорками. Какие любопытные парни! Знать

их много примеров.”

Мисс. Триплоу перестал писать и подумал о примерах, которые он знал. Это было число

удивительно большой. В общем, каждый человек видит в других свои качества и

слабость. Это неизбежно, поскольку умственные и моральные качества каждого из них-единственные, которые у человека есть

некоторый личный опыт. Человек, который визуализирует свою таблицу умножения на заданном изображении и

фантастика считает, что все остальные должны делать то же

самое; музыкант не понимает ума, который не

будьте восприимчивы к музыке. Точно так же амбициозный предполагает, что все люди движимы

ваше собственное стремление к дурной славе и власти. Чувственный видит чувственность повсюду. Мужчина

медиано считает само собой разумеющимся, что все вокруг него медианы. Но не стоит думать, что наркоман, который

он видит свою слабость во всех окружающих, поэтому терпит эту слабость. Мы редко даем

имена, характерные для наших слабостей, и мы осознаем их только расплывчато и эмпирически. Наша

рациональная и вежливая часть осуждает зависимость, которой мы врожденно подчинены. В то же время

время, личное знание, которое мы имеем о нем, нерациональное или интеллектуальное знание, но

неясный, практичный и инстинктивный, он имеет тенденцию направлять внимание от самой поверхностной и образованной части ума к

проявления этой определенной слабости, чтобы заставить ум обнаружить эти проявления до тех пор, пока

когда они не существуют; и поэтому мы постоянно поражены нелепым зрелищем

скупой, страстно осуждающий скупость на других, гораздо более щедрых, чем он; от похотливого

обвиняя в непристойности; ростовщика, критикующего ростовщичество. Образование научило нас, что эти слабости

но личное и эмпирическое знание вызывает у нас особый интерес к ним,

заставляя нас видеть его следы повсюду.

Было ли большое количество друзей Мисс. Thriplow, которые

принадлежали к типу эмоционально

беспомощный, это было связано с склонностью самой Мэри Триплоу к этой духовной слабости. Будучи по

более проницательный и самоаналитический характер, чем большинство мужчин и женщин, которые возмущены,

они осуждают свои укоренившиеся грехи, она не переставала осознавать, критикуя других, недостаток

похож сам по себе. При чтении Достоевского и Чехова я не мог избежать подозрений в том, что она

организовано иначе, чем русские. Ему казалось, что он ничего не чувствует с такой глубиной, с

удовольствие или страдание столь же присущи им. И еще до того, как она начала читать русских, Мисс Марвел.

Триплоу пришел к болезненному выводу, что если сестры Бронте были эмоционально нормальными, то

она должна быть ненормальной. И даже если сестры не были такими нормальными, даже если они были лихорадочными,

я бы предпочел быть похожим на них; они казались ему восхитительными. Это было осознание этой аномалии (к которой она пришла

приписывать отсутствие возможностей, вызванное чрезмерно защищенной и искусственной жизнью), что привело к

Мисс. Thriplow восхищаться так спонтанные чувства. Одновременно это вызвало у него желания

неуправляемый, чтобы принять каждый шанс, который представился, чтобы проверить свои реакции. Это

опыт, который заставляет нас осознавать, кто мы есть; если бы не контакты с внешним миром,

у нас не было бы никаких эмоций. Чтобы узнать свое скрытое эмоциональное “я”, Мисс Марвел была в центре внимания. Thriplow

я хотел иметь много опыта и установить как можно больше

контактов с внешней реальностью.

Когда эта реальность имела необычный характер и казалась особенно плодотворной в откровениях

эмоциональная, она преследовала ее с особым рвением. Таким образом, взаимодействие с Калами его

он казался наполненным самыми интересными эмоциональными возможностями. Мне бы он понравился, даже если бы эта

его сонливость не скрывала внутренних огней. Но убеждение, что было что-то”странное”,

как сказала миссис Олдвинкл, и опасная в этом человеке заставляла ее воображать, что на каждом этапе ее

интимность, которая нравилась ему больше, чем на самом деле. Я жаждал более продвинутых этапов, в

надежда на то, что по мере того, как он раскрывается, другие более широкие и интересные истины

их собственная скрытая душа была бы готова показать себя. Мисс. Thriplow был вознагражден. Калами

он действительно испугался и уже оказался возбуждающе жестоким.

— Ты меня так раздражаешь, — сказал он, - что мне хочется скрутить тебе шею.

И были времена, когда она действительно верила, что он собирается убить ее. Это был новый вид

любовь. Она предавалась этой любви с замечательным рвением. Ее тащил поток страсти; и

во время поездки Мисс. Триплоу записывал свои ощущения в надежде, что будут другие

еще более интенсивные, которые будут записаны в будущем.

Глава 13

Лежа в своей постели, очень тихо, Калами смотрел высоко, в темноте. Они там, думал он; достаточно

протянуть руку и открыть тот занавес, который скрывает их; прямо там, надо мной, висит великая тайна,

красота, тайна. Проникнуть в глубину этой тайны, зафиксировать глаза духа в его сиянии

загадочный, быть поглощенным секретом, пока его символы не перестанут быть непрозрачными и свет не сможет просачиваться-если через них — больше ничего не имеет значения в жизни, по крайней мере, для меня; нет тишины или

возможность удовлетворить себя чем-то другим.

Это было очевидно для него сейчас. И было также очевидно, что он не может делать и то, и другое одновременно

время; не мог стоять в тишине, которая была за пределами бесполезного шума и шума-умственной тишины

который находится за пределами тела -; и не мог одновременно участвовать в суматохе. Если бы я хотел увидеть

в глубинах ума он не мог наложить это беспокойство на свои телесные аппетиты.

Он научился этому очень хорошо, и у него было много времени; даже тогда его образ жизни не был

изменить. Я знал, что должен измениться, сделать что-то другое, и я глубоко возмущался этим знанием.

Я целенаправленно действовал против него. Вместо того, чтобы изо всех сил пытаться уйти от шума и шума, вырваться из

рабство и делать то, что, как он глубоко знал, должно было быть сделано, он не раз сужался

умышленно связывали их, когда они казались на грани развязывания. Он возмущался этим

необходимость перемен, даже если это была навязанная необходимость, не извне, а из того, что он знал

быть самой умной частью вашего собственного существа. Он также боялся, что, если он переедет, он может

сделать это смешно. Не то чтобы он хотел жить так, как год назад. Скучная и утомительная рутина

удовольствие стало невыносимым; он порвал с ней навсегда. Нет, он представлял себе своего рода

элегантное латинское соглашение. Эпикурейское культивирование разума и тела. Завтрак в девять. Серьезное чтение

с десяти до одного. Обед, приготовленный отличным французским поваром. Во второй половине дня прогулка и

умный разговор с друзьями. Чай и минутные булочки с самой очаровательной женской компанией. Один

скромный, но изысканный ужин. Три часа медитации на абсолют, а затем, постель, нет

без сопровождения… Все это звучало очаровательно. Но это не сработает. Для испытателя этого совершенного

Причина жизни, тайна, тайна и красота, хотя ими можно манипулировать и изучать,

они отказывались терять свою значимость. Если бы я действительно хотел узнать их, это заняло бы больше, чем

медитировать на них ночью, между шедевром французского шеф-повара и ночным отдыхом не

без сопровождения. В этих восхитительных латинских обстоятельствах секрет, тайна и красота были бы

сводится к нулю. О них думали только потому, что им было

приятно проводить время, но они не были бы

важнее, чем чай с минутными булочками, вегетарианский ужин и любящий отдых. Если

если бы я хотел, чтобы они были чем-то большим, я должен был бы полностью предаться его созерцанию. Не мог

есть какие-либо другие обязательства.

Калами знал это. Но он все равно занимался любовью с Мэри Триплоу не потому, что чувствовал себя

страстная и разрушительная потребность, но потому что она развлекала его, потому что она была красивой, ее воздух

нереальная невинность раздражала его чувства, и больше всего на свете, потому что он чувствовал, что причастность к

Мэри Триплоу будет держать его полностью занятым, не позволяя ему думать о чем-либо еще.

Но красота и тайна продолжали присутствовать, когда он лежал один в темноте.

Они оставались там, и его связь с Мэри Триплоу только задерживала их сближение.

Внизу, в долине, прозвучали часы. Звук напомнил ему, что он обещал встретиться с ней в тот

ночь. Тогда он подумал о том, что произойдет, когда они будут вместе, о поцелуях, ласках и

получать. В гневе он пытался отвлечь мысль на другие темы; он пытался думать о тайне и

красота, которая плыла там, над ним, за занавесом тьмы. Но так же яростно, как если бы

приложите усилия, образы алькова вернутся в ваш разум.

- Я не хочу идти, - говорил он про себя, но зная, что поеду. С необычайной живостью

я представляла, как она лежала на руках, растянутая, Ласса, дрожащая, как будто ее умоляли в

камера пыток. Да, он знал, что будет.

Идея пыток продолжала преследовать его. Я думал о тех бедных ублюдках, которые обвиняются в

колдовство, признавались после трех дней мучений, что летали свободно на ветру, проходили сквозь норы

из замков они принимали форму Волков и соединялись с инкубами; они признавали не только это, но и

кроме того, после еще одного часа пыток, что такой мужчина, такая женщина или такой ребенок тоже были

волшебники и слуги демона. Дух силен, но плоть слаба. Слаб в боли, но тем более,

он думал, гораздо слабее в удовольствии. Потому что под мучениями удовольствия, какие трусы, какие предательства,

себя или других не совершали! Как легко лгали и лжесвидетельствовали! С чем

распутывание, наконец, обрекали других на страдания! С каким рабством они сдались счастью,

и почти сама жизнь на продление восхитительных пыток! Стыд, который возникает после, - это

обида духа - это печаль, возмущенная таким раболепием и унижением.

Он думал, что под мучениями удовольствия женщины слабее мужчин. Потеть

слабость превозносит силу возлюбленного, удовлетворяет его стремление к власти. С кем - то своего пола, мужчина

это даст волю жажде власти, причиняя страдания; но с женщиной, заставляя ее наслаждаться. Удовольствие от

любовник больше в мучениях, которые он причиняет женщине, чем в том, что он чувствует сам.

И так как мужчина сильнее, продолжал думать Калами, так как его удовольствие никогда не бывает таким

уничтожая то, что он не может извлечь еще одну большую из мучений своего мучителя, не было бы для этого больше

виновен в предательстве доверия к себе и другим под восхитительными пытками или в желании предвидеть-Ла? У человека меньше физических оправданий слабости и рабства. Женщина по своей природе сделана

служить-любви и детям. Но время от времени рождается человек, который должен быть свободным.

Для него позор поддаваться пыткам.

Он думал, что если бы мне удалось освободиться, я мог бы что-то сделать; ничего полезного, без сомнения, в

здравый смысл, пусть это будет особенно полезно для других, но что-то, что для меня

максимальное значение. Тайна нависает над мной. Если бы я был свободен, если бы у меня было время, если бы я мог думать,,

думать, думать и медленно идти учиться исследовать молчание духа…

Образ Мэри Триплоу снова был перед ее глазами. Вялый, она покоилась в

ее руки дрожали, как будто ее пытали. Он закрыл глаза; он сердито покачал головой. А

изображение не покидало его. Если бы я был свободен, я бы сказал себе, если бы я был свободен…

Наконец встал с кровати и открыл дверь. Коридор был четко освещен; лампа

он горел всю ночь. Калами выходил из комнаты, когда услышал еще одну дверь

впереди она раскрылась с насилием и увидела мистера фалькса с его тонкими волосатыми ногами, обнаженными под его свитером.,

стремительно выйти из своей комнаты. Калами спрятался в темноте своей двери. С

тревожная и раздираемая физиономия тех, кто страдает от колик, мистер фалькс быстро прошел через

коридор, не глядя по сторонам. Он пересек проход в нескольких метрах дальше и исчез; а

дверь захлопнулась с грохотом. Из поля зрения Калами быстро и тихо вышел, открыл четвертую дверь

ушел и тоже исчез во тьме. Вскоре после этого Мистер фалькс возвращался, более расслабленный, к своему

комната.

Четвертая часть

ПОЕЗДКА

Глава 1

Вне своей машины лорд Ховенден был совершенно другим существом, чем тот, кто сдался

нагло в направлении Vauxhall Velox. Полчаса на грохочущем ветре собственной скорости

он превратил скудного и замкнутого юношу в хладнокровного, смелого героя не только в приключениях

дороги, как в жизненных проблемах. Ветер нес на своих крыльях скудность, скорость

опьяняла, пока он не забыл о себе. Все его победы были одержаны внутри

из этой машины. Он вышел на него восемнадцать месяцев назад, прежде чем он достиг совершеннолетия, который осмелился просить

его воспитатель увеличивал доходы, и он всегда увеличивал скорость, пока, просто

в ужасе наставник согласился выполнить его просьбу. Также на борту Velox, который осмелился

сказать Миссис Теребинт, на семнадцать лет старше его, четверым детям и верной жене, что она

самая красивая женщина в мире; провозгласил это с криками, со скоростью девяносто километров в час, на Великом

Северная Дорога. Семьдесят, семьдесят пять или восемьдесят в час его мужество было еще мало, чтобы достичь

желаемый уровень распутывания; но в девяносто он пришел в нужное место и сказал ему. И когда она смеялась и

я сказал ему, что он дерзкий парень, он совсем не смущался, но тоже смеялся и

нажимал немного сильнее на акселератор, пока стрелка спидометра не превысила девяносто. Тогда

кричал на ветру и над шумом двигателя:”но я люблю ее”. Однако, к сожалению, вскоре после

поездка закончилась; рано или поздно все закончили. Дело скипидара не продвинулось. Если в

меньше, жалко вздохнул лорд Ховенден, может провести свою жизнь в Велоксе… Но велокс

у него также были недостатки. Были случаи, когда героическое эго, опьяненное скоростью, ловило

испуганный пешеход. Когда-то, например, со скоростью семьдесят в час, он обещал

легкомысленно к одному из своих передовых политических товарищей, который выступит с речью на митинге. А

идея, со скоростью семьдесят километров в час, казалась ему не только очень легкой, но и явно привлекательной.

Но какая агония, позже на суше, после того, как путешествие закончилось! Как обещание казалось ему

невозможно выполнить! С какой горечью Он проклинал себя за глупость принять приглашение!

В конце концов, она отправила телеграмму, в которой говорилось, что ее врач прописал ей непозволительно

сезон на юге Франции. Он бежал позорным образом.

До этого дня велокс продолжал дразнить его обычным эффектом. В Веззе, когда

они ушли, он был весь застенчивым и покорным. Она покорно соглашалась со всем, что миссис Олдвинкл.

он повторял и повторял каждые пять минут, как бы это ни было противоречиво и невозможно. Не будь

он рискнул попросить Ирину сесть в его машину; и это было не по его инициативе, а по простой прихоти

финал Миссис Олдвинкл, за мгновение до отъезда, что она наконец села рядом с ним, прежде чем

через ворота дворца. На заднем сиденье лежал мистер фалькс

один, окруженный чемоданами. Лорд

Ховенден даже пообещал ему, хотя и не очень убежден, что он не превысит шестьдесят

километров в час. Подчинение пешехода не могло быть больше.

Загруженный лимузин миссис Олдвинкл вышел вперед. Мисс. Эльвер попросил, как особую услугу,

идти рядом с водителем. Его лицо излучало абсолютное и совершенное счастье. Каждый раз, когда машина

проходила мимо кого-то на дороге, она издавала пронзительный шум голосом и махала платком. К счастью, нет

он осознавал чувство негодования и отвращения, которое его поведение вызывало у водителя; он был англичанином

и чрезвычайно формально, он должен был поддерживать репутацию своей национальности и безупречной машины. Е

это существо виляло носовыми платками и кричало, как в экскурсионном автобусе. Мисс. Элвер

Махал даже коровам и лошадям, кричал даже кошкам и цыплятам.

Позади были Миссис Олдвинкл, Миссис Челифер, Челифер и Мистер кардан. Калами и Мисс. Thriplow

они решили, что у них нет времени ехать в Рим, и остались во дворце — без единого слова возражения со стороны

часть миссис Олдвинкл. Пейзаж плавно двигался через окна машины. Мистер кардан и миссис кардан.

Челифер говорил о традиционных играх.

Тем временем, в нескольких метрах позади, лорд Ховенден раздраженно пылесосил пыль.

- Как нелепо медленно едет старый Эрнест! - вы сказали своей подруге.

- Тетя Лилиан не позволяет ему идти со скоростью более сорока километров в час, - объяснила Ирен.

- Сорок! - сказал Ховенден, презрительно смеясь. - И нам придется есть пыль позади них

все время?

- Мы можем немного отстать, - предложила Ирен.

- Мы можем их обогнать.

— Хорошо… - сомнительно сказала Ирен. - Я не думаю, что мы должны заставить бедную тетю Лилиан съесть

наша пыль.

- Это будет недолго, если старый Эрнест продолжит Сорока в час.

— В этом случае, - сказала Ирен, чувствуя, что ее сомнения в отношении тети разрешены, - в этом

случай…

Лорд Ховенден ускорился. Дорога была широкой, ровной и прямой. Пробок не было. Через две минуты

миссис Олдвинкл съела небольшую, но неизбежную порцию пыли, и воздух снова стал

очищенный. Впереди, на пустой дороге, быстро уменьшающееся облако было всем, что можно было увидеть из

Велокс лорда Ховендена.

- Слава Богу — - говорил он, довольный. - Теперь мы можем продолжать на скорости.

разумный. — Он засмеялся, как молодой, восторженный великан.

Ирен тоже находила скорость захватывающей. Под тонкой шелковой маской с большими отверстиями для

глаза, его маленькая губа поднялась в улыбке, оставляя на виду ряд белых зубов.

- Это восхитительно! - сказала она.

- Рад, что тебе это нравится, - возразил Ховенден. - Это великолепно!

Но похлопывание по плечу напомнило ему, что на заднем сиденье есть еще кто-то. Мистер Фалькс

я был далек от того, чтобы найти настоящее положение дел великолепным. Летя на ветру, его белая борода дрожала.

и он трепетал, как живое существо в состоянии неизлечимого волнения. За очками были

тревожный взгляд.

- Ты не слишком много бегаешь? - крикнул он, наклоняясь к переднему сиденью так, чтобы себя

заставить слушать.

- Совсем нет, - крикнул Ховенден в ответ. - Это нормальная скорость. Это прекрасно

безопасный. - Ваша пешеходная сторона никогда не мечтала бы противостоять любому желанию почитаемого мастера. Но

молодой гигант, сидящий в направлении Велокса, не заботился ни о ком. Он продолжал по-своему.

Они прошли через бедные окрестности Виареджо, а затем через ароматические сосновые рощи, превосходные в

его темно-зеленая окраска. Изолированные в прерии, окруженной зубчатыми стенами, Белой Церковью, башней

белые арки, чудесным образом наклоненные до такой степени, что они почти упали, и белый круговой баптистерий казался,

в одиночестве размышлять о славе предков Пизы-владычестве, искусстве и мысли - о

тайны религии, непостижимой судьбы и Высшего Существа, о ничтожности и величии

мужчина.

— Какого черта она не падает, - сказал лорд Ховенден, увидев падающую башню — - я не могу

представить.

За городом они прошли мимо дома над водой, где Байрону вечно было скучно

месяцев. После Понтедеры дорога стала более пустынной. На просторах бесплодных холмов и

бесплодные, покрытые желтоватой травой, рожденной на белой трупной почве, они поднялись на

Вольтерра. Затем пейзаж приобрел адский вид. Панорама хохлатых холмов и долин

иссушенные, как рябь окаменевшего океана, он растянулся, чтобы потерять из виду все вокруг.

А на гребне самой высокой волны находилась Вольтерра, столица этого странного ада. Три башни против неба,

купол, неприступная стена, и за стеной, наступающий неумолимо год

после года в его направлении, прожорливая пропасть, которая расчищала путь на склоне горы, пожирая

работы цивилизации за цивилизацией: этрусские гробницы, римские виллы, средневековые крепости, церкви

Ренессанс и вчерашние постройки.

- Жизнь в таком городе должна быть очень спокойной — - сказал Ховенден, поднимаясь на высоту

скорость на крутых поворотах с тихой виртуозностью, которая пугала мистера фалькса.

- Представьте, что вы родились в этом месте, - сказала Ирен.

- Ну, если бы мы оба родились здесь, - возразил лорд Ховенден, покраснев от наглости и

по скорости, это было бы не так уж плохо.

Вольтерра остался позади. Адский пейзаж постепенно смягчается растительностью

более земной. Они спустились по крутой улице Колле. Поля были теперь полностью

зеленые. У гор была земля такая же красная, как та, из которой Бог создал Адама. В кампинах

росли ряды Осин, из корявых веток которых свисали куропатки. Здесь и там, среди деревьев,,

тяжело тянулась упряжка волов, тянувшая плуг.

- Для разнообразия хорошая дорога, - сказал лорд Ховенден.

На прямой они достигли девяноста километров в час. Борода Мистера фалькса билась и

он извивался, как мучительные движения пойманного животного. С огромным облегчением он увидел

автомобиль останавливается перед отелем в Сиене.

- Какая замечательная машина, не правда ли? - спросил его Ховенден, ожидая в

стойка регистрации отеля.

- Ты слишком много бегаешь, - строго сказал мистер фалькс.

Физиономия лорда Ховендена засохла.

- Мне очень жаль — - извинился он. Великан уступил место

покорному пешеходу. Он консультировался с

часы. - Остальные не придут раньше часа, я думаю — - добавил он, надеясь успокоить

гнев мистера фалькса.

Не смог; и когда пришло время отправиться в Перуджу, после обеда мистер фалькс

вы, несомненно, отдали предпочтение пространству в лимузине Миссис Олдвинкл. Было решено, что он будет торговать

на месте с Мисс. Элвер.

Мисс. Элвер не возражал против скорости; это действительно возбуждало ее. Чем быстрее,

более пронзительными были ее крики приветствия и прощания, более взволнованной она махала платком перед проходом

собак и детей. Единственная проблема заключалась в том, что сильный ветер срывал носовые платки с его пальцев, и

несли безвозвратно в космос. После потери четырех, которые у него были в его маленькой сумке

кружева, она начала плакать. Лорд Ховенден остановил машину и одолжил ему свой шелковый шарф

красочный. Мисс. Эльвер был очарован ее эффектной красотой; чтобы обезопасить себя от нападений

ветер ларапий попросил Ирэн обвязать его запястье кончиком.

- Теперь никакой опасности больше нет, - торжествующе сказал он, подняв широко раскрытые глаза и вытер

последние остатки его недавнего горя.

Лорд Ховенден ускорился. Над горизонтом плато, по которому они путешествовали, возвышался

одинокая и голубоватая гора Амиата, которая манила их издалека. Двигаясь на юг, они становились все более

длинные рога белых волов, запряженных в повозки. С чиханием от них был риск пострадать

перфорация; внезапным броском голов в сторону можно было пронзить за концы

твердые и полированные. Автомобиль проезжал через Сан-Квирико; из этого тайного и меланхоличного сада, окруженного

разрушенные стены цитадели, до них дошел запах дерева, согретого солнцем. В Пиенце

у них была платоническая идея города; город с большой буквы “С”: стены с воротами посередине, улица

короткая, площадь с собором и дворцами с трех других сторон, еще одна короткая улица, еще одни ворота, а затем

поля, богатые кукурузой, вином и оливковым маслом; вершина горы Амиата возвышалась над плодородными землями. В

Монтепульчано, больше дворцов и больше церквей; но интеллектуальная красота симметрии была заменена

живописная и необдуманная неразбериха.

- Боже! - воскликнул лорд Ховенден, когда они на холостом ходу скользили по улице

планируется для мулов и рабочих лошадок.

Из окон дворцов, с треугольными фронтонами между пилястрами, в них заглядывали любопытные лица. Он

они спустились, скользя между высоким Ренессансом, прошли через средневековую арку и вошли через

вечные и вневременные поля. Из Монтепульчано они продолжали спускаться к озеру Тразимено.

- Разве здесь не произошло сражение или что-то в этом роде? - спросила Ирен, увидев имя

на карте.

Лорд Ховенден, казалось, помнил, что что-то подобное действительно произошло в окрестностях.

- Но это не имеет большого значения, не так ли?

Ирэн кивнула; это, конечно, не имело большого значения.

- Ничего не имеет значения, - сказал лорд Ховенден с некоторым трудом на ветру, скорость которого

он достигал шестидесяти километров в час. — Разве что, - подбадривал его ветер, - разве что ты. — Быть

он быстро добавил, на случай, если Ирэн попытается быть строгой: - эти извилистые дороги очень

скучный. Ты не можешь идти быстрее.

Однако, когда дорога снова стала ровной, огибая восточный берег озера, лицо

от него сверкало.

- Так лучше, - сказал он. Ветер на его лице превратился из дуновения в почти ветреную,

почти ветреность в настоящую ветреность, от настоящей ветрености в почти бурю. Анимация лорда

Ховенден рос со скоростью. На ее губах была постоянная улыбка эйфории. За спиной

линзы очков, его глаза светились. - Так хорошо! - воскликнул он.

- Очень хорошо, - повторила Ирен. Под маской она тоже улыбалась. Между ушами и клапанами

кожаная кепка, славно ревел ветер. Она была счастлива.

Дорога поворачивала налево и теперь огибала Южный берег озера.

- Скоро мы будем в Перудже, - с грустью сказал Ховенден. - Как жаль!

И Ирэн, даже ничего не сказав, согласилась с ним.

Они шли с ветром на лицах. Дорога разветвлялась; лорд Ховенден повернул клюв

автомобиль налево. Голубоватой воды в озере больше не было видно.

- Пока, Тразимено — - с сожалением сказала Ирен. Это был прекрасный пруд; он больше не забудет о

что произошло там.

Дорога поднималась в поворотах, и ветреность сократилась вдвое.

Высоко на горе, Ирен се

он удивился, увидев озеро на сто или двести метров ниже, слева. Мисс. Элвер кричал и

аплодировал чудесный вид.

- Эй — - удивленно сказала Ирен, - это странно, не так ли?

- Мы пошли не по той дороге, - объяснил лорд Ховенден. - Мы возвращаемся на север, через

восточный берег озера. Я бы предпочел снова развернуться. Это лучше, чем остановиться и вернуться.

Они пошли дальше. Долгое время никто ничего не говорил. На заднем сиденье Мисс. Эльвер приветствовал

любое живое существо, которое проходило мимо.

Они были в восторге; они хотели бы оставаться такими вечно, путешествуя на высокой скорости.

На северном берегу озера дорога сузилась и снова стала ровной. Ветер их освежал. АО

далеко, в своих горах, Кортона и Монтепульчано двигались медленно, как звезды.

И теперь они были на Западном берегу. Расположенный на его спроектированном полуострове, Кастильоне Деи Лаго

он самодовольно бросал свое отражение в воду.

- Очень красиво, - крикнул лорд Ховенден на крыльях шторма. - Кстати, это был не Ганнибал

или кто - то другой, кто сражался здесь? Со слонами или что-то в этом роде?

- Может, так и было, - сказала Ирен.

- Не то чтобы это имело какое-то значение.

- Это не важно. - Ирина засмеялась под маской.

Ховенден тоже засмеялся. Он был счастлив, он был пышным, он был смелым.

- Ты выйдешь за меня замуж? - Вопрос возник естественно, как по какой-то логике

что он сказал о Ганнибале и слонах. Он не смотрел на нее, задавая вопрос. Когда ты между

сто сто десять в час нельзя оторвать глаз от дороги.

- Не говори глупостей, - сказала Ирен.

- Это не глупо, - возразил лорд Ховенден. - Это просто прямой вопрос. Хочешь жениться

со мной?

— Не.

- Почему?

- Я не знаю, - сказала Ирен.

Они прошли через Кастильоне. Дороги Монтепульчано и Кортона также остались для

позади.

- Я тебе не нравлюсь? - крикнул Ховенден. Ветер снова превратился в шторм.

- Вы знаете, что да.

- Тогда почему бы и нет?

- Потому что, потому что… Я не знаю. Хотите перестать говорить об этом?

Автомобиль бежал. И снова они оказались на южном берегу. Незадолго до развилки лорд

Ховенден нарушил молчание.

- Ты выйдешь за меня замуж? — спросить.

— Нет, - сказала Ирен.

Лорд Ховенден повернул направление налево. Дорога поднималась в поворотах, и ветер дул.

- Стой, - сказала Ирен. - Вы снова пошли не по той дороге.

Лорд Ховенден не остановился. Наоборот, он ускорился больше. Если машина могла делать повороты, это было

скорее чудом, чем повиновением законам Ньютона или природы.

- Стой! - снова закричала Ирен.

Но машина не остановилась. С вершины горы снова озеро.

- Ты выйдешь за меня замуж? - настаивал лорд Ховенден, уставившись на дорогу.

Восторженно, торжествующе он улыбался. Никогда не чувствовал себя так хорошо, так храбро, так сильно и

мощный. - Ты выйдешь за меня?

— Нет, - сказала Ирен. Это начинало ее утомлять. Он вел себя очень плохо.

Несколько минут никто ничего не говорил. В Кастильоне Деи Лаго он повторил вопрос. Ирен дал

тот же ответ.

- Ты не собираешься снова использовать этот несмешный трюк, не так ли? - спросила она, когда они подошли к

разветвление.

- Это зависит от вас, - сказал он, на этот раз с заразительным смехом, и Ирэн, чье раздражение было

только поверхностный перед лицом такого счастья, он тоже засмеялся. - Ты выйдешь за меня? — настаивать.

— Не.

Лорд Ховенден повернул налево.

- Будет довольно поздно, когда мы доберемся до Перуджи, — сказал он.

- ООО! - крикнула Мисс. Элвер, когда они достигли вершины горы. - Как красиво! — она

аплодировать. А потом, подойдя к переднему сиденью, коснулся плеча Ирины. - Сколько озер

они здесь!

На северном берегу лорд Ховенден снова спросил. Кортона и Монтепульчано правили в

момент вопроса.

- Я не понимаю, почему меня надо провоцировать, - сказала Ирен.

Лорд Ховенден нашел этот ответ более многообещающим, чем предыдущие.

- Но тебя не провоцируют.

- Да, - настаивала она. - Ты заставляешь меня бездумно отвечать.

- Честно говоря, - сказал Ховенден. - Я думаю, что это немного преувеличено. Заставить вас ответить

не задумываясь! Потому что это именно то, чего я не делаю. Я даю тебе слишком много времени.

Мы проведем ночь, катаясь по озеру, если хотите.

В пятистах метрах от развилки он снова задал вопрос.

- Ты зверь, - сказала Ирен.

- Это не ответ.

- Я не хочу отвечать.

— Это не должно быть сейчас, если вы не хотите, - согласился он. - Я просто хочу, чтобы ты сказал, что подумаешь о

вопрос. Просто скажи, может быть.

- Не хочу, - настаивала Ирен. Теперь они были очень близки к развилке.

- Может быть. Скажи, что подумаешь.

- Ну, подумаю, - сказала Ирен. - Но помните, это не заставляет меня…

Она не закончила предложение, потому что машина, которая уже ехала налево, повернулась к

право настолько неожиданно, что Ирэн пришлось цепляться за скамейку, чтобы ее не выбросили.

- Боже Мой!

— Все хорошо, - сказал лорд Ховенден.

Теперь они шли медленнее по правой дороге. Десять минут спустя, с высоты маленького

ущелье, они заметили Перуджу на ее горе, сверкающей в солнечном свете. Когда они добрались до

отель, остальная часть группы уже была там.

— Мы ошиблись, - объяснил лорд Ховенден. - Кстати — - добавил он, обращаясь

за мистера кардана, это озеро, через которое мы прошли, не было там, где Ганнибал…

- Так много озер, - говорила Мисс. Элвер за Миссис Челифер. - Их так много!

- Это всего лишь один, моя дорогая, - терпеливо настаивала Миссис Челифер.

Но Мисс. Элвер не слушал.

- Много, много…

Миссис Челифер сочувственно вздохнула.

Перед ужином Ирен и лорд Ховенден отправились гулять по городу. Большие каменные дома

они кланялись его проходу. Солнце уже было так низко, что только самые высокие окна, крыши и

карнизы получали свет. Серая тень Земли тянулась к его флангам, но высоко

коралловое и золотое сияние все еще окутывало их.

- Мне нравится это место, - сказал лорд Ховенден. В сложившихся обстоятельствах ему бы так же понравилось

Уиган или Питтсбург.

- Я тоже — - согласилась Ирен. Через прямоугольное отверстие ее волос она улыбалась, счастливая, как

ребенок.

Из плоской части города они вошли в лабиринт крутых переулков, проходов и

извилистые лестницы за собором. Высокие дома, построенные без каких-либо критериев на склонах,

они, казалось, трахались друг с другом, как будто они были частью огромной и фантастической конструкции для

аллеи служили коридорами. Узкая улица проходила между домами, длинный туннель

темный, и расширился на небольшую площадь, похожую на открытый двор. Из открытых дверей, высоко

с лестниц можно было увидеть под включенным светом семьи, сидящие за супницей. Эта

улица превратилась в ступеньки, ведущие в другой туннель, этот очень оживленный и освещенный

по огням таверны. Из устья этой пещеры чувствовался аромат вина, и слышались голоса и

реверберирующий смех.

И затем, когда они вышли из этого туннеля, они оказались на скалистом склоне, открытом для огромного

расширение ночного неба, украшенное голубоватыми силуэтами гор под Полной Луной, уже высокой,

царит безмятежно и торжественно над пейзажем. Сгорбившись на перилах, они посмотрели внизу.

крыши домов, которые стояли на другом конце города, на сотни футов ниже. Цвета дня

они боролись с тьмой, но щедрый муниципалитет уже украсил улицы разноцветными огнями.

Мягкий запах горящего и жаркого дерева тонко заливал воздух. Тишина была такой огромной,,

настолько превосходным и всеобъемлющим, что шумы города, а также так много, казалось бы, мелких объектов и

нечеткие, разбросанные по прерии, ничего не служили, кроме как усилить эту тишину и сделать

слушатель больше осознает его необъятность, в отличие от тривиального матракера города.

- Мне нравится это место, - повторил Ховенден.

Долгое время они стояли там, сгорбившись над парапетом, ничего не говоря.

- Я должен тебе сказать — - он вернулся к своей спутнице в лицо, которое восстановило застенчивость и

самоуничижение пешехода-что мне очень стыдно за то, что я совершил эту глупость

ходить по озеру. - Молодой гигант, сидевший за рулем Велокса, собрался в

гараж вместе с машиной. И оставил на своем месте гораздо менее грозного Ховендена

чтобы продолжить мастерски начатую кампанию. Луна, волшебная красота той, которая смотрела на него.

так задумчиво сквозь щель ее густых волос, запах горящего дерева и

жареные котлеты, все влияло и сговорилось, чтобы смягчить ликование лорда Ховендена,

превращая ее в мягкую сладкую меланхолию. Его прежнее поведение казалось ему теперь,

в этом измененном, предосудительно жестоком настроении. Простит ли она его за это? А

самореклама мучила его. Единственный выход-умолять его простить его.

- Я очень сожалею.

- Правда? - Ряд маленьких белых зубов сиял под поднятой губой; глаза

детские и невероятно открытые вспыхивали счастьем. - Да, нет. Мне было все равно,

немного.

Лорд Ховенден взял Ирэн за руку.

- Правда? Ни капли?

Она покачала головой.

- Помнишь тот день под оливковыми деревьями? — спросить.

- Я вел себя как зверь.

— А я как дура, - сказала Ирен. - Но теперь я чувствую себя кем-то другим.

- Вы хотите сказать мне, что…

Она согласилась. Они вернулись в отель, держась за руки. Ховенден не переставал говорить и смеяться

всю дорогу. Ирэн молчала. Поцелуй тоже сделал ее счастливой, но в некотором роде

различный.

Глава 2

Время и пространство, разум и материя, субъект и объект-все неразрывно смешалось на дорогах

Рим, на следующий день. Менее просвещенный путешественник, который представлял себя идущим из Умбрии в Лацио, чувствовал-в то же время он падал на американские горки через периоды истории, катаясь

отстраненный системами экономической политики, поднимающийся на высоты философии и религии,

переход от одной эстетики к другой. Размеры умножались до бесконечности, и машина, которая казалась

плавно скользя по дороге, он был на самом деле настолько быстрым, насколько мог выдержать его сорок

лошади, в то время как человеческие умы на борту следовали по множеству других дорог,

одновременно и во всех направлениях.

Утро было ясным, когда они вышли из Перуджи. В голубом небе Субазия плыли большие

белые облака. Они тихо спустились по извилистой дороге. У подножия горы, защищенные от света

от солнца в восхитительной прохладе семейного колпака тучные Волумни наклонились над крышкой своих

мраморные горшки, как будто лежали на диванах вокруг обеденного стола. В вечном

предвкушая очередную сочную трапезу, они смеялись и никогда не переставали смеяться. Мы наслаждаемся жизнью,

казалось, они говорили, и мы бесстрашно смотрели на смерть: идея смерти-это просто специя, которая делает

наши двадцать пять тысяч обедов на этой земле гораздо более

аппетитны.

В нескольких милях дальше, в Ассизи, мумия святой покоилась в стеклянном ящике

богато освещенный непрямыми огнями. Подумай о смерти, сказала святая, непрестанно размышляй над

упадок всех вещей, быстротечность этой подлунной жизни. Думай, думай; и в конце концов жизнь потеряет

весь его вкус; он будет испорчен смертью; плоть будет казаться позором и позором. Подумайте о

смерть достаточно сильна, и вы сможете отрицать красоту и святость жизни. И на самом деле мумия была

когда-то монахиня.

- Когда Гете приехал в Ассизи — - сказал г-н кардан, когда они выходили из погребальной камеры Санта

Клара-единственное, чем он интересовался, - это портик второсортного римского храма.

Он, должно быть, не был таким глупым, как мы думаем.

- Отличное место для игры хальмами — - сказала Челифер, когда они вошли в театр

Метастазио.

На этой сцене в стиле рококо искусство должно поклоняться самому себе. Везде сейчас, во время

последние двести лет или около того она поклонялась себе.

Но в двух наложенных друг на друга церквях Сан-Франциско Джотто и Чимабуэ демонстрировали то искусство, которое

однажды она любила что-то еще, кроме себя. Там искусство служит религии — или, как сказали бы

психоаналитики в более научном смысле анальная эротика всегда сопутствует гомосексуализму

кровосмесительный.

- Интересно, - задумчиво сказал мистер кардан, - действительно ли Сан-Франциско справился

сделать бедность такой же достойной, привлекательной и очаровательной, как и они. Я знаю очень мало

бедные в наши дни, которые имеют изящную внешность. - Он посмотрел на Мисс. Элвер, который ходил

блуждая по улице, как водная птица на суше, немного впереди вас. Один конец

эффектный шарф лорда Ховендена ползал по полу; другой конец был привязан к его запястью, и

казалось, она совершенно не обращала на это внимания. Двадцать пять тысяч фунтов, думал г-н кардан, вздыхая, являются

Франциск, Гаутама Будда, все они управляли своими интересами совершенно по-разному. Но

в наши дни было трудно попрошайничать и поддерживать некоторую степень достоинства.

Они сели в машины; размахивая красным шарфом, Мисс мармелад села в машину. Эльвер прощался со святыми, которые

они так много думали о смерти, что были вынуждены умертвить свою жизнь. В его прохладных куполах

тучные Волумни презрительно улыбались. Мы не думаем о смерти, мы рождаем наших детей,

мы умножаем наши стада и наши Акры, мы прославляем жизнь… Лорд Ховенден ускорился; оба

мудрость, новый и старый закон разошлись.

Спелло спустился с горы, чтобы посмотреть, как они проходят. В Фолиньо был день ярмарки. Было так много людей в

дорога, которую Мисс. Элвер был измотан таким большим махом. Треви на своем коническом холме был похож на город

нарисовано в книжке с картинками. Рядом с дорогой, на равнине, были фабрики; высокие дымоходы

они копировали тонкие башни замков, расположенных на склонах холмов. В эти более безопасные времена и

цивилизованные грабители спускаются из своих укрытий в горах и строят смотровые башни

на равнине. Машины проезжали перед прогрессом; прогресс километра в минуту. Е

затем безмятежное и сверкающее чудо клитора возникло справа от них. Священный источник спустился по

склон горы и превратился в большое озеро. Его зеленые берега напоминали

английские газоны. Среди них острова, покрытые растительностью; ивы, сгорбленные над водой, и

небольшие мосты превратили римское место в оригинальный пейзаж, из которого китайский художник имел бы

нарисовал свою первую иву.

- Еще одно озеро, - крикнула Мисс. Элвер.

В Espoleto они остановились на обед и для фресок Филиппо Липпи, художника, которого г-жа Липпи сделала.

Олдвинкл очень восхищался его храбростью, хотя он был монахом, чтобы сбежать с молодой заключенной

в монастыре. Мрачная апсида была смягчена благочестивыми и элегантными формами, светлыми цветами и

чистый. Анальная эротика все еще служила инцестуозному гомосексуализму, но не исключительно. Быть

в этих блестящих формах больше, чем намек на анальную эротику анальной эротикой. Но

дизайнер этого вестибюля анхесенто Романо в западном конце Церкви, безусловно, был

копрофил самых чистых и аутентичных. Как очаровательна Божественная философия! Астрология, алхимия,

френология и животный магнетизм, N-лучи, эктоплазмы и расчетные лошади Эльберфельда — все

у них была очередь, и они прошли. Не следует скучать по ним; потому что мы можем гордиться

наука столь же богато популярна, столь же легка и понятна, как и всегда, как френология и магия.

Галл и Месмер уступили место Фрейду. Филиппо Липпи когда-то имел возможную тенденцию к

эротика анал. Кто осмелится сомневаться в том, что человеческий интеллект может прогрессировать еще дальше? Отсюда

пятьдесят лет, какова будет текущая интерпретация Филиппо Липпи? Что-то глубже, больше

в этом можно быть уверенным. Но что,

что именно, знает только Бог. Как очаровательна Божественная философия!

- Мне нравятся эти картины, - прошептал лорд Ховенден на ухо Ирен.

Они снова ушли. Через ущелье Сомма, а затем через длинное извилистое ущелье до Терни.

Они пересекли равнину (все вокруг, зазубренные горы сияли), а затем поднялись на

Нарни, ненадежно висящий на краю своей глубокой долины; в конце концов они достигли сабинских холмов.

О, Сабины! Как сильно это простое имя сбивало машину с курса! Eheu, fugaces, как

дни короткие — разве эти слова не были впервые сказаны, элегантно, на ферме

Сабина? И сабинские женщины! Только Рубенс знал, как они выглядят и в какой форме они должны быть

похищать. Большие блондинки! С атласными туниками и жемчугом! И у римских хищников была такая кожа,

загорелые, как у индийцев. Его мышцы пульсировали; его глаза и его отполированные доспехи

сверкать. Верхом на своих малиновках с безумием ныряли в сверкающее море женского мяса,

чихание и рябь вокруг вас. Сама архитектура стала бурной и оргиастичной. Этот

это были великие старые времена. Поднявшись в Нарни, они вошли в самое сердце этой эпохи.

Но другие художники, кроме Питера Павла, прошли мимо. Он написал только имя Сабина;

другие, сценарий. Старый пастух, потерявшийся из одного из руин Пиранези, наблюдал за ними с одного

камень, сгорбившись над своей палкой. Стадо коз, жвачных в тени дуба,

черные барбусы и скрученные рога, очерченные на фоне синего траунда, профессионально сгруппированы

- хорошие животные, изучали искусство живописной композиции с лучшими мастерами —,

в ожидании прибытия розы Тиволи. И тот же итальянский голландец, безусловно, был ответственен

пыльными овцами, собаками, мальчиками, держащими палки, и тем пастухом, одетым как один

каприпед в меховых шортах верхом на маленьком осле, малость которого способствовала

почитайте внушительную фигуру своего рыцаря. Но голландцы и фламандцы были не единственными

иностранные художники этой итальянской обстановки. Были деревья, открытые поляны в лесах, были скалы

которые по праву завоевания принадлежали Николя Пуссену. Немного закрыв глаза, камень

серый превратился в разрушенную гробницу: Et ego in Arcadia …; деревня вдалеке, высоко на холме

на другой стороне долины цветы посреди маленького городка колоннад, куполов и триумфальных арок, и

крестьяне, работающие на полях, являются обитателями трансцендентной, серьезной Аркадии и

великолепно занимается погоней за истиной, рационально хорошим и прекрасным. Все это в первую очередь и

средние планы. Но внезапно, с вершины долгого спуска, отдаленного и огромного последнего плана мира

идеал Пуссена раскрывается: Долина Тибра, прерванная равнина Кампанья и, в середине, фантастическая и

маловероятно, одинокий конус горы Соратте, нечеткий и голубоватый на голубом фоне неба.

Глава 3

С высоты Пинчо мистер фалькс описал город, простирающийся у его ног.

- Потрясающе, да? - сказала миссис Олдвинкл. Рим был одним из его частных владений.

- Но каждый из этих камней, — возразил Мистер фалькс, - воздвигнут рабским трудом. Каждый

один из них! Миллионы ублюдков потели, согнулись и умерли там — их голос рос, а

язык становился богаче, Он жестикулировал, как будто стоял перед большой аудиторией-к

чтобы дворцы, величественные церкви, форумы, амфитеатры и все огромные клоаки могли

существовать, чтобы удовлетворить ваши незанятые глаза. Стоит ли это того?, спросить. Будет ли удовлетворение

сиюминутность некоторых праздных оправдывает многовековое угнетение миллионов людей, их братьев и сестер и

похожи на глаза Бога? Стоило ли это того?, настаивать. Нет, тысячи раз нет-с кулаком

справа Мистер фалькс ударил ладонь левой руки. - Нет!

- Но вы забываете — - сказал г-н кардан, - что существует такая вещь, как иерархия

естественный. - Эти слова напомнили ему о другом. Он огляделся. В одной из маленьких

столы, сгруппированные вокруг эстрады, через дорогу, Мисс Марвел. Эльвер, одетый в ее гобелен

Флорида в форме мешка съел шоколадные бомбы и безе, небрежно, с

выражение экстаза на лице, намазанном кремом. Мистер кардан отвернулся и продолжил: —

Есть несколько избранных британцев, которые никогда, никогда не позволят себе порабощаться, и большой

большинство, которые не только поработили себя, но и были бы полностью потеряны, если бы были свободны, не так ли?

- Это подвох, - строго сказал мистер фалькс. - Но этот аргумент оправдывает угнетение

тысячи людей во имя некоторых произведений искусства? Сколько тысяч рабочих и

их семьи вели унизительную жизнь, чтобы часовня Святого Петра существовала?

- Ну, часовня Святого Петра даже не такая уж художественная, - с презрением сказала миссис Олдвинкл,

ощущение, что это стало решающим моментом в обсуждении.

- Когда дело доходит до унижающих достоинство жизней, - добавил Челифер, - я предпочитаю протестовать в пользу

среднего класса больше, чем рабочих. Материально, возможно, они живут немного лучше;

но морально и духовно, уверяю вас, они помещают себя в самую суть реальности. С точки зрения

интеллектуальные взгляды, конечно, не сильно отличаются от рабочих. Все, кроме незначительного меньшинства

и эксцентричный из обоих классов, они принадлежат к трем низшим категориям Гальтона. Но мораль и

духовно они находятся в гораздо худшем положении; они страдают от большего уважения к общественному мнению, они

измученные снобизмом, они вечно живут в окружении страха и ненависти. Если рабочие боятся

потерять работу так же, как и буржуа, и почти с большим количеством причин-потому что у них есть

больше потерять, падение может быть намного больше. Они падают из опасного рая вежливости для

пропасти нищеты без посторонней помощи, переполненные приюты и центры размещения рабочей силы.

Представьте себе страх, в котором живут эти люди! Что касается ненависти, то можно говорить о ненависти пролетариата

к буржуазии, но это ничто, уверяю вас, перед лицом ненависти, которую буржуазия испытывает к

пролетариат. Буржуа испытывает отвращение к рабочему, потому что он боится его; он боится перед лицом

революция, которая может подтолкнуть вас из вашего рая в ад. С завистью и обидой

буржуа видят малейшее улучшение в жизни рабочего. Ей кажется, что она всегда происходит за ее счет.

Во время войны и в период непосредственно последующего процветания, когда впервые в

история рабочие получали зарплату, которая позволяла им жить ближе к комфорту, вы

они помнят, с какой яростью, с каким переполнением ненависти средний класс осудил эксцессы

распутники праздных бедняков? Эти монстры даже купили пианино, пианино! Но потом

все пианино были проданы. Вся ненужная мебель постигла та же участь, что и все, что было

лишний. Даже зимние пальто были заложены. Буржуа, хотя и живут временами

трудно, он чувствует себя счастливее; он отомстил. Сегодня он может жить в относительном спокойствии. Но какая жизнь!

Он живет ради своей похоти, но застенчиво и обычным образом; развлечения для него

предоставляемые компаниями. У него нет религии, но есть большое уважение к самым изысканным условностям,

которые не имеют даже оправдания божественного происхождения. Он слышит об искусстве и философии и уважает

и то, и другое, потому что их уважают лучшие люди; но их интеллектуальные способности и отсутствие

образование не позволяет ему получать от них никакого реального удовлетворения. Поэтому он беднее одного

дикий, потому что, если он никогда не слышал об искусстве или философии, у него есть, по крайней мере, религия и традиции

культурный. Жизнь дикого животного обладает определенным достоинством и красотой; унижает только жизнь

одомашненное животное. Именно по этой причине, - добавил Челифер — - если кто-то действительно

он хочет жить в самом сердце человеческой реальности, он должен делать это среди буржуазии. За короткое время,

однако больше не будет необходимости устанавливать несправедливые различия между классами, потому что вскоре все

они будут буржуазными. В прошлом очарование рабочего класса заключалось в том, что они

состоит из человеческих животных в состоянии относительной дикости. У них была мудрость и

традиционные суеверия; обладали своими древними и символическими развлечениями. Моя мама может

говорить об этом лучше, — добавил он, как скобка. - Понятно, что у Толстого есть

он предпочитал русских крестьян своим богатым и грамотным друзьям; крестьяне были дикарями, и

другие, хотя в глубине души были такими же грубыми, были унизительно одомашнены. Больше, чем это,

это были домашние животные совершенно бесполезной касты. Крестьяне, по крайней мере, делали

что-то, чтобы оправдать свое существование. В других странах Европы и Нового Света этот класс

он быстро исчезает. Газеты и радио приручают всех со скоростью

головокружительный. В современной Англии можно долго ходить, не встречая ни одного существа

действительно дикий человек. Тем не менее, они продолжают существовать в сельской местности и в большинстве частей

зловонные города. Вот почему, повторяю, надо жить среди пригородной буржуазии. Деградировавшие и

в настоящее время одомашненные являются единственными подлинными человеческими животными; они унаследуют землю в

следующие поколения; являются характерной чертой moderna Reality. Больше нет диких; это смешно

желание быть толстовцем в наши дни в Западной Европе. А как насчет настоящих мужчин и женщин,

в отличие от человеческих животных, диких или одомашненных, они настолько исключительны, что нельзя

даже рассмотреть их. Этот купол - он указал на силуэт часовни Святого Петра над домами,

на другом конце города-он был разработан Микеланджело. Но что

она или даже он видит?

с нами?

- Богохульство! - крикнула миссис Олдвинкл, бросаясь на защиту Буонарротти.

Мистер фалькс возобновил свое прежнее негодование:

- Злая человеческая природа! — сказать.

- Все это правда, и совершенно очевидно, - был комментарий мистера кардана. - Но я не понимаю.

почему мы не можем развлекаться с Микеланджело, если хотим. Бог знает, как трудно

человек приспосабливается к обстоятельствам; зачем лишать его своей маленькой помощи в этой сложной задаче?

Например, вино, чтение, сигареты и хорошие разговоры, искусство, еда, религия для тех, кто

нравится, любовь, спорт, гуманизм, гашиш и многое другое. У каждого человека есть свои

собственный рецепт для облегчения процесса адаптации. Почему он не может спокойно принимать наркотики?

Вы, молодые люди, очень нетерпимы. Сколько раз у меня была возможность сказать это? На самом деле это

кучка запретителей; вы все.

— Однако, - сказала миссис Челифер своим нежным музыкальным голосом, - нельзя отрицать, что

запрет дал хорошие результаты в Америке.

Они возвращались к столам вокруг эстрады, от которых они отошли незадолго до этого, чтобы

полюбоваться видом. Мисс. Элвер заканчивал есть шоколадную бомбу. Перед ней стояли двое

пустые тарелки.

- Хорошо поели? - спросил Мистер кардан.

Она кивнула; ее рот был слишком полон, чтобы говорить.

- Хочешь еще конфет? - предложил он.

Мисс. Элвер посмотрел на две пустые тарелки, затем на мистера кардана. Похоже, я собирался сказать “да”.

Но миссис Челифер, сидя рядом с ней, положила руку ей на руку.

— Думаю, Грейс больше не хочет есть, - сказала она.

Грейс повернулась к ней; разочарованный и меланхоличный взгляд залил ее лицо, но вскоре в

затем он уступил место более счастливому выражению. Она улыбнулась, взяла миссис Челифер за руку и поцеловала ее.

- Леди мне нравится, - сказал он.

На тыльной стороне ладони Миссис Челифер осталось темное шоколадное пятно.

- Думаю, тебе лучше протереть лицо салфеткой, - предложила она.

- Разве дама не могла смочить его раньше горячей водой?

Затихла тишина. С танцпола под открытым небом, всего в нескольких метрах от него, под деревьями, он доходил до

они звучат как джаз-бэнд, немного приглушенный расстоянием и шумом, который поднимался из Рима.

Монотонные и непрекращающиеся банджо ощущают танцевальный ритм. Случайное шипение обвиняло присутствие

от скрипки. Также была слышна труба ужасной настойчивости, дующая тонику и

доминирующий; и ясно, над всем остальным сладострастно мяукал саксофон. С этого расстояния,

все ноты выглядели точно так же. Вдруг на Садовой эстраде пианист, два скрипача

и виолончелист начал хор паломников Таннхаузера.

Тем временем крепко обнявшиеся Ирен и лорд Ховенден танцевали с легкостью и точностью

о цементной дорожке. Послушные музыке, сорок пар медленно танцевали вокруг них.

Коварно фильтруя себя через забор, который изолировал танцпол от остального мира, тонкие дуновения

Хор паломников вмешивался, слегка перекрывая джаз.

- Ты слышишь? - спросил Ховенден Ирен. - Забавно слышать обе мелодии во время

в то же время.

Но далекой музыки было недостаточно, чтобы нарушить их ритм. Они услышали это на мгновение,

улыбаясь абсурду той другой песни снаружи, но они не переставали танцевать. За короткое время уже не

они заботились о ней.

Глава 4

Мистер фалькс надеялся, что, когда они прибудут в Рим, они без труда вернут своего ученика для

что он считал более высоким и более серьезным духовным отношением. В уютной атмосфере

Международная конференция труда, он надеялся, что лорд Ховенден восстановит свой моральный тон и

интеллектуальный. Посещая лекции, встречаясь с иностранными товарищами, он забудет коррумпированных

прелести жизни под крышей миссис Олдвинкл, и она наверняка обратится к более благородным вещам и

важный. Кроме того, для такого молодого и щедрого духа, как его, перспектива возможного

преследование со стороны фашистов будет действовать как стимулятор. Тот факт, что он на другой стороне, заставит его почувствовать

с большей пылкостью непопулярная причина. Это то, что предполагал мистер фалькс.

Но факты показали, что мистер фалькс просчитался. С тех пор, как я прибыл в Рим, лорд

Ховенден, казалось, меньше интересовался политикой, чем в последние недели в Веззе. Он согласился,

но с неохотой, которую мог понять только мистер фалькс, принять участие в нескольких

совещания конференции. Интеллектуальная атмосфера не оказала на него никакого тонизирующего воздействия, которое

он проводил большую часть встреч, зевая и обращаясь к часам с необычайной частотой. В

ночью, если бы Мистер фалькс хотел отвезти вас к замечательному товарищу, он бы дал смутное оправдание, или больше

часто его нигде не находили. На следующий день мистер Фалькс узнал, что он

он провел половину ночи в танцевальном зале с Ирен Олдвинкл. Ему оставалось только ждать с

тревога в тот день, когда миссис Олдвинкл вернется домой. Лорд Ховенден останется в Риме

с ним до конца конференции, и это было согласовано до того, как они покинули Англию. С

устраняя все эти легкомысленные искушения, мальчик должен вернуть себе лучшую сторону.

Однако совесть лорда Ховендена временами беспокоила его.

- Я чувствую, что бросаю мистера фалькса, — признался он Ирен во вторую ночь в

Рим. - Но нельзя ожидать, что мы будем вместе целый день, не так ли?

Ирен тоже так не думала.

— С другой стороны, — продолжал он, пытаясь самоутвердиться, - он не одинок. Есть много людей

с кем можно поговорить. На самом деле, я думаю, что мы вместе как никогда.

Ирэн согласилась. Группа вернулась к игре. В тот же миг молодые люди встали и начали

двигаемся вместе по трассе. Они были в грязном кабаре, с яркими огнями, часто посещаемыми худшим.

тип итальянской и международной аудитории. Женщины были в основном проститутками; шумная группа

пьяные англичане и американцы собрались в углу с парой местных брюнеток, которые выглядели

слишком трезвые; на треке пары танцевали с чрезмерной близостью. Ирен и лорд Ховенден

они обсуждали дату свадьбы; они находили кабаре прекрасным местом.

Днем, если лорду Ховендену удавалось избежать собраний, он ходил по городу с Ирен,

покупка того, что они считали антиквариатом для своего будущего дома. Весь процесс был несколько

излишне, потому что, поглощенные удовольствием от покупок, они забыли, что будущий дом тоже был

очень древняя резиденция.

- Мне очень нравится этот обеденный прибор — - говорил лорд Ховенден, и они заходили в магазин и

покупали сразу. - Жаль, что он немного Сколот, — комментировал он, качая головой

- но все в порядке. Среди двадцати трех ценных столовых приборов, уже существующих в вашем будущем доме,

был один из чистого золота и один из позолоченного серебра для менее важных случаев. Тем не менее, это было

так весело ходить по магазинам, так весело ходить по магазинам! Под бледностью осеннего неба город стоял

золотой и черный. Золотой, где солнечные лучи падали на стены из штукатурки или травертина, и черный на

тень, гораздо более Черная под арками и внутри церквей, и от блестящего черного в фонтанах

высеченные в камне, всегда мокрые от непрекращающегося потока воды. На открытом воздухе солнце было теплым;

но легкий ветерок, дующий с моря, освежал атмосферу, и восхитительная свежесть исходила из уст

узкие аллеи, которые уже более тысячи лет не получали солнечного тепла. Они много ходили

времени и не надоедали.

Тем временем Миссис Олдвинкл ходила по достопримечательностям вместе с Челифер. Я надеялся на

что часовня цистина, ВИА Апиа на закате, Колизей в лунном свете или сады виллы д'Эсте

они могли пробудить в Челифере эмоции, которые, в свою очередь, предрасполагали его к романтике. В

по собственному опыту она знала, что разные эмоции не хранятся отдельно, например

в голубиных домах; и что, когда один из них стимулируется, другие, вероятно, проснутся. Более

предложения делаются в такси, возвращаясь из оперы Вагнера, перед видом

или в лабиринтах разрушенного дворца, чем в безвкусных залах или на улицах Запада

Кенсингтон. Но ни на Виа Апиа, с его одинокими соснами, почерневшими на закате, и его

призраки, играющие на гобоях из руин; ни в Колизее при лунном свете; ни перед кипарисами, из

каскады и фонтаны цвета нефрита Тиволи; ничего не было эффективным. Челифер никогда не совершал; его отношение

они оставались безупречно вежливыми.

Сидя на упавшей колонне в руинах виллы Адриано, Миссис Олдвинкл настояла на том, чтобы рассказать

Челифер некоторые любовные отрывки из ее прошлого. Он описал, с небольшими изменениями фактов, в

во что она давно поверила, история ее причастности к пианисту Эльзевиру.

Какой художник! Какие пальцы! И с лордом Трунионом: старомодный великий сеньор! Но он молчал о мистере.

Кардан. Не то чтобы его мифоманские способности не могли превратить его во что-то романтическое и

экстраординарный. Нет, нет; она всегда описывала его тем, кто не знал его, как своего рода

Хэмпден из Гамлет, бесславный молчаливый такой-то, что сделал бы что-нибудь, правда

все, что угодно, если бы я только решил потрудиться. Это был великий настоящий Дон-Хуан, настоящий в этом

дело, а не просто потенциал. Ироничный Адвокат дьявола или

даже самого Дьявола. Но это

потому что его никто не понимал-никто, кроме самой миссис Олдвинкл. Тайно он был

очень чувствительный человек и имел доброе сердце. Но чтобы понять это, нужно было обладать большой интуицией.

И так далее; она сделала его первоклассной мифической фигурой. Но инстинкт осторожности мешал ей

свободно разоблачать свои мифы перед людьми, которые хорошо знали оригиналы. Челифер никогда не превращается в Лорда

Трунион или Бессмертный Эльзевир. Но я знал мистера кардана.

Однако эффект их уверенности был столь же незначительным, как и в романтических сценариях или

из потрясающих произведений искусства. Челифер не чувствовал стимула отвечать взаимностью с доверием или

следуйте примеру лорда Труниона или Эльзевира. Выслушала все внимательно, и когда она закончила,

он дал волю хорошо подобранным выражениям солидарности, подобным тем, которые используются при написании людям

известны смертью своих бабушек. И после значительной тишины посмотрел на часы и сказал, что это

время возвращаться; он пообещал выпить чай со своей матерью, а затем, добавил он, они выйдут навестить некоторых

пенсии. Поскольку она проведет всю зиму в Риме, они должны беспокоиться о поиске хорошего

место для ее размещения. Миссис Олдвинкл была вынуждена согласиться. Они взяли путь через

Кампанья крестада, обратно в город. На протяжении всего пути миссис Олдвинкл сохранила

меланхоличная тишина.

При проведении гостиницы в чайной на площади Пьяцца Венеция, sra. Chelifer, мисс. Элвер и Мистер.

Карданы прошли через форум Траяна. Две маленькие церкви спроектировали свои двойные купола и

золотые к небу. С пола Форо, затонувшего намного ниже уровня улицы-тридцать

сантиметры каждые сто лет-возвышалась большая колонна с упавшими колоннами и каменными блоками

хаотично разбросаны вокруг вашей базы. Они остановились, чтобы посмотреть.

- Я протестант, - сказала миссис Челифер после минуты размышлений, - но всегда

то, что я прихожу сюда, я чувствую, что Рим был особенным местом. Аллах создал его среди других городов и

своеобразный способ быть центром крупных событий. Это знаменательный город, очень

важно, хотя я не могу точно объяснить, почему. Я просто знаю, что это знаменательно; вот и все. Увидеть

эта площадь, например. Две яркие маленькие церкви противоположной формы, смехотворно претенциозные и

без какой-либо религиозности, эта неразбериха домов, не имеющих значения, окружающих площадь, и в

наполовину, этот идолопоклоннический памятник бойне. При этом мне почему-то кажется, что все

духовный диапазон и значение; это важно. То же самое относится ко всему в этом городе

экстраординарный. Я не могу смотреть на нее равнодушно, как на какую-то другую.

— И несмотря на это, - сказал г-н кардан, - большое количество туристов и все их

жители делают это естественно.

- Но это потому, что они на самом деле никогда не смотрят на нее, — сказала миссис Челифер. - Если бы вы действительно посмотрели…

Она была прервана криком Мисс Марвел. Элвер, который отошел от них и посмотрел через решетку.

большой затонувший форум.

- Что случилось? - спросил Мистер кардан, и оба подбежали к ней.

- Смотрите — - кричала Мисс. Элвер, указывая вниз. - Посмотрите на всех этих кошек!

И вот они были. Над теплым мрамором упавшего столба грелась большая пятнистая кошка

солнце. Целая семья желтоватых детенышей играла на земле. Маленькие тигры ползали по

между кирпичными блоками. Миниатюрная Пантера сидела на задних лапах и точила их

гвозди в коре небольшого дерева. У подножия колонны лежал скелетный труп.

- Котенок, котенок, - звала Мисс. Элвер с резкостью.

- Бесполезно — - сказал мистер кардан. - Они понимают только итальянский.

Мисс. Элвер посмотрел на него.

- Должен ли я тогда выучить итальянский язык у кошек?

Тем временем Миссис Челифер с интересом смотрела вниз.

- Их как минимум двадцать, - сказал он. - Как вы туда попали?

- Чтобы избавиться от них, люди приходят сюда и бросают их туда через решетку, - объяснил

мистер кардан.

- И они не могут уйти?

- Так кажется.

На добром лице Миссис Челифер появилось выражение тоски. Она слегка щелкнула языком

между зубами и покачал головой.

- Бедняги! Как они питаются?

- Я даже не представляю — - сказал мистер кардан. - Может, они съедят друг друга. Конечно, люди

они время от времени бросают еду.

- Между ними мертвый, - сказала миссис Челифер; и в ее лице прозвучал тон почти упрека

голос, как будто она думала, что мистер кардан виноват в том маленьком трупе у подножия позвоночника.

- Хорошо мертв, - сказал мистер кардан.

Они продолжили свой путь. Миссис Челифер больше ничего не сказала. Она выглядела обеспокоенной.

Глава 5

- An pris carunsflucuthukh. - Мистер кардан помахал гиду. - Поднеси свет ближе, - сказал он

по-итальянски, и когда человек подошел к фонарю, он продолжал медленно читать надпись на

древнегреческий, на стене гробницы — - Flucuthukh nun tithuial khues khathc anulis mulu viflle riin puiian

acasri jlucuperpris an Ti ar vus ta aius muntheri flucuthukh. - Он встал. - Какой прекрасный язык! — сказать.

- Восхитительно! С тех пор, как я узнал, что этруски называли бога вина Фуфлунами, я взял

глубокий интерес к его языку. Фуфлуны… это несравнимо, так более уместно, чем Вакх, Фибер или

Дионис! Фуфлуны, Фуфлуны-повторил с акцентом. - Лучше невозможно. Эти существа обладали

настоящий лингвистический гений. Какие поэты, должно быть, дали! “Когда Fufluns flucuthukhs flpA представьте себе

оды вину, которые начинались так. Вы не смогли бы соединить в английском так много слогов

сочные и пьянящие сколько таких, не так ли?

- Что вы думаете о “Ale in a Saxon rumkin”?i 25 i-предложил Челифер.

Мистер кардан покачал головой.

- Не сравнится с этрусками. Не хватает согласных. Он слишком легкий, шипучий и

тривиальный. Без сомнения, вы могли бы говорить о газированной воде.

— Но насколько известно — - сказал Челифер, - флукутух по-этрусски может означать газированную воду.

Fufluns, уверяю вас, это уместно. Но, возможно, это просто совпадение. Нет никаких доказательств

иными словами, этруски так грамотно подстраивали звук под смысл. “Когда

Fufluns flucuthukhs o можно перевести как “когда Вакх газифицировал белое вино”. О

сэр, вы не знаете.

- Вы правы — - согласился Мистер кардан. - Не знаю. И никто не знает. Я позволил себе увлечься

энтузиазм, который вызвал у меня Fufluns. Flucuthukh может не иметь такой вкусной коннотации, как слово с

этот звук должен иметь; может быть, как вы говорите, это даже означает газированную воду. Тем не менее, у меня есть

надежды; я верю своим этрускам. Однажды, когда они узнают ключ к этому языку

окаменев, я верю, что они сделают меня справедливым; flucuthukh окажется таким же подходящим, как Fufluns, напишите, что

я говорю вам! Это великий язык, настаиваю я; великий язык. Кто знает? Может быть, внутри

через несколько поколений появится новый Басби или Китс, чтобы перефразировать этрусский синтаксис и просодию на спине

маленьких британских детей. Ничто не принесет мне большего удовлетворения. Латинский и греческий языки имеют

бесконечно малая практическая ценность. Но этрусский совершенно и абсолютно бесполезен. Может ли существовать лучшая база

для образования джентльмена? Это будет великий мертвый язык будущего. Если бы этрусский не существовал, он бы

что быть изобретенным.

— Это именно то, что придется делать педагогам, — сказал Челифер, - поскольку нет

другая этрусская литература, кроме разрозненных надписей и слов на мумиях Аграма.

- Еще лучше, - возразил Мистер кардан. - Если бы мы написали это сами, мы могли бы найти

очень интересная этрусская литература. Тот, который был создан самими этрусками, был бы таким скучным

как и любая другая древняя литература. Но если бы вы написали эпосы, я бы диалоги Сократа, и

мастер художественной литературы, такой как Мисс. Если бы мистер триплоу написал историю, у нас была бы структура, с помощью которой

редкие студенты, которые извлекают выгоду из исследования, проявят реальный интерес. И отсюда

поколение, когда мы стали как устаревшими как наши идеи, как Талли или

Гораций, литература Этрурии будет переписана нашими потомками. Каждое поколение будет использовать это

мертвый язык, чтобы выразить свои идеи. И, выраженные на языке, столь же богатом, как мне кажется этрусский,

эти идеи будут казаться более значимыми и запоминающимися. Потому что я часто замечаю, что

идея, выраженная на родном языке, всегда кажется глупой, обычной и тусклой; но если это так

материализованный на иностранном и незнакомом языке, он станет прозрачным в глазах ума и

обретет новое значение. Шутливый мотив на латыни звучит намного тяжелее и правдивее, чем

то же самое на английском языке. Если изучение мертвых языков действительно имеет какое-либо значение, о чем я сожалею

очень опровергнуть, эта важность заключается в том, что она учит нас значению словесной среды посредством

посредник, из которого выражаются мысли. Знать одно и то же на нескольких языках-значит знать это,

когда у человека есть чувствительность, более глубокая и богатая,

чем если бы это было только в одном. Если

молодежь знала, что в этрусском бог вина называется Fufluns, будет иметь много знаний

больше атрибутов этой божественной личности, чем тех, кто знает ее только по имени Вакх. Если

я хочу, чтобы археологи обнаружили ключ к этрусскому языку просто для того, чтобы у меня был

гораздо более глубокое восприятие вещи или идеи, чем роскошные слова, такие как jlucuthukh или khathc

коннотам. Остальное не имеет значения. Выяснят ли они значение этих надписей, для меня,

абсолютно безразлично. Потому что, в конце концов, что они узнают? Ничего, чего мы еще не знали.

Они обнаружат, что до того, как римляне завоевали Италию, мужчины ели и пили, занимались любовью,

они накапливали имущество, угнетали более слабых соседей и так далее. Можно было бы вывести то же самое

вещь, идущая по Пикадилли в будний день. Кроме того, у нас есть чертежи. - Он расширил

рукоятка.

Гид, терпеливо слушавший эту непонятную речь, отреагировал на жест

поднимая свой ацетиленовый фонарь. Волшебно призванные к жизни сиянием света, множество

веселые и красочные формы появились на стене погребальной камеры, в которой они стояли. Обрамить

на фоне стилизованных деревьев два бойца с красновато-коричневым цветом лица, египетскими глазами и

греческий профиль, из тех, что видны по бокам старых сосудов, были готовы к стыковке. В

с каждой стороны, за деревьями, были видны две пары черных, длинноногих лошадей. Над ними, в

сегмент круга между верхней линией рисунков и сводчатым потолком погребальной камеры,

лежал большой светлокожий леопард с черными пятнами, как у собак, и

китайские фарфоровые кошки более поздней эпохи. На левой стене пировали: этруски цвета лица

красновато-коричневые лежали на своих диванах; сидели рядом с ней, белые женщины, как

фарфор, который сладострастно контрастировал со своими темными товарищами, такими как бледные и пухлые

нимфы Буше со своими брюнетками-пасторальными любовниками. С иератическими жестами взаимной любви,

они пили для здоровья друг друга в винных гамелах. На противоположной стене охотники за птицами занимались

со своими стрелками; другие, с сетями. Небо роилось птицами. Внизу, в голубоватом море, они

они клевали рыбу. Длинная надпись пересекала стену справа налево. Потолок камеры

морг был окрашен в красный, черный и белый цвета. Над низкой и узкой дверью, ведущей из

могила в вестибюле лежал белый бык. Две тысячи пятьсот лет назад именно там

оплакивали только что умерших.

— Мы видим, как они охотятся, пьют, веселятся и занимаются любовью, — продолжил мистер кардан. —

Что еще они должны были сделать? Эта надпись не говорит ничего, кроме того, что мы уже знаем. Правда

что я предпочел бы знать, что это значит, но только потому, что я надеюсь, что смуглый мужчина говорит даме

белый: “Llucuthukh меня только с твоими глазами”, или что-то такой же интенсивности,” и я flucuthukh тебя с

мой”. Если они действительно говорят это, совершенно новый свет будет пролит на понятие

пить; совершенно новый свет…

- Но не было бы ничего нового в любви, если бы они были любовниками, - сказала миссис Олдвинкл.

тоскливо.

- Не так ли? - ответил мистер кардан. - Представьте, что flucuthukh означает, а не пить,

любовь. Уверяю вас, что чувства, которые обозначает это слово, сильно отличаются от тех, которые мы

мы часто резюмируем это как “любовь”. Можно догадаться по звучанию слова, на каком бы языке оно ни было, что

вы имеете в виду человека, когда говорите о любви. Амур, например. Этот продолжительный звук “u”, связанный с

гортанное ” р ” в конце слова очень значимо. “У”… губы образуют клюв, как если бы они были

поцеловать. Затем” rrr”, быстро; рычание собаки. Невозможно было бы лучше выразить прозаику

непристойность переведена любовью в девяти десятых французской художественной литературы и театра. И Либе… Какой бледный звук,

сумасшедший и сентиментальный обладает этим расширенным “я”! И как подходит также блеяние губ, которое

далее: “будь”. Это баран с голосом, потрясенным эмоциями. Весь германский романтизм

подразумевается в звучании этого слова. И германский романтизм, немного детракэ, трансформируется с помощью сцены

логика экспрессионизма и дикая эротическая экстравагантность современной германской фантастики.

Что касается английской любви, то она характерно неуловима и нерешительна. Этот маленький, неясный звук

односложный иллюстрирует нежелание англичан называть вещь своим именем. Это символ

национальные репрессии. Все наше лицемерие и прекрасный платонизм нашей поэзии есть. Лав… - мистер.

Кардан прошептал Слово и, подняв палец, чтобы попросить тишины, повернул одно ухо вверх от

чтобы уловить легкие отголоски вашего голоса, резонирующие между стенами. - Лав… Английская эмоция

совершенно отличается от того, что означает слово любовь. Люби… Второй слог поется с радостью,

в тембре баритона, исходящем из нижней части груди, и легком поверхностном вибрато в горле, которое делает

самый пульсирующий звук. Аморе-это название того качества, которым Стендаль так восхищался в итальянцах и

чье отсутствие у его соотечественников, особенно у женщин, заставило его поставить Париж ниже

из Милана или Рима. Вот правильное и совершенно выразительное название Страсти!

- Это правда, - сказала миссис Олдвинкл, мелькнув на мгновение за своей меланхолией. О

похвала итальянскому языку и характеру, которые принадлежали ей, порадовала ее. - Звук Аморе страстный. Если

если бы англичане знали, что означает страсть, они бы нашли более выразительное слово, чем

Лав. Это точно. Но они не знают, - вздохнул он.

- Верно — - продолжил мистер кардан. - Любовь, как мы видели, это не что иное, как страсть

юг. Но тогда предположим, что flucuthukh-это этрусское слово, обозначающее любовь. Если Амур означает разврат,

JJebe, чувство, и amore, страсть, к какому аспекту сложного феномена любви относится flucuthukh ? О

микроб Staphylococcuspyagenes вызывает фурункулы у некоторых пациентов; у других воспаление в глазах;

в других случаях он отвечает за hratitis punctata. То же самое и с любовью: симптомы

они варьируются от человека к человеку. Но благодаря безграничной внушаемости и подражательной способности

человек, наиболее распространенные симптомы в данной эпохе, как правило, становятся универсальными для целого

общество. Все люди так или иначе осквернены; одни страдают от амоур. ; другой,

JJebe; и так далее. Теперь представьте себе людей, которые страдали от flucuthukh; каковы были бы

симптомы любящего зла, которое было названо так? Это невозможно узнать. Но, по крайней мере, это увлекательно

спекулировать.

Один за другим группа прошла через узкую дверь, пересекла вестибюль гробницы и забралась наверх

лестница на поверхность. После того, как они приспособили свои глаза к ясности полуденного солнца, они вышли на

скальный холм, где дул сильный ветер.

Это было одинокое место. Арки разрушенного акведука повторялись вдоль возвышенностей, и,

следуя его углублениям, глаз, наконец, упирался в стены и высокие башни Корнето. В

слева скалистые холмы спускались к морю; расстояние, рядом с узкой равниной у подножия

с холмов можно было увидеть Средиземное море. С правой стороны была глубокая долина, закрытая с одной стороны

высокий округлый холм. Бока этого холма были согнуты и вырезаны руками

человеческий. Когда-то здесь был священный город этрусков, Тарквиния. Длинный склон, на котором они

их не было-сколько веков? - некрополь этого народа. Бесчисленные мертвые покоились

в этих камерах, вырытых в меловом камне. Иногда крыша одного из них рушилась и из этой темной дыры

даже в разгар лета исходила незапамятная свежесть; другие, поверхность склона вздулась в

могилы, покрытые травой. Именно из одного из них они только что вышли. Гид отключился

фонарь и закрыл дверь на этрусских призраков. Они продолжали идти сквозь время,

геологический: между морем и холмами, под облаками, плывущими по голубому небу, Средневековье пронзило

горизонт с его башнями; под травой разрушенные реликвии Этрурии образовывали рябь почти

незаметно; от римской дороги, пересекающей равнину, до них доходил далекий грохот двигателей.

Рог разбудил Ирэн от транса, в котором, грустная и по-детски, теперь почти жалкая, она

сопровождал остальных. Она была тихой и меланхоличной с утра предыдущего дня, когда они ушли

Рим. Лорд Ховенден остался там с мистером фальксом. Длинный стон рога, казалось, напоминал ему о каком-то

вещь. Она смотрела на равнину у моря. Белое облако пыли продвигалось по дороге

марема, родом из Чивита Веккья. Непрозрачный, он парил над дорогой и медленно увядал, пока не стал-если прозрачный на хвосте. На фронте, где пыль была плотнее, маленький черный предмет

он двигался, как ползучее насекомое, пересекая равнину по всей ее длине и волоча облако

за вами. В противоположном направлении шла еще одна комета пыли с черной головой. Как две змеи,

облака приближались друг к другу, чтобы вести битву. Они становились все ближе и ближе. Ирен

он молча наблюдал за ними, охваченный ужасным трепетом. Было невозможно, чтобы они не столкнулись. Более

ближе, ближе… Теперь головы почти соприкасались. А если бы в одной из машин была ваша… Столкновение

теперь это было неизбежно. О, какой ужас! Ирэн закрыла глаза. Вскоре после этого он снова открыл их. Оба

змеи слились и теперь стали намного плотнее и непрозрачнее. На ужасный момент

Ирэн думала, что они уничтожены. Но вскоре они снова появились, отойдя от одной из

еще один и больше не приближается. Две змеи были еще одна, но с двумя головами, одна

длинная амфисбена. Затем постепенно середина амфисбены

начала истончаться и истончаться; небольшой

роща просвечивала сквозь нее, сначала нечеткая, потом острее. Амфисбена разделилась пополам и

теперь две белые змеи ползли одна на север, другая на юг и между двумя хвостами

пустое пространство становилось все больше и больше. Ирэн глубоко вздохнула с облегчением и

побежал, чтобы догнать других. Она была наблюдательницей чудесным образом предотвращенной катастрофы. Чувствовал себя

теперь намного счастливее, чем весь день. На широкой дороге две машины

перекрестный. Это все, что произошло.

Гид открывает дверь, ведущую в другую раскопанную гробницу. Снова включил фонарик и

он двинулся вперед по крутым ступеням гробницы. На одной из стен мчались фигуры на лошадях

и они боролись с иератическими жестами, все в профиль. Богиня, или, может быть, она была просто мэром города,

ношение одной из тех высоких причесок в форме шапочки, которые позже сделали римские матроны

они заимствовали у своих соседей, раздавали призы. На других стенах пировали. Мужчины цвета лица

красновато-коричневые и белые женщины откидывались на диванах. Рядом с ними был музыкант, который

он играл на двойной флейте; танцовщица, которая, казалось, была в Персидском костюме, танцевала, чтобы развлечь

посетители, танец завес.

- Похоже, у них были простые вкусы, — сказал мистер кардан. -

Здесь ничего особенного не видно

сложный или fin de siècle. Нет ни обнаженных акробатов, преследующих быков, как в Кноссе, ни драк

гладиаторы, убийства животных или боксеры в металлических перчатках, как на римских аренах. Это

очаровательные, почти детские люди, не так ли? А также не так цивилизованно, чтобы быть exigeant как

к вашим удовольствиям.

- Не так цивилизованно, — добавил Челифер, - чтобы быть по-настоящему вульгарным. Что касается этого, они

далеко от римлян. Вы когда-нибудь видели эту огромную мозаику в Латеранском музее? Пришел из

одна из императорских бань, не помню какая, и состоит из портретов главных героев

спортсмены того времени, боксеры и гладиаторы вместе со своими тренерами и финансистами;

к последним с большим уважением относился автор мозаики, которая представляет их из тоги и в

благородные должности. Сразу видно, что это gens bien, спортсмены и любители. Короче говоря, финансовый интерес.

Спортсмены изображаются в естественном состоянии, на самом деле настолько чрезмерно естественном, что легко

это может принять тех тяжеловесов за горилл без лишних волосков. Под каждым портретом есть

подпись с именем героя. Мозаика напоминает страницу спортивного журнала, только страница

двенадцать метров в ширину и девять в высоту и сделаны не из древесной массы, а из материалов

самые прочные из когда-либо обнаруженных изобретательностью человека к материализации и визуальной вечности

ваших мыслей. Я думаю, что это именно размер и вечная долговечность этой вещи

что делает его хуже, чем аналогичные страницы наших иллюстрированных журналов. Сделать из

профессиональные спортсмены и призеры эфемерные герои-это уже довольно плохо; но хотеть

увековечивание их славы, безусловно, свидетельствует о глубокой пошлости и деградации. Как толпа

Moderna, толпы наших современных столиц наслаждаются спортом и упражнениями, которые они сами

не практикуют; но в любом случае слава наших спортсменов длится всего несколько дней после

его триумфы. Мы не выгравировали его чучела на мраморе, чтобы они пересекали сотни поколений.

Мы гравируем их на древесной массе, что почти то же самое, что гравировать их в воде. Приятно думать

что к 2100 году вся наша журналистика, литература и философия превратятся в пыль. О

тем временем мозаика останется в своем нынешнем, прекрасно сохранившемся состоянии. Не меньше, чем один

динамит или землетрясение могут полностью уничтожить чучела этих имперских боксеров. Но

это также хорошо для будущих историков Рима. Потому что никто не сможет сказать, что

он действительно понимает Римскую империю, пока не изучил эту мозаику. В ней содержится квинтэссенция

римская реальность. Одной капли этой реальности будет достаточно, чтобы уменьшить все Утопии, когда-либо созданные

историки, или те, которые все еще будут созданы, когда они пишут свои хроники о Древнем Риме. После

увидеть эту мозаику нельзя больше иметь щедрых иллюзий о людях, которые ею восхищались, или о

время, когда это было сделано. Станет ясно, что римская цивилизация была не только такой грязной, как наша,

но даже немного больше. В этих этрусских гробницах, - добавил Челифер, глядя на фрески вокруг

- не создается впечатление организованной и эффективной зоофилии, как у мозаики

римский. Как вы говорите, мистер кардан, в этих развлечениях есть чистота, определенная детская радость

представлять. Но я, конечно, не сомневаюсь, что это впечатление полностью ошибочное. Это искусство имеет

определенный архаичный шарм; но его художники, возможно, были такими же изощренными и отталкивающими, как и его

римские преемники.

- Ах, - сказал мистер кардан, - но вы забываете, что они называли Вакха Фуфлунами. Давать-по крайней мере, это заслуженная заслуга.

- У римлян тоже был красивый язык, - опроверг Челифер. — Все же они сделали

огромные увеличения спортивной страницы Daily Sketch на мраморной мозаике на основаниях

цемент.

Они поднимались на поверхность. Ступеньки были высокими, а ноги у мисс. Элвер так коротка, что это было

мне нужно, чтобы вы ей помогли. Его хихиканье и пронзительный крик разносились по всей могиле. Наконец,

они вышли на солнечный свет.

На более высокой высоте, в ста или двухстах метрах от того места, где они стояли, был человек

стоя на месте, его контур довольно резкий на фоне голубого неба. Он защищал глаза от света рукой и

я что-то искал. Ирэн внезапно покраснела.

- Я думаю, это Ховенден, - сказал он тоном, стараясь быть как можно более непринужденным.

Примерно в то же время мужчина повернул голову в их сторону. С рукой, которая защищала

глаза начали махать. Радостное ” Эй!“прозвучал над гробницами, и человек спустился с холма к

прыгает, бежит туда, где они были. Это Был Ховенден. Ирен хорошо видела.

- Я везде вас искала, - заговорила почти запыхавшись. С большим количеством анимации он сжимал

рука всех присутствующих, кроме, дипломатично, руки Ирины. -В городе мне сказали, что

группа иностранцев посетила кладбище или что-то в этом роде. Так что я побежал за вами, пока

найти старого Эрнеста с машиной на другой стороне дороги. Значит, они были в могиле? —

Он посмотрел на темный вход. — Поэтому я их не видел…

Миссис Олдвинкл прервала его:

- Разве вы не должны быть в Риме с мистером фальксом?

Детское, веснушчатое лицо лорда Ховендена мгновенно стало красным.

— На самом деле, — сказал он, глядя на пол, - я не очень хорошо себя чувствовал. Врач

он рекомендовал мне немедленно покинуть Рим. Городской воздух, знаете ли… Поэтому я оставил записку мистеру Фальксу.

е… я здесь. — Он снова поднял глаза и улыбнулся.

Глава 6

- Но в Монтефиасконе, - сказал г-н кардан, завершая рассказ о немецком епископе, который крестил

известное местное вино с любопытным названием-адъютант епископа Дефука нашел хорошее вино в

все лавки и таверны; и когда пришел его Господь, он наткнулся на согласованное знамение, написанное

с мелом на сотнях дверей: Est, Est, Est; город был полон их. И епископ был так поражен

с напитком он решил поселиться в Монтефиасконе на всю жизнь. Но выпил так много, что в

вскоре было показано, что он поселился там, чтобы умереть. Он был похоронен в маленькой

церковь рядом. На его надгробии адъютант выгравировал портрет епископа и эту краткую эпитафию: “Es/

ЭСТ Джо Дефук. Propter nimium hic est. Dominus my mortuus est". С тех пор вино называется Est Est Est.

Для нас, более серьезных, мы закажем бутылку сухого. А для женщин и самых легкомысленных-сладкое

Москато, чтобы сопровождать десерт. Теперь давайте посмотрим, что у нас здесь есть. Он взял

и, отодвинув его от глаз (потому что мистер кардан, как и все его ровесники, видел только

далеко), начал медленно читать, комментируя каждый пункт. Это всегда был мистер кардан, который делал заказы

(хотя обычно платили лорд Ховенден или Миссис Олдвинкл), всегда он. Потому что это было

молчаливо принят всеми присутствующими как эксперт по еде и вину, гастроном

профессионал, академик в напитках.

Увидев мистера кардана с письмом, владелец подошел, потирая руки и улыбаясь

любезно — что должно было быть сделано, когда прибыл Rolls-Royce, полный иностранцев. Находиться

готовы принимать заказы и консультировать.

- Рыба особенная, - признался он мистеру кардану, целуя кончики пальцев. — Прийти

из Больсены, из озера внизу. - Указал в окно на темную ночь. Где-то там был

озеро Больсена.

Мистер кардан поднял руку.

— Нет, нет, - решительно отказался и покачал головой. - Даже не говори о рыбе. Они ненадежны

в этих маленьких местах, - объяснил он товарищам. - Особенно в эту жару. Кроме того,

представьте себе, что вы едите рыбу Больсены, места, где творятся чудеса, в котором священное воинство

он истекает кровью для назидания благочестивых и как доказательство пресуществления. Нет, нет, - повторил он,

рыба Больсена слишком сомнительна. Оставим яичницу, а затем филе и телятину. Или один

жареный цыпленок…

- Я хочу рыбу, - сказала мисс. Элвер. Страстная искренность его тона голоса создала

замечательный контраст с иронией мистера кардана.

- Я бы не советовал, - сказал он.

Ее большая нижняя губа начала

- Я люблю рыбу.

- Но это может быть нехорошо. И невозможно быть уверенным.

- Я хочу — - настаивала Мисс. Элвер. - Я люблю рыбу. —

дрожь, и глаза наполнились слезами. - Я хочу!

- Ну, если это так, мы можем попросить рыбу, - сказал мистер кардан, изо всех сил стараясь ее утешить. —

Если вам это так нравится… Я просто надеюсь, что все в порядке. И, вероятно, будет…

Мисс. Элвер успокоилась, высморкалась и улыбнулась.

- Спасибо, Томми, - сказал он, краснея, произнося имя.

После обеда они пошли на площадь, чтобы выпить кофе и ликер. Она была полна людей и освещена

цветные лампы. В центре оркестр местной филармонии дал свой вечерний концерт

каждое воскресенье. Посаженная на более высоком плане, церковь Саммичели торжественно смотрела. Потеть

пилястры были освещены, а высокий купол скрывался ночью.

- Выбор, - говорил мистер кардан, оглядываясь по площади, - кажется, падает между кафе

Moderna и бар Ideale. Лично я предпочитаю идеал реальному, хотя очень неприятно иметь

стоять в баре. Уже в кафе, каким бы материалистичным оно ни было, мы сможем посидеть. Боюсь, что

Moderna навязывай себя силой на нас.

Они пошли в кафе.

- Кстати о барах — - сказала Челифер после того, как они сели за небольшой столик, - уже ей

произошло ли перечисление английских слов, которые используются в международном масштабе? В некотором смысле это

любопытный выбор, который, как мне кажется, проливает свет на природу и важность нашей цивилизации

англосаксонский. Три слова языка Шекспира, которые полностью приняты во всем

мир являются bar, sport и W. C. В настоящее время обслуживают как финский, так и английский языки. Каждый

у них есть то, что можно назвать семьей. Вокруг идеи бара сгруппированы несколько других

такие слова, как биттер, коктейль, виски и так далее. Спорт также тащит за собой огромный

семья. Матч, например, Touring Club, глагол to box, cycle-car, performance (в спортивном смысле) и

несколько других. С другой стороны, у идеи гидравлической санитарии есть единственный сын, которого я помню, это ванна. Вот здесь

странно старомодный звук для современного английского языка; но в Югославии он чрезвычайно Moderna. О

это подводит нас к другому классу международных английских слов, которые никогда не служили ни для чего в английском языке.

Смокинг, например, танцы, пять часов никогда не существовало, кроме как на европейском континенте.

Так же, как high-life, так популярен в Афинах, где пишется Йота, гамма, лямбда, фи, и датируется

отдаленная эпоха, викторианская, в истории нашей национальной культуры.

- И Сплин — - сказал мистер кардан. - Ты забыл о сплине, которая пришла намного раньше. Один

аристократическое слово, это; мы были глупы, позволяя ему исчезнуть. Сегодня мы должны поехать во Францию, чтобы

послушай ее.

- Слово могло умереть, - сказал Челифер, - но я думаю, что эмоции никогда не будут

расцвел с таким же изобилием, как и сейчас. Чем больше материальный прогресс, тем больше

богатство и доступное время и более унифицированные диверсии, тем больше будет депрессия. Это неизбежно, не так ли

закон природы. Люди, которые всегда страдали от депрессии и являются ее основными жертвами

самые зажиточные, образованные и образованные. В настоящее время они составляют относительно небольшое меньшинство; но в

Утопическое состояние, в котором все преуспевают, образованы и образованы, каждый страдает от депрессии,

если по какой-то неизвестной причине одни и те же причины перестают производить те же эффекты.

Только два или три сотни человек переживут целый период жизни в одном государстве

действительно эффективный утопический. Большинство умрет от депрессии. Таким образом, возможно, естественный отбор

действуйте в соответствии с эволюцией Супермена. Только умные смогут выдержать нагрузку

почти невыносимо удовольствий и процветания. Остальные просто поддадутся или порежут свои

шеи; или, что, возможно, более вероятно, вернутся в отчаянии к

удовольствиям варварства и

они отрежут друг другу шеи, не говоря уже о умных.

- Мне кажется, более подходящий и естественный конец, - сказал мистер кардан. Если между двумя

альтернативы, одна гармонирует с нашими высшими устремлениями, а другая, по-человечески говоря,

совершенно бессмысленно и устранимо, можно быть уверенным, что природа выберет второе.

В половине десятого вечера Мисс. Элвер жаловался, что чувствует себя не очень хорошо. Мистер кардан

вздохнул и покачал головой.

- Эти чудесные рыбы… — сказать.

Они вернулись в отель.

- К счастью — - сказала миссис Олдвинкл той ночью, Когда Ирен расчесывала волосы, - никогда

у меня были дети. Они безвозвратно разрушают силуэт. — Все равно, - решилась Ирен на

не соглашайтесь — я думаю, что иметь их должно быть очень весело.

Миссис Олдвинкл притворилась, что у нее болит голова, и сразу же отправила ее спать. В половине второго

на рассвете Ирэн разбудила ужасающе меланхоличный стон и

страшный крик

из соседней комнаты.

- Ой, ой, ой!

Это был голос Грейс Элвер. Ирэн вскочила с кровати и побежала посмотреть, что происходит.

Вы нашли Мисс. Эльвер лежит на неопрятной кровати, корчась от боли.

- Что это? — спросить.

Мисс. Элвер не дал четкого ответа.

- Ай, ай, ай — - повторяла я, поворачивая голову из стороны в сторону, пытаясь избавиться от боли

постоянный.

Ирэн побежала в комнату тети, постучала в дверь и, не получив ответа, вошла внутрь.

- Тетя Лилиан, - позвала в темную комнату. - Тетя Лилиан! - теперь выше.

Никто не ответил. Ирэн нашла выключатель и включила свет. Кровать миссис Олдвинкл

она была пуста. Ирэн молча смотрела, размышляя, воображая. В коридоре стоны

непрестанно продолжали: “ой, ой!”. Ирэн была пробуждена от ее сиюминутной неподвижности. Вышел в

он постучал в дверь Мистера кардана.

Глава 7

Выбор Франаса Челифера

В Спортивном календаре самые интересные события отмечены в осенние месяцы. Не

охотится весной. Даже в Италии существует короткий период запрета на охоту на певчих птиц, которые

длится от приезда Соловьев до отъезда последней ласточки. Веселье, настоящее веселье, начинается

только осенью. Охота на тетерева и куропатку-это только прелюдия. Даже большой день

это I и октябрь, когда начинается резня эффектных фазанов. Чувак! Чувак! - двуствольное оружие

они наполняют музыкой обесцвеченные леса. Вскоре после этого также участвуют звуковые собаки, и их

лапы, как очень уместно говорит латинский поэт, сотрясают гнилостные поля звуком

четвероногий. Зима становится радостной с шумами охоты.

То же самое происходит с некоторыми женскими жизнями в их более поздние годы… Чувак, чувак! - в день

i 2 октября там они охотятся на своих куропаток. Через несколько недель они будут охотиться на лис. И в день

Гая Фокса, когда начинается сезон охоты./ 26j моя хозяйка,

выбирая меня на пляже

из пристани для яхт Вецца он достиг точки в своей жизни именно между охотой на куропаток и охотой на

мужчина. Говорят, что лисы любят, когда на них охотятся; я рискну усомниться в этом утешителе

гипотеза. По опыту, как папа миссис Микобер (говорит мистер Тофт-ха! ха!)… здесь

кетера.

Если любовь без любви может быть классифицирована как одно из самых болезненных переживаний, быть любимым

без любви она, безусловно, самая скучная. Возможно, ни один опыт не подходит для того, чтобы

если вы осознаете глупость страсти. Зрелище кого-то, играющего дурака, комично. Но тот, кто

банк дурак плачет. Когда человек не является ни активным мудаком, ни незаинтересованным зрителем, а является причиной

непроизвольно из-за глупости другого, именно тогда чувствуется фастио и отвращение, типичные человеческие реакции на

любое проявление животной глупости, которая является корнем всей проблемы.

Дважды в своей жизни я испытывал благотворные ужасы этого фастио: один раз сам по себе

вина, потому что я просил, чтобы меня любили, не любя; и еще один, потому что мне не повезло, что меня нашли на пляже,

моль, как водоросли, между i 2 октября и днем Гая Фокса. Оба эксперимента были

очень неприятно, пока они длились; с другой стороны, они были хорошо дидактическими. Первый из них

он удовлетворительно завершил, так сказать, урок, который я извлек из Барбары. Второй эпизод был

подготовленный Провидением несколько лет спустя, чтобы напомнить мне о первом опыте и напечатать

то, что американцы назвали бы своим “посланием” неизгладимым в моем сознании. провидение

это было особенно настойчиво в его усилиях, чтобы сделать меня подали.

Бедная Мисс. Массон! Она была отличным секретарем. К концу 1917 года он знал все, что было возможно о

резиновые трубки и касторовое масло. Это было несчастьем для всех участников, что Провидение

я бы поставил перед собой задачу более глубоко рассказать мне о страшных тайнах любви.

Это правда, что я был единственным ответственным. Я принял это спонтанно, так как своими действиями он остался

ясно продемонстрировано, каковы были ужасные последствия моей глупости. Есть определенная

удовлетворение в испытании истин самой мудрости, вопреки ее заповедям.

Да, я был единственным ответственным. Потому что я сделал первые шаги. Я был тем, кто из чистой похоти,

я дразнил спящего или, по крайней мере, хорошо дисциплинированного тигра, который прятался в сердце Дороти

Массон. Я прижал конец своей палки к его ребрам и, вопреки всем правилам, ткнул между

он. Я заработал то, что заслужил.

Я был похож на наглого Блэкамура в одной из тех человеконенавистнических и комичных книжек с картинками

Буш.

Ein Mohr aus Bosheit und Pldsier

Schiesst auf das Elefantentier.

Своей маленькой стрелой он тыкает в безмятежную пахидерму; и пахидерма тщательно мстит, в

четырнадцать последующих гравюр на дереве.

Мое единственное оправдание-недавняя нелепая катастрофа, которой закончилась трагедия

Барбара - это было оправдание, которое могло бы послужить еще одной причиной, по которой я сделал

что я сделал; я должен был, после того, как меня ударили один раз, показать себя вдвойне втянутым. Но не

жалкое состояние, в котором я оказался, я думал, что во второй раз смогу избавиться от страданий

первое. Но это тоже не совсем правильно, потому что я никогда не предсказывал, что меня действительно ударит да

второй раз. Я просто искал веселья, а не чего-то болезненного. Это правда, что, обнаружив, что

эта связь с Дороти Массон становилась слишком серьезной, она должна была подозревать, что

это стало серьезным и для меня,и я ушел. Но, вдохновленный радостной безответственностью, которая

с тех пор я стал восхищаться грубым и естественным человеческим образцом, я отказался рассматривать возможные

последствия и я продолжил то, что начал. Я не был ни влюблен в нее, ни в нее

она вдохновляла меня на любое конкретное желание. Силы, которые двигали меня, были страданием, добавленным определенным

раздражение, а также смутное беспокойство, вызванное повторяющимся аппетитом. Более половины

обертывания не имеют определенных причин для возникновения. Скука и беспокойство являются основными причинами.

Впоследствии воображение может вмешаться, и любовь родится. Или опыт может генерировать

конкретные желания и, таким образом, сделать один сбой необходимым для счастья другого или взаимно. Мочь

кроме того, чтобы не было никакого прогресса, и отношения закончились так же спокойно, как и начались, в

скука и беспокойство.

Но есть случаи, среди которых мой, в которых одна из сторон может быть вдохновлена простым развратом, а

то же, что я уже описал, а другая действительно увлечена воображением и влюбляется. Бедная Дороти!

Когда я целовал ее, в ее глазах было выражение, которого я никогда не видел в другом человеке. Одинаковый

взгляд собаки, когда ее хозяин злится и поднимает хлыст, чтобы наказать его-взгляд Абсолюта

самоуничтожение и террор. Это определенно ужасно быть перед кем-то, кто смотрит на нас из этого

способ. Шокирует то, что на руках человек доведен до состояния

верной и напуганной собаки. Е,

в моем случае хуже всего то, что мне было совершенно безразлично, была ли она у меня на руках. Но,

когда она поднимала лицо и смотрела на меня с таким унизительным и ужасным выражением лица, это было не только равнодушно;

это было явно отвратительно. Вид тех расширенных зрачков, в которых не было никаких признаков

разумная душа, но только ужас и унижение, немедленно вызывала во мне чувство

от вины и вскоре после этого гнева, обиды и враждебности.

- Почему ты так на меня смотришь? - я спросил ее однажды. - Ты меня боишься?

Она не ответила; она просто спрятала лицо мне на плечо и обняла меня крепче. Ваш

тело сотрясали непроизвольные толчки. Случайно, по привычке, я погладил ее. О

Тремор стал более сильным.

- Нет — - умоляла она хриплым шепотом, - Не делай этого. - Все равно он сжал

обними меня.

Она казалась напуганной не мной, а собой, тем, что спало в глубине.

и что, проснувшись, он угрожал одолеть ее, стереть на мгновение эту организованную душу и

рациональный, который обычно регенерирует вашу жизнь. Она боялась этой внутренней силы, которая могла бы превратить ее в

нечто иное, чем то, к чему она привыкла. Его страхом было потерять самообладание. Одновременно,

я не хотел ничего другого. Дремлющая внутренняя сила начинала волноваться, и ничто не могло ее остановить.

Она безуспешно пыталась сделать невозможное. Сопротивлялась, а само сопротивление ускоряло пробуждение желания. Она

боялся и одновременно провоцировал мои поцелуи. Шептал, умолял, как бы о пощаде, и

он сжимал меня в его объятиях. Тем временем я начал мельком видеть возможности fastio

подразумевается в ситуации. И как все стало скучно! Быть преследуемым пылкими ласками, когда

хочется только спокойствия; быть обвиненным, с определенной справедливостью, в небрежности по отношению к любви и необходимости отрицать это

обвинение за чистую вежливость; быть вынужденным часами стоять рядом с скучающим человеком. Что

горе, какая это была пытка! Я глубоко сожалею о тех прекрасных женщинах, которые

за ними всегда ухаживают мужчины. Но они, как я думал, имели преимущество передо мной:

они были от природы гораздо больше заинтересованы в любви. У них была природная активность, причина их

существование; какими бы неприятными ни казались им женихи, они не сочтут их такими

они были бы скучны и невыносимы, насколько они были бы для человека в подобных обстоятельствах, для которого

любовь-это что-то в основном неинтересное. Для ухаживаемой женщины самые невыносимые качества

раздраженный любовник частично компенсируется общим

фактом, что он любовник. Как мне

мне не хватало врожденного энтузиазма по поводу любви, мне было трудно вынести мученическую смерть, когда меня любила Мисс. Массон.

Но такая вовлеченность, скажете вы, является типичным аспектом реальности. Это правда; но что

время я не верил в реальную и искреннюю сторону жизни так сильно, как сейчас. И даже сегодня я

я бы счел излишней работой ассоциировать себя с реалиями такой исключительной природы

прозорливый. Разумному человеку, если он логичен и храбр, суждено провести свою жизнь среди Гога

Корт и дом мисс. Каррутерс. Но он не обязан заниматься любовью с Мисс. Carruthers или привлечь к

любовь пушистика. Это было бы слишком много — это то, что я думаю сегодня; или, может быть, придет время, когда я

почувствуйте себя достаточно сильным, чтобы принять мою реальность в таких тяжелых дозах. Есть ли подержанный прибор

массажисты, которые служат для нанесения йода на застывшие суставы. Акт любви, как это

аппарат: вводит личность любовника в сознание любимого человека. Я чувствую себя довольно сильным.

в настоящее время купаться в личностях обычных человеческих животных; но я знаю, что задохнусь, что

я бы поддался, если бы это омовение было закачано в мою духовную систему проникающим электричеством

любовь.

Мисс. Массон оценивался по шкале Гальтона выше, чем Мисс Массон. Каррутерс и Де пушистик. Один между

четыре человека-пушистый; только один из шести-Дороти Массон. Это делает легкий, но

заметная разница. Неудивительно, что я так сильно страдал. Когда я принес ей в подарок орхидеи,

комментируя, что они выглядят искусственными, она поблагодарила меня, сказав, что любит орхидеи, и добавила,

после мгновенной паузы, чтобы подумать, что они мне понравились, потому что они казались искусственными. И тихо засмеялся.,

глядя на меня, как будто я ожидал подтверждающих аплодисментов. Только из-за этой маленькой привычки я

иногда я чувствовал, что могу убить ее. Но его забота и его выговоры почти всегда были

выражались без слов; она редко снимала сцены; она просто смотрела на меня своими грустными глазами

коричневые, непрекращающееся желание быть рядом со мной, прикасаться ко мне, целоваться и целоваться — что было почти

достаточно, чтобы довести меня до самоубийства. Это длилось больше года, вечность. И технически

он остается по сей день; поскольку я никогда не расставался с ней, я никогда не покидал ее резко, но медленно и

постепенно я исчез из его жизни, как кошка, которая смеется. Даже сегодня, время от времени

найти. И все же, как будто ничего не произошло, я беру ее на руки и целую, пока

это странное выражение ужасного ужаса вспыхивает в ее глазах, и она умоляет, ее голос ослабевает

за ненасытное желание, чтобы я пощадил твою хорошо дисциплинированную повседневную душу и не оставил ее во власти

от той ужасной вещи, которая пробуждается внутри нее. А пока обнимай меня крепче и предлагай

шея к моим поцелуям. До и после мы говорили о политике и общих друзьях.

Как и прежде, она все еще повторяет мою последнюю фразу, мягко смеется и, как и прежде, надеется, что я восхищаюсь

ваши оригинальные мысли. Наконец я готовлюсь к отъезду.

- Ты скоро вернешься? - спрашивает она, пристально глядя на меня с глубоким выражением

печаль и опасения, невысказанные вопросы, невысказанные выговоры. Я целую твою руку.

- Конечно — - говорю я. И я ухожу, напрягаясь, идя по улице, чтобы не рассуждать о

тема ваших мыслей.

Но, похоже, Провидение сочло мою связь с Дороти Массон неуместной

поучительный. Дороти, в конце концов, было всего двадцать шесть лет, когда начался эпизод. Был еще

в тот цветущий и весенний сезон, в течение которого даже в Италии певчие птицы не могут быть

охотиться. Ей понадобится еще двадцать лет, чтобы добраться до і 2 октября; может быть, тридцать, пока она не начнет

станция охоты. И я был ответственен за первые достижения. Но для моего дисплея

от Bosheit unã Plãsier эта скучная история никогда бы не была представлена. Однако тревожное Провидение,

по какой-то непостижимой причине я хотел преподать себе еще

более запоминающийся урок и пошел дальше, даже

я чуть не утонул, решив броситься в руки настоящей хозяйки. Я все еще должен был

изучение того, как любовь может быть нелепой и надоедливой, а также очень скучной.

В этом случае я не был ответственен за какое-либо продвижение. С самого начала я только отступил. Эй

опасные синие маяки Миссис Олдвинкл сфокусировались на мне, как на Проворном пешеходе

Лондон, я прыгнул в сторону. Когда она спросила меня, какие женщины вдохновили меня,

я отвечал, что меня ничто не вдохновляет, кроме лондонских пригородов и пошлости леди Гиблет. Если она

в нем говорилось, что я вижу на своем лице, как я был несчастен, я заметил, что считаю это странным;

я всегда чувствовал себя совершенно счастливым. Если говорить об опыте, ссылаясь на то, что женщины

обычно они имеют в виду, когда используют это слово - просто любовь-я бы ответил

обсуждение опыта, связанного с теорией познания. Если бы она обвиняла меня в том, что я ношу

Маска, я возразил, сказав, что выставляю напоказ свою обнаженную душу всем, кто хочет ее увидеть. Когда

спрашивал, влюбился ли я когда-нибудь, я пожал плечами и улыбнулся, чтобы мне не пришлось отвечать. Но когда

спросил, слишком близко подходя, был ли я когда-либо любим, я ответил достаточно

честность да, но это было очень скучно.

Тем не менее, она вернулась, неукротимая, к нападению. Там может быть что-то грандиозное в его фирме

решимость, что-то великолепное, если бы не гротеск. Провидение еще раз научило меня, что

неразумная жизнь-это что-то скучное и бесполезное, но это, во всех смыслах и целях, единственное, что существует и живет

везде для всех, за исключением нескольких редких исключений. Во всяком случае, я предполагаю, что это то, что Провидение

я хотел оставить это на себе. Но в процессе она носила миссис Олдвинкл, на мой взгляд

несколько преувеличено. Мне стало жалко бедную даму. Какая-то иррациональная сила, скрытая внутри нее,

он побуждал делать столько сальто, ставить себя в нелепые ситуации, говорить глупые слова и искажать

лицо в ужасных esgares. У нее не было другого выхода, она просто выполняла приказы и делала это наилучшим образом

возможно; но это был нелепый способ. Не только смешно, но и ужасно. Она выглядела как шут

ношение черепа.

Неутомимый, он играл плачевную роль, которая ему выпала. Каждый день приносил мне цветы.

- Пусть они расцветают в твоих стихах, - говорил он.

Я уверял его, что единственный запах, который вызывал мои стихи, был запах Мясников в ночи

зима на Харроу-Роуд. Она улыбалась.

- Не думай, что я тебя не понимаю, - говорил он. - Я понимаю вас, и очень хорошо.

Она наклонилась вперед, ее глаза сияли, ее духи окутывали меня, когда она дула

гелиотроп на моем лице. Затем я увидел маленькие морщинки вокруг этих глаз, небрежные

пятна от губной помады в уголках рта.

- Я его понимаю, - повторяла она.

И она меня понимала… Однажды ночью (это было в Монтефиасконе, когда мы возвращались из Рима) я читал в

моя кровать, когда я услышал шум; я поднял глаза и наткнулся на Миссис Олдвинкл, закрывающуюся

осторожно дверь в мою комнату позади вас. На ней была водно-зеленая шелковая ночная рубашка. Две толстые

на ее спине висели косы. Когда он обернулся, я понял, что лицо было тщательно накрашено

больше, чем обычно. Она тихо пересекла комнату и села на край моей кровати. Один

ее окружала гелиотропная и янтарно-серая аура.

Я бледно улыбнулся, закрыл книгу (удерживая палец между страницами, однако, чтобы отметить

где я остановился) и слегка приподнял брови, вопросительно. К чему, Гц мое лицо

спроси, должна ли эта честь?

Я думал, что это был мой долг перед лицом необходимости, которую проявляла моя хозяйка, сказать

еще раз он смог понять меня.

— Я больше терпеть не могла, - сказала она, почти задыхаясь. - Я больше не мог думать, что ты

я был один. Только с его таинственной тайной. - Когда я попытался протестовать, она подняла руку. - О, нет.

думаю, я не вижу этого за вашей маской. Только с его таинственной тайной…

- Нет, правда… - я начал. Но миссис Олдвинкл никогда не позволяла им перебивать ее.

— Я больше не могла думать об этом своем ужасном одиночестве, - продолжила она. - Знайте, что существует

меньше человека, который его понимает. — Она наклонилась ко мне, улыбаясь, но дрожащими губами.

В тот же момент его глаза наполнились слезами, а лицо исказилось в ужасной маске

страдание. Выпустив легкий стон, она бросилась вперед и упала лицом к моим коленям.

- Я люблю его, я люблю его, - повторял Я приглушенным голосом. Его тело было потрясено последовательными спазмами

плач.

Я не знал, что делать. Этого не было на шоу. Когда вы выходите

на охоту на мужчин или

куропатки, это ненормально, когда человек плачет над жертвой. Hinc illae lacrimae. Невозможно два существа

люди полностью согласны в чем-то. Quot homines; теперь, когда я открыл словарь

семейные цитаты я буду продолжать использовать его; quot homines, tot disputandum est. Даже не о

истины науки есть согласие. Один человек-геометр, другой может понять только анализ. Один из них

не в силах поверить во что-либо, что не может быть использовано в качестве модели, другой хочет, чтобы его

правда быть как можно более абстрактным. Но когда приходит время решить, кто из них является жертвой и

что за охотник, ничего не поделаешь, кроме как отказаться от попытки. Каждая из сторон должна оставаться

с вашим собственным мнением. Самые успешные мужчины-это те, кто никогда не признает законность

чужое мнение; они даже отрицают, что оно может существовать.

- Моя дорогая Лилиан, - начал я (она настаивала, чтобы я называл ее Лилиан в первые дни

в котором я поселился в своем доме — - моя дорогая Лилиан… - Я не мог найти ничего другого, чтобы

сказать. Я полагаю, что успешный человек сказал бы что-нибудь откровенное и жестокое, давая понять миссис Дж.

Олдвинкл, кто из нас был жертвой, а кто плотоядным. Мне не хватало сил. Она продолжала плакать.

- Я люблю его. Разве ты не можешь любить меня хоть немного? Чуть-чуть? Я был бы твоим рабом.

Его рабыня, он был бы его рабом — и продолжал повторять это.

- Это нехорошо, - возразил я. — Невозможно…

Она в отчаянии начала все сначала.

Как долго продлится эта сцена и что бы произошло, если бы она продлилась я не

знать. К счастью, в отеле вспыхнул необыкновенный бунт. Хлопающие двери, измененные голоса,

шаги приходят и уходят в коридор. Испуганная и встревоженная, миссис Олдвинкл встала, подошла к двери,

осторожно открыл ее и выглянул наружу. Кто-то побежал мимо; быстро она закрыла дверь.

Когда проход стал свободным, она пробралась в коридор и вышла на цыпочках, оставив меня

одинокий.

Бунт был вызван принципом смертельной агонии Мисс. Эль Вер. Учитывая, что мой

обучение зашло слишком далеко, Провидение прервало урок. Надо сказать, что используемые средства

для этого они были немного жестокими. Любой человек был бы удовлетворен, узнав, что

женщина должна была смириться, а другая умереть-как король Иоанн, поедая миног-чтобы

пусть ваш урок будет прерван, прежде чем вы зайдете слишком далеко. Но, как оказалось, я не мужчина

любой.

Глава 8

С самого начала никто не слишком доверял местному врачу; его собственная внешность уже вдохновляла

недоверие. Но когда на распростертом теле пациентки он хвастался, что получил диплом в

Сиенский университет, мистер кардан подумал, что пора искать другого.

- Сиена знаменита, - прошептал он. - Вот куда идут дураки, которые не одобрены.

Болонья, Рим или Пиза, чтобы получить медицинскую степень.

Миссис Олдвинкл, которая внезапно появилась в разгар беспорядков (Ирен не знала, откуда), выразила

его ужас. Врачи были одной из его специальностей, его опыт работы с ними был очень велик. Она

в течение своей жизни он уже заразился некоторыми интересными заболеваниями: три нервных срыва, один

аппендицит, подагра и различные гриппы, пневмонии и тому подобное, но все по общему признанию аристократические;

потому что миссис Олдвинкл проводила очень четкое различие между вульгарным злом и злом более

рыцарский. Хронический запор, грыжа и варикозное расширение вен (“плохая нога”, как говорили бедные,

гротескно) были вульгарными болезнями, от которых не мог пострадать ни один порядочный человек или даже

упомяните их. Ее были изысканными и дорогими. Если бы она не знала французского специалиста, английский,

швейцарский, немецкий, шведский или даже японский, это того не стоило. Замечание Мистера кардана о

Сиенский университет произвел на нее большое впечатление. .

- Единственное, что нужно сделать, — сказал он, решив, - это попросить Ховендена поехать в Рим и

приведите специалиста. Немедленно. - Это было утешением для нее, в ее нынешнем состоянии

несчастье, уметь что-то делать, устраивать, отдавать приказы, даже если это было для себя. — В

принцесса назвала меня в честь замечательного человека. Я написал это где-то. Пойти. - И запустил-если из комнаты.

Послушный лорд Ховенден последовал за ней, записал имя талисмана и ушел. Челифер ждал его у подножия

с лестницы.

- Если вы не против, я бы тоже хотел поехать, - сказал он. - Я бы просто помешал, оставаясь здесь.

Было почти пять с половиной утра, когда они ушли. Солнце еще не взошло, но было

почти ясно. Серое небо темных облаков покрывало горизонт. В долинах и озере был туман

Больсена была покрыта чем-то похожим на воды беловатого моря. Было холодно. Выход из

город, они нашли караван груженых мулов, медленно поднимаясь по крутой улице посреди

когда звенят колокола, по дороге на рынок.

Витербо все еще спал, когда они пересекли ее. С вершины Чиминских гор они увидели

первый раз солнце. Около семи часов они прибывали в Рим. Обелиски, крыши и

купола поднимались золотыми из тени на фоне голубой бледности неба. Они направились на Корсо. На Площади

Венеция остановилась на кофе и, пока они ждали, обыскала в книге адрес врача

миссис Олдвинкл. Он жил в новом районе, недалеко от вокзала.

- Объясните вам, что происходит, - сказал Ховенден, пока они пили кофе. - Я не

очень хорошо с итальянцем.

- Как вы устроились, когда на днях Вам понадобился врач? - спросила Челифер.

- Ну, - краснея сказал лорд Ховенден, - на самом деле он был англичанином. Но его здесь больше нет.

- быстро добавил он, опасаясь, что Челифер предложит взять и этого врача. —

Он отправился в Неаполь-уточнил тогда, надеясь, что накопление косвенных деталей

сделайте историю более правдоподобной-сделать операцию.

- Ах, это хирург, - сказала Челифер, поднимая брови.

Ховенден кивнул.

- Хирург, - повторил он, окунув лицо в кофейную чашку.

Они пошли своим путем. Когда они покинули площадь и вошли в Форум Траяна, Челифер заметил

небольшая толпа, в основном беспризорные мальчишки, прижалась к перилам на другой стороне форума. Узел

среди них была худенькая женщина, в сером платье, что даже расстояние было невозможно не

признать ее англичанкой или, конечно, не итальянкой. Эта дама сгорбилась над перилами и

он очень осторожно опускал конец веревки, к которой он был изобретательно прикреплен, на четыре

боковые веревки, проходящие через отверстия, просверленные в его стене, алюминиевая клика, наполненная молоком.

Медленно покачиваясь, когда она спускалась, клика коснулась пола затонувшего форума. В том же

мгновенно, полдюжины котят, мяукая и мурлыкая, прибежали и начали лизать молоко.

Другие следовали за ними; каждая щель имела свою кошку. Некоторые, более умные, прыгали со своих пьедесталов

мрамор и бегали по открытому пространству с волнообразным, решительным маршем леопарда. Эй

младшие шатались на кривых ногах. Через несколько минут клика была осаждена

Орда кошек. Беспризорные мальчишки кричали от радости.

- Кто бы мог подумать! - воскликнул лорд Ховенден, который замедлился, чтобы наблюдать за сценой

любопытный. - Разве это не твоя мать?

- Я так думаю, - сказала Челифер, которая с самого начала узнала ее.

- Мы должны остановиться? - спросил Ховенден.

Челифер покачала головой.

- Нам лучше сразу найти этого доктора.

Когда машина уехала, Челифер увидела, как ее мать, Хей, ее вегетарианские принципы, стреляет в

внутри кошачьего логова маленькие кусочки хлеба и чипсов. Я знал, что ночью она снова будет там.

Ему не потребовалось много времени, чтобы найти чем заняться в Риме.

Глава 9

Похороны не должны были состояться до захода солнца. Носильщики, хор, алтарь и сам

священник, вероятно, будет в полях, собирая виноград. У них были более важные дела

пока еще был день, кроме хоронить людей. Пусть мертвые

хоронят своих мертвых. Живое существо

они должны делать вина.

Мистер кардан был в пустой церкви. Только; что было Грейс Элвер лежала в гробу,

на возвышении в центре церкви. Нельзя было рассчитывать на это как на компанию; внутри только

была материя. Его лицо, красное и перегруженное, казалось, застыло в неподвижности; вся его

радость, беспокойная подвижность исчезли. Это может быть лицо мертвеца,

из тех, чья работа-хоронить мертвых. Он стоял там, серьезный и сдержанный, склонный к

спереди, подбородок лежит на руке, локоть на колене.

Он думал, что три тысячи шестьсот пятьдесят дней; это то, что у меня осталось, если я проживу еще десять лет. Три

тысяча шестьсот пятьдесят дней, а затем конец, черви.

Есть много ужасных способов умереть, подумал я. Однажды, много лет назад, у него была красивая кошка

Ангора. Она съела несколько отравленных тараканов на кухне и умерла, извергая кусочки своего

живот разорван. Он всегда думал об этой кошке. Каждый должен умереть таким образом, изгоняя свою собственную

жизнь.

Не то чтобы для этого они должны есть тараканов, конечно. Но всегда была гнилая рыба, последствия

они не сильно отличались. Бедный идиот!- подумал он, глядя на гроб. У него была очень большая смерть

неприятный. Боли, рвота, коллапс, кома и гроб — а теперь гниющие ферменты и

червь. Это был не достойный, вдохновляющий финал. Ни речи, ни утешительной безмятежности, ни маленького

Неллс или пол Домбейс. Самое близкое, что Вы были к Диккенсу, было, когда в краткую минуту

ясность, она спросила его о медведях, которых он даст ей, когда они женаты.

- Будут ли они уже взрослыми или еще младенцами? - она спросила.

- Младенцы, - ответил он и увидел, как она улыбается от удовольствия.

Это были почти единственные слова, сформулированные ею. На протяжении всей смертельной агонии были

единственные признаки существования души. В остальное время Грейс была просто больным телом, которое

я плакал и бормотал бессмысленные вещи. Трагедия страданий тела, пока она не погасла, не была

катарсис. Он следовал своему медленному курсу деградации по пунктам, действие за действием, до самого конца. Только трагедия

дух способен освободить, поднять. Но великая трагедия заключается в том, что дух рано или поздно,

он поддастся плоти. Рано или поздно мысли перестанут существовать, и будет только боль, рвота

и ступор. Трагедия духа - это просто случайное изобилие, продукт

жизненной энергии

запасной, как пеначо Мочо или бесчисленные популяции бесполезной спермы

и осужденные. Дух не имеет никакого значения; существует только тело. Будучи молодым, он красив и

сильный. Но он стареет, суставы трескаются, и все становится сухим и вонючим; а затем входит в

рушится, жизнь отрывается, а материя гниет. Как бы красиво ни было перо Мочо,

он исчезнет вместе с ним. И дух, который является одним из самых красивых украшений, тоже погибнет. Фарс-это

ужасно и очень безвкусно.

Дураки не понимают, что это все подделка. Они самые благословенные. Мудрые понимают, но

стараются не думать об этом. В этом и заключается его мудрость. Они предаются всем удовольствиям, от

дух и тело, особенно дух, которые на сегодняшний день являются самыми разнообразными, приятными и

и когда приходит время, они достойно смиряются с распадом тела и исчезновением

его духовная часть. Хотя этого не происходит, не задумывайтесь о смерти - это не очень тема

стимулятор. Они не слишком настаивают на фарсовой природе драмы, которую они представляют, опасаясь, что они

сами становятся слишком скучными и не могут извлечь из всего большого удовольствия

зрелище.

Самые нелепые комедии-это комедии о людях, которые проповедуют одно и практикуют другое, которые

они делают важные заявления, но терпят неудачу, когда дело доходит до их выполнения. Мы проповедуем

бессмертие и мы практикуем смерть. Тартуфо и Вольпоне вышли из этого.

Мудрецы не думают о смерти, чтобы не испортить свои удовольствия. Но бывают случаи, когда

черви внедряются в разум слишком настойчиво, чтобы их игнорировать. В других случаях смерть

это навязывается силой, и тогда становится трудно извлекать удовольствие из чего бы то ни было.

Этот гроб, например. Как можно получить удовольствие от красоты церкви, в которой он

он покоится, полный разлагающейся материи? Нет ничего лучше, чем поднять глаза к потолку

большой Неф и увидеть, что в конце длинного ряда закругленных арок есть сегмент

ярко освещенный от окружности купола: горизонтальный круг гармонично

контраст с перпендикулярными полукругами дуг. Нет ничего прекраснее среди всех

работы человека. Но гроб стоял там, под арками, чтобы напомнить знатоку прекрасного, что нет

нет ничего, кроме тела, и что оно подвергается деградации, умирает и съедается тварями.

Мистер кардан задавался вопросом, как будет выглядеть его смерть. Будет ли это внезапно или медленно? Будет долго

страдать

агония? Будет ли он умным, хотя и человеком? Или он умрет, как идиот, жалующееся животное? Быть

как бы то ни было, теперь он умрет бедным. Друзья будут котировать друг друга и посылать вам немного денег навсегда

когда. Какое раздражение! Было удивительно, как он прожил так долго! Но всегда вне

старый козел. Бедный Кардан!

Захлопнулась дверь; в пустой церкви раздались звуки людей. Это был ризник. Я пришел сказать OMP.

Карданный подвес, который вскоре может начаться. Они поспешили вернуться с поля для этого. Виноград не был

так много не так хорошо, как в прошлом году. Тем не менее, они благодарили Бога за его милость,

какими бы они ни были.

Благословил дураков, подумал Мистер кардан, что они ничего не видят. Может быть, они видели и все еще

таким образом, они верили в удобные глупые утешения и справедливость вечности. В любом случае,

не видя и не видя, но веря, они были глупы. Вера, наверное, лучшая из

решения, размышлял г-н кардан. Потому что это позволяет видеть себя и не игнорировать себя. Факты принимаются и

поэтому они могут быть оправданы. Для верующего один или два гроба не помешали бы оценке

архитектура Саммичели.

Носильщики выстроились в очередь, принося с поля здоровый запах пота. Были одеты

по этому случаю с костюмами, которые, несомненно, должны быть накладными, но которые на самом деле были не чем иным, как

белые, помятые и грязные пост-охранники. Они выглядели как одиннадцать судей из игры в крикет,

идеально выровнены. За носильщиками вошел священник, за которым последовал миниатюрный арбитр

который носил такой короткий шкафчик, что не мог даже скрыть свои открытые колени. Услуга

начать. Священник разворачивал свои латинские формулы, как будто собирал ставки;

носильщики, в несовершенном и расстроенном унисоне, громко говорили между ними о сборе урожая. Маленький

он почесал голову, затем затылок и, наконец, сунул палец в нос. Священник молился так быстро, что

слова смешивались и становились одним целым. Мистер кардан задался вопросом, почему Католическая Церковь не

он принял молящиеся машины. Маленький и простой двигатель, вращающийся со скоростью шестьсот или восемьсот оборотов

в минуту я бы справился с огромным количеством благочестивых услуг за один день и стоил бы очень дорого

меньше, чем священник.

- Баа баба, Баа Баа, БУ-ОО-Баа, - бал священник.

— Boooo-baa — balia обратно в стадо.

Не останавливаясь ни на мгновение ковыряясь в носу, миниатюрный рефери, который, казалось, так хорошо знал

его роль как обученная собака из варьете, он передал кадило священнику.

Размахивая им и измельчая свою благочестивую латынь, он начал кружиться вокруг гроба. Аромат

символический и религиозный! Он был разбросан в конюшнях Вифлеема среди запаха аммиака

животные, как знак и символ духа. Голубоватый дым распространился по воздуху, унесенный

ветер. На поверхности Земли звери непрестанно размножали свой вид; вся земля одна

болото живой плоти. Его теплый, тяжелый запах окутывает все. Везде горит—

если благовония; дым скоро исчезнет. Запах зверей остается.

- Баа, баба, - продолжал священник.

- Баа — - отвечал хор, пятая вниз по шкале.

Маленький предоставил воду и своего рода вассур. В очередной раз священник обошел

шкатулка, окропляющая воду, скопившуюся на волосах вассуры; маленький рефери шел за ним,

держась за кончик парадо. Носильщики тем временем шептали между ними о винограде.

Иногда, думал Мистер кардан, дух так хорошо и так торжественно представляет свою роль

что трудно не поверить в его существование и первостепенное значение. Серьезно выполненный ритуал-это

очень убедительно. Но достаточно, чтобы это делалось небрежно и небрежно людьми, которые не

думая о том, что символизирует обряд, чтобы осознать, что за символами нет ничего, что только

действие имеет значение — разумное действие тела. И что тело, разложившееся и обреченное, единственное

ужасная реальность.

Служба закончилась; носильщики подняли гроб и отнесли его к катафалку,

припаркован у дверей церкви. Священник попросил мистера кардана сопровождать его в ризницу. Там,

пока мелкий арбитр охранял кадильницу и вассуру, он представил счет. Мистер кардан

платить.

Пятая

Завершение

Глава 1

- О чем ты думаешь?

- Ни за что, - сказал Калами.

- Да, был. Я должен что-то придумать.

- Ничего особенного, - повторил он.

- Расскажи мне — - настаивала Мэри. - Я хочу знать.

- Ну, если вы действительно хотите знать — - медленно начал Калами… но она прервала его.

- Почему вы так подняли руку? И вы приоткрыли пальцы о окно? Я видел это, понимаешь? — Комната

было темно, но по ту сторону открытого окна светились звезды.

Калами засмеялся; довольно мягкий смех.

- О, вы видели… рука? Ну, потому что это именно то, о чем я думал.

- В руке? - недоверчиво спросила Мэри. - Какая странная вещь, чтобы думать!

- Но интересно, если серьезно подумать.

- Ваши руки, — мягко сказала она другим тоном голоса, - ваши руки. Когда они меня

прикоснуться… - С женским движением благодарности, признания полученных выгод,

она подошла к нему; в темноте поцеловала его — - я его слишком сильно люблю, - прошептал он, - очень люблю. — Быть

в этот момент это было почти верно. Сильный и полный дух, написала она в своей записной книжке,

он должен уметь любить яростью, дикостью и глупостью. Она гордилась тем, что чувствовала себя сильной и полной.

Однажды она вышла на ужин с брюнеткой из Аргентины с кожей azei tonada; разворачивая салфетку,

он начал вечернюю беседу на фантастическом транспиренейском французском, единственной замене его

кастильский, и сказал, закатывая глаза вверх и с улыбкой из слоновой кости: “Jé vois qué vous aveq du

temmperramenJ£\ “o, à revendre”, - весело ответила она, рискуя своим парижским юмором. Что

вкусное веселье! Но это была жизнь, и только жизнь. Она превратила инцидент в сказку,

было много времени. Но аргентинец видел ее экспертными глазами; и это было правильно.

— Я его слишком сильно люблю, - еще раз прошептала в темноте. Да, это было правдой, почти правдой.

в тот момент, в тех обстоятельствах. Взял его за руку и поцеловал. - вот что я думаю о его

рука, - сказал он.

Калами позволил поцеловать ее руку и, как только это было прилично, снял ее с

деликатность. Невидимый в темноте, его лицо сжалось в легкой гримасе нетерпения. В этом

момент не интересовался поцелуями.

- Да, - медитативно сказал он, - это способ думать об этой моей руке; это один из

способы ее существования и реальности. Конечно. И вот о чем я думал: во всех разных

возможности этих пяти пальцев - он снова поднял пальцы и открыл их против света

бледные и продолговатые окна-обретают реальность и существуют. Различные возможности-повторил

медленно. - Когда я думаю об этом, даже на несколько минут, я обнаруживаю, что погружаюсь в

из самых зловещих загадок. - Помолчал минутку, а потом добавил Очень тоном

серьезно: - я верю, что если бы кто-то мог выдержать усилие твердо думать о чем-то,

в этой руке, например, очень твердо и в течение многих дней, месяцев и даже лет можно было бы выкопать

путь к сути тайны и действительно к чему-то, к какой-то истине или

объяснение. - Он сделал паузу. Погружаясь в темноту, подумал он. Медленно, мучительно, как

Демон Мильтона, пробивающийся сквозь хаос; в конце концов, можно выйти на свет, увидеть

Вселенная, сфера внутри сферы, свисающая с потолка неба. Но это будет медленный и трудоемкий процесс;

это займет время и свободу. Особенно свобода.

- Почему ты не думаешь обо мне? - спросила Мэри Триплоу. Поднимаясь локтем, она становится

он наклонился над ним; другой рукой гладил его по голове. Разве я не заслуживаю, чтобы вы думали обо мне? — Она

у него между пальцев была горсть его волос; он деликатно начал тянуть их, проверяя его, как

если бы он готовился к чему-то худшему, держась за руку для более сильного рывка. Его воля была

причинить ему боль. Она думала, что даже в его объятиях он убегал от нее,его просто не было. — Не

я заслуживаю, чтобы вы думали обо мне? - повторил он, натягивая волосы сильнее.

Калами ничего не сказал. Правда, размышлял он, в том, что она этого не заслуживала. Как и многие другие

вещь. Жизнь людей-это скольжение по тонкому льду, бег морских тараканов по коже.

невидимый из океана. Просто шагните немного сильнее, поддержите себя на одну надень больше, чтобы пересечь ее и

погружение в опасный и неизвестный элемент. Например, любовь-это не то, в чем можно

думать; его можно вынести только тогда, когда о нем не думают. Но думать надо, надо пересечь

их глубины, погружаться в них. Тем не менее, отчаянным и безумным образом, остается

скольжение по тонкой поверхности.

- Ты меня любишь?

— Конечно, — ответил он, но тон голоса не проявлял особой убежденности.

Угрожающе она вытащила прядь волос, застрявшую в ее пальцах. Я раздражал ее, что он мог

сбежать, чтобы не сдаться полностью. И обида на то, что ты не чувствуешь себя любимой, вызывала

дополнительное убеждение, что я его слишком сильно люблю. Смешанный гнев и физическая благодарность заставляли ее чувствовать-если в эти моменты особенно страстно. Она представляла роль великой амурезы,

она влюбилась в Леспинаса и сделала это спонтанно, без малейшего затруднения.

— Я могла его ненавидеть, — сказала она, обиженная, - за то, что заставила так сильно его любить.

- А я? - сказал Калами, думая о своей свободе. Разве я не должен ее ненавидеть?

— Не. Потому что ты не любишь меня так сильно.

— Но это не имеет значения — - сказал Калами, избегая объявления своего протеста против этой проклятой

обвинение. - Никто не обижается на любовь к себе, а на то, во что она мешает.

- О, я понимаю, - горько сказала Мэри. Она была так обижена, что хотела только вытащить

его волосы. Повернулся на спину. - Мне очень жаль, что я вмешался в ваши важные занятия —

сказал с сарказмом. - Как думать о своей руке, - презрительно засмеялся он. Было долгое молчание.

Калами ничего не сделал, чтобы сломать его; он был ранен тем дерризорным обращением с субъектом

что для него было серьезным, почти священным. Первой заговорила Мэри.

Почему бы вам не рассказать мне, о чем вы думали? - спросил, покорно, оборачиваясь

снова для него. Любовь требует, чтобы человек проглотил гордость и сдался. - Почему бы вам не сказать мне? —

повторил, опираясь на него. Он начал целовать ее одну руку, а затем укусил кончик

палец с силой. Калами кричал от боли.

- Почему это делает меня таким несчастным? - спросила она

сквозь стиснутые зубы. Сказав это, он увидел

лежит на животе, отчаянно плачет. Нужно было иметь очень сильный дух, чтобы терпеть

так много несчастья.

Сделать ее несчастной? - раздраженно спросил Калами; я все еще чувствовал боль от укуса. - Это не так.

истина. Я делаю ее невероятно счастливой.

- Я чувствую себя несчастной, - ответила она.

- Ну, в таком случае мне лучше уйти и оставить ее в покое. - Он вытащил руку, которая была под

ее плечи, как будто она действительно готовится к выходу.

— Нет, нет, - умоляла Мэри. - Не уходи. Не надоедай мне. Извините.

Я вел себя очень плохо. Скажите, пожалуйста, что вы думаете о вашей руке. Я действительно

заинтересованный. Мне действительно интересно — она говорила искренне, почти по-детски, как

маленькая девочка на лекциях Королевского института.

Калами не мог удержаться от смеха.

- Но теперь это уже разрушило мой энтузиазм по этому поводу, - сказал он. - Трудно вернуть его таким образом, а

холодный.

— Пожалуйста, пожалуйста, - настаивала Мэри. Я ошибся и должен получить прощение, уговорить его

удовольствие. Когда любишь…

— Ты сделал невозможным говорить о чем — либо важном, - возразил Калами. Но, наконец,,

он позволил ей уговорить его. Стыдно, почти левша, потому что атмосфера, в которой идеи

уже рассеялись, и это было в пустоте, так сказать, что ваши мысли теперь

пытаясь вернуть дыхание, он начал свое объяснение. Но постепенно, когда он говорил, Государство

дух возвращался; он начинал чувствовать себя комфортно с тем, что говорил. Мэри слушала с полным

внимание, что даже в темноте он мог как-то воспринимать.

- Ну, как видите, - остановился он, колеблясь, - вот так. Я думал о различных возможностях

существует определенная вещь; моя рука, например.

- Я понимаю, - сказала Мэри, понимающая и умная. Она очень хотела доказать, что слышала

все, он прекрасно понимал; он мог видеть до тех пор, пока не было ничего, чтобы видеть.

- Это что-то экстраординарное количество различных способов, которыми вещь должна существовать,

когда начинаешь думать, - продолжал Калами. - И чем больше человек думает, тем темнее и загадочнее

она становится. То, что казалось твердым, разваливается; то, что было очевидным и понятным, становится загадкой.

Пропасти начинают открываться повсюду, все больше и больше пропастей, как будто земля трескается в

землетрясение. Пребывание в темноте вызывает странное чувство незащищенности. Но я верю, что думать

много и твердо-это выход из этой тьмы и куда-то добраться. Но куда это приходит,

где именно? Вот в чем вопрос. - Он молчал. Если бы я был свободен, я думал, я мог бы

исследуйте тьму. Но плоть слабая; под угрозой восхитительных пыток она съеживается и предает.

- Что дальше? - спросила Мэри, подойдя поближе и нежно коснувшись его подбородка

губы, слегка скользя руками по плечу и вдоль руки. — Продолжать.

- Очень хорошо, - сказал он, теперь очень заинтересованный, немного отойдя от нее. Возвести

Снова рука против яркости окна. - Смотрите: это просто форма, которая останавливает свет.

Для ребенка, который еще не научился интерпретировать то, что он видит, это не что иное, как цветное пятно, так

важно, как одна из тех целей, которые представляют голову и плечи человека, когда

научись стрелять. Теперь давайте посмотрим на нее, как на физика.

- Верно, - сказала Мэри; и по движению волочащихся волос на плечах Калами почувствовал

что она утвердительно покачала головой.

— В таком случае, - продолжил он — - мы должны представить себе почти немыслимое количество

атомы, каждый из которых состоит из большего или меньшего количества частиц отрицательного электричества,

который вращается несколько миллионов раз в минуту вокруг ядра положительного электричества. As

колебания атомов вблизи поверхности просеивают, так сказать, электромагнитное излучение

которые падают на них, заставляя только эти волны достигать наших глаз и давать нам ощущение

розового цвета. Можно быстро заметить, что поведение света объясняется

теория электродинамики, в то время как поведение электронов в атоме может быть объяснено только

совершенно противоречивая теория. Известно, что внутри атома электроны движутся с орбиты

для другого, не тратя время на то, чтобы пройти этот путь, и не проходя через какое-либо пространство. Na

правда, внутри атома нет ни времени, ни пространства. И так далее. Я должен доверять величайшему

отчасти это потому, что я на самом деле почти ничего не понимаю. Достаточно, чтобы чувствовать себя

еще больше сбивает с толку, когда я думаю о них.

- Да, растерянно, - сказала Мэри. - Вот это слово: запутался. - Она

удлинила и подчеркнула звук

С.

- Ну, это два способа существования этой руки, - продолжил он. - Есть еще точка

вид химии. Эти атомы состоят из более или менее электронов, которые вращаются вокруг ядра

с большим или меньшим зарядом это атомы различных элементов, которые строятся внутри

определенный архитектурный узор и образуют сложные молекулы.

Понимающая и умная, Мэри повторила:

— Молекула.

- Но если, как Кранмер, я положу правую руку в огонь, чтобы наказать ее за то, что она что-то совершила

неправильно или недостойно (мимоходом скажем, что эти слова не имеют ничего общего с химией); если я поставлю

моя рука в огне, эти молекулы разгруппируются и снова станут атомами, составляющими их, которые,

в свою очередь, они будут накапливаться в других молекулах. Но это полностью подводит нас к набору реальностей

различимый. Потому что, если я положу руку на огонь, я почувствую боль; и если, как Кранмер, я не сделаю

огромные усилия, чтобы удержать ее, она сама уйдет, независимо от моей воли, прежде чем

я могу понять. Ибо я жив, и эта рука является частью живого существа; и Первый закон существования

сохранить жизнь. Поскольку я жива, эта моя рука, если она будет сожжена, даст возможность выздороветь. Вид

таким образом, биолог обнаружит, что она представляет собой совокупность клеток, которые никогда не превзойдут их

другие никогда не будут размножаться в Безумных приключениях роста, но они живут, умирают и

они развиваются до конца, пока целое, которое они составляют, достигло своей цели, как если бы

они подчинялись заранее установленному плану. Допустим, рука обожжена: вокруг ожога

здоровые клетки будут производить новые клетки из себя, чтобы восстановить и покрыть пятна

повреждать.

- Жизнь прекрасна, - сказала Мэри. — Жизнь…

- Рука Кранмера, — продолжал Калами, - совершила неблагородный поступок. Она является частью не только

человек, но существо, знающее добро и зло. Эта моя рука может делать хорошие вещи и

плохой. Например, она убивает человека; пишет всевозможные слова; помогает раненому; прикасается к этому своему

тело. - Он положил руку на грудь; она испугалась и невольно вздрогнула под грудью.

ласка. Он должен был найти это весьма лестным, символом его власти над ней или власти

о нем. - И когда моя рука касается твоего тела, она касается и твоего разума. Она получает

таким образом, он движется как в вашем сознании, так и здесь, в вашей коже. Это мой разум приказывает ей; и она приносит

ваше тело до моего разума. Тогда она существует в моем сознании; она имеет реальность как часть моей

душа и часть вашей.

Мисс. Thriplow не мог не думать, что во всем этом есть материал для глубокого

гастроли в одной из своих новелл. “Этот серьезный молодой писатель…“рецензенты нацарапали бы на задней обложке

из его следующей книги.

- Продолжай, - сказала она.

Калами продолжил:

— Это то, что некоторые из способов, есть много других, моя рука существует и реальна.

Эта форма, которая останавливает свет: просто подумайте об этом в течение пяти минут, чтобы понять, что он существует

одновременно в десятке параллельных миров. Существует как электрические заряды; как молекулы

химия; как живые клетки; как пане морального существа; как инструмент добра и зла; существует

в физическом и ментальном мире. Из этого неизбежно возникает вопрос, какие отношения между ними

различные способы существования. Что общего между жизнью и

химией, между добром и злом и грузами

электрические; между набором клеток и осознанием ласки. Именно в этот момент пропасти

они начинают открываться. Потому что нет видимой связи. Вселенная покоится на вершине своей собственной,

в отдельных и отдельных слоях.

- Как Неаполитанское мороженое, - разум Мэри тут же улетел в эту фантастическую и

неожиданное сравнение. “Эта остроумная молодая писательница…“Это уже было написано на задней обложке его

книга.

Калами засмеялся.

- Да, - согласился, - как Неаполитанское мороженое. Что верно для слоя

шоколад в основе мороженого может не подходить для последнего слоя ванили. И правда для

лимонное мороженое отличается от того, что для клубничного мороженого. И каждый из них имеет так много прав на

существовать и считать себя реальным, как и все остальные. Конечно, никто не может объяснить один в терминах

из других, таких как ваниль с точки зрения любых других нижних слоев. Это не объясняется

разум как простая жизнь, химия или физика. Это единственное, что совершенно ясно и очевидно.

— Конечно, - согласилась Мэри. - И каков результат всего этого? Я действительно не могу

понимать.

- Я тоже, - сказал Калами с меланхоличным взрывом смеха. - Единственная надежда состоит в том, что если

если мы продолжим думать твердо и долго, возможно, мы сможем придумать объяснение

шоколад, лимон, клубника и ваниль. Кто знает, будь то все ваниль, все ложь или все

дух. Остальное будет только внешний вид, только иллюзия. Но никто не может утверждать такую вещь, если это не так

свободно много думать.

- Бесплатно?

- Нужно быть открытым, спокойным, пустым, пустым от неуместных мыслей, молчаливым. Эй

мысли не войдут в шумный ум; они застенчивы, они остаются в своих темных

укрытия под поверхностью, где они не могут быть достигнуты, если ум полон глупостей и

шум. Многие из нас проходят через жизнь, даже не зная, что эти мысли существуют. Если

мы хотим пригласить их на свидание, нам придется освободить для них место, очистить разум и подождать. И нет

за дверями могут скрываться нерелевантные проблемы. Нужно быть свободным от такого рода

проблемы.

- Полагаю, я одна из тех нерелевантных проблем, - сказала Мэри Триплоу после

время.

Калами засмеялся, но не отрицал этого.

— Если это так, — продолжила она, - почему вы занимались со мной любовью?

Калами не ответил. Почему, правда? Он задавал себе этот же вопрос много раз.

- Думаю, лучше, - сказала она после молчания, - мы все здесь закончим. - Она сама

я бы удалился, я бы умертвил себя за него.

- Расстаться? - повторил он. Я хотел этого, конечно, больше всего на свете: покончить со всем этим,

видеть себя свободным. Но в конце концов он добавил, с каким-то смехом, сдержанным на поверхности голоса: - Вы

думаешь, ты сможешь закончить?

- Почему бы и нет?

- А если я не позволю? - Она думала, что не находится под ее властью, что она не обязана

подчиняться всему, что он хотел? - Потому что я не позволяю тебе

этого делать, - сказал я дрожащим голосом

ликование. Он наклонился над ней и начал целовать ее в губы; его руки держали ее и ласкали. Что

безумие, сказал он себе!

— Нет, нет, - Мэри немного сопротивлялась, но в итоге позволила ему одолеть ее. Оставаться

лежа, дрожа, как будто ее только что пытали.

Глава 2

Когда они вернулись из Монтефиасконе, миссис Олдвинкл и ее группа, весьма подавленные, столкнулись с Мэри

Триплоу одна во дворце.

- А Калами? - спросила госпожа.

- Пошел в горы, - сказала Мэри, серьезная и решительная.

- Почему?

- Захотелось, - ответила Мэри. - Я хотел бы просто подумать. Перспектива возвращения

вы напугали его. Он будет отсутствовать в течение двух или трех дней.

- В горах? - повторила Миссис Олдвинкл. - Будет спать в лесу, в

пещере или что-то в этом роде.

похоже?

- Снял комнату в крестьянской гостинице, на дороге, ведущей в каменоломни. Это

прекрасное место.

- Это звучит привлекательно, - сказал мистер кардан. - Думаю, я пойду туда, чтобы заглянуть.

“Я уверена, что Калами предпочел бы, чтобы я этого не делал”, — сказала мисс Калами. Триплоу. - Он хочет

остаться в одиночестве. Я это очень хорошо понимаю, - добавил он.

Мистер кардан с любопытством посмотрел на нее; ее лицо выражало яркую и серьезную безмятежность.

— Меня удивляет, что ты тоже не удалился из мира, - сказал он, подмигивая. Не будь

мне было так хорошо с мрачного дня похорон Грейс.

Мисс. Триплоу дал христианскую улыбку.

- Вы думаете, что я шучу, - сказал он, качая головой. - Ты же знаешь, что это не так.

- Я в этом уверен, - поспешил ответить мистер кардан, - поверьте,

я никогда не собирался

сказать это. Никогда, слово. Я просто сказал, и я уверяю вас, что очень серьезно, что я был удивлен

ты…

- Ну, как видите, мне не нужно было физически уходить, - объяснила Мисс. Триплоу. —

Я всегда думал, что когда хочется, можно вести отшельническую жизнь даже в центре Лондона или

куда попало.

- Хорошо, - согласился Мистер кардан. - Вы абсолютно правы.

- Он должен был подождать, пока я не вернусь, — сказала почти обиженная миссис Олдвинкл. - Или в

минимум написал записку. - Он сердито посмотрел на Мисс. Триплоу, как будто она виновата.

из-за отсутствия вежливости Калами. - Ну, мне нужно избавиться от этой пыльной одежды — - добавил он

резко и пошел в свою комнату. Раздражение было лишь прикрытием и публичным проявлением

его глубокая депрессия. Все уходили, думала она, все бросали ее. Первое

Челифер, теперь Калами. Как и другие. Со слезами на глазах она пересматривала свою жизнь. Не только люди, как все

вещи всегда соскальзывали с его пальцев. Я потерял все, что было действительно важно, и

захватывающе; вещи всегда происходили в другом месте, вне его

поля зрения. И дни были такими короткими и такими

сейчас мало. Смерть приближалась. Почему кардан привел это ужасное глупое существо в

умереть прямо перед тобой? Она не хотела вспоминать смерть. Миссис Олдвинкл подняла плечи.

Я старею, подумал он; и маленькие часы над каминной консолью его огромной комнаты

она повторяла припев: стареть, стареть, - Миссис Олдвинкл смотрела в зеркало — - и

электрический массажер не хватило бы. Это было уже в пути, это правда, но на это уйдут недели. Эй

курьеры такие медленные… Все сговорилось против нее. Если бы я купил его раньше, возможно,

выглядеть моложе… Будет? Старея, старея, старея, я повторял часы. В

через несколько дней Челифер вернется в Англию; он уйдет, проживет вдали от нее прекрасную жизнь и

чудесный. И она не будет присутствовать. Калами уже ушел; что бы он делал там в этих горах?

Думая о чудесных вещах, которые скрывали секрет, который она искала и никогда не находила,

мысли, которые принесут вам утешение и спокойствие для того, что вам всегда было нужно. И она никогда

я бы знал, какие они. Стареет, стареет. Миссис Олдвинкл сняла шляпу и бросила ее на

кровать. Она была самой несчастной женщиной в мире.

Ночью, расчесывая волосы тети, Ирэн, готовая столкнуться с опасностями ее ужасных

подшучивал, вооружился мужеством и сказал:

- Я никогда не смогу поблагодарить вас за то, что вы рассказали мне об Ховендене.

- Что говорят? - спросила миссис Олдвинкл, из чьего разума болезненные факты последних

недели стерли самые тривиальные воспоминания.

Ирэн покраснела. Этот вопрос не был предусмотрен. Возможно ли, чтобы тетя Лилиан была

забыли те моменты и их запоминающиеся слова?

- Ну, - начала она, тартамудо, - что сказала дама… я имею в виду… когда я сказал, что

он смотрел на меня, как будто…. ну, как будто я тебе нравлюсь.

- О да — - бескорыстно сказала миссис Олдвинкл.

-Помнишь?

- Да, да, - согласилась она. - Что с этим?

- Ну, - продолжала Ирен, все еще мучительно смущенная, - как видите… он сделал меня… заставил меня дать

внимание, понимаете?

- Хм, - сделала миссис Олдвинкл. Молчание. Становясь старым,

становясь старым, я повторял часы без

никакого раскаяния.

Ирэн наклонилась вперед и внезапно начала сбрасывать доверительные отношения.

- Я его очень люблю, тетя Лилиан, - неоднократно говорила она. - Очень, очень. На этот раз по-настоящему. Он

он меня тоже любит. Мы поженимся в Новый год, очень осторожно; без суеты, без большого количества людей

он находится там, где это не его дело; тихо, в ЗАГСе. А потом мы поедем с Велоксом…

- О чем ты говоришь? - разозлилась миссис Олдвинкл и повернулась к своей племяннице.

лицо, чья физиономия выражала такой гнев, что Ирэн отошла не только испуганно, но и на самом деле

терроризировать. - Ты не имеешь в виду… - начал, но не нашел слов, чтобы

продолжить. - О чем думали молодые глупцы? - наконец-то взорвался.

…Старый, стареющий; жестокий ТИК наложился на молчание. Детское лицо Ирен,

когда-то веселый и возбужденный, теперь он был напуган и несчастен. Она была бледной, губы дрожали. — Думать

что дама будет рада — - сказал он. - Я был бы очень рад.

- Рад, что вы ведете себя как дураки? - спросила миссис Олдвинкл, переставляя волосы.

дико.

— Но это сама дама предложила, - начала Ирен.

Миссис Олдвинкл прервала ее, прежде чем она успела сказать что-нибудь еще, с жестокостью

что более практичный психолог, чем Ирен, поймет как простое осознание ошибки.

- Ерунда, - сказал он. - Я полагаю, вы сейчас скажете, - саркастически продолжила она, - что это я

я сказал ей выйти за него замуж.

- Нет, вы этого не сказали.

- Хорошо, - тон его голоса был триумфальным.

- Но он сказал, что не понимает, почему я не влюбляюсь…

- Ба! - сделала тетя. - Я просто шучу. Флирт с детьми…

- И почему бы мне не выйти за него замуж? - спросила Ирен. - Я люблю его, а он любит меня. В

что я не должен?

Почему бы и нет? Да, это был интригующий вопрос. Стареет, стареет, забивает часы в

короткое молчание, которое было сделано. Возможно, вопрос не был полным. Стареет! Все шли

хотя; сначала Челифер, затем Калами, теперь Ирен. Стареет, стареет; скоро будет

совершенно один. И дело было не только в этом. Это была также его гордость, которая была ранена, его удовольствие от

доминировать, что страдал. Ирина была его рабыней; она поклонялась ей, принимала ее слова как законы, мнения

как евангельские истины. Теперь он передавал свое счастье. Миссис Олдвинкл теряла подданного

для более могущественного соперника. Это было невыносимо.

- Почему бы и нет? - Миссис Олдвинкл с иронией повторила эту фразу два или три раза, пока

я искал ответ. - Почему бы тебе не выйти за него замуж?

- Да, почему бы и нет? - настояла Ирен. У него были слезы на глазах; но, несмотря на несчастье, были

решимость в своем отношении, упрямство в лице и тон голоса. У миссис Олдвинкл были причины

бояться соперника.

- Потому что ты еще слишком молод, — наконец сказала она. Ответ был неубедительным, но

я не мог придумать другого.

- Но, тетя Лилиан, вы не помните? Я всегда говорил, что люди

должны жениться молодыми.

Я очень хорошо помню, когда мы говорили о том, что Джульетте всего четырнадцать лет, когда она видела Ромео

первый раз. Так сказала дама…

- Это не имеет никакого отношения. - Миссис Олдвинкл резко прервала мнемоническую экспозицию.

племянницы. У него всегда были причины жаловаться на прекрасные воспоминания об Ирен.

- Но вы сказали… - снова началась другая.

- Ромео и Джульетта сильно отличались от вас и Ховендена, - огрызнулась тетя. - Я настаиваю: вы

очень молод.

- Мне девятнадцать.

— Восемнадцать.

- Практически девятнадцать, - настаивала Ирен. - Мой день рождения будет в декабре.

- Выйди замуж и спокойно покайся, - сказала миссис Олдвинкл, бросая руку

любое оружие, даже пословица. - Через полгода ты вернешься с сожалением, прося меня

пусть вытащит ее из этого беспорядка.

- Зачем мне это делать? - спросила Ирен. - Мы любим друг друга.

- Все они говорят одно и то же. Вы не знаете мужчин. - Миссис Олдвинкл решила

затем изменить тактику. - И что заставляет ее так хотеть убежать от меня? Не могу больше оставаться со мной.

немного? Я буду такой невыносимой, такой ненавистной… е… жестокий И… - она жестикулировала, как будто царапала воздух. —

Неужели ты так меня ненавидишь?

- Тетя Лилиан! - запротестовала Ирэн, начав плакать.

С отсутствием такта и бессвязным отношением, которое было так характерно для нее, миссис Олдвинкл

я складывал вопросы на вопросы, пока не смог полностью испортить эффект, который я намеревался,

делать смешным то, что, наоборот, должно быть душераздирающим.

- Ты меня терпеть не можешь. Я плохо с ней обращался? Скажи мне. Я упрекнул ее от тебя… я не кормил ее

достаточно? Скажи мне!

Как ты можешь так говорить, тетя Лилиан? - Ирэн вытерла глаза подолом свитера. — Как

можете сказать, что я ее не люблю? Дама всегда говорила, что я должен выйти замуж — - добавил он, взрываясь

в новых слезах.

- Как я могу сказать, что ты меня не любишь? - повторила миссис Олдвинкл. - Это неправда.

хотите бросить меня как можно скорее? Это правда или нет? Мне просто интересно, почему;

больше ничего.

- Потому что я хочу жениться. Я люблю Ховендена.

- Потому что ты меня ненавидишь, - упорствовала она.

- Я не ненавижу ее, тетя Лилиан. Как вы можете это сказать? Ты знаешь, что я люблю ее.

- И все же она очень хочет как можно скорее уйти от меня, - сказала г-жа.

Олдвинкл. — А я останусь одна, совсем одна, - дрожал голос; она закрыла глаза

и искривил лицо, стараясь держать его закрытым и жестким. Слезы текли между

веко. - Одна, - повторяла Я между рыданиями. Становясь старым, он настаивал на том, чтобы часы на консоли, становясь

старуха, стареет…

Ирэн опустилась на колени рядом с тетей, взяла ее руки между собой и поцеловала их, прижимая к себе

лицо смоченное слезами.

- Тетя Лилиан, - умоляла я, - тетя Лилиан…

Миссис Олдвинкл рыдала.

- Не плачь, - сказала Ирен. Я представляла, что несу полную ответственность за несчастье тети. Правда,

это был лишь предлог. Миссис Олдвинкл плакала всю свою жизнь, оплакивала приближающуюся смерть.

В первый момент сострадания и саморекламы Ирен была на грани того, чтобы заявить, что

я бы отказался от Ховендена, чтобы остаться с тетей на всю оставшуюся жизнь. Но что-то остановило ее. По сути дела

я был уверен, что это ничего не принесет, это было невозможно, это была бы ошибка. Она любила тетю Лилиан

и любил Ховендена. В некотором смысле, я любил свою тетю больше, чем Ховенден. Но что-то внутри нее

она пророчески видела будущее, то, что было с ней, было много жизней, исходящих из темных.

тайники времени, чтобы жить в ее интерьере и предотвратить его. Рациональная и индивидуальная часть его

дух склонялся к тете. Но совесть и индивидуальность, в плохом смысле, почти

неактуально, они расцвели из исконных корней жизни, посаженных в глубинах вашего существа! Цветы были

для тети Лилиан корни для Ховендена.

- Вы не останетесь одни, - пообещал он. - Мы будем постоянно с

дамой. Хотеть

пусть он всегда приходит к нам в гости.

Обещание не очень утешило миссис Олдвинкл, которая не переставала плакать. Часы работали

так быстро, как всегда.

Глава 3

В течение последних нескольких дней записи в записной книжке Мисс Марвел были записаны. Мэри Триплоу изменила свой характер.

Из любви они стали мистическими. Дикая и бессмысленная страсть уступила место безмятежному созерцанию.

Де Леспинасс уступил Гийону.

“Помнишь, дорогой Джим, - писала она, - когда нам было десять лет, как мы обычно спорили

какие грехи могут быть совершены против Святого Духа? Я помню, что

мы оба согласились, что использование алтаря в качестве W. C., Вероятно, было непростительным грехом. Чувствовать

много сказать, что это не так, потому что тогда было бы очень легко не совершить это. Боюсь, это не так правильно

грешить против Святого Духа. Задушить внутренние голоса, наполнить разум всем этим земным мусором и

не дать Богу возможности войти, не дать духу никаких шансов, это значит грешить против

Эспирито Санто. И это грехи, которые не заслуживают прощения,

потому что они непоправимы. Эй

сожаления в последнюю минуту не стоят. Грех и соответствующая ему добродетель-занятие для

целая жизнь. И почти все совершают их; они умирают, не получив прощения, и немедленно начинают

новая жизнь. Только когда кто-то ведет жизнь с добродетелями Святого Духа, прощение

это можно получить, это то, что человек свободен от жизненных болей и ему позволено объединиться с целым. Это не тот

смысл текста? Ужасно трудно не грешить. Всякий раз, когда я перестаю думать об этом, я удивляюсь

со злом в моей собственной жизни. О, Джим, Джим, как легко забыть, как люди

они бездумно позволяют себе похоронить себя лавинами таких маленьких земных интересов! Заткнись

голоса, блокируется ум, не уступает место Святому Духу. Если я работаю, я чувствую, что это так

все в порядке. Потому что тогда я делаю все, что могу. Но в остальное время я очень плохо справляюсь. Не

если вы можете работать все время и не давать себя непрерывно. Нужно быть пассивным и получать. Поэтому

я не могу это сделать. Я делаю повороты и повороты, наполняю свой разум глупостью, делаю невозможным себя

получать. Нельзя продолжать таким образом, нельзя продолжать грешить против Святого Духа.

Не после того, как вы это поняли.”

Пустая строка и началась следующая аннотация: “думать твердо и интенсивно о

что - то является отличным умственным упражнением; он служит для раскрытия тайн, которые лежат под ним

с общей поверхности существования. Возможно, если вы будете слишком настойчиво думать, это позволит пройти лишнюю милю

от тайны до ее объяснения. Если я думаю, например, о своей руке…". Аннотация была

длинный; заполненный, ясным и правильным письмом Мисс. Thriplow, больше, чем две страницы записной книжки.

"Недавно, - писал он позже, - я вернулся к молитвам, как в детстве. Отец

Боже, что ты на небесах-слова, которые помогают очистить разум, избавить его от мусора и сделать его чистым для

прибытие духа."

Следующие три записи были там по ошибке. Их место было не в секретной записной книжке, но

в другом томе, где были записаны небольшие отрывки, которые могли быть полезны для романов. Явно

то, что записи из этой секретной записной книжки в конечном итоге могут быть использованы в вымыслах Мисс Марвел. Thriplow,

но они не были зарегистрированы там для этой цели.

"Человек в брюках-кюлотах издает легкие звуки при ходьбе, соприкасаясь тканью с тканью, такой как

лебеди, когда они летают, набрасываются на свои огромные белые крылья."

После двух строк комического диалога:

“Я: - я нашел Падение дома Ашеров историей свертывания крови.

Французский: - да, да, мой сгусток тоже кровоточил.”

Третья аннотация напоминала, что ” мох, когда его поливают в солнечный день, подобен губке

все еще влажный после горячего душа””

Затем следствие на записке молитвы: “нет никаких сомнений в том, что техника, используемая для

молитесь, стоя на коленях, лицо между руками, слова произносятся слышимым голосом и направлены в никуда,

это помогает, просто не сходя с действиями повседневной жизни, привести человека в психическое состояние

преданность…”.

В ту ночь она некоторое время сидела перед открытой записной книжкой с ручкой в руке, но без

писать. В рефлексивной манере я грызла кончик ручки. Наконец-то удалось написать, что

“Святой Августин, святой Франциск и святой Игнатий Фойола жили распутной жизнью, прежде чем они обратились-если”. Затем, открыв другую несекретную записную книжку, он написал: “X и Y дружат с детства. X является

лихой, Y застенчивый; Y восхищается X; Y женится, пока X находится на войне, на горящем существе, которое

принимает больше из жалости, чем из любви (Y очень грустно). У них есть сын. Икс возвращается и влюбляется

от A, женщина Y великая любовь рождается среди растущего страдания-от нее, от того, что она обманывает

Y, которого он любит и уважает, и не осмеливается расстаться с ним из-за страха потерять сына; его, потому что он чувствует, что

вы должны отказаться от всего и посвятить себя Богу и т. д.; На самом деле, вы чувствуете предчувствие обращения. Один

ночь они решают, что пора расстаться; они больше не могут продолжать-она, по неверности; он, по

мистика и т.д. Сцена одна из самых душераздирающих: им остается одна последняя целомудренная ночь. К Сожалению Y

по какой — то причине выясняется-ребенок болеет или что-то еще — что A нет в доме

мама, как вы сказали, но где-то еще. Огонь утром, Y прибывает в квартиру X, чтобы

попросите его помочь вам найти A. видит ее пальто и шляпу на диване в гостиной и все понимает.

Разъяренный, он нападает на X, который, чтобы защитить себя, убивает своего друга. Конец. Однако один вопрос: нет

это заканчивается слишком внезапно? Эпиграмматически слишком много, скажем? В xx веке я могу позволить себе

жажда драматических уловок, столь эффективных? Разве это не должно быть более горизонтальным? Больше Земли на землю, больше

реальная жизнь? Я чувствую, что Заключение Таким образом-это почти невежливое использование читателем. Придется

быть другим. Но как? Заставить их расстаться и показать, как они живут, она en bonne mère de famille, он

как сенобит? Разве это не продлится до истощения? Подумайте об этом тщательно".

Она закрыла блокнот и закрыла ручку, уверенная, что хорошо провела ночь на работе.

Калами была в безопасности на горе, ожидая, когда ее поглотят, когда она будет лишена

вымышленных ресурсов.

После раздевания, мытья, расчесывания волос, полировки ногтей, нанесения крема на лицо и вытирания

зубы, Мисс. Триплоу выключил свет и опустился на колени у кровати, чтобы произнести вслух несколько

молитва. Затем он лежит на спине в постели, все мышцы расслаблены, и начал думать о

Бог.

Бог есть дух, говорил он себе, дух, дух. Я пытался представить что-то огромное и пустое, но

живой. Большое плоское пространство песка; и на песке все мерцает и мерцает из-за

тепло-пустое, но все же живое. Дух, всепроникающий дух. Бог есть дух. Три

верблюды всплыли на плоском песчаном горизонте, шагая пахорренно, с невероятным

неэлегантность, перемещение слева направо. Мисс. Thriplow изо всех сил, чтобы сделать их

исчезать. “Бог есть дух”, - сказал он вслух. Но из всех животных верблюды самые

незнакомцы; когда кто-то думает об этих жутких веках, о выпуклых губах, как у

последние Габсбурги, короли Испании… Нет, нет. Бог есть дух, всепроникающий, вездесущий. Все

вселенные встречаются в нем. Слои и больше слоев… Неаполитанское мороженое появилось перед ней в

темнота. Никогда больше не пробовал Неаполитанское мороженое со времен франко-британской ярмарки, когда после

один из них отправился в путешествие на одном из летательных аппаратов сэра Хирама Максима. Повороты и повороты,

Господи, как плохо было потом в голубом Гроте Капри! “Шесть пенни на человека, дамы и

господа, всего шесть Пенни для прогулки по знаменитому голубому гроту Капри; знаменитый Голубой Грот,

господа…“Какая тошнота! Для взрослых должно быть хуже… Но Бог есть дух. Все

вселенные находятся в нем. Разум и материя во всех их проявлениях объединены духом. Все

- она, звезды, горы, деревья, животные, пространство между звездами и Рыбами… рыба…

аквариумные рыбы Монако. Красивая рыба! Модные костюмы! Не более экстравагантно, чем

женщины нарисованы и покрыты драгоценностями на другой стороне стекла. Это сделало бы хороший эпизод в книге:

пара старых, как те, глядя через стекло аквариумов. Описанный с деликатностью и

красивая форма; фундаментальное сходство с существами внутри аквариума было бы деликатно

подразумевается; не очевидным образом; нет, это не так. Это было бы слишком вульгарно, все испортило бы; но

подразумевается в описании, чтобы умный читатель заметил. А потом в казино… Резко, а

Мисс. Триплоу прервала себя. Бог есть дух. Да, где он был? Все вещи едины.

Ах да, да. Все, все, все, повторил. Но чтобы прийти к пониманию этого единства, нужно

достичь духа. Тело разделяет, дух объединяет. Нужно отказаться от тела, от себя; нужно потерять

жизнь для достижения единства. Потерять свою жизнь, освободиться от сепаратистского “я”. Она скрестила руки

с силой, с большой силой, как будто хотел втиснуть между ними свою личную жизнь. Если бы я мог, если бы мог.

опустошить себя, другая жизнь будет спешить, чтобы занять место.

Мисс. Триплоу стал очень тихим, едва дышал. Пустой, она говорила себе время от времени.,

очень пусто. Я чувствовал невероятное спокойствие. Конечно, Бог был рядом. Тишина стала

самый обильный, самый спокойный и самый пустой дух. Да, Бог был рядом.

Возможно, это был шум поезда, проезжающего вдалеке в долине, который напомнил ей о тренировке

закрученный; возможно, узкий луч света, который входил через щель старой деформированной двери и падал

в середине потолка, над ее головой; кто знает, что этот длинный блестящий зонд напомнил ей

хирургический инструмент. Какой бы ни была причина, Мисс. Триплоу обнаружил, что думает о своем

стоматолог. Прекрасный человек, тот; был фарфоровый бульдог над каминной консолью

офис, рядом с фотографией женщины и Близнецов. Его волосы никогда не причесывались.

Глаза были серые. И был энтузиастом. “Это инструмент, которым я горжусь

в частности, Мисс. Thriplow”, - говорил он, вытаскивая изогнутый зажим из шкафа. “Откройте один

немного больше рта, пожалуйста…“Как насчет истории дантиста, который влюбляется в одного из своих

пациенты? Он с энтузиазмом показывает ей все инструменты и хочет, чтобы она так же ценила их

ваши любимые. Притворись, что у нее серьезная проблема с зубами, чтобы увидеть ее с большим количеством

частота.

Дантист исчезал; он повторял один и тот же жест несколько раз, очень медленно, даже не завершая его,

забыв на полпути о том, что он намеревался сделать. В конце концов все исчезло. Мисс. Thriplow

я погрузилась в спокойный и глубокий сон.

Глава 4

По прошествии шторма ветер начал затухать, и среди нагруженных облаков было солнце. Эй

желтоватые каштаны, теперь почти неподвижные, блестели в чистом воздухе. Бормотание бегущей воды

он наполнял уши. Трава на склонах блестела в солнечном свете. Калами оставил свою темную комнату в

хостел и начал подниматься по крутой тропе к дороге. Время от времени останавливался, чтобы посмотреть на

возвращение. В этот момент тропа выходила на сторону глубокой долины. Вверх, земля поднялась-если резко, то в некоторых местах почти обрыв. Внизу зеленые горные луга,

сияя на солнце и украшенные здесь и там скоплениями каштанов, они спустились на дно, что Солнце

после полудня он уже оставил его окутанным дымной тенью. Глубоко затуманенные, на противоположной стороне.

из этого узкого ущелья горы представляли собой большие черные

массы, покрытые тем же туманом, что и

он плавал на дне долины, поднимая свои силуэты на фоне яркого света. За хребтами солнце

он заглядывал через долину и касался склона, на котором стояла Калами, с ясностью, которая,

в отличие от темных гор перед ним, это казалось почти нереальным. Справа, во главе долины,

вершина коричневой голой скалы, отмеченная белыми прожилками мрамора, проходила сквозь облака и его

топо сиял в солнечном свете, как драгоценный камень. Полоса белого пара окружала фланги

с горы. Под ним были видны скалистые предгорья и длинные заросшие склоны, которые

они вошли в всю долину, покрытую туманом, мрачную и мертвую, спасенную в некоторых местах, где великий

Золотой луч пробирался сквозь серую массу и касался леса, травы или камня, давая им жизнь

интенсивный и мимолетный.

Калами долго стоял, любуясь пейзажем. Как она была прекрасна! Сколько красоты! As

влажные, блестящие деревья выглядели готовыми к вечеринке — и все же это была смерть и зима

кто их ждал. Прекрасны были горы, но грозные и страшные. Ужасная глубокая бездна

дымчатые тени под ярко-зеленым. И тени поднимались каждую секунду, когда

солнце падало. Красивый, страшный и таинственный, пропитанный какой огромной тайной, символом какой фантастики

реальность?

Со стороны хижины под дорогой доносились звуки колоколов и пронзительный голос

детский. Полдюжины белых и черных коз, с длинными черными усами и скрученными рогами, глаза

желтые и узкие зрачки, он рысью поднимался в гору, звеня своими монотонными колокольчиками. Маленький мальчик, если

тащил за ними, размахивая посохом и выкрикивая командные слова. Он коснулся кепки при переходе

с Калами; они обменялись несколькими словами по-итальянски о шторме, козлах, лучшем способе

затем, размахивая посохом и безапелляционно крича на свое маленькое стадо,

ребенок продолжал подниматься по дороге. Козы шли впереди, копыта стучали по камням;

когда они останавливались, чтобы вырвать изо рта пучок травы из бокового оврага. Но маленький мальчик

я бы не позволил им остановиться. “Через”, - кричал он, ударяя их посохом. Они снова ходили. Вскоре пастор

и козы остались вне поля зрения.

Если бы я родился таким маленьким мальчиком, подумал Калами, я был бы там посреди этих

горы, работая без вопросов, прикасаясь к животным или рубя дрова, время от времени

ведете повозку с дровами или сыром по длинной дороге в Веззу? Я бы сделал все без

вопрос? Видите ли вы, что горы прекрасны и ужасны? Или эта земля будет для него просто

неблагодарен за то, что требует столько работы и возвращает слишком мало взамен? Верите ли вы в рай и ад? Е

часто, когда что-то пошло не так, я искренне призывал на помощь Младенца Иисуса,

от Пресвятой Богородицы и Святого Иосифа патриархальная семейная Троица-Отец, Мать и сын-крестьян

итальянцы? Вы бы поженились? К этому времени вашим старшим детям, вероятно, будет десять или двенадцать лет

и они будут вести коз по полям, пронзительно кричать и размахивать посохом. Это займет один

тихая и довольная жизнь молодого патриарха с женой, детьми и стадами? Быть

счастливо жить таким образом, привязанным к земле, древней, инстинктивной жизнью животного остроумия?

Это казалось чем-то невозможным представить. Тем не менее, несмотря ни на что, это было вполне возможно. Дух

он должен быть очень сильным, страстно влюбленным, чтобы оторваться от традиций детства и

обстоятельства, навязанные жизнью. Будет ли у него такой дух?

Калами был оторван от своих предположений, услышав, как его имя называется с близкого расстояния. Он

он повернулся и увидел мистера кардана и Челифера, шаг за шагом поднимающихся по дороге к нему. Помахал и пошел в

их встреча. Вы были рады видеть их или нет? Невозможно узнать.

- Привет — - сказал мистер кардан, радостно подмигивая при приближении. - Как жизнь здесь в

Фивы? У вас есть возражения против приема пары нечестивых посетителей Александрии?

Калами засмеялся и, не отвечая, пожал им руки.

- Вы промокли? - спросил он, меняя тему.

- Мы спрятались в пещере, - сказал мистер кардан, глядя на окружающий пейзаж. — Многое

красавчик, - похвалил, как будто Калами был автором. - Очень мило.

- Вордсуортиано, - добавил Челифер своим точным голосом.

- Где вы остановились? - спросил Мистер кардан.

Калами указал на хижину. Мистер кардан кивнул.

- Золотые сердца, но несколько рабские, а? - спросил он, поднимая брови выше

белый.

- Даже не говори, - согласился Калами.

- Красивые девушки? - продолжил мистер кардан. Или немного толстых?

- Ни то, ни другое.

- И как долго ты собираешься оставаться здесь?

- Понятия не имею.

- Пока он не достиг дна космоса, не так ли?

Калами улыбнулся.

- Верно.

- Великолепно, - сказал мистер кардан, похлопывая Калами по руке, - великолепно. Я

завидовать. Боже мой, что бы я не отдал, чтобы быть твоим возрастом. Чего бы не было! - Он покачал головой

печаль. - Но, горе мне, что бы я мог дать, на самом деле? На данный момент максимум двести фунтов.

Это все мое состояние. Разве мы не должны сидеть? - добавил он другим тоном.

Калами спустился с ними по тропе. Напротив гостевого дома под окнами стояла длинная скамейка.

Трое мужчин сели, приятно согреваясь под солнцем, которое сильно ударило по ним. Под ними

была узкая долина, скрытая тенями; впереди черные горы с покрытыми вершинами,

но чьи очертания были четкими на фоне ясного, освещенного Солнцем неба.

- А поездка в Рим, - спросил Калами, - была хорошей?

- Терпимо, - сказала Челифер.

- И Мисс. Элвер? - он задал вопрос мистеру кардану.

- Вы не знали? - спросил он.

- Что вы слышали?

- Она умерла. - Сразу же его физиономия стала жесткой и сжатой.

- Мне очень жаль, - сказал Калами. - Я не знал. - Лучше не продолжать с другими

соболезнование.

Стало тихо.

- Вот что-то, что трудно признать, как бы мистически ни смотрели на

собственный пупок — - наконец сказал мистер кардан.

- Что? - спросил Калами.

- Смерть, - ответил мистер кардан. - Никто не может смириться с тем, что, в конце концов,

плоть захватывает дух и выжимает жизнь наружу, пока не превратит человека во что-то сравнимое с

больное животное. Когда болеет плоть, болеет и дух. Затем мясо умирает и

он начинает гнить; и, вероятно, дух тоже гниет. И на этом омфалогическое обследование заканчивается,

со всеми его побочными продуктами: Богом, праведностью, спасением и всем остальным.

- Может быть — - сказал Калами. - Мы можем даже признать, что это правильно, но я не думаю, что это делает

незначительная разница…

- Малейшая разница?

Калами покачал головой.

- Спасение не в том мире, а в этом. Никто не ведет себя хорошо здесь, чтобы выиграть

арфы и крылышки после смерти или для вечного созерцания добра, истины и прекрасного.

Если кто-то желает спасения, это здесь и сейчас. Царство Божье внутри вас; извините за цитату

- добавил он, улыбаясь мистеру кардану. - Завоевать это королевство здесь, в этой жизни, это амбиции

Спаситель. Может быть, есть другая жизнь, может быть, нет; это не имеет отношения к основному вопросу.

Беспокойство, потому что душа может распасться вместе с телом, действительно средневеково. Средневековые богословы

они компенсировали свой пугающий цинизм по отношению к этому миру детским оптимизмом по отношению к

другой. Будущее правосудие компенсирует ужасы настоящего. Подавить загробную жизнь и ужасы

они останутся без модерации.

- Точно, - сказала Челифер.

- Со средневековой точки зрения перспектива тревожит. Индусы, и в этом смысле

основатели христианства, они обеспечивают соответствующее учение о спасении в этой жизни независимо от

жизнь после смерти. Каждый достигает спасения по-своему.

- Рад, что вы это признаете, - сказал мистер кардан. - Я боялся, что начну говорить, что все

надо выживать за счет овощей и смотреть на сам пупок.

- Меня проинформировал не кто иной, как такой авторитет, как вы, - со смехом сказал Калами

- что есть… сколько… восемьдесят четыре тысячи, не так ли?, различные способы достижения

спасение.

- Точно, - сказал г-н кардан, - и многое другое, чтобы добраться

до Дьявола. Но все это, чувак

молодой друг, — продолжил он, - никоим образом не умаляет неприятного факта, что мужчина

медленно стать Гагой, умереть и быть съеденным червями. Он может достичь спасения в этой жизни,

конечно; это, конечно, делает менее невыносимым, что в конечном итоге душа поддается

неизбежно к телу. Я, например, стар… я цитирую гипотетический случай, обратите внимание…

я живу в состоянии моральной целостности и спасения в этом мире уже пятьдесят лет, с тех пор как я достиг

половая зрелость. Допустим, это правда. По этой причине у меня была бы малейшая причина быть

измученный перспективой, что через несколько лет я стану дряхлым, слепым, глухим идиотом.,

беззубый, дememорированный, ни к чему не заинтересованный, частично парализованный, отвратительное существо

для моих друзей и всего остального каталога буртона? Если моя душа во власти тела

который медленно гниет, от чего мне будет служить спасение?

- Он воспользуется этими пятьюдесятью годами здоровой жизни, - сказал Калами.

— Но я имею в виду годы слабости, - настаивал мистер кардан, - когда душа

во власти тела.

Калами замолчал на несколько мгновений.

- Это тяжело, - задумчиво сказал он. - Ужасно тяжело. Но главный вопрос: Может ли

Господь говорить о душе во власти тела, дать объяснение ума в материальных терминах? Когда

считается, что именно человеческий разум изобрел пространство, время и материю, извлекая их из реальности

произвольным образом можно захотеть объяснить что-то в зависимости от чего-то другого, кроме самого себя

придумал? Вот основной вопрос.

- Это как вопрос об авторстве “Илиады”, - сказал мистер кардан. - Автором стихотворения был Гомер,

или, если не Гомер, тот, у кого было такое же имя. Подобным образом, философски или научно

говоря, как хотят новые физики, материя может на самом деле не быть материей. Но остается

тот факт, что что-то со всеми свойствами, которые мы всегда приписываем материи, всегда пересекает

наш путь, и наш разум захвачен определенной частью этой материи, известной как тело,

меняется, когда он меняется, сопровождая его распад бок о бок.

Калами в недоумении пробежал пальцами по волосам.

- Да, это очень сложно, - сказал он. - Невозможно не вести себя так, как будто все

действительно то, на что они похожи. В то же время существует

совершенно другая реальность, из которой

мы могли бы приблизиться к изменению нашей физической среды, устранению наших ограничений

телесный. Может быть, если мы будем думать твердо… - Он остановился, качая головой. - Сколько дней

Гаутама прошел под этим деревом? Если бы я оставался в то же время и имел тот же тип ума,,

возможно, ему каким-то странным образом удалось преодолеть ограничения обычного существования. Тогда

я бы знал, что то, что кажется реальным, на самом деле совершенно иллюзорно… Майя, космическая иллюзия. Кроме нее

я бы увидел реальность.

- Сколько глупостей говорят об этом ваши мистики! - сказал мистер кардан. - Вы уже читали

Беме, например? Свет и тьма, колеса и композиции, сладкие и горькие, ртуть, соль и

сера… бессмысленное словоблудие.

- Чего-то другого ожидать нельзя, - сказал Калами. - Как человек мог описать

нечто совершенно иное, чем явление существования, известное на языке, изобретенном для

описать это явление? Вы могли бы дать подробное устное объяснение Пятой симфонии

глухой, но он ничему не научится и подумает, что Господь только облажался. Что с точки зрения

он был бы прав…

- Это правда, - сказал мистер кардан. - Но я сомневаюсь, что тот факт, что кто-то сидит под

дерево, как бы долго оно ни было, позволяет ему избавиться от человеческих оков и добраться до

понимание явлений.

- Ну, я склонен думать, что это возможно, - сказал Калами. - На данный момент я согласен, что

мы думаем по-другому. Но даже если невозможно достичь реальности, факт в том, что она существует и

это проявляется совсем не так, как мы обычно думаем; это проясняет

это формирует страшный вопрос смерти. Конечно, судя по тому, как все происходит, это как если бы

тело захватило душу и убило ее. Но реальность в этом случае может быть совсем другой. Тело

как мы знаем, это изобретение ума. Какова реальность, на которой абстрактный ум и

символический работает его абстракция и символизм? Возможно, что после смерти мы узнаем. Но в

в любом случае, что такое смерть на самом деле?

- Жаль, - выразился Челифер своим чистым, ясным и точным голосом, - что человеческий разум не

лучше выполнять свою изобретательскую работу в то время как это было время. Например, наши

символические абстракции реальности могли быть сделаны так, чтобы творческая душа, возможно,

Бессмертный, не нужно беспокоиться о геморрое.

Калами засмеялся.

- Ты неисправимый сентименталь!

- Сентиментально! - удивленно повторил Челифер.

- Перевернутый сентиментальный, - сказал Калами, кивая. - Я даже думаю, что такой романтизм

вымерли, как и вы, после свержения Луиса Фелипе.

Челифер засмеялся.

- Может быть, я прав, - сказал он. - Но знайте, что я бы сам дал награду

сентиментальность для тех, кто видит то, что обычно известно как реальность, Харроу-Роуд, для

например, или Café de La Rotonde в Париже, как просто иллюзия; те, кто убегает от этой реальности и

они посвящают свое время и энергию деятельности, которую мистер кардан резюмировал и символизировал в выражении ” экзамен

омфалогический”. Разве они не суперсимпатичные и сентиментальные придурки?

- Наоборот, - возразил Калами, - с исторической точки зрения это обычно мужчины

большой интеллект. Будда, Иисус, Лао-Цзы, Беме, несмотря на его

колеса и составы, соль и

сера и Сведенборг. Не говоря уже о сэре Исааке Ньютоне, который практически обменял математику на

мистицизм после того, как ему исполнилось тридцать. Не то чтобы он был хорошим мистиком; это не было. Но

пытался быть; нельзя сказать, что он был замечен своим умственным ограничением. Нет, это не дураки, которые

они становятся мистиками. Требуется определенная доза интеллекта и воображения, чтобы понять необыкновенное

странность и тайна мира, в котором человек живет. Дураки, бесчисленные дураки верят во все.,

они радостно скользят по поверхности, даже не задумываясь о том, что находится под ними. Они довольствуются

такие события, как Harrow Road или Café de La Rotonde, называют их реальностью и оскорбляют

любой, кто интересуется тем, что существует под этими поверхностными символами, называет его мудаком

романтический.

- Но бежать-трусость, - настаивала Челифер. - Никто не имеет права игнорировать то, что есть

реальность для девяноста девяти из ста людей. Даже если это на самом деле не так. Никто

у вас есть это право.

- Почему бы и нет? - спросил Калами. - Любой имеет право иметь метр девяносто

в высоту и подогнать сорок четыре. Любой имеет это право, хотя их не более трех или

четыре из ста. Так почему бы также не иметь право родиться с

необычным умом, который не

довольствуетесь только внешним видом?

- Но такой ум не имеет значения, потому что это аномалия, — сказал Челифер. - В реальной жизни, или

если вы предпочитаете в жизни, считающейся реальной, преобладают другие умы, которые являются общим правилом:

грубые умы. Я повторяю, что вы не имеете права уклоняться от этого. Если вы хотите знать, что такое ум

человек должен иметь мужество, чтобы жить, как подавляющее большинство людей. Уверяю вас, что это

особенно отвратительно.

- Вот ты снова со своей сентиментальностью, - пожаловался Калами. - Это действительно тот парень.

обычный перевернутый сентиментальный. Обычный сентиментальный хочет, чтобы реальная жизнь была более розовой

чем это на самом деле. Перевернутая сентиментальность, напротив, превозносит свои ужасы. Но злой принцип

в обоих случаях одно и то же: чрезмерное беспокойство о том, что иллюзорно. Чувствительный человек не

он видит мир внешности, такой розовый и не такой горький, но он идет дальше. Есть реальность

и это более интересно…

- Тогда вы безмерно осуждаете всех этих бесчисленных людей, которые проводят свою жизнь

на поверхности?

— Конечно, нет, — возразил Калами, - я бы не стал совершать эту глупость. Все эти люди существуют, это

конечно, и вы можете выбрать один из восьмидесяти четырех тысяч путей мистера кардана, чтобы спасти себя. Что я

я выбрал, возможно, отличается от других, вот и все.

- Вполне вероятно, - сказал мистер кардан, который был занят зажиганием сигары, - что они

найти путь к спасению легче, чем вы сами. Поскольку они проще, они будут иметь

меньше поводов для создания внутренней дисгармонии. Многие до сих пор живут в племенном состоянии, повинуясь

слепо к социальному кодексу, предложенному им еще в детстве. Это прелапсарное государство; никто

он съел плод дерева познания добра и зла; в целом это все племя, а не только

человек, который ест. И он настолько интегрирован в нее, что ему даже не приходит в голову действовать против его правил, так

как будто моим зубам не приходит в голову сильно прикусить язык, когда они понимают. Эти души

простые, и они существуют тысячами, они легко найдут свой путь к спасению. Трудность

это начинается, когда каждый человек начинает осознавать себя, независимо от племени. Имеется

большое количество людей, которые должны быть племенными дикарями, но осознают свою

индивидуальность. Они не могут слепо подчиняться законам племени, но они слишком слабы, чтобы действовать за себя

тот же. Я бы сказал, что большинство людей оказываются на этой стадии, в современном демократическом государстве Moderna:

они слишком осознают себя, чтобы слепо подчиняться, но также неспособны вести себя

разумно самостоятельно. Вот почему это восхитительное современное положение дел, которое так радует

наш друг Челифер. Мы все ужасно колебались между племенем и обществом людей

сознательный.

— Мне приятно думать, - сказал Челифер, - что moderna Civilization делает то, что

это может восстановить племенной режим, только в национальном и даже международном масштабе. Книги на низком уровне

цена, беспроводные телефоны, поезда, автомобили, граммофоны и все остальное делают это возможным

консолидировать племена не тысяч, а миллионов людей. Судя по романистам в середине-Запад, процесс, кажется, идет далеко вперед в Америке. В течение нескольких поколений, возможно, все

планета занята одним и огромным американским племенем, состоящим из бесчисленных

люди, все думают и действуют одинаково, как персонажи в новелле Синклера

Льюис. Это одно из самых приятных предположений, даже если, конечно, - осторожно добавил он— -

будущее не принадлежит нам.

Мистер кардан согласился, выдувая сигарный дым.

- Это, безусловно, возможно, - сказал он. - Это вероятность даже; потому что я думаю как минимум

вероятно, мы сможем породить расу существ, по крайней мере, через тысячу лет, достаточно разумную

сформировать прочное неплеменное общество. Образование сделало невозможным старый трайбализм и

ничего не сделал и не сделает для того, чтобы общество, не являющееся племенным, стало возможным. Если мы хотим социальной стабильности, это необходимо,

Итак, давайте создадим новый вид трайбализма на основе всеобщего образования для

идиоты, используя прессу, беспроводной телефон и все остальное в качестве инструментов для установления этого

новый порядок. После одного или двух поколений постоянного, сознательного воспитания, возможно, это возможно,

как сказал Челифер, превратить всех, кроме ста или двухсот в каждый миллион жителей

планета в Бэббитсе.ми

— Возможно, потребуется немного более низкая оценка, - предположил Челифер.

- Это замечательно, - медитативно продолжил Г-Н кардан, - как величайший и самый влиятельный

Moderna реформист Толстой также предлагает возврат к трайбализму в качестве единственного средства правовой защиты

к цивилизованному беспокойству и неопределенности целей. Но пока мы предлагаем трайбализм, основанный на

в фактах… или это будет внешность?… - мистер кардан дружно подмигнул Калами-от жизни

moderna, Толстой предложил первобытный, подлинный и грубый трайбализм дикаря. Это не сработало бы, не так ли

конечно; потому что маловероятно, что, попробовав это, мужчины согласятся потерять le confort moderne,

как говорят в отелях. Наше предложение более практично: мы предлагаем создать целую планету из

Бэббитс. Сегодня они будут распространяться гораздо легче, чем мужики. Но в обоих

проекты остаются тем же принципом: возвращение к племенному государству. И, если Толстой, Челифер и я

мы согласны с одним, Вы можете поверить, что в нем есть истина. Кстати — - добавил он —,

надеюсь, я не причиню вреда твоей восприимчивости, Калами. Он не собирается выдавать себя за одного

муджик здесь, не так ли? Копать землю, держать свиней и другие подобные вещи. Вы здесь? Надеюсь, нет.

Калами, смеясь, покачал головой.

- Утром я рублю дрова, чтобы заняться спортом, - сказал он. - Но не принципиально, уверяю-не в принципе.

- Хорошо, - сказал мистер кардан. - Я боялся, что ты сможешь сделать это из принципа.

- Было бы глупо, - сказал Калами. - Зачем делать плохо то, к чему у меня нет способностей? Е

что, кроме того, помешало бы мне делать то, что мне кажется врожденной способностью?

- И что это, могу я узнать? - спросил Мистер кардан с подозрением и вежливостью. — О

что это может быть?

— Это довольно едко, - сказал Калами, улыбаясь. - Но вы можете спросить. Потому что

конечно, до сих пор было трудно понять, в чем мой причудливый талант. Даже я сам не знаю. Заниматься любовью,

может быть? Или ездить верхом, убивать антилоп в Африке, командовать пехотным батальоном, читать бессвязно

с большой скоростью пить шампанское? Может быть, культивировать хорошую память или мой низкий голос, или что?

Я думаю, что это первое: заниматься любовью.

- Неплохой талант, - сказал мистер кардан.

- Но его нельзя выращивать бесконечно, - продолжал Калами. - С остальными это

то же самое, хотя они верны для меня. Нет, если бы у меня еще не было этих способностей, конечно

я бы посвятил всю свою жизнь копанию земли. Но я начинаю открывать в себе определенную легкость

для медитации, которая, кажется, стоит культивировать. И я сомневаюсь, что можно будет выращивать

одновременно медитация и земля. Я рублю древесину только в качестве упражнения.

- Это хорошо, - сказал мистер кардан. — Я бы не хотел думать, что ты что-то делаешь

активно полезно. У вас есть инстинкты джентльмена; и это превосходно…

- Сатана! - воскликнул Калами, смеясь. - Но вы думаете, что я не очень хорошо знаю, что вы можете

создать самое ужасное дело против мирного отшельник, который смотрит на свой пупок, пока

остальные работают? Думаешь, я об этом не подумал?

- Я уверен, что вы подумали — - ответил мистер кардан, мягко подмигивая.

— На самом деле это может быть ужасно; но это действительно убедительно только тогда, когда отшельник не делает своего

работа соответствующим образом, если она рождена, чтобы быть активной, а не созерцательной. Идиоты, которые ходят

провозглашая, что цель жизни-это действие, и что мысль ничего не стоит, если она не ведет к действию,

они говорят только за себя. Есть восемьдесят четыре тысячи путей. Чистый созерцатель

вы имеете право на одного из них.

- Я буду последним, кто отрицает подобное, - сказал мистер кардан.

— И если я узнаю, что это не мой путь, - продолжил Калами — - я вернусь и увижу

что я могу сделать в практической жизни. Пока что я могу

заверить вас, что ничего не заметил для себя в этом

путь. Может быть, я не искал в каком-то, в котором я, вероятно, нашел бы.

- То, что всегда казалось мне самым важным возражением против длительного омфалогического обследования — - сказал он

г-н кардан, после короткого молчания — это факт того, что он слишком сильно откладывает личные ресурсы; это

мне нужно, так сказать, питаться собственным умственным жиром, а не питаться тем, что есть

вне. Познание себя становится невозможным, потому что мы знаем друг друга только по отношению к

другие люди.

- Это правда, - согласился Калами. - Часть личности, безусловно, знает себя только в

отношение к тому, что снаружи. После двенадцати или пятнадцати лет взрослой жизни я думаю, что знаю это мое

часть полностью. Я общался со многими людьми, попадал в самые любопытные ситуации и,

почти все скрытые возможности, связанные с этой частью моего существа, имели шанс быть

развернуты и превращены в реальность. Но почему это должно продолжаться? Нет ничего другого, что я

хотите знать об этой части меня; я полагаю, что больше нет ничего важного, что можно было бы извлечь из

мой контакт с внешним миром. Но внутри меня есть другая неизвестная Вселенная, ожидающая

быть обнаруженным. Целая вселенная, которую я могу узнать только через самоанализ и мышление

терпеливый и непрерывный. Просто из любопытства стоит его изучить. Но у меня есть более веские причины, чем

любопытство, чтобы убедить меня. Я знаю, что то, что я могу найти там, так важно, чтобы предпринять это

поиск стал вопросом жизни и смерти.

- Хм, - пробормотал Мистер кардан. - А что будет после трех месяцев касты

медитация, Если какой-нибудь прекрасный молодой соблазн возникнет по этой дороге, “раскачивая задницу”, как

сказал бы Золя и положил на тебя свои большие черные глаза? Что может случиться с вашими

исследования внутренней вселенной?

- Ну, — сказал Калами, - надеюсь, вас не перебьют.

- Подожди? Честно?

- Я буду стараться изо всех сил, чтобы они продолжались.

- Это будет нелегко, - заверил Мистер кардан.

- Я знаю.

- Возможно, вы поймете, как одновременно исследовать искушение и внутреннюю вселенную.

Калами отрицательно покачал головой.

- К сожалению, я не думаю, что это возможно. Если бы это было так, это было бы замечательно. Но есть несколько причин

так что это не так. Это не сработало бы, даже если бы была умеренность. Я знаю это, более или менее, для

опыт. И все власти тоже согласны.

— Несмотря на это, - сказал Челифер — - есть некоторые религии, которые предписывают снисходительность

это особое внимание как дисциплина и ритуал в определенные сезоны и для празднования определенных

праздник.

— Но они не утверждают, - ответил Калами, - что это дисциплина, которая облегчает для тех

которые подчиняются ей, исследованию этой внутренней вселенной.

- Может быть, нет, - возразил Челифер. - В конце концов, нет правила. В определенное время и в

в определенном месте они уважают родителей, когда они стареют; в другое время и в другом месте они бьют

голову и положить их в пот-о-Фе. Все правильно или неправильно, в зависимости от того, когда и где.

— Это правда, с некоторыми ограничениями, - сказал Калами. - И ограничения-самая большая часть

важный. Мне кажется, что существует параллель между

физическим и моральным миром. В физическом мире реальность

неизвестный называется четырехмерным континуумом. Континуум одинаков для всех

наблюдатели; но когда они хотят нарисовать его, они выбирают разные оси для своего графика, во-вторых

их разные склонности и в соответствии с их разными умами и физическими ограничениями. Люди

они выбрали для своих осей трехмерное пространство и время. Они не могли бы сделать иначе,

быть такими, какие есть разум, тело и земля, на которой они живут. Пространство и время-необходимые идеи и

неизбежны для нас. И когда мы хотим нарисовать эту другую реальность, в которой мы живем… она другая

или, непонятно, это в некотором роде то же самое?… мы выбираем, это неизбежно; мы не можем не

выбрать те опорные оси, которые мы называем добром и злом; законы нашего существа заставляют нас видеть

вещи под хорошими и плохими аспектами. Реальность остается прежней, но оси меняются в зависимости от положения

умственные, так сказать, и с разнообразными способностями разных наблюдателей. Некоторые из них имеют

более четкое видение и определенным образом лучше позиционируются, чем другие. Непрекращающиеся перемены

социальных конвенций и моральных кодексов в ходе истории представляет собой смещение осей

ссылки, выбранные теми, кто менее любопытен, более близорук или плохо расположен. Но те, которые

выбраны лучшими наблюдателями были удивительно похожи. Гаутама, Иисус

и Лао-Цзы, например, жили довольно далеко друг от друга в пространстве, времени и социальном масштабе, но

его рисунки реальности очень похожи. Чем ближе к одному из них человек получает

прибыть, плюс моральные ориентиры того и другого будут совпадать. И, если большинство

более внимательные наблюдатели соглашаются сказать, что преданность этим особым удовольствиям мешает

исследование духовного мира, тогда вы можете быть уверены, что это правда. Нет сомнений, что

естественное и умеренное удовлетворение сексуальных инстинктов само по себе является предметом, совершенно отличным от морали. Быть

только в отношении других вещей удовлетворение естественного инстинкта можно считать хорошим или плохим.

Это может быть зло, например, если есть обман и жестокость. Конечно, это также зло, когда он порабощает

ум, который в глубине души чувствует, что может быть свободным. Свободно созерцать и стать безмятежным.

- Без сомнения — - сказал мистер кардан. - Но, как практичный человек, я могу только сказать, что это будет

ужасно трудно сохранить эту свободу. Это качание на бедрах… - Он переместил сигару из

из стороны в сторону. — Через шесть месяцев я вернусь к тебе, а потом посмотрим, как ты будешь с

все это. Эффект, который естественные аппетиты вызывают при хорошем разрешении, необычайен. Находиться

сытый человек думает, что регенерация будет легкой; но когда голод возвращается, как тяжело…

Все трое молчали. Из глубин долины дымные тени уже доходили до холма.

Остальные были уже полностью черными, а облака, которые их покрывали, становились темными и

угрожающие, за исключением самых высоких точек, где заходящее солнце касалось их все более ярким светом

плотный. Тень уже добралась до того места, где они были, и не заставила себя долго ждать. Стучать в колокола с

сила и маленькие копыта на камнях, шесть коз спустились с холма к дороге. Мальчик

он шел сзади, размахивая тростью. “ЭЙА-ОО!“он кричал с какой-то гомеровской яростью; но когда он увидел

трое мужчин, сидевших за пределами хижины, внезапно замолчали, покраснели и ушли без всякого

героизм, осмеливаясь только время от времени бормотать что-нибудь козлам, пока я их веду

в конюшню спать.

- Боже Мой! - воскликнул Челифер, который следил за движением животных с помощью

какое-то любопытство. - Я думаю, что это первый раз, когда я вижу козу или чувствую ее запах, так как

я начал писать о них для газеты. Это очень интересно. Я забыл, что эти существа

существовать.

- Мы склонны забывать, что что-то или человек действительно существует за пределами нас самих —

сказал мистер кардан. - Всегда шокирует то, что они существуют.

— Через три дня, - задумчиво сказала Челифер, - я вернусь в офис. Кролики, козы,

крысы; Феттер Фейн, семейный пансион. Все известные ужасы реальности.

- Сентиментально, - пошутил Калами.

- Филиан решил поехать в Монте-Карио, - сказал мистер кардан. - Я пойду с ней, конечно; не будь

вы можете отклонить предложение о бесплатном питании. - Он выбросил сигару и встал, растягивая

тело. - Думаю, нам лучше спуститься до наступления темноты.

- Когда я увижу их снова? - спросил Калами.

- Я вернусь сюда через полгода, не волнуйтесь, - сказал мистер кардан. - Даже если он должен

быть за мой счет.

Они спустились по крутой тропе к дороге.

— Прощание.

— Прощание.

Калами смотрел, как они уходят, пока не потерял их из виду на повороте. Глубокая меланхолия

спустился на него. Он чувствовал, что его старая жизнь уходит с ними обоими. Он остался один, с

что-то новое и странное. Что должно было случиться?

Может быть, ничего не произошло, подумал он; может быть, это была твоя глупость.

Теперь хижина оказалась в тени. Глядя на холм, он все еще мог видеть верхушки деревьев

сияя, как будто они были готовы к вечеринке, над растущей темнотой. Во главе

долина, как огромный драгоценный камень, излучающий свое внутреннее сияние, скала пробивалась сквозь облака и

он касался неба. Возможно, он вел себя как дурак, подумал Калами. Но что-то на этом пике

блестяще сказал ему, что нет.

Работы Олдоса Хаксли по голубой библиотеке

Дивный новый мир

Избранные сказки

Контрапункт

Демоны Лаудуна

Гений и богиня

Остров

Обезьяна и сущность

Мокша

Двери восприятия

Рай и ад

Нет глаз в Газе

Человеческая ситуация

Время должно остановиться

Также лебедь умирает

[Пойти] . На итальянском языке в оригинале: “Intanto se vuoi vincere/ Un bei ternone al Lotto,/ Giuoca il sette e il sedeei, / Uniti al cinquantotto”. (н. т.)

J2]. Роман Чарльза Диккенса. (n. e.)

J 3]. “Этот человек Империи, привыкший к имперскому роду, должен был полностью игнорировать Moderna amor Forms, новые

сомнения, различные разговоры, придуманные после 1830 года, в которых “бедная и хрупкая женщина” в конечном итоге считает себя жертвой желаний

ее любовник, как сестра милосердия, которая лечит раны, как преданный ангел. Это новое искусство любви потребляет огромное количество

евангельские слова в честь дьявола. Страсть-это мученичество. Он стремится к идеалу, к бесконечности обеих сторон; он хочет совершенствоваться

через любовь. Все эти прекрасные фразы являются предлогом для того, чтобы вдохнуть еще больший пыл в практику, больше ярости в поток, чем в

прошедший. Это лицемерие, характерное для нашего времени, гангренозировало галантность.”(n. e.)

J 4]. The Holy Ghost comes sliding down / on Ilford, Golders Green and Penge./ His hosts infect him as they rot; *the victims take theirjust revengef* For if oj

Old The sons of squires/ and livery stable keepers turnedj To flowers and hope, to Greece and Godf We in our later age have learned / That we are native where

wewalk / Through the dim Streets of CamdenTownf But hpeful still through twice-breathed air/The Ho / y Ghost comes shiningdown.

15]. Кони в оригинале, (n. t.)

|(5]. Rilbbit в оригинале, (n. t.)

j 7]. These like remorse inveterate memoriesf Being of cabbage, are prophetic too / Of future feast when Mrs. Cloudesley Shove / Will still recall lamented

Клаудсли./ Still *Among the moonlit cedars Philomel* Calls back to mind, again, againf the ancient pain, The everlasting pain; / And still inveterately the

haunted air Remembers and foretells that roses were / Red and tomorrow will again be redf But ‘ Cloudesley, Cloudesley! Филомель напрасно / Sobs on the night; for

Cloudesley Shove is dead…

J2]. Древний английский народный танец, в котором статисты обычно изображали легендарных фигур, (n. t.)

12], Oh lark, howyou do fly / Rãght up into the s *y.* How loud he sings / And quickly wags his wingsf The sun does shinej the weather is fine. Отец говорит,

Hark, / F > oyou hear the lark?

110]. Prow after prow The floating shps *Bridge the blue gulph; The roa d is laid.* И Цезарь на пьебе *d horse* P rances with all his cavakadef / Drunk with

their own quick blood they ga/ the waves flash as with seeing yesf The tumbling cliffs mimic their speedj And they have filled the vacant skies с прогулкой

The Sea Winds singing with their shout *Made t tsta's temple on the headland* Spin like a twinkling roundaboutf / The twineà

caduceus in his handj And havinggolden wingsfor spursj Young Caesar dressed as God looks on / And cheers his jol / y mariners; Cheers as they heave from of

the bridge / The trippers from the seaside town *Taughs as they bang The bobbing heads* And shove them bubb *ing doivn to drownf* There sweeps a pirai whirl

of gesture/ From the allegoric s/y:/ Beauty, like conscious lightning, runs *Through Jove's ribbed trunk and Juno's thighf* Slides doivn The flank of Mars and

takes *From Virtue's runp a dipfer twistj Ticks round a cloud and whirling stoops* Larthwards to CaesaFs Iftedfistf *a Burgess tumblesfrom the bridge*

Headlong, and hurrying Beauty S/ ps *From Caesar through the plunging legs* To the blue sea between the shps.

[II]. Dark stirrings in theperfumed air/ Touch your cheeks, iftyour hairf With softer fingers I caressf Sporus, allyour loveliness. Rxmnd as a fruit, tree-tangled, shines *the moon; andfireflies in The vines,* Like stars in a delirious sky, *Glearn and go out. Lnceasing* y/ The fountains foU, соловьи / Sing.

But time Jlows and love avails / Nothing. The Christians smoulder

redf Their brave blue-heartedflames are dead. And you, sweet Sporus, you and If we too

must die, we too must die.

[12] . Древнегреческая спортивная игра, которая состояла из прыжков в длину с отягощениями в руках. (н. т.)

1131 . The Christians by whose muddy light *Dimly, dimly I divine* Your eyes and seeyour pallid beauty / Like a pak nightprimrose shine Colourkss in the

A God who slcwly died that they / Might suffer the less; who bore the pain *of all time in a single dayf* the pain of all men in a single/

WPunded body and sad heartf *Theyellow mable smooth as water* Builds me a Golden House; and there *the mar b* E gods slep in their strength / And the

white Parian girls are fairf / Roses and waxen oleandersf Green grape bunches and the flushed peach, - / All beautful things I taste, touch, seef Knowing,

loving, becoming eachf / The shp went down, my mother swamf I wedded and nryself was wedf Old Claudius died of enperor-banef Old Seneca too shwly

bledf *the wild beast and the victim bothf The ravisher and the wincing bride;* King of the world and fi slave's slavef Terror-haunted, deified - an artist,

The sweet Sporus, an artist *All these I am and needs must be.* Is the tune Lydian? I have lovedyouf And you have heard nry synphony of wailing voices and

clashed brassf With long shrillflutings that supend / Pain o'er a mutteringguf of terrorsf Andpiercing breathlessjoys that end In agony- could I have

made / My song of Furies were the bane *Still sap within the hemlock stalkf The red swords virgin bright again?* Or take a child's love that is all / Worshp,

all tenderness and trustf A dawn-web, deny and fragile-take/ And with the violence of lust Tear and defile it. You shall hear / the breaking dumbness and

The thin/ Harsh crying that is the very music *of shame and the remorse of sinf* Christ died; The artist lives for allf Loves, and his naked marbles stand/

Pure as a column on the skyf Whose Ips, whose breast and thighs demand Not our humiliation, not *the shuddering of an after shame;* And of his agonies

Christmas died, but living Nero turns *Your mute remorse to songy he gires* To idiot fate eyes like a loveFsf And while

его музыка играет, Бог живет.

Ил 41 . Hour after hour the stars/ Move, and the moon towards remoter night *Averts her cheekf Blind now, these gardensyet remember* That there were crimson

peta *s glossy with light,* And their remembrance is this scent of roses. Hour after hour the stars march slmvly onf Andyear byyear nrysteriously the flowers/

Unfold the same bright pattern towards the skyf *Incurious under The streaming starsf Breathing this new yet immemorial perfume* Unmoved, I he along the

tumbled bedf And the two women who are u *y bedfelhwsf Whose breath is sour with wine and their soft bodies* Still hot and rank, slep drunkenly at my side.

Я 151 . There is no future, there is no more past; *Nor roots, nor fruits, but momentary flowers. Lie still, only lie st Hl and night will last* Silent and dark, notfor a

space of hoursj But everlastingjy. Let me forget / AU butyour perfume, every night but thisj the shame, The fruitless meping, The regretf Only lie still; this faint

и тихое блаженство / Shallflower upon the brink of skep and spread

Till there is nothing else butyou and 1 Clasped in a timeless silence. But like one / Who, doomecí

to die, at morning will be deadf I know, though night no dateless, that the sky / Must brighten soon before to-mor row's sun.

n 61 . But when the nextfullmoon imites *New bugaboos and fly-by-nights,* Let us seek out some deep alcovej some immemorial haunt of love./ There well remove

with cakes and wine / And dare The imbecile to shine…

11 71 . По-итальянски в оригинале: "как обмануть эти скучные и медленные / дни жизни, к которым так долго скука / и невыносимый fastio se

объединяйтесь / Отныне я научу вас", (н. т.)

1181 . Through the pale skeleton of woods *Orion walks. The north wind lays* Its cotd lips to The twin Steelflutes *That are hisgun and playsf* Knee-deep hegoes

where, penny wiser *Than all his kind who steal and hoardj Year afteryear, some ylvan miser* his copper wealth has storedf / TheOueen of Love and Beauty

lays / In neighbouring beechen aisles her ba its - *Bread-crumbs and the golden maiyef Patiently she waitsf* And when the unwary pheasant comes / to fill his

painted maw with crumbs, / Accurately the sportingOueen / Takes aim. The bird has хорошо. Secure, Orion walks her wayf The Cyprian loads, presents, makes

огонь./ He falis. TisVenus all entire / Attached to her recumbentprey.

n 91 . Один из первых принципов телемии: "делай, что хочешь" (n. e.)

[20] . I have been in love, in debt and in drink/ This many and mary a year; *And these are three evils too great, one woutd think,* For one poor mortal lo bearf

T was hve that first drove me to drinking, *And drinking frst drove me to debt,* And though I have struggled and struggkd and strovej I cannot get out oj

themyetf There's nothing but money can cure me *And ease me of all NY pain;* 'Twill pay all NY debts and remove all" y lets, / And NY mistress who cannot

will turn to and love me againj Will turn to and love me again.

1211 . На итальянском языке в оригинале: "из нашей жизни, в середине путешествия, / я оказался в мрачных джунглях, *правая сторона которых была сухой.* Иметь

моя дорога потеряна". Данте Алигьери, Божественная комедия, (n. t.)

1221 . На итальянском языке в оригинале: "может быть, вы можете дать мне какое-нибудь указание"" n. t.)

[23], на итальянском языке в оригинале: "он сделал меня Сиеной, он избавил меня от маремы". Данте Алигьери, Божественная комедия, (n. t.)

1241 . Вид игры в шахматы, (n. e.)

1251 . "Пиво в банке Сакса."(н. т.)

1261 . В Англии 5 ноября, когда обычно сжигают куклу, своего рода Иуду. (Н. Т.)

1271 . Персонаж из одноименного произведения Синклера Льюиса. (н. т.)